

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(55)'2016

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2016

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 1 (55). – 213 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2016
© Политическая лингвистика, 2016

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(55)'2016

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Дрожащих Н. В. Тюмень, Россия	Синергетическая трактовка языкового знака	10
Каменева В. А. Кемерово, Россия	Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели	15
Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Аксиологическая доминанта в тексте программной статьи губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «Мобилизация на успех: год 2016»	20
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Манипулятивный компонент и предпосылочное знание в политическом интервью: вопросы и комментарии интервьюера.....	26
Седых А. П. Белгород, Россия	К вопросу об идиополитическом дискурсе В. В. Путина.....	35
Сковородников А. П. Копнина Г. А. Красноярск, Россия	Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия	42
Ян Кэ Гуанчжоу, Китай	Политическая фразеология китайского языка: семантика и функционирование	51

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Баско Н. В. Москва, Россия	Фразеологические неологизмы русского политического дискурса	58
Го Бинь Минск, Беларусь	Исследования политической лингвистики в Китае	66
Данкова Н. С. Пенза, Россия	Стратегия генерализации как средство репрезентации судебной власти (на материале российских и английских печатных СМИ).....	73
Киселева С. В. Сапронов Ю. В. Санкт-Петербург, Россия	Когнитивные операции и их репрезентация в дискурсе о политических партиях.....	82
Корнеева В. А. Екатеринбург, Россия	Спортивные символы как инструмент формирования и трансформации политических идентичностей регионов.....	93
Космодемьянская В. И. Санкт-Петербург, Россия	Стратегии и тактики в аргументативном полемическом дискурсе	99
Кузина О. А. Севастополь, Россия	Фразеологические единицы как средство отражения событий политической жизни на Украине (на материале англоязычных СМИ).....	104
Морозова Н. Н. Нижний Новгород, Россия	Безопасность как речевой акт и дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политической идентичности	111
Патисова Ю. С. Москва, Россия	Образ России и финансовый кризис	121
Солопова О. А. Челябинск, Россия	Значимый «Другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века).....	126

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Акулова М. Е. Каменоломня, Россия	Особенности речевого поведения носителей молодежного мультиэтнлекта Kiezdeutsch (прагмалингвистический аспект).....	136
Матвеева Г. Г. Ростов-на-Дону, Россия		
Григоровская А. В. Тюмень, Россия	Первый американский роман о Советской России: «живое» и «мертвое» в романе Айн Рэнд «Мы живые»	144
Мележик К. А. Симферополь, Россия	Языковая политика и языковая реальность интернационализации университетского сообщества	151
Питолин Д. В. Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Влияние внутренней политики США на формирование оппозиции «свой — чужой» в современной художественной литературе на спанглише и афроамериканском английском	159
Позднякова Ю. А. Верхняя Пышма, Россия	Стратегия соблюдения баланса мнений в публикациях деловой прессы	
Амиров В. М. Екатеринбург, Россия	(на примере газеты «Коммерсант-Урал»)	174
Рябова И. П. Ижевск, Россия	Межкультурная политическая коммуникация и проблемы перевода: концептологический подход	181
Франц С. В., Франц В. А. Екатеринбург, Россия	Метаморфозы войны: молчаливый язык «чистых» событий.....	187

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Харрис А. С. США	Продавай! Покупай! Применение семиолингвистики в печатной рекламе	194
<i>Пер. с англ. К. С. Мещерякова</i>		

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Земцов В. Н. Екатеринбург, Россия	Россия и Франция эпохи Наполеоновских войн в коммуникативной памяти двух стран.....	197
<i>Рец. на моногр.: Нахимова Е. А., Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. — 197 с.</i>		
Комарова З. И. Екатеринбург, Россия	Термины-эпонимы в лингвокультурологическом освещении	200
<i>Рец. на кн.: Какзанова Е. М. Русско-англо-немецкий словарь эпонимических интернационализмов: название и происхождение. От А до Z. — М.: Галлея-Принт, 2015. — 307 с.</i>		
Сиротинина О. Б. Саратов, Россия	Вклад в теорию диахронического развития политической метафоры	205
Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	<i>Рецензия на моногр.: Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 496 с. — (Studia Philologica).</i>	
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		210

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics” 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Drozhashchikh N. V.
Tyumen, Russia Synergetic interpretation of linguistic sign 10

Kameneva V. A.
Kemerovo, Russia Internet commentary on Internet political and cultural English language articles: the communicative purpose 15

Kupina N. A.
Ekaterinburg, Russia Axiological dominant in the text of the program article of the Sverdlovsk Region Governor Evgeny Kuyvashev “Mobilization on success: year 2016” 20

Ruzhentseva N. B.
Ekaterinburg, Russia Manipulative component and preknowledge in political interview: questions and commentaries of the interviewer 26

Sedykh A. P.
Belgorod, Russia On the problem of idiopolitical discourse of V. V. Putin 35

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A.
Krasnoyarsk, Russia Linguistics of information-psychological war: on substantiation and definition of the term 42

Yang Ke
Guangzhou, China Political phraseology of chinese: semantics and functioning 51

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Basko N. V.
Moscow, Russia Phraseological neologisms of Russian political discourse 58

Guo Bin
Minsk, Belarus Political linguistics in China 66

Dankova N. S.
Penza, Russia Generalization strategy as a means of representing judicial power (on the material of Russian and English print media) 73

Kiseleva S. V., Sapronov Y. V.
Saint Petersburg, Russia Cognitive operations and their representation in discourse on political parties 82

Korneeva V. A.
Ekaterinburg, Russia Sports symbols as a means of formation and transformation of political identity of regions 93

Kosmodem'yanskaya V. I.
Saint Petersburg, Russia Strategies and tactics in argumentative polemic discourse 99

Kuzina O. A.
Sevastopol, Russia Phraseological units as a means of representation of political situation in Ukraine (in the modern English mediadiscourse) 104

Morozova N. N.
Nizhny Novgorod, Russia Security as a speech act and discursive practice: on the question of constructing political identity 111

Patisova Y. S.
Moscow, Russia The image of Russia and the financial crisis 121

Solopova O. A.
Chelyabinsk, Russia “The Different” that matters: Russia and America (linguistic political analysis based on the material of American political discourse of the XIXth century) 126

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Akulova M. Y. Simferopol, Russia	Peculiarities of verbal behavior of <i>Kiezdeutsch</i> speakers (pragmalinguistic aspect)	136
Matveyeva G. G. Rostov-on-Don, Russia		
Grigorovskaya A. V. Tyumen, Russia	The first american novel about Soviet Russia: «the living» and «the dead» in Ayn Rand's novel «We the Living»	144
Melezhik K. A. Simferopol, Russia	Language policy and language reality of internationalisation in the university community.....	151
Pitolin D. V., Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	US domestic policy influence on <i>one's own</i> —vs. <i>alien</i> opposition in modern Spanglish and African American fiction	159
Pozdnyakova Y. A. Ekaterinburg, Russia	Strategy of balance of opinions in business press publications	
Amirov V. M. Ekaterinburg, Russia	(on the example of the “Kommersant-Ural” newspaper)	174
Ryabkova I. P. Izhevsk, Russia	Intercultural political communication and translation problems: a conceptological approach	181
Frants S. V., Frants V. A. Ekaterinburg, Russia	Metamorphosis of war: the silent language of “pure” events	187

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Harris A. C. USA	Sell! Buy! Semiolinguistic manipulation in print advertising	194
	<i>Transl. from English by K. S. Meshcheryakov</i>	

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Zemtsov V. N. Ekaterinburg, Russia	Russia and France of the Epoch of Napoleonic Wars in the communicative memory of the two nations	197
Komarova Z. I. Ekaterinburg, Russia	Eponymic terms in linguo-cultural interpretation	200
Sirotnina O. B. Saratov, Russia	Contribution to the theory of diachronic development of political metaphor	205
Chudinov A. P. Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia		
Manuscripts requirements.....		210

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.

Анатолий Прокопьевич Чудинов,

д-р филол. наук, доцент

Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент

Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук

Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'51:81:1
ББК Ю152.223+Ш105.51

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

Н. В. Дрожацих
Тюмень, Россия

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена синергетической трактовке языкового знака в лингвистике и смежных дисциплинах. Опираясь на положения синергетической лингвистики и теории автопоэзиса, в рамках которых язык представляет собой живую, развивающуюся систему стохастической природы, автор обращается к исследованию креативных свойств языкового знака, а именно мотивированности, нелинейности, фрактальности, континуальности и образности. Наличие и проявление данных свойств обуславливает неконвенциональное кодирование информации в поэзии и прозе, схожее с визуальной образностью искусства, и в конечном счете определяет иконический поворот в гуманитарных дисциплинах. Цель статьи — определить условия формирования параметров языкового знака как феномена синергетической природы. Синергетический потенциал языкового знака и его свойств реализуется в сложной лингвокреативной природе когнитивных процессов, лежащих в основе текста и его интерпретации. Креативные свойства знака могут быть использованы как средства создания уникальных перформативных текстов и как средства идеологического воздействия при помощи языка. В креативных текстах, в частности, в креализованных, или иконических текстах, совмещающих разные способы кодирования/декодирования информации, восстанавливаются утраченные связи означающего/означаемого и целостная система образов. Автор показывает, каким образом происходит формирование эмерджентного смысла в когнитивных структурах при объединении языковых знаков в аллитерационных цепочках. Языковой знак при этом предстает как визуальный знак и насыщенный словесный символ, которые формируются на пересечении семиотической и внесемиотической систем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая синергетика; языковой знак; креативный текст; аллитерация; иконический поворот; эмерджентность смысла.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дрожацих Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и перевода, исполняющий обязанности заведующего кафедрой английской филологии и перевода, Институт филологии и журналистики, Тюменский государственный университет; 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10; e-mail: ndro2004@rambler.ru, ndro2012@gmail.com.

Настоящая статья посвящена трактовке языкового знака с позиций современных научных парадигм — синергетической лингвистики и лингвосинергетики [Алефиренко 2008; Герман 2000; Дрожацих 2006а; Köhler 1994; Widgeon 1990]. В рамках данных дисциплин язык предстает как живая, развивающаяся система стохастического характера, принципы функционирования которой схожи с принципами функционирования и развития сложных систем. Актуальность темы статьи обусловлена сменой традиционной системной парадигмы в науке о языке динамической парадигмой и повышенным вниманием лингвистов к неклассической интерпретации языковых явлений. Цель статьи — определить условия формирования параметров языкового знака как феномена синергетической природы.

В рамках классического подхода исследователи придерживаются традиционного представления о единицах языка как двусторонних образованиях, выступающих в сознании носителей языка в качестве заместителей предметов и идей (Ф. де Соссюр). Под означающим знака понимается звуковая оболочка слова; означаемое знака представляет информационное содержание как «схематическое отражение элементов опыта человека, фактов и явлений окружающего его мира» [Уфимцева 1990: 167]. Основоплагающими свойствами знака являются *конвенциональность* — произвольность связи

между означаемым и означающим — и *линейность* — последовательное закрепление результатов категоризации действительности в означающем знака. Означаемое знака связано с его означающим условно, и данная связь может принимать более мотивированный характер (знаки-иконы) и менее мотивированный характер (знаки-символы). Иконический, или изобразительный языковой знак (звукоподражания, звуко-символизм) представляет определенную копию объекта, а знак-символ, или произвольный знак (например, лексема), лишен элементов сходства с объектом. В рамках традиционной стратегии интерпретации языкового знака «прочитывается» большинство текстов. К когнитивным процессам, лежащим в основе таких текстов и их интерпретации, относятся базовые процессы концептуализации, категоризации, символизации. В текстах креативного характера, к которым мы относим аллитерационную поэзию и прозу, зрительную поэзию, креализованные тексты, фильмы и т. д., реализуется синергетическая стратегия интерпретации языкового знака. Сложность интерпретации такого рода текстов существенно возрастает. Когнитивные процессы, лежащие в их основе, осложнены. Восприятие и обработка подобных текстов представляет «вызов» для интерпретатора. Сложность обусловлена одновременным использованием принципиально разных способов кодирования информации — икониче-

ского и конвенционального кодирования. Концептуализация визуальных образов осуществляется иначе, чем концептуализация «вербальных» образов. Визуальный, или иконический знак — это непосредственная образность, взятая в ее целостности, корни которой уходят в архетипические способы концептуализации, где категоризация действительности осуществлялась целостно и континуально, а первичные языковые знаки несли на себе печать аналоговых процессов знакообразования.

В процессе символизации — наделения знака сложным ментальным содержанием — языковое значение «схватывает» только часть концептуального опыта. Соответственно, в языковом знаке может быть выражена только небольшая доля сознательной рефлексии и большая доля бессознательного опыта. В процессах же символизации, т. е. при превращении знака в символ как визуально-отвлеченную сущность, эти элементы аккумулируются, превращая знак в сложное образование символично-иконической природы и глубинного смысла. «Символ — это вещь, обладающая способностью индуцировать состояния сознания, через которые психика индивида включается в определенные содержания (структуры) сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 152]. Цельная языковая структура образна — через нее просвечивает глубинный символ, визуальный архетип. Утрата образности происходит при переходе к линейному письму, когда языковой знак попадает под гнет текста (Ж. Лакан).

В креативных текстах, совмещающих разные способы кодирования/декодирования информации, восстанавливаются утраченные когда-то связи означающего/означаемого и целостная система образов. В них ярко проявляются стохастические свойства — мотивированность, визуальная образность, нелинейность, континуальность, фрактальность, что создает условия для неклассической трактовки языкового знака. Языковые единицы и их значения в таком случае трактуются как феномены креативного хаоса, выражающие спектр континуальных смыслов (В. В. Налимов), имеющие схожую структуру с глубинными слоями бессознательного (Ж. Лакан) и открытые к интерпретации (У. Эко).

В креативных текстах функционируют разные типы знаков. При этом стратегии иконического/конвенционального декодирования пересекаются, создавая креативные когнитивные пространства. Так, рекламный текст включает произвольные знаки естественного языка — слова и высказывания — и

иконические знаки, например, рисунки, фотографии, диаграммы, эмблемы, логотипы, изображения. Произвольные языковые знаки дискретны и линейны. Их совокупность формирует связный текст — синтагму, в которой важна иерархическая последовательность единиц. Для иконических знаков важен не порядок или время следования изображений [Барт 1989: 299], а пространственное сосуществование этих изображений, т. е. нелинейность. Для означаемого такого иконического знака релевантна его соотношенность с культурным кодом, позволяющим читателю расшифровывать информацию. В качестве культурных кодов может выступать любая культурно значимая информация, формирующая иконический концепт (А. А. Загидуллина, Н. В. Иванов, Ж. Н. Маслова, О. В. Николаева), в частности, государственная, национальная, корпоративная символика. При этом иконический знак выступает как средство идеологизации определенных ценностей. Ср., например, товары или продукты, выполненные в зеленом, белом и красном цвете и отсылающие к системе ценностей итальянцев, или спортивную форму синего цвета английского футбольного клуба «Челси», отсылающую к корпоративным ценностям (честность, превосходство, стиль, единство, лидерство, гордость).

Нелинейность языкового иконического знака менее очевидна, но и она реализуется в креативных текстах. При этом конвенциональные языковые единицы при соответствующих условиях могут становиться иконическими знаками, в частности, в аллитерационной поэзии, несущей следы непосредственного кодирования действительности в означаемом знаке. «Изображение» аллитерирующих слогов и звуков осуществляется по горизонтали и вертикали, ср., например, строки древнеанглийской поэмы «Беовульф», где аллитерирующие звуки (w), (f), (h) и другие располагаются в горизонтальной проекции (линейно) и в вертикальной проекции (нелинейно, пространственно).

Wearð him on Heorote tō hand-banan
wæl-gæst wæfre; ic ne wāt hwæder
atol æse wlanc eft-sīðas tēah,
fille gefrægnod. Hēo þā fæhðe wræc,
þe þū gystran niht Grendel cwealdest
þurh hæstne hād heardum clammum,
forþan hē tō lange lēode mīne
wanode ond wyrde. Hē æt wīge gecrang
ealdres scyldig, ond nū oþer cwōm
mihtig mǣn-scaða, wolde hyre

mæg wrecan,

gē feor hafað fæhðe gestæled

«Стал для него в Хеороте убийцей / блуждающий кровожадный дух (мать Грен-

деля). Я не знаю, / горестный труп торжествующая она в какие места утащила, / бесславная. / Она возмездием ответила / на то, как ты прошлой ночью Гренделя убил / жестоким образом, железной хваткой, / потому что он слишком долго моих людей / убивал и уничтожал. Он в битве пал, / поплатившись жизнью; и сейчас другая пришла / могучая, злонамеренная тварь, / хотела за своего сына отомстить, / дальше продолжила вражду против нас» [Beowulf 1989: стр. 1330—1340; подстрочный перевод наш. — Н. Д.].

В иконическом тексте аллитерационного характера, акцентирующем внимание на начальных звуках слова или на ударных слогах полустипхи в древнегерманском стихосложении, линейный порядок следования иконических элементов, в конечном счете, не релевантен. Более важна формируемая изобразительная пространственность, или пространственная нелинейность, приобретающая свое собственное значение. Эта нелинейность означающего сопряжена и с нелинейным характером означаемого — системой ассоциативных образов, формирующейся при реализации смысла иконических текстов. Данные образы являются ассоциативными, поскольку они группируются вокруг узловых лексем текста и продолжают далее, выходя за пределы семантического узла. Целостная система образов, «сгущающихся» вокруг консонантного начала слова в древнем аллитерационном тексте, не имеет смысла вне общей семиотической системы данного текста. Так, в цитированных выше строках англосаксонской эпической поэмы в каждой аллитерирующей строке формируется целостная система означаемых, связанных с консонантным началом слова. Ср. аллитерацию звука (w) в словоформах *wæl-gæst*, *wæfre*, *wlanc*, *wræc*, *wanode*, *wyrde*, *wīge*, *wrecan*, актуализирующих образы *кровожадных духов, мести, уничтожения, войны* (w).

Означаемое данных аллитерирующих лексем может быть легко продолжено в означаемом других лексем с тем же аллитерирующим звуком, формируя цепочки мифопоэтически ассоциированных смыслов. Мифопоэтическое ассоциирование креативно увязывает в единую систему архетипические значения *хаоса, вражды, войны, негативных эмоций, обмана, принуждения, чужих, бессознательного* в аллитерационных цепочках с начальным звуком (w). Вне общей системы знаков такая система означаемых не имеет смысла. При этом организуется перформативный текст, театрализованное действие, где участники становятся зрителями и вовлекаются в сферу образов, формируемых поэтом. Денотативные и коннота-

тивные значения сливаются с означающим и воспроизводят целостную форму [см. Есо 1989: 42]. Визуальная образность языковых иконических знаков или иконических элементов конвенциональных знаков оказывается связанной с такими свойствами языкового знака, как нелинейность означающего и континуальность означаемого.

Визуальный, или иконический элемент произвольного языкового знака может поднимать этот знак до уровня символа, т. е. выводить знак за пределы семиотических систем. В этом случае знаки, отсылающие к «высшей и абсолютно незнаковой сущности» [Лотман 2002а: 211], становятся символами — «семиотическими конденсаторами» информации. Это символы бессознательно (лексема *wood* — *лес*), странствия (*wanderer* — *бродяга*), чужого (*west* — *запад*), означаемое которых «просвечивает» сквозь иконический элемент — начальный звук (w). С другой стороны, данным символом и означаемым противостоят символы устойчивости (*stand* — *стоять*), видения (*see* — *видеть*), успеха (*sun* — *солнце*), реализованные в лексемах с начальным зрительным элементом (s) в стихотворении Дж. Р. Толкиена:

O! Wanderers in the shadowed land
Despair not! For though dark they stand,
All woods there be must end at last,
And see the open sun go past:
The setting sun, the rising sun,
The day's end, or the day begun.
For east or west all woods must fail.

Иконические элементы — начальные звуки (w), (s), (d) являются маркерами континуальных глубинных семантических полей образов, индуцируемых данными элементами. Здесь «содержание иррационально мерцает сквозь выражение и играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический» [Лотман 2002а: 211]. Таким образом формируются аллитерационные или квазиаллитерационные цепочки означающих с аналоговым означаемым, которое вырастает до уровня символа. Квазиаллитерационные цепочки — пространственные нелинейные аккумуляции лексем с одинаковыми начальными согласными — рождают новый эмерджентный смысл. В такого рода примерах хорошо демонстрируется континуальность содержания и вероятностное распределение семантики между означаемыми, формирующими обширную концептуальную сеть. В данной сети элементы связаны между собой не логическими, а символическими отношениями. Последние не всегда поддаются логической интерпретации, что позволяет говорить о вероятностном сцеплении смы-

слов внутри таких систем. Подобные примеры показывают, что принцип мотивированности языкового знака реализуется не только при интерпретации единиц, в которых форма традиционно мотивирована содержанием, но и при интерпретации произвольных знаков и внезнаковых символов как в высшей степени отвлеченных сущностей. Формируется концептуальная сфера, в которой означаемые знаков связаны ассоциативно-метафорическими отношениями. Именно на основе таких аналоговых отношений устроена сфера бессознательного, сновидений, мифопоэтики. Сложный вопрос о том, почему означающие, имеющие одинаковую инициаль, тяготеют к ассоциированию смысла, не решен и не изучен до конца [см. Дрожжих 2006б].

Прочитанный в лингвокреативном ключе, текст «предполагает двойное прочтение, например, бытовое и символическое» [Лотман 2002б: 392]. Ассоциативные связи между ключевыми понятиями эпического мира развертываются в ассоциативные цепочки и образуют аллитерационные ряды [Кравченко 2012]. Возможность реализации такого вероятностного распределения информации существует в системе символических значений языкового знака, не учтенной в толковых лингвистических словарях. Здесь языковой знак предстает как словесный символ, связь между означающим/означаемым которого приобретает особую мотивированность, а система значений отсылает к иррациональной системе смыслов, трудно укладываемых в рамки логических построений. Эта система навязывает языковому знаку структуру, особую семантику и комбинаторику сродни психическим образованиям подсознательной природы, охарактеризованным К. Юнгом как структуры коллективного бессознательного. По всей видимости, можно говорить о фрактальности смысла в таких полях, содержащих в свернутом виде информацию о мире и человеке.

Итак, наблюдения над фактами языковой синергетики позволяют определить параметры языкового знака как образования синергетической природы. К ним относятся вероятностный характер связи означающего/означаемого, континуальность и фрактальность означаемого, возможная мотивированность и нелинейность означающего в иконических текстах. Синергетическая трактовка языкового знака предполагает множественность интерпретации знака, в частности, возможность нелинейной, континуальной, иррациональной, подсознательной и мотивированной интерпретации означаемого знака. Иконический знак, с одной стороны,

представляет кусочек реальности целиком, наглядно, а с другой стороны, является выразителем более сложных символических систем, которые не могут быть выражены иначе, чем посредством иконического кодирования. Ярким примером неконвенциональной трактовки языкового знака выступают древние аллитерационные тексты, несущие следы непосредственного кодирования действительности в означающем знаке. Синергетическая стратегия интерпретации выводит знак за пределы обыденных семиотических систем в иные внезнаковые измерения, где существует вероятностное распределение информации, «размытое поле смысловых значений» [Налимов 1978]. Выдвижение на первый план нелинейных свойств языкового знака позволяет, с одной стороны, объяснить креативные феномены символизации текста, с другой — вскрыть источники мифологизированного идеологически ориентированного текста. Языковой знак при этом предстает как визуальный знак и насыщенный словесный символ, которые формируются на пересечении семиотической и внесемиотической систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставроп. отд-ия РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. — Краснодар, 2008. Вып. 6. С. 20—26.
2. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 1989. С. 297—318.
3. Герман И. А. Лингвосинергетика. — Барнаул : Изд-во Алтайской акад. экономики и права, 2000. 168 с.
4. Дрожжих Н. В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2006а. 256 с.
5. Дрожжих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Барнаул, 2006б. 44 с.
6. Кравченко Е. В. Аллитерационный стих и синкретизм значения слова *sīð* 'путь' в поэтике «Беовульфа» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2012. № 1. С. 137—146.
7. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. — СПб. : Академический проект, 2002а. С. 211—225. (Сер. «Мир искусств»).
8. Лотман Ю. М. Театральный язык и живопись (К проблеме иконической риторики) // Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. — СПб. : Академический проект, 2002б. С. 388—400.
9. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
10. Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1978. 83 с.
11. Уфимцева А. А. Знак языковой // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 167.
12. Beowulf: a Dual-Language Edition : transl. with an introd. and commentary by H. D. Chickering, Jr. — N. Y. : Anchor Books, Doubleday, 1989. 416 p.
13. Eco U. Analysis of Poetic Language // The Open Work / U. Eco ; transl. by A. Cancogni ; with an introd. by D. Robey. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Pr., 1989. P. 24—43.

14. Köhler R. Synergetic Linguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics / R. E. Ascher (ed.). — Oxford : Pergamon Press, 1994. Vol. 8. P. 4454—4455.

15. Wildgen W. Basic Principles of Self-organization in Language // Synergetics of Cognition. — London ; Paris ; Tokyo ; Hong Kong : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990. P. 415—426.

N. V. Drozhashchikh
Tyumen, Russia

SYNERGETIC INTERPRETATION OF LINGUISTIC SIGN

ABSTRACT. *The article is devoted to the synergetic interpretation of linguistic signs in linguistics and related sciences. On the basis of principal positions of synergetic linguistics and the theory of autopoiesis which treat language as a living developing system of stochastic nature, the author analyzes creative qualities of the linguistic sign, such as motivation, non-linearity, fractality, continuity and imagery. The existence and manifestation of the given properties brings about unconventional information encoding similar to visual imagery of art in poetry and prose and, in the long run, defines the iconic turn in the humanities. The aim of the paper is to determine the conditions of formation of the qualities of the linguistic sign as a synergetic phenomenon. The synergetic potential of the linguistic sign and its properties are realized in the complex linguo-creative nature of cognitive processes, which underlie the text and its interpretation. The creative qualities of a sign can be used as a means of generating unique performative texts or as a means of ideological influence. In creative texts and, in particular, in creolized or iconic texts combining various methods of encoding and decoding of information the lost links between signifier / signified and the whole system of images are restored. The author demonstrates the way in which a new emerging meaning appears in cognitive structures when linguistic signs are linked together in alliterative chains. The linguistic sign appears to be a visual sign and highly «condensed» verbal symbol, which is formed on the intersection of semiotic and non-semiotic systems.*

KEYWORDS: language synergetics; linguistic sign; creative text; alliteration; iconic turn; emergence of meaning.

ABOUT THE AUTHOR: Drozhashchikh Nataliya Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Philology and Translation, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Diskursivnaya sinergetika «zhivogo» slova // Yazyk. Tekst. Diskurs : nauch. al'manakh Stavrop. otd-ya RALK / pod red. prof. G. N. Manaenko. — Krasnodar, 2008. Vyp. 6. S. 20—26.
2. Bart R. Ritorika obraza // Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika / R. Bart ; per. s fr., vstup. st. i komment. G. K. Kosikova. — M. : Progress, 1989. S. 297—318.
3. German I. A. Lingvosinergetika. — Barnaul : Izd-vo Altayskoy akad. ekonomiki i prava, 2000. 168 s.
4. Drozhashchikh N. V. Sinergeticheskaya model' integratsii ikonicheskikh edinits raznykh urovney. Diakhroniya. — Tyumen' : Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2006a. 256 s.
5. Drozhashchikh N. V. Sinergeticheskaya model' ikonicheskogo prostranstva yazyka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Barnaul, 2006b. 44 s.
6. Kravchenko E. V. Alliteratsionnyy stikh i sinkretizm znacheniya slova sīd 'put' v poetike «Beovul'fa» // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 2012. № 1. S. 137—146.
7. Lotman Yu. M. Simvol v sisteme kul'tury // Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva / Yu. M. Lotman. — SPb. : Akademicheskii proekt, 2002a. S. 211—225. (Ser. «Mir iskusstv»).

8. Lotman Yu. M. Teatral'nyy yazyk i zhivopis' (K probleme ikonicheskoy ritoriki) // Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva / Yu. M. Lotman. — SPb. : Akademicheskii proekt, 2002b. S. 388—400.
9. Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 224 s.
10. Nalimov V. V. Nepreryvnost' protiv diskretnosti v yazyke i mysh-lenii. — Tbilisi : Izd-vo Tbilis. un-ta, 1978. 83 s.
11. Ufimtseva A. A. Znak yazykovoy // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 167.
12. Beowulf: a Dual-Language Edition : transl. with an introd. and commentary by H. D. Chickering, Jr. — N. Y. : Anchor Books, Doubleday, 1989. 416 p.
13. Eco U. Analysis of Poetic Language // The Open Work / U. Eco ; transl. by A. Cancogni ; with an introd. by D. Robey. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Pr., 1989. P. 24—43.
14. Köhler R. Synergetic Linguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics / R. E. Ascher (ed.). — Oxford : Pergamon Press, 1994. Vol. 8. P. 4454—4455.
15. Wildgen W. Basic Principles of Self-organization in Language // Synergetics of Cognition. — London ; Paris ; Tokyo ; Hong Kong : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990. P. 415—426.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко.

В. А. Каменева
Кемерово, Россия

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ К АНГЛОЯЗЫЧНЫМ СТАТЬЯМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ТЕМАТИКИ. КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕЛИ

АННОТАЦИЯ. В данной статье приведены результаты обзора научно-исследовательских работ, посвященных изучению комментария в жанроведении. Рассмотрено, какие аспекты интернет-комментария чаще всего попадают в поле зрения ученых в России. В статье проанализированы комментарии к интернет-статьям политической и культурной тематики, дан сравнительный анализ их коммуникативных целей. Основной целью исследования ставилась идентификация инвариантных коммуникативных целей комментария к интернет-статье. Было доказано, что выражение оценки можно рассматривать главной инвариантной коммуникативной целью интернет-комментария независимо от тематики статьи-стимула. При этом было установлено, что интернет-комментарий к политической статье характеризуется неизменно негативной оценкой. Оценка интернет-комментария к статьям культурной тематики не имеет фиксированного характера. Сопоставительный анализ комментариев к англоязычным интернет-статьям политической и культурной тематики также позволил определить вариации в иерархии коммуникативных целей интернет-комментария в зависимости от тематики статьи-стимула. При выполнении исследования применялся понятийно-терминологический аппарат и методы теории жанроведения и теории интернет-коммуникации. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего развития теории веб-жанроведения, для оптимизации анализа эффективности работы СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: веб-жанроведение; веб-жанр; интернет-статья; интернет-комментарий; политический комментарий; жанровые характеристики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6404; e-mail: russia_science@mail.ru.

Вопросы, касающиеся жанровых особенностей интернет-комментария, рассматриваются зарубежными учеными на протяжении 20 лет. Разработкой данной проблематики отечественные лингвисты стали заниматься в последние пять лет. Обзор научной литературы по данному вопросу позволил сделать вывод о том, что, во-первых, в отечественном языкознании преобладают работы, связанные с изучением дифференциальных жанрообразующих особенностей комментария как такового. Во-вторых, было установлено, что работы, посвященные изучению интернет-комментария, фокусируются, как правило, на каком-то одном из аспектов текстов данной жанровой принадлежности. Например, на сюжетном или стилистическом аспекте речевых произведений данного жанра [Сидорова 2014; Стексова 2013; Стексова 2014а] или на аспекте порождения и восприятия интернет-комментариев [Савельева 2013]. В-третьих, в работах, посвященных интернет-комментариям, наиболее актуальны методологические вопросы, связанные с тем, какими приемами, методами анализировать подобный жанр, какие выбирать подходы к его изучению, какой понятийно-терминологический аппарат [Степанова 2013]. Появляются работы, выполненные на материале различных языков, что со временем позволит теории виртуального жанроведения [Crowston 2000; Dillon 2000; Eissen 2004; Killoran 2006; Miller 2003; Shepard 1998] перейти на новую стадию обобщения [Кошель 2013; Сидорова 2014; Стексова 2014б].

Согласно имеющимся теоретико-практическим данным, интернет-комментарий в ос-

новном преследует две коммуникативные цели: выражение оценки описываемых в статье людей, их действий или событий [Сидорова 2014] и прескрипцию [Стексова 2014]. Закономерно возникает вопрос о том, насколько эти данные можно экстраполировать на интернет-комментарии к статьям-стимулам различной тематики. Иными словами, будет ли наблюдаться подобная инвариантность коммуникативных целей в зависимости от тематики статей, к которым дается комментарий? В этой связи в данном исследовании нами ставились следующие задачи: установить, какие коммуникативные цели имеют интернет-комментарии на английском языке к статьям политической тематики, и идентифицировать, какие коммуникативные цели имеют интернет-комментарии на английском языке к статьям культурной тематики. Не случайно были выбраны политика и культура. Как известно, политика всегда идеологически ангажирована, а следовательно, и оценочна. Как правило, эти оценки навязываются, насаждаются доминирующей социальной группой или классом. В то время как культура основывается на общечеловеческих ценностях, которые, как правило, социально одобряемы и разделяются большинством представителей [Каменева 2007; Каменева 2013].

Для установления иерархии коммуникативных целей комментария к статьям политической тематики методом сплошной выборки были отобраны 200 комментариев. В ходе анализа были установлены следующие коммуникативные цели англоязычных интернет-комментариев к статьям политиче-

ской тематики: выражение оценки (87 из 200); репрезентация или описание некоторого положения дел (65 из 200); прескрипция (47 из 200); возложение обязательств на себя (1 из 200).

Как видно из приведенных данных, коммуникативные цели интернет-комментариев на английском языке к статьям политической тематики демонстрируют иерархию коммуникативных целей, которая несколько отличается от признанной за интернет-комментариями на русском и французском языках. Проведенный анализ позволил подтвердить, что интернет-комментарии очень экспрессивны и содержат оценочную лексику, позволяющую четко понять отношение автора комментария к содержанию статьи-стимула. У всех интернет-комментариев к статьям политической тематики был отмечен отрицательный вектор оценок. В комментариях содержатся оценочные слова, слова с негативными коннотациями, слова и фразы с негативной семантикой. Приведем примеры: *the most corrupt* (самый коррумпированный); *the most deceitful* (самый лживый); *the most incompetent* (наименее компетентный); *after 6 failed years* (спустя 6 провальных лет); *destroy our relationships* (разрушить наши отношения); *a waste of tax payer money* (напрасная трата денег налогоплательщиков); *wasting our money* (тратя впустую наши деньги); *village idiot* (местный деревенский дурачок); *stupid people* (глупые люди); *fools* (дураки); *nauseating* (тошнотворный); *disgusting* (отвратительный); *illegal* (незаконный); *thugs* (головорезы); *criminals* (преступники); *threats* (угрозы); *problems* (проблемы); *the poorest countries* (самые бедные страны); *poor* (бедный).

Второе место в иерархии коммуникативных целей интернет-комментариев на английском языке к статьям политической тематики занимает репрезентация или описание некоторого положения дел (65 из 200). Как правило, в интернет-комментариях дается информация о статьях закона или поправках к нему, о деньгах налогоплательщиков, потраченных политическими деятелями, о фактах биографий политических деятелей: сроках их работы в должностях, карьерных вехах и т. д. Приведем примеры.

1. *The trips to Hawaii cost the taxpayer about \$16,000,000 and it was estimated that the last Africa trip cost about \$100,000,000!* (Поездки на Гавайские острова обошлись налогоплательщикам в 16 миллионов долларов. Было подсчитано, что последняя поездка в Африку стоила около 100 миллионов долларов.)

2. *The effort to remove the natural-born citizen requirement from the U.S. Constitution actually began in 1975.* (В действительности, первая

попытка исключить раздел из статьи Конституции США, гласящий, что только гражданин США по праву рождения может быть избран президентом, была предпринята в 1975 году.)

3. *Hotel accommodations for First Lady Michelle Obama's two-day trip to Cambodia required 85 rooms and cost taxpayers \$242,500, according to a government contract released Friday.* (Согласно опубликованной правительством в пятницу информации, стоимость 85 номеров в отеле, где проживала первая леди (Мишель Обама) в Камбодже в течение двух суток, составила 242 500 долларов налогоплательщиков.)

4. *Obama had visited Kenya multiple times before entering politics and in 2006 as a US senator.* (Обама много раз посещал Кению до начала своей политической карьеры и в 2006 году — уже в качестве сенатора США.)

На третьем месте в иерархии коммуникативных целей интернет-комментариев на английском языке к статьям политической тематики находится прескрипция. Комментаторы напрямую обращаются к политике, о котором идет речь в статье-стимуле, к правительству своей страны, к средствам массовой информации, к гражданам своей страны или всем читателям. Приведем несколько примеров.

1. *Please stay in Kenya, Mr. President. It is best for both, Kenya and America if you don't return.* (Мистер президент, пожалуйста, останьтесь в Кении! Будет лучше и для Кении, и для Америки, если вы не вернетесь!)

2. *Hillary for president of Turkey!* (Хиллари в президенты Турции!)

3. *Media, journalist, please be honest and report the actual happenings in this election cycle.* (Средства массовой информации, журналисты, пожалуйста, честно освещайте все то, что касается избирательной кампании.)

Рассмотрим, какие коммуникативные цели имеют интернет-комментарии на английском языке к статьям культурной тематики. Для установления иерархии коммуникативных целей комментария к статьям культурной тематики также методом сплошной выборки были отобраны 200 комментариев. Согласно полученным данным, в иерархии коммуникативных целей на первом месте идет выражение оценки, затем репрезентация или описание некоторого положения дел и на последнем месте — прескрипция. Обратимся к первой из указанных коммуникативных целей — выражению оценки (129 из 200). Интернет-комментарии на английском языке к статьям культурной тематики в 123 из 129 случаев содержат оценочные слова, слова с негативными коннотациями, слова и фразы с негативной семантикой. Приведем

примеры: *She wasted 100 gallons of paint!* (Она понапрасну истратила 100 галлонов краски!); *a mess* (грязь); *Can't stand that song* (не выношу эту песню); *What a horrid song* (Какая ужасная песня); *Could have been much worse* (могло быть еще хуже); *drives me nuts* (сводит меня с ума); *idiotic* (дурацкий, идиотский); *corpse* (труп); *masochist* (мазохист); *sad* (грустный); *insane* (сумасшедший); *horror* (ужас) (все примеры, приводимые в работе, взяты из интернет-комментариев к указанным в списке статьям).

Из 129 были отмечены только 7 комментариев, выражающих положительную оценку. Например: *It's nice to know there are still stations, somewhere that actually have live DJs in the station* (отрадно знать, что еще есть радиостанции, где работают ди-джеи). Полученные данные позволяют говорить об отличии в оценочности между комментариями к статьям политической и культурной тематики.

На втором месте в иерархии коммуникативных целей стоит репрезентация или описание некоторого положения дел (42 из 200). Как показал анализ, в комментариях к интернет-статьям культурной тематики приводится информация, касающаяся общеизвестных фактов из культуры в общем или жизни социума. Приведем несколько примеров: *The building belongs to the person who paid for it* (здание принадлежит тому, кто заплатил за него); *This is just a radio stunt that has been used for decades, only difference is the song choice* (этот прием десятилетиями используется радиостанциями, отличаются только песни).

Завершает список коммуникативных целей интернет-комментария на английском языке к статьям культурной тематики прескрипция (29 из 200). Согласно полученным данным, составители комментариев обращаются к различным адресатам: герою статьи-стимула, его близкому окружению, коллегам и руководству, читателям статьи. Приведем несколько примеров: *get a few more gallons of paint and pour over them!* (найдите еще несколько галлонов краски и вылейте краску на них!); *Just pour paint down the side of another building* (Просто облейте краской другое здание); *He should of course be fired* (он, конечно же, должен быть уволен); *he should be publicly flogged, humiliated, and thrown in jail* (он должен быть публично выпорот, унижен и брошен в тюрьму); *Fire him* (Увольте его); *He should be barred from ever working in radio again* (ему должны запретить когда-либо снова работать на радиостанции); *Keep calm and wait patiently* (сохраняйте спокойствие и терпеливо ждите); *Do it again* (Сделайте это снова).

Сопоставление полученных нами данных с результатами, опубликованными другими исследователями, позволило сформулировать следующие выводы. Во-первых, выражение оценки может считаться инвариантной коммуникативной целью интернет-комментария независимо от тематики статьи. Во-вторых, оценочность интернет-комментария может варьироваться в зависимости от тематики статьи-стимула. Комментарии к статьям политической тематики имеют только отрицательную оценочность, в то время как комментарии к статьям культурной тематики имеют как отрицательную, так и положительную оценочность. Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что тематика статей-стимулов может выступать определяющим фактором в дифференциации характера оценки и степени ее выраженности.

В-третьих, в англоязычных интернет-комментариях независимо от тематики наблюдается фиксированная иерархия коммуникативных целей: на первом месте идет выражение оценки, далее репрезентация и прескрипция.

Данные, полученные в ходе предпринятого исследования, позволяют наметить следующие перспективы. В настоящее время нет примеров комплексного анализа композиционной специфики интернет-комментария и нет исследований когезии и когерентности интернет-комментариев. Данные научные изыскания позволят качественно дополнить теорию веб-жанроведения.

ИСТОЧНИКИ (СТАТЬИ-СТИМУЛЫ)

1. Ted Cruz's campaign: 'Obama wants your guns' by Michael Walsh Jan. 6, 2016. URL: <https://www.yahoo.com/politics/ted-cruz-campaign-obama-wants-your-guns-213406276.html> (date of access: 15.01.2016).
2. Rubio is not a Republican Obama. And that's his problem by Matt Bai. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/rubio-is-not-a-republican-obama-and-thats-his-161955503.html> (date of access: 15.01.2016).
3. Why Hillary Clinton's online persona doesn't connect with minorities by Alyssa Bereznak. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/why-hillary-clintons-online-persona-doesnt-145508124.html> (date of access: 10.01.2016).
4. Obama plans first presidential trip to Kenya, father's homeland by Andrew Beatty. March 30, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/obama-travel-kenya-july-white-house-140526771.html> (date of access: 10.01.2016).
5. 'Zombie Nativity' man challenges Ohio zoning violation case by Dan Sewell. Jan. 5, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/zombie-nativity-man-pleads-not-guilty-ohio-zoning-194453175.html> (date of access: 10.01.2016).
6. Austrian radio jockey punished for playing 'Last Christmas' 24 times by Shadia Nasralla. Dec. 23, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/austrian-radio-jockey-punished-playing-last-christmas-24-124644997-rah.html> (date of access: 10.01.2016).
7. Detroit artist sues to protect enormous mural on building. The Associated Press. Jan. 6, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/detroit-artist-sues-protect-enormous-mural-building-192632015.html> (date of access: 10.01.2016).
8. Ted Cruz's campaign: 'Obama wants your guns' by Michael Walsh Jan. 6, 2016. URL: <https://www.yahoo.com/politics/ted-cruz-campaign-obama-wants-your-guns-213406276.html> (date of access: 15.01.2016).

9. Rubio is not a Republican Obama. And that's his problem by Matt Bai. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/rubio-is-not-a-republican-obama-and-thats-his-161955503.html> (date of access: 15.01.2016).

10. Why Hillary Clinton's online persona doesn't connect with minorities by Alyssa Bereznak. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/why-hillary-clintons-online-persona-doesnt-145508124.html> (date of access: 10.01.2016).

11. Obama plans first presidential trip to Kenya, father's homeland by Andrew Beatty. March 30, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/obama-travel-kenya-july-white-house-140526771.html> (date of access: 10.01.2016).

12. 'Zombie Nativity' man challenges Ohio zoning violation case by Dan Sewell. Jan. 5, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/zombie-nativity-man-pleads-not-guilty-ohio-zoning-194453175.html> (date of access: 10.01.2016).

13. Austrian radio jockey punished for playing 'Last Christmas' 24 times by Shadia Nasralla. Dec. 23, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/austrian-radio-jockey-punished-playing-last-christmas-24-124644997-rah.html> (date of access: 10.01.2016).

14. Detroit artist sues to protect enormous mural on building. The Associated Press. Jan. 6, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/detroit-artist-sues-protect-enormous-mural-building-192632015.html> (date of access: 10.01.2016).

ЛИТЕРАТУРА

15. Каменева В. А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2007.

16. Каменева В. А. Манипуляция и/или пропаганда? Функциональные особенности социальной рекламы // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 35—39.

17. Кошель П. В. Французский интернет-комментарий как речевой жанр // Проблемы речевого воздействия в современной романистике. — М., 2013. С. 80—90.

18. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2014.

V. A. Kameneva
Kemerovo, Russia

INTERNET COMMENTARY ON INTERNET POLITICAL AND CULTURAL ENGLISH LANGUAGE ARTICLES: THE COMMUNICATIVE PURPOSE

ABSTRACT. *The article presents a review of scientific papers on the study of commentary in the genre studies. The author defines what aspects of Internet commentaries more often attract the attention of scholars in Russia. The article analyzes commentaries on Internet political and cultural articles and provides a comparative analysis of their communicative purposes. The main objective of the current research was to identify invariant communicative purposes of commentaries on Internet articles. The author proves that the expression of the reader's opinion may be regarded as the main invariant communicative purpose of Internet commentaries regardless of the topic of the article. It has been revealed that Internet commentaries on political articles are inevitably characterized by negative evaluation, while Internet commentaries on cultural articles have no fixed nature. Comparative analysis of commentaries on Internet political and cultural English language articles also allowed the author to identify and analyze changes in communicative purposes hierarchy depending on the topic of the article. The research was carried out using the terminology and methods of genre studies and Internet communication theory. The obtained results can be used for further development of the theory of web genre studies and for the optimization of analysis of mass media effectiveness.*

KEYWORDS: *web genre studies; web genre; Internet article; Internet commentary; political commentary; genre peculiarities.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

REFERENCES

1. Ted Cruz's campaign: 'Obama wants your guns' by Michael Walsh Jan. 6, 2016. URL: <https://www.yahoo.com/politics/ted-cruz-campaign-obama-wants-your-guns-213406276.html> (date of access: 15.01.2016).

2. Rubio is not a Republican Obama. And that's his problem by Matt Bai. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/rubio-is-not-a-republican-obama-and-thats-his-161955503.html> (date of access: 15.01.2016).

3. Why Hillary Clinton's online persona doesn't connect with minorities by Alyssa Bereznak. Dec. 31, 2015. URL : <https://www.yahoo.com/politics/why-hillary-clintons-online-persona-doesnt-145508124.html> (date of access: 10.01.2016).

4. Obama plans first presidential trip to Kenya, father's homeland by Andrew Beatty. March 30, 2015. URL : <http://news.yahoo.com/obama-travel-kenya-july-white-house-140526771.html> (date of access: 10.01.2016).

19. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстопроявления и текстопорождения: лингвоперсоналогический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2013.

20. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014а. №1—2 (9—10). С. 81—88.

21. Стеклова Т. И. Дискурсивные практики языковой игры в ироничных интернет-комментариях // Лингвистика креатива — 3. — Екатеринбург, 2014б. С. 303—315.

22. Стеклова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77—81.

23. Степанова Л. Н. Комментарий в современном информационно-коммуникативном пространстве: перспективы лингвистического исследования // Современная филология. — Уфа, 2013. С. 94—97.

24. Crowston K., Williams M. Reproduced and Emergent Genres of Communication on the World Wide Web // The Information Society / Taylor & Francis Inc., 2000. Vol. 6. P. 201—215.

25. Dillon A., Gushrowski B. A. Genre and the Web: is the Personal Home Page the First Uniquely Digital Genre? // Journ. of the American Society for Information Science / John Wiley & Sons, Ltd. 2000. Vol. 51, № 2. P. 202—205.

26. Eissen S., Stein B. Genre Classification of Web Pages: User Study and Feasibility Analysis // Advances in Artificial Intelligence / S. Biundo, T. Fruhwirth, G. Palm (eds.). — Berlin : Springer, 2004. P. 256—269.

27. Killoran J. B. Self-published Web resumes — Their purposes and their genre systems // Journ. of Business and Technical Communication. — N. Y. : Sage Publications, 2006. Vol. 20, Iss. 4. P. 425—459.

28. Miller H., Arnold J. Self in Web Home Pages: Gender, Identity and Power in Cyberspace // Towards Cyber Psychology: Mind, Cognitions and Society in the Internet Age. — Amsterdam : IOS Press, 2003. P. 73—94.

29. Shepard M., Watters C. R. The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE Computer Society Press, 1998, P. 97—109.

news.yahoo.com/obama-travel-kenya-july-white-house-140526771.html (date of access: 10.01.2016).

5. 'Zombie Nativity' man challenges Ohio zoning violation case by Dan Sewell. Jan. 5, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/zombie-nativity-man-pleads-not-guilty-ohio-zoning-194453175.html> (date of access: 10.01.2016).

6. Austrian radio jockey punished for playing 'Last Christmas' 24 times by Shadia Nasralla. Dec. 23, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/austrian-radio-jockey-punished-playing-last-christmas-24-124644997-rah.html> (date of access: 10.01.2016).

7. Detroit artist sues to protect enormous mural on building. The Associated Press. Jan. 6, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/detroit-artist-sues-protect-enormous-mural-building-192632015.html> (date of access: 10.01.2016).

8. Ted Cruz's campaign: 'Obama wants your guns' by Michael

Walsh Jan. 6, 2016. URL: <https://www.yahoo.com/politics/ted-cruz-campaign-obama-wants-your-guns-213406276.html> (date of access: 15.01.2016).

9. Rubio is not a Republican Obama. And that's his problem by Matt Bai. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/rubio-is-not-a-republican-obama-and-thats-his-161955503.html> (date of access: 15.01.2016).

10. Why Hillary Clinton's online persona doesn't connect with minorities by Alyssa Berezna. Dec. 31, 2015. URL: <https://www.yahoo.com/politics/why-hillary-clintons-online-persona-doesnt-145508124.html> (date of access: 10.01.2016).

11. Obama plans first presidential trip to Kenya, father's homeland by Andrew Beatty. March 30, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/obama-travel-kenya-july-white-house-140526771.html> (date of access: 10.01.2016).

12. 'Zombie Nativity' man challenges Ohio zoning violation case by Dan Sewell. Jan. 5, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/zombie-nativity-man-pleads-not-guilty-ohio-zoning-194453175.html> (date of access: 10.01.2016).

13. Austrian radio jockey punished for playing 'Last Christmas' 24 times by Shadia Nasralla. Dec. 23, 2015. URL: <http://news.yahoo.com/austrian-radio-jockey-punished-playing-last-christmas-24-124644997-rah.html> (date of access: 10.01.2016).

14. Detroit artist sues to protect enormous mural on building. The Associated Press. Jan. 6, 2016. URL: <http://news.yahoo.com/detroit-artist-sues-protect-enormous-mural-building-192632015.html> (date of access: 10.01.2016).

15. Kameneva V. A. Lingvokognitivnye sredstva vyrazheniya ideologicheskoy prirody publitsisticheskogo diskursa (na materiale amerikanskoy pressy) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Kemerovo, 2007.

16. Kameneva V. A. Manimulyatsiya i/ili propaganda? Funktsional'nye osobennosti sotsial'noy reklamy // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 35—39.

17. Koshel' P. V. Frantsuzskiy internet-kommentariy kak rechevoy zhanr // Problemy rechevogo vozdeystviya v sovremennoy romanistike. — M., 2013. S. 80—90.

18. Sidorova I. G. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sayt, blog, sotsial'naya set', kommentariy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2014.

19. Savel'eva I. V. Variativnost' strategiy tekstovospriyatiya i tekstoporozhdeniya: lingvopersonologicheskii aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentariy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2013.

20. Steksova T. I. Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost' // Zhanry rechi. 2014a. № 1—2 (9—10). S. 81—88.

21. Steksova T. I. Diskursivnye praktiki yazykovoy igry v ironichnykh internet-kommentariyakh // Lingvistika kreativa — 3. — Ekaterinburg, 2014b. S. 303—315.

22. Steksova T. I. Rechevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noy napryazhennosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3. S. 77—81.

23. Stepanova L. N. Kommentariy v sovremennom informatsionno-kommunikativnom prostranstve: perspektivy lingvisticheskogo issledovaniya // Sovremennaya filologiya. — Ufa, 2013. S. 94—97.

24. Crowston K., Williams M. Reproduced and Emergent Genres of Communication on the World Wide Web // The Information Society / Taylor & Francis Inc., 2000. Vol. 6. P. 201—215.

25. Dillon A., Gushrowski B. A. Genre and the Web: is the Personal Home Page the First Uniquely Digital Genre? // Journ. of the American Society for Information Science / John Wiley & Sons, Ltd. 2000. Vol. 51, № 2. P. 202—205.

26. Eissen S., Stein B. Genre Classification of Web Pages: User Study and Feasibility Analysis // Advances in Artificial Intelligence / S. Biundo, T. Fruhwirth, G. Palm (eds.). — Berlin : Springer, 2004. P. 256—269.

27. Killoran J. B. Self-published Web resumes — Their purposes and their genre systems // Journ. of Business and Technical Communication. — N. Y. : Sage Publications, 2006. Vol. 20, Iss. 4. P. 425—459.

28. Miller H., Arnold J. Self in Web Home Pages: Gender, Identity and Power in Cyberspace // Towards Cyber Psychology: Mind, Cognitions and Society in the Internet Age. — Amsterdam : IOS Press, 2003. P. 73—94.

29. Shepard M., Watters C. R. The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE Computer Society Press, 1998, P. 97—109.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ТЕКСТЕ ПРОГРАММНОЙ СТАТЬИ
ГУБЕРНАТОРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЕВГЕНИЯ КУЙВАШЕВА «МОБИЛИЗАЦИЯ НА УСПЕХ: ГОД 2016»**

АННОТАЦИЯ. На основе лингвоаксиологического анализа текста программной статьи губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «Мобилизация на успех: год 2016» отмечены формы реализации стратегии партнерства с целевой аудиторией — читателями многотиражной «Областной газеты». Описаны средства диалогизации: автор обращается к читателям от первого лица, активно использует речевые формулы совместности, адресные вопросы, призывы к конструктивному обмену мнениями. В ходе анализа выявлена опирающаяся на национальную идентичность аксиологическая доминанта текста — идея гражданской общности, — предполагающая спланированную созидательную деятельность с установкой на успех, координацию государственной власти и самоуправления. Показано, как при поддержке разветвленной внутритекстовой парадигмы слов, в значении которых закреплена сема общности, и парадигмы номинаций базовых духовно-нравственных ценностей формируется содержание взаимосвязанных идеологем единой власти и государственности. Содержание идеологемы «партия» развивается в составе неравноценного сопоставления «„Единая Россия“ — разные партии». Исследовано лежащее в основе политической платформы губернатора непротиворечивое сочетание социоцентризма и персонализма, проявляющееся в соотношении ценностных понятий коллективного созидательного труда и лидерства. Особое внимание уделено региональной специфике программной статьи: выявлена аксиологическая маркированность использованных в тексте топонимов — средств создания целостного образа уральского пространства, одновременно транслирующих актуальные социокультурные смыслы; описаны языковые единицы, способствующие манифестации опорных понятий, составляющих фундамент предложенной губернатором концепции регионально значимой промышленной политики. Обобщаются социоцентрические аксиологические мотивы, содержащиеся в личных и коллективных откликах на статью Евгения Куйвашева.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологическая доминанта; аксиологически маркированная лексика; менталитет; персонализм; социоцентризм; ценности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

«Областная газета» — общественно-политическое издание, учредителями которого являются губернатор Свердловской области и Законодательное собрание Свердловской области — регулярно знакомит читателей с основами политических, экономических, социальных, культурных проектов, которые разрабатываются и реализуются на территории области. Редакция внедряет практики формирования обратной связи между представителями власти и жителями Среднего Урала (рубрики «Прямая линия», «Главы о главном»). Анализируемый текст — третья программная статья губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева, опубликованная «Областной газетой» 21 января 2016 г. Две предыдущие — «Сохраним опорный край Державы!» (20 марта 2014 г.) и «Больше народовластия, больше дела» (17 апреля 2014 г.). Жанр газетной статьи позволяет губернатору реализовать «стратегию партнерства», которая проявляется в «создании эффекта интерактивности» [Кормилицына 2012: 222]. Целевой адресат — читатели газеты, жители Свердловской области, которых губернатор призывает включиться в активное обсуждение намеченной им программы: принять участие в диалоге, разговоре, ответить на поставленные вопросы.

Программные установки излагаются от первого лица. Евгений Куйвашев прямо обо-

значает свой ролевой статус и партийную принадлежность: **Я, как глава региона, поддерживаю партию «Единая Россия»... Я-позиция** (показатели — местоимение и / или форма первого лица глагола) передается в высказываниях, содержание которых позволяет составить целостное представление об авторе статьи. Он предстает как человек вдумчивый, погруженный в аналитическую работу (**Я много размышлял в эти дни, анализировал год прошедший — что удалось сделать, а что нет**); способный по достоинству оценить весомые результаты жизнедеятельности региона (**Прошлый год, отмечу, <...> был ознаменован серьезными достижениями в сфере развития транспортной инфраструктуры; Особо хочу отметить открытие в Екатеринбурге «Ельцин-Центра»**); инициативный руководитель (<...> **работа... ведется по моему заданию**), учитывающий коллективное мнение жителей области, опирающийся на видение ситуации изнутри (**...Я прошу своих читателей подумать, а позже ответить на вопрос, который сформулирую так: в чем сила нашей территории, города, района, села?**).

Стратегия партнерства обнаруживает себя в интерпретации совместной деятельности — интеллектуальной и практической — как данности. Субъекты деятельности — жители Свердловской области, одним из кото-

рых является губернатор: <...> *начинается год, и каждый из нас с надеждой и тревогой думает о предстоящем времени <...> как будем жить дальше?* Губернатор убеждает массового адресата в том, что предлагаемая перспективная программа ориентирована на каждодневные потребности и ценностные ожидания уральцев — всех и каждого. Он ставит соответствующую задачу: <...> *разработать единый план территориального развития области, <...> чтобы уральцы могли на годы вперед планировать свою жизнь — люди должны знать всё и о работе, и о качестве жизни в конкретных территориях.* Имеющиеся в тексте призывы мобилизуют на сотрудничество равных. Например: **Вместе обсудим этот документ, наши планы; Вместе вспомним прошлое и заглянем в будущее; Вместе реализуем задуманное.** В тексте формируется устойчивая смысловая перекличка: «коллективный созидательный труд» / «качество жизни». В одну внутритекстовую парадигму объединяются аксиологически маркированные лексемы *жить, житель, жизнь* и связанные с ними номинации *жилье, дом, квартира, люди, дети, детские сады, школы*. Личное органически сочетается с общественным.

Аксиологическая доминанта — социоцентрическая идея гражданской общности, предполагающая «совершение действия для общего блага» [Бартминьский 2015: 364], совместно спланированного действия с установкой на успех. Востребованная в наши дни ценностная ориентация прямо выражается в заголовке, «привлекающем максимальное внимание читателя» [Чудинов 2013: 125]. *Успех, вопреки мрачным предсказаниям многих горе-аналитиков, мыслится как реальный результат совместной работы единомышленников. Условие успеха — созидательный потенциал гражданской общности. Прямые лексические сигналы ценностного понятия «общность», реализованные в тексте статьи: единый, объединяющий, объединенный, единомышленники, вместе, совместный, совместность, согласованность, сотрудничество, соглашение, сплоченный, поддержка, обсудить, диалог, взаимодействие, коллектив, команда.*

Общность — это прежде всего осознание уральцами коллективной идентичности, неразрывной связи с родным краем. Обращает на себя внимание активное использование топонимов. Внутритекстовая парадигма географических названий Урала (*Екатеринбург, Нижний Тагил, Верхний Тагил, Серов, Верхняя Пышма, Каменск-Уральский, Полевской, Нижнетуринск, Кузино*) способ-

ствует формированию целостного образа уральского пространства. Контекстуальное приращение «наши, родные» позволяет автору статьи использовать топонимы как аксиологически маркированные вербальные знаки, которые не только сохраняют историческую память, но и передают актуальные социокультурные смыслы: *В январе 2016 года скоростной поезд „Ласточка“ впервые начал курсировать между Екатеринбург и Кузино* (Кузино — «название станции и пристанционного поселка» [Матвеев 2000: 158]). Кроме того, «Ласточки» обеспечивают железнодорожное сообщение по маршрутам **Екатеринбург — Нижний Тагил и Екатеринбург — Каменск-Уральский**. Ощущение полета («Ласточка») поэтизирует ставшие регулярными и доступными связи между городами и поселками Урала. Следовательно, укрепляются контакты между близкими людьми, разделенными пространством.

Эмоциональной энергией охвачена мысль об объединяющей силе привязанности к Уралу и уральцам. Губернатор цитирует слова Осипа Мандельштама: «Всё движется любовью». Любовь — чувство, которое нельзя навязать, — естественно побуждает к созидательному труду: *Источник нашей работы, единственный мотив наших действий — любовь к своей земле, родной Свердловской области и к людям, которые здесь живут!*

В границах пространства Урала на основе производного оттопонимического имени разрабатывается концепт «равенство». Куйвашев утверждает, что власть должна обеспечить **равные права и возможности всех уральцев, вне зависимости от того, в крупных городах они живут и работают, или в небольших населенных пунктах.** Идеологически связанное с концептом «справедливость» социально одобряемое понятие **равных возможностей** выполняет консолидирующую функцию.

Урал исторически сложился как регион-труженик. Именно поэтому концепт «труд» в сознании уральцев закреплён как базовая ценность. Глава региона стремится доказать, что понимание *философии нашего сегодняшнего труда* должно быть основано на сложившихся социоцентрических традициях и отвечать вызовам времени: **Только вместе и правильно организовавшись, мы сможем добиться поставленных целей.** Для сбережения Урала, *повышения качества жизни уральцев* необходимо создать **общественную атмосферу поддержки созидательного труда**, новаторских производительных решений. Правильность философского подхода подтверждается система-

тизацией итогов 2015 г.: *Прошлый год принес Свердловской области новые заводы, шахты, цеха, электростанции, новые дома, школы, детские сады, больницы*. Имплицитный смысл: «качество жизни каждой уральской семьи зависит от уровня развития постоянно обновляемой промышленности».

Особенности сложившейся ситуации мотивируют представленный в программной статье анализ эффективности промышленной политики, реализация которой осуществлялась в соответствии с принятым региональным законом. Промышленная политика рассматривается в тесной связи с политикой законодательной. Меру эффективности характеризуют аксиологически маркированные лексемы *масштабный, новый, модернизация*. Достигнутые в процессе *масштабной работы* результаты характеризуются как грандиозные. На успех в грядущем году, с точки зрения губернатора, мобилизует *масштабная инфраструктурная революция*.

В разделе «*Новые заводы*» подводятся итоги выполнения *государственной программы импортозамещения*, оценивается комплекс принятых мер по росту несырьевого сектора. Учитывая особенности развития края, Куйвашев использует слово *завод* как особый аксиологический знак промышленной мощи региональных территорий. Характерно, что в статье не упоминаются такие предприятия, как Уралмаш, Уралвагонзавод. Прилагательное *новый* сопровождает ранее неизвестные широкому кругу жителей Свердловской области названия. Например: «Севуралбокситруда», «Уральские локомотивы», «Уральский дизель-моторный завод». Во всех случаях проявляется интегрирующая роль ценностно ориентированных номинаций *Урал, уральский*. Формируется устойчивое представление о непрерывном обновлении промышленных центров Свердловской области.

Лингвистические наблюдения приводят специалистов к следующему выводу: «У ряда ключевых слов политического дискурса России, традиционно употребляемых в позитивных контекстах, наметилась тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций, что создает ситуацию смысловой амбивалентности этих слов» [Сковородников 2015: 55]. Количественные показатели свидетельствуют о том, что к числу таких слов относится заимствование *модернизация*, которому «больше „повезло“, по-видимому, потому, что общественной критике подвергается не само явление, обозначенное этим словом, а отсутствие его претворения в жизнь (чаще) или способ достижения результата (реже)» [Там же].

В тексте статьи лексема *модернизация* употребляется как аксиологически маркированная: *Свердловская область в последние три года переживает масштабную инфраструктурную модернизацию: обновляется жилой фонд, промышленные предприятия, объекты энергетики, дорожная сеть, сельскохозяйственное производство и многое другое*. Рациональная положительная оценка в данном случае обусловлена наличием в высказывании ряда однородных членов, фиксирующих реальные результаты претворенных в жизнь усовершенствований. Кроме того, позитивная оценочность поддерживается использованием ментально одобряемого характеристизатора *масштабная* в приложении к модернизации, дублированием иноязычного слова *модернизация* русским аналогом *обновление*. Аксиологическая маркированность актуального слова политического языка создается за счет ориентированных на целевого адресата аргументов. Например: *Планово идет модернизация энергетики и газификация области. Очевидно, что без энергии и газа будет невозможно развивать производственные мощности, да и качество жизни людей не повысить*. Приведенный текстовой фрагмент открывает раздел статьи «Энергия — **хлеб** производства». Метафора воспринимается как эмоционально-образный аргумент, позволяющий трансформировать обозначенное «чужим» словом понятие в «свое», насущное.

Необходимая для осуществления перспективной программы развития региона модернизация производства требует от производителей высокой квалификации, профессионализма. Надежда возлагается на уральских умельцев. В этой связи подчеркнем, что название первого раздела статьи основано на авторской трансформации словосице: «**Умение и труд всё перетрут**».

Социоцентрическое понятие совместного созидательного труда рассматривается Куйвашевым в сопоставлении с персонологическим понятием лидерства. Отмечая, что *любая кризисная ситуация — это наилучший момент для проявления лидерских качеств*, автор статьи формулирует проблемный вопрос: *Но что важнее для успеха — яркий лидер или сплоченная команда?* В рассуждении не противопоставляются, а связываются два этих понятия: *Настоящий лидер способен сформировать крепкую, работоспособную команду, коллектив единомышленников, <...> предложить цели и задачи, которые эта команда воспримет как свои собственные; Победа начинается со сплоченной команды, у кото-*

рой есть **лидер**. Губернатор опирается на афористическое высказывание А. В. Суворова: «Каждый солдат должен знать свой маневр». Развивая эту мысль, он настаивает на том, что лидерство — это не только организация процесса работы **команды**, но и умение добиться того, чтобы **члены... команды** занимались именно тем, что в наилучшей степени соответствует их **личностным характеристикам** и профессиональным знаниям. Персонализм, как видим, трактуется как целесообразная реализация личностных, в том числе лидерских, качеств человека в процессе совместной трудовой деятельности. Наблюдается прямая перекличка с отечественной философской мыслью: «В русском народе сочетается принцип личности с принципом общинности» [Бердяев 1997: 279].

Гармоническое сочетание социализма и персонализма, коллективизма и лидерства необходимо в сфере политической: *Нужно, чтобы в органах власти работали грамотные, способные решать бюджетные, социальные, юридические проблемы люди, объединенные в единую команду*, которую Куйвашев называет командой созидателей.

Целостную реализацию программы развития региона губернатор связывает с предстоящими в 2016 г. выборами: *Скажу откровенно, от избранных депутатов во многом будет зависеть, упрочит ли Свердловская область свой статус опорного края державы*. Модальность долженствования усиливает агитационную функцию следующего фрагмента рассуждения: **Выборы — это тоже своего рода мобилизация**. Руководители самых разных рангов, активные уральцы, простые избиратели **должны** ответственно подойти ко дню голосования, к выборам, понимая, как велика цена решения. Куйвашев выражает уверенность в том, что только на основе демократических выборов, **свободного волеизъявления граждан** могут быть сформированы легитимные органы власти. Процедура демократических выборов требует ответа на вопрос: *Что станет основой диалога с общественниками и представителями самых разных партий?* В аксиологически сильной позиции оказывается установка на диалог — в том числе межпартийный.

Идеологема *партия* включается в сопоставительный ряд «Единая Россия» — *разные партии* (названия не приводятся). Отмечается, что «Единая Россия» *первой из парламентских партий пошла на беспрецедентное развитие партийной демократии*. С учетом *требований по чистоте*

биографии <...> эта партия поставила барьер перед представителями криминала, обеспечила честную, открытую процедуру выдвижения своих лидеров, которые на предстоящих выборах станут официальными кандидатами от партии. Другие партии упоминаются в общем виде и, хотя признаются равные права партий на участие в выборах, сопоставление следует признать неравноценным.

Внутрипартийная и межпартийная демократия, *конструктивный диалог со всеми партиями*, свободное волеизъявление граждан, легитимная некоррупцированная власть — идеологические ценности, которые «внедряются в сознание широкого круга» читателей статьи «осознанно и целенаправленно» [Слышкин 2004: 87].

Прогноз оптимистического сценария развития области в 2016 г. зависит от координации усилий избранной власти и народа. Куйвашев освещает свое видение проблемы, подчеркивая, что сила Урала, качество жизни уральцев обеспечивает *единая власть* — сложившаяся иерархическая система. Уровни этой системы — федеральная, областная, муниципальная ветви власти. *Единая власть* рассматривается губернатором как залог целостности государства, а вертикальные отношения (сверху вниз и снизу вверх) — как политическое условие экономического роста. Областная власть подчиняется федеральной и взаимодействует с последней. В интересах Урала областная власть использует *федеральные программы финансирования регионов*. В то же время *государственная власть Свердловской области уделяет много внимания вопросам развития... муниципальных образований Свердловской области*. Ср.: *<...> Государственная власть заинтересована в развитии собственных доходных источников муниципалитетов*. Единство областной и местных ветвей власти не исключает контроля сверху: *<...> особое внимание в бюджетной политике будет уделено вопросам жесткого контроля за эффективным расходованием средств*. Иерархичность системы не препятствует ее открытости. Залог успеха — опора на инициативы уральцев: *<...> государственная власть заинтересована <...> в максимально полном участии местного самоуправления в государственных программах*.

Таким образом, идеологема власти сравнивается с идеологемой государственности и проецируется на идеологему самоуправления. Сочетание *единая власть* реализует закрепленные в лексическом значении прилагательного семантические компоненты

‘общий’, ‘объединенный’. Государственность интерпретируется как неразрывное объединение всех ветвей власти в их постоянном взаимодействии с народным самоуправлением. Государственная власть и самоуправление оказываются звеньями гражданской общности — аксиологической доминанты текста.

Социоцентризм политической платформы губернатора Свердловской области не противоречит персонализму: эффективная политика предполагает инициативную роль лидера в организации и модернизации созидательной работы. Успех и победу обеспечивает политика, ориентированная на духовно-нравственные идеалы равенства, справедливости, открытости, взаимопонимания и взаимоподдержки, честности, любви к родному краю и людям.

Необходимо отметить, что программная статья Е. Куйвашева получила широкий резонанс. Уже на следующий день после ее опубликования, 22 января 2016 г., «Областная газета» разместила связанные с опорными тезисами программы губернатора отклики глав городских округов (ГО) Свердловской области (специальная рубрика «Главы о главном»). По достоинству оценивается результативность посреднической роли газеты в организации живой обратной связи между представителями местной власти и гражданами: *формат статьи, ставший уже традиционным, используется в муниципальной прессе (глава Верхнесалдинского ГО). Единодушно признается необходимость формирования на местах «сплоченной команды», с которой можно горы свернуть (глава Североуральского ГО): Если в муниципалитете создана команда — будет и мобилизация на успех (глава Верхнесалдинского ГО). Идея эффективности совместного труда укрупняется: Нужна сплоченность во всех сферах, но в первую очередь в политической и экономической (глава Новоуральского ГО); Главный посыл — в непростых экономических условиях объединить усилия и не просто проесть и прожить, а найти точки роста региона (глава Тугулымского ГО). Развитие программных установок, отражающих актуальные аспекты региональной промышленной политики, осуществляется с использованием ключевых слов, косвенно выполняющих мобилизационную функцию: На Среднеуральском медеплавильном заводе уже прошла модернизация, сейчас строим новый цех на кирпичном заводе, на очереди — завод по обработке цветных металлов (глава ГО Ревда).*

Идея консолидации *всех здоровых сил региона в период кризиса* (П. Дрохин, депутат Государственной думы, представляющий Свердловскую область) встретила поддержку политиков разных рангов и представителей бизнес-сообщества, делающих, вслед за губернатором, ставку на «силу Урала» (отзывы опубликованы «Областной газетой» 23 января 2016 г.).

Социоцентрические аксиологические мотивы развиваются во всех откликах на статью Е. Куйвашева. 30 января 2016 г. «Областная газета» публикует обращение ассоциации «Совет муниципальных образований Свердловской области» к жителям Свердловской области. Ассоциация призывает к *консолидации и объединению усилий всех уровней власти, гражданского общества и бизнес-сообщества в целях создания условий для качественного роста уровня жизни жителей Свердловской области*. Четко обозначены коллективные субъекты деятельности и общая целевая установка последней.

26 января 2016 г. Е. Куйвашев отвечает на вопросы жителей Свердловской области. Газета сообщает: *Всего на телефон редакции и на сайт нашего издания поступило более 60 вопросов. Жителей региона волновали как частные проблемы, так и вопросы, стоящие перед всей областью*.

Представляется, что общение губернатора с гражданами в режиме живого диалога, на основе которого открывается возможность фиксации болевых точек жизненного пространства Свердловской области, будет способствовать не только реализации, но и трансформации востребованных уральцами направлений региональной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартмицкий Е. Солидарность: между понятием и идеей? // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. — М.: Индрик, 2015. С. 363—379.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смыслы русского коммунизма / Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Сварог и К, 1997. С. 245—412.
3. Кормилицына М. А. Стратегия партнерства и способы ее организации в современной газете // Русский язык сегодня. — М.: Флинта : Наука, 2012. Вып. 5 : Проблемы речевого общения. С. 222—230. (X Шмелевские чтения: сб. докладов).
4. Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области : топонимический словарь. — Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2000. 360 с.
5. Сковородников А. П. О смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 50—56.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. — Волгоград : Перемена, 2004. 339 с.
7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

**AXIOLOGICAL DOMINANT IN THE TEXT OF THE PROGRAM ARTICLE OF THE SVERDLOVSK REGION GOVERNOR
EVGENY KUYVASHEV "MOBILIZATION ON SUCCESS: YEAR 2016"**

ABSTRACT. *On the basis of the axiological approach to the linguistic text analysis of the program article of the Sverdlovsk region Governor Evgeny Kuyvashev "Mobilization on success: year 2016" the forms of introduction of the strategy of partnership with target audience — the readers of the large-circulation "The regional newspaper" — are noted. The means of dialogization are described: the author uses the first person sing. and pl. to address the readers, he actively uses speech formulas of compatibility, address questions, appeals to the efficient exchange of opinions. During the analysis, the axiological dominant of the text relying on national identity — the idea of a civil community which assumes the planned creative activity with the purpose of success, coordination of the government and self-government is revealed. It is shown how with the help of the intra text paradigm of words, in the meaning of which the sema of community is included, as well as the paradigms of the nominations of the basic spiritual and moral values, the meaning of the interconnected ideologems of the unified power and statehood is formed. The content of the ideologem "party" develops as a part of unequal comparison "«United Russia»" — different parties". The consistent combination of sociocentrism and personalism, which is the cornerstone of the political platform of the Governor shown in the ratio valuable concepts of a collective constructive labor and leadership is investigated. Special attention is paid to the regional specifics of the program article: the axiological markedness of the toponyms used in the text, which can be treated as the tools for creating a complete image of the Ural space, at the same time broadcasting important sociocultural meanings; the language units promoting demonstration of the basic concepts making the base of the regional significant industrial policy concept offered by the Governor. The sociocentric axiological motives found in personal and collective responses to Evgeny Kuyvashev's article are generalized.*

KEYWORDS: *axiological dominant; axiologically marked vocabulary; mentality; personalism; sociocentrism; values.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bartmin'skiy E. Solidarnost': mezhdru ponyatiem i ideey? // *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture.* — M. : Indrik, 2015. S. 363—379.
2. Berdyayev N. A. Istoki i smysly russkogo kommunizma / *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* / N. A. Berdyayev. — M. : Svarog i K, 1997. S. 245—412.
3. Kormilitsyna M. A. Strategiya partnerstva i sposoby ee organizatsii v sovremennoy gazete // *Russkiy yazyk segodnya.* — M. : Flinta : Nauka, 2012. Vyp. 5 : Problemy rechevogo obshcheniya. S. 222—230. (X Shmelevskie chteniya: sb. dokladov).
4. Matveev A. K. *Geograficheskie nazvaniya Sverdlovskoy oblasti : toponimicheskiy slovar'.* — Ekaterinburg : Ural. lit. agentstvo, 2000. 360 s.
5. Skovorodnikov A. P. O smyslovoy ambivalentnosti klyuchevykh slov sovremennogo rossiyskogo politicheskogo diskursa // *Politicheskaya lingvistika.* 2015. № 2 (52). S. 50—56.
6. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty.* — Volgograd : Peremena, 2004. 339 s.
7. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t.* — Ekaterinburg, 2003. 248 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ И ПРЕДПОСЫЛОЧНОЕ ЗНАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ: ВОПРОСЫ И КОММЕНТАРИИ ИНТЕРВЬЮЕРА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена жанровой модификации политического интервью, созданной по журналистской модели коммуникации с элементами мягкого манипулирования. В настоящее время наблюдается активный уход этой жанровой разновидности от жесткой пропагандистской модели политического интервью советского периода, предполагающей реализацию одновекторной интенции — пропаганды политических и экономических достижений советского строя. Многoveкторная интенция современных политических интервью, а также возможность, благодаря глобализации информационного пространства, опоры на предпосылочное (фоновое) знание позволяет актуализировать манипулятивные компоненты не только в ответах интервьюируемого, но и в вопросах и комментариях интервьюера. Манипуляция в политическом интервью реализуется посредством использования коммуникативных тактик, опоры на стереотипы сознания, речемыслительный автоматизм и репертуар речевых приемов, посредством которых и интервьюер «втягивает» интервьюируемого в свое коммуникативное пространство.*

В статье проводится мысль о том, что современное политическое интервью — это текст с достаточно высоким конфликтным потенциалом, в котором сочетаются партнерский и непартнерский стили общения, что проявляется как в элементах манипуляции, так и в сдвигах в сторону неофициальной, свободной манеры общения. В целом автор полагает, что дифференциацию и типологизацию жанровых разновидностей интервью целесообразно проводить не только по содержательному-формальному и интенциональному основаниям, но и по основанию дискурсивному. Разные форматы дискурса (политический, рекламный, дискурс шоу-бизнеса и др.) детерминируют и специфическую организацию модификаций этого популярнейшего жанра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; жанровые модификации; политическое интервью; интервьюер; интервьюируемый; вопросы; манипуляция; предпосылочное знание; коммуникативные тактики; речевой автоматизм; речевые приемы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.*

Жанр интервью в настоящее время продолжает привлекать внимание исследователей публицистической речи. Несмотря на значительное число работ, которые можно считать классическими [Майданова 1987; Пельт 1980; Тертычный 2000; Шостак 1998 и др.], интерес к исследованию этого жанра в разных видах дискурса не ослабевает [Иванова 2009; Иньго-Мора 2008; Кокшарова 2015; Лавринова 2010; Лукина 2005 и др.].

Происходит это потому, что жанр интервью неуклонно претерпевает значительные изменения, трансформируется, модифицируется. Традиционная форма интервью-беседы как «текста, пользующегося логической схемой описательного или событийного типа и различной глубины» [Майданова 1987: 52] имеет теперь целый ряд модификаций (интервью-диалог, интервью-монолог, интервью-сообщение, интервью-зарисовка, интервью-мнение, коллективное интервью и анкета [Грабельников 2004: 219]. Интервью, которое исследователи относили исключительно к информационным жанрам, сейчас имеет и аналитические разновидности. Например, А. А. Тертычный как самостоятельные формы выделяет аналитическое интервью и аналитический опрос [Тертычный 2000]. Типологизация интервью на интенциональном основании является достаточно распространенной — это интервью информативные, экспертные, проблемные, а также интервью-знакомства [Шостак 1998]. В настоящее время можно констатировать факт

появления специфических, дискурсивно детерминированных модификаций этого жанра: «звездного интервью» [Макурина, Кротова 2003], рекламного и PR-интервью [Фещенко 2004], политического интервью [Кокшарова 2015; Лавринова 2010] и их частных разновидностей, например политического интервью-перформанса [Руженцева 2015].

Задача данной статьи связана с необходимостью проследить и охарактеризовать сдвиги в коммуникативном поведении интервьюера в рамках политического интервью, влияющие в конечном счете на трансформации и модификации этого популярнейшего жанра.

Политическое интервью — это жанр, который «может играть даже роль официального политического документа, если его дает журналисту крупный политический деятель, глава правительства, президент. Особенность таких официальных интервью в том, что они отражают не индивидуальное мнение, а точку зрения официальной власти, политической партии, движения» [Грабельников 2004: 219].

В советский период такие интервью строились в полном соответствии с моделью жесткого манипулирования (пропагандистской моделью): «Это модель односторонней асимметричной коммуникации. В ней главная цель источника — жесткое манипулирование сознанием аудитории (получателя) и трансформация его поведения в требуемом направлении. Исходя из этой цели коммуникатор формирует сообщение, кодирует его,

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

выбирает канал. Таким образом, сообщение в данной модели СКТ (симметричных коммуникативных технологий) носят ярко выраженный целенаправленный характер» [Гавра 2006: 215]. Этой основной задаче соответствовали и вопросы в интервью, которые «коротко обозначая темы следующих за ними отрезков текста — ответов, делают содержательную структуру текста и композицию его прозрачными, легко обозримыми (вот тема текста, сейчас пойдет речь о такой детали, сейчас о следующей). Интервью большого объема могут члениться на главы с заголовками, что еще больше облегчает их восприятие» [Майданова 1987: 59].

Однако в настоящее время интервью все чаще строится по модели информирования (журналистской модели): «Это также модель односторонней асимметричной коммуникации. В рамках этой модели целью источника является мягкое воздействие на сознание аудитории (получателя) через дозированную подачу информации. Цель прямого изменения поведения получателя сообщений в модели информирования не ставится. Возможны ситуации, когда намерением источника является исключительно информирование аудитории и задача изменения характеристик ее сознания в явном виде не ставится (например, в классических моделях информационной журналистики). Однако и в этом случае явная информационная функция сопровождается латентной воспитательной или, другими словами, манипулятивной функцией коммуникации. Это связано с тем, что при отборе (или формулировании) сообщения источник опирается исключительно на свои внутренние параметры (культурную и нормативно-ценностную систему, положение в системе социальной стратификации, включенность в систему социально-экономических интересов и политической власти в данном обществе), выступая в роли «информационного привратника». А значит, воспитание (или манипулирование) производится автоматически хотя бы уже путем селекции информации» [Гавра 2006: 21].

В связи с трактовкой асимметрии применительно к жанровой разновидности политического интервью мы разделяем мнение Н. Н. Кокшаровой, которая утверждает, что асимметричное распределение ролей приложимо прежде всего к так называемому конфликтному дискурсу: «Наиболее конфликтными компонентами дискурсивных моделей в политическом интервью являются речевые средства и тактики в том случае, когда нарушается асимметричное распределение коммуникативных ролей партнеров. Суть асимметрии как ключевой характери-

стики в интервью заключается в том, что интервьюеру отводится право начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюируемому надлежит отвечать на вопросы интервьюера и реагировать на его комментарии. Смена темы в ходе интервью может произойти только с согласия интервьюера. Однако, как показывает анализ материала, интервьюер не всегда лишен права выражать свое мнение. В некоторых случаях, излагая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию в эмоциональном плане и создавая у реципиента информации желаемое психологическое состояние. Таким образом, в конфликтном типе дискурса нарушается асимметрия ролей партнеров, что в некоторых случаях ведет к несоблюдению нейтралитета интервьюера» [Кокшарова 2015: 29].

Несоблюдение нейтралитета интервьюера осуществляется в политическом интервью прежде всего посредством использования группы манипулятивных тактик и речевых средств манипуляции. В связи с этим хотелось бы заметить следующее. Д. П. Гавра считает, что «основное отличие модели информирования от пропагандистской модели заключается в том, что сообщения здесь не носят прямого манипулятивного характера, связанного с сознательным искажением фактов, подачей ложной, специально сконструированной или препарированной информации. Информация в журналистской модели соответствует фактам, однако она может отбираться таким образом, чтобы решить поставленную перед источником явную или латентную коммуникативную задачу» [Гавра 2006: 217].

Со своей стороны мы полагаем, что манипуляция в текстах современных политических интервью может иметь не только латентный (в известной степени скрытый) характер, но и быть прямой (явной, эксплицированной), что наблюдается, например, в тех журналистских интервью, целью которых является создание негативного или позитивного имиджа политика. Точка зрения, авторская установка (аттитюд) в отношении того или иного политика не только не скрывается, но и откровенно навязывается адресату посредством соответствующих вопросов и комментариев, что сближает журналистскую и пропагандистскую модели этого жанра, ср. вопросы и комментарии корреспондента Би-би-си, взявшего интервью у В. Януковича, после

того как тот покинул Украину (установка журналиста — создание негативного имиджа):

— *Буквально на днях была новость, что вас лишили звания президента Украины. Как вы к этому относитесь?*

— *Когда вы приехали в Россию, вы сказали, что когда-нибудь сможете вернуться на родину. Вы все еще на это надеетесь?*

— *Как вы считаете, украинцы хотят, чтобы вы вернулись?*

— *Вы говорите, что вы готовы вернуться в Украину и отвечать за каждый свой шаг. Кто приказал стрелять?*

— *В Украине вас обвиняют в причастности к массовым убийствам на Майдане в прошлом году. Вы готовы вернуться и отвечать за это перед украинским судом?*

— *Все-таки во время Майдана была применена сила и пролилась кровь. Как президент и главнокомандующий страны, считаете ли вы, что должны нести за это долю ответственности?*

— *А все-таки мы видели силы министерства внутренних дел, которые стреляли по невооруженным людям. Как главнокомандующий страны вы должны за это ответить — и т. д.*

Приведем теперь несколько вопросов и комментариев, способствующих созданию позитивного имиджа политика (вопросы в интервью с В. Жириновским). В скобках следует заметить, что интервью с В. Жириновским часто носят театрализованный характер, представляют собой своеобразные перформансы [Руженцева 2015]. Однако если журналистская установка направлена на актуализацию социальной значимости политика, то из интервью исчезают элементы игры, шуток, а вопросы и комментарии имеют однозначный, целенаправленный для «игры на повышение» пропагандистский характер, ср.:

— *Как вы оцениваете административную готовность государства и финансовую партий к предстоящей предвыборной кампании по выборам в Госдуму?*

— *Что в глазах избирателей должно выгодно отвечать Вашу партию от других и кого Вы считаете Вашими избирателями?*

— *Считаете ли Вы возможным на данном этапе развития политической системы России формирование по результатам думских выборов партийного правительства? С кем Ваша партия может вступить в коалицию для формирования такого правительства? — и т. д.*

Подобные интервью можно условно назвать информационно-пропагандистскими. И все же трансформация политического интервью как жанровой формы идет, на наш взгляд, в сторону увеличения числа интер-

вью, выстроенных именно по журналистской модели. Вопросы и журналистские комментарии в таких интервью не носят прямого манипулятивного характера, однако случаи косвенной манипуляции весьма многочисленны и имеют следствием синкретизм партнерского и непартнерского стилей общения интервьюера и интервьюируемого. Партнерский стиль общения предполагает «высокую степень сотрудничества в выработке общей позиции по обсуждаемому вопросу», а непартнерский «игнорирует точку зрения собеседника, искажает его отношение к теме беседы» [Куницына, Казаринова, Погольша 2001: 432]. Смешение этих двух стилей в политическом интервью предполагает, в свою очередь, частичное нивелирование речевых различий между ними, ср.: «Различия между стилями заключаются также в построении самих предложений, в выборе слов, степени использования риторических вопросов как формы поощрения или осуждения, уклончивостью в оценках и проявлении своей позиции» [Там же: 430]. Отсюда манера беседы между журналистом и политиком в известной степени сдвигается в сторону неофициальной, а оба собеседника используют в общении элементы манипуляции. Под манипуляцией в данной статье понимается «воздействие скрытое, с опорой на автоматизмы и стереотипы, с привлечением более сложного опосредованного давления. Наиболее частые способы воздействия — провокация, обман, интрига, намек» [Там же: 176].

С нашей точки зрения, манипулятивные элементы в современном политическом интервью, построенном по журналистской, а не пропагандистской модели, чаще всего репрезентируются в вопросах и комментариях/замечаниях интервьюера посредством использования ряда коммуникативных тактик, речевых приемов и опоры на речевые стереотипы и речевой автоматизм (ограниченный объем статьи не позволяет нам остановиться на манипулятивных тактиках в ответах политика). В скобках заметим, что использование коммуникативных тактик манипулятивного характера не надо смешивать с коммуникативными неудачами интервьюера, ненамеренно допустившего неудачные вопросы (нетворческие вопросы без предпосылочного знания, некорректные вопросы, неэтичные вопросы и др.) [Фещенко 2004: 40]. Манипулятивные вопросы и комментарии в политическом интервью в подавляющем большинстве случаев намеренны и имеют общей целью сделать интервью более острым, привлекающим внимание массовой аудитории именно своей нестандартностью, отклонением от традиционных пропагандистских моделей. К коммуникативным

тактикам, используемым в политическом интервью, относятся прежде всего следующие:

- тактика провокации (на резкий ответ, игнорирование норм и т. д.);
- тактика намека на негативные обстоятельства (апелляция к фоновым знаниям аудитории);
- тактика сомнения в словах интервьюируемого.

Кроме того, манипулятивный эффект достигается посредством опоры на речемыслительный автоматизм и речевые стереотипы, а также на целый ряд коммуникативных приемов:

- отвлечение внимания интервьюируемого;
- ограничение внимания на требуемом содержании (прямые указания, навязчивые повторы вопросов интервьюера, в том числе перефразированных);
- постановку интервьюируемого в слабую, оправдательную позицию;
- постановку интервьюируемого в позицию, предполагающую согласие с мнением интервьюера, и подведение к запланированному интервьюером эффекту;
- снижение критичности интервьюируемого (попытки интервьюера навязать свою точку зрения или манеру общения);
- прерывание сценария интервью и навязывание иного сценарного хода;
- актуализацию собственных намерений интервьюера (субъективная интерпретация фактов или чужой речи; попытка повернуть беседу в желаемое для интервьюера русло; приписывание интервьюируемому соображений интервьюера и т. д.);
- использование мифа, метафоры, контраргументов;
- попытку «поймать» интервьюируемого на противоречиях;
- иронические вопросы.

Проиллюстрируем сказанное на материале текста, имеющего заголовок «Большое интервью Владимира Путина: о политике, друзьях, санкциях и силе русского народа» и подзаголовок «Мы сильнее, потому что мы правы». Интервью опубликовано в рамках спецпроекта ТАСС «Первые лица» (новостной портал «RUPOSTERS»). Реплики (вопросы и замечания интервьюера), которые отчасти имеют манипулятивный характер, выделены.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ

ТАКТИКА ПРОВОКАЦИИ (провокации на резкий ответ, на игнорирование норм и т. д.):

- Интервьюер. *Уралвагонзавод я привел для примера, имея в виду, что за вами стоит большая группа сторонников. Но есть люди, которые не разделяют ни вашу по-*

литику, ни лексику. Как вы к этому относитесь?

В. Путин. *Очень хорошо.*

Интервьюер. **Ну их в болото, условно говоря?**

В. Путин. *Знаете, можно как угодно обзывать друг друга. Сталкиваюсь с этим на протяжении длительного времени и считаю, все зависит от культуры, общей и политической. Можно бороться с оппонентами, но не переходить на личности, не драться, ну и так далее.*

• И. **Еще вопрос про рейтинг. По последним данным, по уровню коррупции Россия оказалась на сто тридцать каком-то месте в мире из 170. По соседству с Бенином.**

В. П.: *Знаете, надо смотреть, кто эти рейтинги рисует.*

ТАКТИКА НАМЕКА на негативные обстоятельства:

• И. *От вашего физического состояния, морального, психического здоровья зависит состояние страны. В известном смысле...*

В. П. *Так подвергается сомнению мое физическое состояние или психическое?*

И. **Разное говорят.**

В. П. *Все в порядке, все хорошо.*

• И. **В чей огород камешки?**

В. П. *Ни в какой не огород и не камешки, это разъяснение моей позиции.*

• В. П. *У нас совсем не агрессивная позиция. Но вот Соединенные Штаты, наши друзья американские...*

И. **Друзья, Владимир Владимирович?**

В. П. *Конечно. У нас все друзья.*

• И. **И неприкасаемых не должно быть.**

В. П. *Абсолютно с вами согласен, это один из компонентов.*

И. **Таковых нет?**

В. П. *Не знаю, мне казалось, нет. Надо к этому стремиться.*

ТАКТИКА СОМНЕНИЯ В СЛОВАХ/ДЕЙСТВИИ ИНТЕРВЬЮИРУЕМОГО:

• И. *По замыслу США, первый пакет санкций бил именно по президенту Путину.*

В. П. *Понимаю. Американцы сделали очень приятную для меня системную ошибку.*

И. **Приятную в кавычках?**

В. П. *Нет, в прямом смысле.*

• И. *Про вас говорят, что вы прекрасно умеете слушать. И зачастую даже соглашаетесь с собеседником. Человек уходит в уверенность, что Владимир Путин — его союзник, но совсем не факт, что это так.*

В. П. *Знаете, я все же стараюсь с уважением относиться к людям.*

ОПОРА НА РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТИЗМ, РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Суть опоры на автоматизм состоит в том, что реплика интервьюера — небесспорное, вероятностное суждение — подается таким образом, чтобы реакция, ответная реплика, автоматически «втягивала» интервьюируемого в поле интервьюера:

• И. **До определенного момента все успехи связывают с лидером, а потом точно так же могут и все неудачи на него повесить.**

В. П. Конечно.

И. И?

В. П. Как у нас говорят, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Надо работать.

• И. **У вас, Владимир Владимирович, репутация человека, который «своих» не сдает.**

В. П. Да, стараюсь. Если те ведут себя прилично и ничего не нарушают. Если же действуют в обход, они уже не «свои».

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

1. Желание повернуть беседу в необходимое интервьюеру русло (актуализация мотивов интервьюера):

• И. Как здоровье, Владимир Владимирович?

В. П. Не дожидаетесь!

И. **Враги клеветают?**

В. П. Да? Впервые слышу. И что говорят? Выдают желаемое за действительность:

И. Ну пересказывать не буду.

2. Попытка поставить интервьюируемого в слабую оправдательную позицию:

• И. И все же когда после 15 лет руководства страной уровень поддержки превышает 80 %... Такое, знаете ли, очевидное-невероятное.

В. П. Уже говорил, что чувствую себя частью России... Получая на протяжении долгого времени поддержку сограждан, нельзя не сделать все зависящее, чтобы оправдать их доверие. Может, это главная основа отношений между народом и избранной им властью.

• И. **Думаю, если вы завтра захотите объявить монархию, замешательство будет недолгим.**

В. П. Во-первых, не уверен, недолгим ли окажется замешательство, одобряют ли это люди.

• И. Но каково в целом ваше отношение к подобным инициативам?

В. П. Я ведь уже сказал: рановато пока ставить памятники.

И. А улицы?

В. П. И улицы называют, и площади...

И. **Но одна улица уже есть.**

В. П. Ну да. Вы про Грозный?

И. Про него.

В. П. Там, не скрою, мое мнение тоже не спрашивали. Но все-таки Чечня занимает особое место в нашей новейшей истории.

3. Постановка интервьюируемого в позицию, предполагающую согласие с мнением интервьюируемого:

• И. **FORBES второй год подряд ставит вас во главе списка самых влиятельных людей мира.**

В. П. Знаете, это еще менее значимо, чем внутренние рейтинги.

И. **Но приятно, согласитесь.**

В. П. Нет, не могу сказать, приятно или неприятно.

• В. П. Я же сказал, загрузка такая, что не позволяет иметь широкий круг друзей.

И. **Но с учетом того, что вы можете о любом узнать все...**

В. П. Да.

И. **...А о каждом можно узнать всякое...**

В. П. Да.

И: **...Это тоже, наверное, накладывает отпечаток?**

В. П. Нет, стараюсь не пользоваться своими возможностями в этом.

4. Снижение критичности интервьюируемого, попытки интервьюера навязать неофициальную, уменьшающую дистанцию между собеседниками манеру разговора:

• И. **Но вы хотите сделать оппонентов союзниками или ...пусть себе живут?**

В. П. Невозможно всех превратить в союзников, даже стремиться к подобному не надо.

• И. **Если у соседа лошадь сдохнет, нам от этого лучше станет?**

В. П. Смотря какой сосед, какая у него была лошадь и в каких целях он ее использовал.

5. Попытки интервьюера навязать свою точку зрения:

• И. Но, знаете, так получается, и я с этого разговор начал, что многое в моральном климате зависит именно от вас.

В. П. Это не так.

И. **Это так, Владимир Владимирович.**

В. П. Нет, это так кажется. Вам и вашим коллегам легче на кого-то все свалить. На себя посмотрите! Как в средствах массовой информации подается информация, как вы влияете на умы миллионов людей, какие программы у нас идут по центральному телевидению?

6. Актуализация намерений интервьюера (субъективная интерпретация фактов и чужой речи):

• И. *Не обязательно провозглашать самодержавие. Вам достаточно пальцем пошевелить, и завтра можно возродить ГУЛАГ. Или, например, культ личности, чтобы в каждом населенном пункте появилась улица Владимира Путина. В Екатеринбурге на днях возникла инициативная группа, решившая переименовать улицу Сакко и Ванцетти, итальянских анархистов, посаженных на электрический стул в Америке. Мол, никакого отношения к Уралу они не имеют. А Владимир Владимирович имеет, он не дал разрушить страну в 90-е годы, остановил бандитский и олигархический беспредел, ну и так далее... Как вы к этому относитесь?*

В. П. *Думаю, люди делают это из добрых и хороших побуждений.*

И. *И такие побуждения будут в любом российском городе, если бровью поведете.*

В. П. *Понятно. Рано памятники ставить друг другу. И себя имею в виду. Надо еще поработать, а будущие поколения оценят вклад каждого в развитие России.*

7. Ограничение внимания на требуемом содержании (прямые указания, повторы мысли):

• И. *Вы от вопроса не уходите, Владимир Владимирович.*

В. П. *Я к нему подбираюсь.*

• И. *А наша попытка тягаться с Западом?*

В. П. *Нам не нужно тягаться.*

И. *Сил-то хватит?*

В. П. *Нам не нужно тягаться. Нам просто не нужно тягаться!*

8. Использование контраргументов:

• И. *Вот что значит независимая американская пресса: в пику президенту пишет.*

В. П. *Как же независимая, если работает в паре с политическим оппонентом главы Белого дома? Никакой независимости тут нет. Полная зависимость и обслуживание определенных сил. Но это мои предположения.*

И. *У нас и пары-то нет.*

В. П. *Все у нас есть.*

• И. *Вы говорите про 90-е, а мы живем в конце 2014 года.*

В. П. *Но ментально все осталось, никуда из сознания народа не делось.*

9. Попытка «поймать» интервьюируемого на противоречиях:

• И. *Я уже не про друзей, а про вас. Когда-то вы ночевали на ранчо Буша, который заглянул в ваши глаза и что-то там увидел...*

В. П. *Душу.*

И. *Вот! Увидел душу. А сейчас вы с Обамой беседуете «на ногах».*

В. П. *Ну и что?..*

• И. *Получается, вы были правы, когда говорили, что после Ганди и поговорить-то не с кем...*

В. П. *Понимаете, я же сказал это с известной иронией.*

10. Иронический вопрос:

• В. П. *У меня напряженный рабочий график. Даже дочерей вижу один или два раза в месяц, и то еще нужно время подгадать.*

И. *Они сейчас в какой стране?*

В. П. *В России, в какой же?*

И. *Здесь?!*

В. П. *Ну конечно. В Москве живут. Дома встречаемся.*

Таким образом, непропагандистская модель политического интервью отличается от пропагандистской сочетанием регистров/стилей общения (партнерского и непартнерского), а также большим числом манипулятивных компонентов, репрезентированных в вопросах и комментариях интервьюера.

Манипулятивные компоненты в вопросах и замечаниях интервьюера можно, с нашей точки зрения, считать жанрообразующим признаком некоторых разновидностей интервью. Кроме политического интервью, к таким разновидностям жанра относятся «звездное интервью» и интервью-перформанс, в которое элементы театрализации вносят и интервьюер, и интервьюируемый. Приведем фрагмент интервью с представителем шоу-бизнеса и вопросы, заданные журналистом популярному в 90-х гг. XX в. телеведущему.

Интервью с Сергеем Чиграковым (группа «Чиж и компания»)

После концерта Сергей Чиграков уселся в уголок гримерки, едва не скрывшись за стеной шкафа, и принялся раздавать по обыкновению короткие и немногословные интервью. В том числе ответил на несколько вопросов «Подробностей».

И. *Сергей, какие ощущения от Вашего свежего альбома?*

С. Ч. *Очень хорошие. Мы им довольны.*

И. *Вам действительно нечего терять в жизни?*

С. Ч. *На самом деле в жизни всегда есть что терять. Самой страшной для меня была бы потеря здоровья моих близких. Остальное все пустяки.*

И. *Почему на сегодняшнем концерте прозвучало так мало новых песен?*

С. Ч. *Все песни о любви были новыми...*

Ну, кроме одной.

И. *Шутите? (молчание, очевидно в знак согласия).*

И. Какова дальнейшая траектория гастролей «Чижа»?

С. Ч. Будем ездить по стране. Скоро вроде бы намечается тур в Германию.

И. Когда и где встретите третье тысячелетие?

С. Ч. Дома с семьей под елкой. Надеюсь, что все будет мирно, без потрясений. (Интервью газете «Подробности»)

Вопросы журналиста в интервью с телеведущим Урмасом Оттом (заключительный фрагмент)

- Правда, что вы очень дорогой (высокооплачиваемый) телеведущий по российским меркам?
- Контракт вас устраивает?
- Вас одевают по контракту?
- Иногда кажется, что вы играете в свое якобы незнание русского языка. Прикидываетесь нелепым эстонским парнем и на голубом глазу выживаете откровения.
- Вы любите выпить?
- Вы до сих пор остаетесь убежденным холостяком?

Политическое интервью как жанровая разновидность в настоящее время активно развивается и трансформируется. Первичной формой для него было, без сомнения, пропагандистское интервью советского периода, затем жанровые сдвиги проявились в так называемой «желтой» прессе и в изданиях, «ориентированных на идеологию речевого поведения, сложившуюся в сфере разговорной речи» [Коньков 2007: 59], и проникли в политическое интервью. В свою очередь, развитие политического интервью шло в сторону увеличения объема так называемого «предпосылочного знания». Прерогатива предпосылочного знания десятилетиями принадлежала интервьюируемому, а отсутствие этого знания делало позицию журналиста слабой, вследствие чего он легко становился объектом манипуляции, ср.: «Вопросы без предпосылочного знания чреватые тем, что всегда создают условия для манипулирования журналистом, использования его неосведомленности в своих целях — чтобы скрыть информацию, исказить ее, перевести разговор в нужное интервьюируемому русло [Фещенко 2004: 40]. Однако в настоящее время, благодаря быстрому распространению массива информации в глобальной сети Интернет, предпосылочное знание все больше становится прерогативой не только интервьюируемого, но и журналиста, что и дает возможность речевых манипуляций со стороны последнего: «Только демонстрация предпосылочного знания позволяет держать под контролем речевое поведение собеседника, особенно если

речь идет о ситуации, когда информация не лежит на тарелочке с голубой каемочкой, то есть надо добывать» [Там же: 41].

Приведем несколько примеров использования журналистом предпосылочного знания (известной ранее информации) в манипулятивных целях:

а) попытки поймать интервьюируемого на противоречиях:

АиФ.ru. Вы хотите сказать, что не сотрудничаете с «Единой Россией»?

Сергей Миронов. Нет, конечно.

АиФ.ru. Но были законы, за которые вы голосовали совместно: начиная от законопроекта об отмене губернаторских выборов и заканчивая «антиматинским актом» (интервью с С. Мироновым);

б) попытки поставить интервьюируемого в слабую оправдательную позицию:

АиФ.ru. Вы готовы стать такой опорой для власти или чиновников?

С. М. Мы готовы стать опорой для граждан России, а не для власти...

АиФ.ru. Вы уже в некотором смысле становитесь такой опорой. Политологи констатируют, что партия стала более лояльной Кремлю. Связывают это с увеличением финансирования из госбюджета.

С. М. Полная ерунда! Ни о какой лояльности речь не идет (интервью с С. Мироновым);

в) попытки поймать интервьюируемого на обмане:

АиФ.ru. Возвращаясь к ситуации вокруг Гудковых. Вы обещали, что исключите их только из руководящих органов, а не из партии.

С. М. Что значит «кому-то обещал»? Я всегда говорю: у нас коллегиальный орган — бюро. Бюро приняло вот такое решение (интервью с С. Мироновым);

г) провокации на субъективное, вероятностное суждение, некорректную манеру разговора:

АиФ.ru. А Навального посадят?

Геннадий Гудков. Если они идиоты, то посадят. Я ж не знаю, какая там степень идиотизма (интервью с Г. Гудковым);

д) постановки интервьюируемого в позицию, когда трудно уйти от прямого ответа на нелicenseприятный для политика вопрос (при этом с подчеркиванием, что фактическое состояние дел журналисту известно):

АиФ.ru. А у вас есть имущество за рубежом?

Геннадий Гудков. Да, у меня есть апартаменты в Болгарии. Но если в России начнутся волнения, то я туда не успею: у

меня нет личного самолета, дипломатического паспорта (интервью с Г. Гудковым);

е) постановки вопроса, при котором журналисту заведомо известно, что интервьюируемый политик покажет себя с негативной стороны:

АиФ.ru. *На выборах сложно уйти от правил власти. Если вас, к примеру, не регистрируют, вы же не будете проводить альтернативные выборы?*

Геннадий Гудков. *Да, основным оружием будет недопущение регистрации моей кандидатуры. Они хотят ликвидировать возможность честных выборов, значит, будем решать вопрос на улице. Я уже сказал: я приду к власти... Я совершенно точно решил: хоть чуелом, хоть тушкой, но к власти я приду (интервью с Г. Гудковым).*

Манипулятивных приемов, посредством которых журналист усиливает интерес потенциального адресата к беседе с политиком, существует гораздо больше, чем мы смогли показать в данной статье. В заключение хотелось бы обобщить некоторые жанрообразующие признаки политического интервью, репрезентированные в вопросах и замечаниях интервьюера и свидетельствующие о постоянной динамике этой жанровой модификации.

1. В настоящее время наблюдается активный уход модели политического интервью от жесткой пропагандистской модели интервью советского периода. Последняя реализовала, как правило, одновекторную интенцию интервьюера и интервьюируемого — продемонстрировать советскую систему как оптимальную во всех ее проявлениях, в том числе — в политических и экономических.

2. Тексты политического интервью сейчас значительно чаще строятся по модели информирования (журналистской модели), предполагающей мягкое воздействие на адресата и со стороны интервьюера, и со стороны интервьюируемого.

3. Многовекторная (более сложная, чем в пропагандистском интервью) воздействующая интенция предполагает наличие в вопросах, комментариях и ответах собеседников целой системы манипулятивных компонентов. Манипуляция реализуется посредством коммуникативных тактик, опоры на стереотипы сознания, речемыслительный автоматизм и репертуар коммуникативных приемов, посредством которых интервьюер «втягивает» интервьюируемого в свое коммуникативное пространство.

4. Современное политическое интервью — текст с достаточно высоким конфликтогенным потенциалом, в котором сочетаются

партнерский и непартнерский стили общения. Это, в свою очередь, проявляется в элементах неофициальной, свободной манеры общения собеседующих.

5. Манипуляция в политическом интервью во многом имеет в основе предпосылочное (обусловленное глобализацией информационного пространства) знание, наличие которого позволяет совершать манипулятивные действия не только интервьюируемому, но и интервьюеру.

6. Дифференциацию и типологизацию жанровых разновидностей интервью целесообразно в настоящее время производить, на наш взгляд, не только по формально-содержательному и интенциональному основаниям, но и по основанию дискурсивному. Разные форматы дискурса (политический дискурс, дискурс шоу-бизнеса, рекламный дискурс и др.) детерминируют и специфику модификаций жанра интервью, значение изучения которого в современном информационном обществе неуклонно возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавра Д. П., Хубецова З. Ф. Социально-коммуникативные технологии // Основы теории коммуникации. — СПб. : Роза мира, 2006. Ч. 2. С. 198—219.
2. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе. — М. : РИП-холдинг, 2004.
3. Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Астрахань, 2009.
4. Иньгиго-Мора И. Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 33—38.
5. Кокшарова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : автореф. дис. — Екатеринбург, 2015.
6. Коньков В. И. Книжное и разговорное начало в средствах массовой информации // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. — СПб. : СПбГУ, 2007. С. 56—63.
7. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличное общение. — СПб. : Питер, 2001.
8. Лавринова Н. И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Архангельск, 2010.
9. Лукина М. М. Технология интервью : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». — М. : Аспект Пресс, 2005.
10. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. — Свердловск : УрГУ, 1987.
11. Макурина О. А., Кротова М. А. «Звездное интервью»: к вопросу о жанровом паспорте. — Воронеж ; Ярославль : Истоки, 2003.
12. Пельт В. Д. Информация в газете : учеб.-метод. пособие. — М. : МГУ, 1980.
13. Руженцева Н. Б. Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 50—56.
14. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. — М. : Аспект Пресс, 2000.
15. Фещенко Л. Г. Редактирование текста газеты: жанровый аспект. — СПб. : СПбГУ, 2004.
16. Шостак М. И. Журналист и его произведение. — М. : Гендальф, 1998.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

**MANIPULATIVE COMPONENT AND PREKNOWLEDGE IN POLITICAL INTERVIEW:
QUESTIONS AND COMMENTARIES OF THE INTERVIEWER**

ABSTRACT. *The article deals with political interview genre modification built on a journalist model of communication with elements of soft manipulation. At present we are witnessing active deviation of this genre variation from the rigid propaganda model of political interview of the soviet period meant to realize a one-vector intention – propaganda of political and economic achievements of the socialist political system. The multi-vector intention of contemporary political interviews and the possibility (due to globalization of information environment) of reference to preknowledge (background knowledge) allow actualizing manipulative components not only in the answers of the person interviewed but also in the commentary of the interviewer. Manipulation in political interview is achieved by using communicative tactics, reference to stereotypes of consciousness, verbal thinking automatism and a repertoire of speech techniques with the help of which the interviewer involves the person interviewed into his communicative space.*

The article argues that the modern political interview is a text with a relatively high conflict producing potential, which combines friendly and unfriendly styles of communication; this fact is reflected both in the elements of manipulation and in deviations in the direction of non-formal free manner of communication. In general, the author believes that differentiation and typology of genre variations should be conducted not only on the basis of semantic-structural and intentional principles but also on the discursive principle. Different formats of discourse (political, advertisement, show business, etc.) determine the specific organization of modifications of this very popular genre.

KEYWORDS: *political discourse; genre modifications; political interview; interviewer; the person interviewed; questions; manipulation; preknowledge; communicative practices; speech automatism; speech techniques.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Gavra D. P., Khubetsova Z. F. Sotsial'no-kommunikativnye tekhnologii // Osnovy teorii kommunikatsii. — SPb. : Roza mira, 2006. Ch. 2. S. 198—219.
2. Grabel'nikov A. A. Rabota zhurnalista v presse. — M. : RIP-kholding, 2004.
3. Ivanova I. V. Zhanr interv'yu: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Astrakhan', 2009.
4. In'igo-Mora I. Politicheskoe teleinterv'yu: neytralitet i provotsirovanie // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 1 (24). S. 33—38.
5. Koksharova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy russkoyazychnogo diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve : avtoref. dis. — Ekaterinburg, 2015.
6. Kon'kov V. I. Knizhnoe i razgovornoe nachalo v sredstvakh massovoy informatsii // Russkaya rech' v sredstvakh massovoy informatsii: stilisticheskiy aspekt. — SPb. : SPbGU, 2007. S. 56—63.
7. Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. Mezhl'ichnostnoe obshchenie. — SPb. : Piter, 2001.
8. Lavrinova N. I. Tekstovaya aktualizatsiya rechevogo povedeniya kommunikantov v politicheskom interv'yu : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — Arkhangel'sk, 2010.
9. Lukina M. M. Tekhnologiya interv'yu : ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsial'nosti «Zhurnalistika». — M. : Aspekt Press, 2005.
10. Maydanova L. M. Stilisticheskie osobennosti gazetnykh zhanrov. — Sverdlovsk : UrGU, 1987.
11. Makurina O. A., Krotova M. A. «Zvezdnoe interv'yu»: k voprosu o zhanrovom pasporte. — Voronezh ; Yaroslavl' : Istoki, 2003.
12. Pel't V. D. Informatsiya v gazete : ucheb.-metod. posobie. — M. : MGU, 1980.
13. Ruzhentseva N. B. Imidzhevoe interv'yu-performans V. Zhirinovskogo: smena masok, epatazh, tekhnologiya primitiva // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 50—56.
14. Tertychnyy A. A. Zhanry periodicheskoy pechati. — M. : Aspekt Press, 2000.
15. Feshchenko L. G. Redaktirovanie teksta gazety: zhanrovyy aspekt. — SPb. : SPbGU, 2004.
16. Shostak M. I. Zhurnalist i ego proizvedenie. — M. : Gendal'f, 1998.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. П. Седых
Белгород, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИДИОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. В. ПУТИНА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению языковой личности политика на материале речевых манифестаций В. В. Путина. Дискурс президента исследуется на основе интерпретационного анализа высказываний. Языковые данные вербализуют идиолектную составляющую стратегий и тактик речевого воздействия рассматриваемого политического лидера.

Методологической основой является концепция о лингвосемиотическом подходе к репрезентациям языковой личности политика в языке и речи, о возможности отражения характерологических параметров личности политического лидера во фразеологических единицах и фразеологическом узусе. В ходе исследования используются теоретические положения, разрабатываемые в рамках лингвистики и прагматики институционального дискурса. Сделана попытка выделения, анализа и классификации речевых стратегий политического лидера России на основе анализа используемых языковых средств. Осуществлено моделирование типологии признаков языковой личности В. В. Путина. Результаты изучения идиополитического стиля политического лидера и найденные приемы расширяют представление о современном институциональном дискурсе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; институциональный дискурс; высказывание; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение; идиолект.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, факультет иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); 308015, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корп. 4, к. 314; e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

В современном мире идиолект и политика — глубоко взаимосвязанные явления. Без идиолектной компетенции трудно представить деятельность политического лидера, который эволюционирует в общественном пространстве прежде всего как языковая личность. Языковая личность политика выступает, с одной стороны, как носитель индивидуальных речевых характеристик, с другой — как идеальный тип институциональной личности, выражающий перспективы реализации надежд и чаяний электората [Гак 1989; Карасик 2000; Комова, Гарагуля 2013; Седых 2013; Чудинов 2006].

Исследование языковой личности в рамках любого типа дискурса проводится на основе анализа средств ее выражения с последующим переходом к моделированию оптимальной структуры внутреннего «я» индивида в качестве представителя конкретного этноса. Принадлежность к определенной лингвокультуре, профессиональной группе, социальной категории, эмоциональному типу — все эти факторы «задают» личности определенный язык (коммуникативное поведение) и позволяют выявить ее параметры по отношению к тому или иному виду дискурса: научному, политическому, деловому и др. [Водак 1997; Макаров 2003; Олянич 2004].

Политический дискурс, в котором эволюционируют представители институциональной элиты, накладывает ряд правил и ограничительных принципов на их коммуникативное поведение. Специфика ограничительных механизмов обусловлена в первую очередь этнокультурными и языковыми традициями политической коммуникации, принятыми в конкретном социуме.

В лингвистике отмечается эпистемический «разнобой» в определении языка политики,

который называют «политическим дискурсом», «общественно-политической речью», «агитационно-политической речью», «языком общественной мысли», «политическим языком» [Базылев 1998; Гаврилова 2002: 88; Караулов, Баранов 1991]. Как бы там ни было, политический дискурс есть одна из реализаций национального языка в формате институциональной деятельности индивида.

Проблематика политического дискурса тесным образом связана с выявлением существенных признаков индивидуальных особенностей мышления лидера в корреляции с параметрами национального менталитета. Исследования взаимоотношений языка и национального характера приобретают наибольшую актуальность в XX—XXI вв., когда ведущей парадигмой языкознания становится междисциплинарный подход в рамках этнолингвистики, социоллингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [Чудинов 2003; Шейгал 2000].

Языковая личность российского лидера проявляется на всех уровнях его коммуникативного поведения. Речевой портрет рассматриваемого политика моделируется на базе выявления типологии признаков языковых и коммуникативных доминант, а также связанного с ними выбора формата стратегий и тактик целенаправленного процесса передачи институционального содержания.

Анализ образцов дискурса В. В. Путина обнаруживает идиополитические черты, доминирующие в речи рассматриваемой политической личности на идеологическом, эмоционально-экспрессивном, национально-культурном и тематическом уровнях:

1. Фразеология российского президента насыщена **идеологическим содержанием**. В политическом контексте ФЕ обретают до-

полнительные идеологические смыслы и способствуют формированию имиджа «российского консерватора и спасителя отечества».

В. В. Путин видит свою миссию в органическом соединении всего лучшего, определяя идеологию гражданской консолидации и солидарности:

*Наша цель — сделать его сбалансированным и многополярным, сделать мир таким, чтобы все участники мирового общения участвовали в нём **на равных** и чувствовали бы себя в этом мире в безопасности* [URL: <http://premier.gov.ru/>];

*Это вы всё-таки поработайте с региональным руководством, потому что школа должна быть не просто хорошей, потому что она здесь всегда была, а школа должна быть качественной. Она должна давать вашим детям шанс получить хорошее образование и хорошую **путёвку в жизнь*** [URL: <http://www.putin.ru/>];

*Мы должны стремиться к тому, чтобы такие долгосрочные контракты **играли ведущую роль** на рынке* [URL: <http://vz.ru/>];

*И у них, что называется, **все карты на руках** — они могут работать, будут продолжать работать и, надеюсь, будут делать это эффективно* [URL: <http://www.advis.ru/>];

*В марте на аналогичном совещании в Санкт-Петербурге мы говорили и о перспективах создания новых, построенных **по последнему слову техники**, верфей* [URL: <http://www.advis.ru/>];

*Насколько мне известно, акции „Метрогруп“ в последние дни резко **пошли в гору*** [URL: <http://premier.gov.ru/>];

*Такие же позитивные процессы **набирают**, как мы знаем, **силу** и в Федеративной Республике Германия, и в других европейских странах* [Там же].

В вышеприведенных высказываниях с помощью устойчивых сочетаний слов *на равных*, *путёвка в жизнь*, *играть ведущую роль*, *все карты на руках*, *по последнему слову техники*, *пойти в гору*, *набирать силу* ярко актуализованы семы «равные возможности», «карьерный рост». Благодаря указанным семантическим составляющим в словосочетаниях проявляется идеологическая направленность вывести Россию в лидеры на мировой арене как важнейшую и влиятельнейшую часть современного мира, соразмерно возможностям, социально-экономическому и интеллектуальному потенциалу страны.

Нижеприведенные высказывания с ФЕ вербализуют идею «крепкого лидера»:

*Государство всегда имеет **право первой руки**, то есть если собственник перепродает землю, государство имеет право*

выкупить в первоочередном порядке [URL: <http://www.ortrtr.ru/>];

*У нас было много сложностей, много проблем и потерь, но, в то же время, Россия зарекомендовала себя как страна, **твёрдо стоящая на ногах** и интенсивно развивающаяся* [URL: <http://premier.gov.ru/>];

*Но, во-первых, я хочу сказать, что эти качества у наших молодых людей есть, а во-вторых, в обычной жизни нам нужно стремиться к чему — к тому, чтобы мы **были**, скажу прямо, **на голову выше** наших конкурентов, чтобы мы были конкурентоспособными во всех сферах экономики, общественной жизни, в политическом устройстве* [URL: <http://premier.gov.ru/>].

Семантика фразеологизмов *право первой руки*, *твёрдо стоять на ногах*, *быть на голову выше кого-либо* сконцентрирована вокруг базовой семы «твёрдая рука». Коннотативный формат данной группы устойчивых сочетаний связан с понятийным полем «сильное государство», деятельность которого должна быть направлена на обеспечение внутренней солидарности, единства, поддержание связи властных структур и общественных организаций, формирование способности правительства решать реальные проблемы. Данные коннотации обусловлены ожиданиями части граждан, мечтающих о хотя бы частичном возврате к недавнему прошлому страны, отмеченному жесткостью политического курса и редкой сменяемостью руководителей.

Следующие примеры тесно связаны с нравственными ценностными установками:

*Повторяю: нам бы очень хотелось, чтобы **правда** была всеобъемлющей, а не **однoboкoй*** [URL: <http://premier.gov.ru/>];

*У меня нет права, законного основания как-то решить эту проблему немедленно. Но я уверен, что **мир не без добрых людей**, у нас много благотворительных организаций, фондов. У меня есть основания полагать, Ваня, что тебе и твоей семье помогут* [URL: <http://www.ortrtr.ru/>].

*Ясно, что за счёт собственных доходов в должном виде город содержать трудно. Я бы здесь считал несправедливым **всех „собак“ вешать на губернатора*** [URL: <http://www.ortrtr.ru/>];

*Первое, по поводу ситуации в Чечне и возможных переговорах. **Худой мир — всегда лучше, чем хорошая война*** [URL: www.president-line.ru/];

*Там, где государство может и должно помочь, оно, конечно, будет **подставлять плечо**, но прежде всего это зависит от прямых руководителей предприятия, где Вы работаете* [URL: <http://premier.gov.ru/>];

Но мы прекрасно **отдаём себе отчёт** в том, что эти вопросы являются весьма важными для, не побоюсь этого слова, судьбы белорусской экономики, да и очень чувствительными для Казахстана, несмотря на то, что Казахстан является нефте- и газодобывающей страной [URL: <http://premier.gov.ru/>];

Но я бы не стал **бросать камни в огород** тех, кто тогда критиковал Правительство за то, что оно, образно говоря, скупердяйничает, откладывая всё на чёрный день [URL: <http://premier.gov.ru/>];

Я всё время слышу один и тот же тезис о необходимости обеспечить независимость от поставок российского газа. У меня всегда возникает встречный вопрос: „А зачем?“ У нас есть хорошая поговорка: **от добра добра не ищут** [URL: <http://premier.gov.ru/>];

Значит лесопереработка. Гнать „кругляк“ за границу — **ума много не нужно**, это правда [URL: <http://stats-sekretar.ru/>];

Первый момент и первый сигнал заключается в том, что государство не **оставляет в беде, один на один с бедой** тех, кто с ней столкнулся <...> Потому что это лишний раз подчеркнуло, что внутри нашего народа, в душе нашего народа живёт солидарность, солидарность и готовность **прийти на помощь и подставить плечо** в нужный момент. Это очень важно, на мой взгляд [URL: <http://premier.gov.ru/>].

Как видим, семантика фразеологизмов определяет культурно-нравственные ориентиры, заявленные в идеологических ценностных установках программы партии. Центральная сема «честный руководитель» актуализируется на денотативном уровне и манифестирует стремление к формированию нравственных ценностей, поднятию общей культуры населения, обеспечению физического и духовного здоровья нации, утверждению межнационального и межконфессионального согласия в стране.

2. Эмоционально-экспрессивный компонент фразеологии В. В. Путина часто базируется на употреблении маркированных единиц речи и креативного подхода к построению высказываний (просодические средства: темп речи, логические ударения, фигуры речи: градация, параллельные синтаксические конструкции). Паремический и фразеологический потенциал русского языка (нередко с элементами религиозного лексикона) широко используется в речи В. В. Путина, что говорит о его четком позиционировании в рядах национального большинства России.

Неотъемлемым элементом речевого портрета политика выступает эмоционально-экспрессивная составляющая высказывания. На политической арене В. В. Путин является тем деятелем, речь которого изобилует единицами косвенно-производной номинации экспрессивного характера. Выражения, содержащие в своей семантической структуре эмотивную составляющую, типичны для идиостиля главы Российского государства. Ему прочат войти в историю отчасти за счет образных выражений, которые становятся афоризмами благодаря четко проявленной экспрессии.

Наиболее ярко в идиостиле В. В. Путина воспринимаются словосочетания, в которых наблюдается варьирование прямого и переносного значения, что порождает эффект экспрессии, делает политический дискурс более выразительным. Рассмотрим пример употребления оборота **«ужинать без галстуков»**, означающего неофициальный ужин в непринужденной обстановке. В. В. Путин употребил данное выражение на встрече с Ю. В. Тимошенко при ответе на вопрос о том, чем занимаются на ужине В. А. Ющенко и М. Н. Саакашвили:

*Двум президентам лучше всего **ужинать без галстуков**. Галстуки нынче в цене. Не ровён час... Ну, вы меня понимаете...* [URL: <http://kp.ru/>].

Ключевая сема «непринужденное общение», коннотативный эмоционально-экспрессивный макрокомпонент находится на уровне экстралингвистических данных. В данном случае наблюдаем речевое обыгрывание семантики устойчивого словесного комплекса и буквального значения свободного сочетания слов. Внутренняя форма ФЕ в упомянутом примере, ее образная составляющая переплетается с актуальным значением выражения, что создает комический эффект. В речевом образце содержится намек на известные события, в которых «отличился» бывший президент Грузии М. Н. Саакашвили, жующий свой галстук перед миллионами зрителей.

Заслуживает интереса эмоционально-экспрессивное употребление ФЕ **загнать/загонять кого-либо в угол**, которая применена несколько раз, и в этом случае обыгрывается использование аналогичного лексического сочетания с фразеологизмом:

А. Колесников: *Помните, в книге „От первого лица“ вы рассказывали о том, что однажды, когда еще были подростком, на лестнице подъезда **загнали крысу в угол?***

В. Путин: *А, было, да! А потом она погналась за мной! Я еле убежал.*

А. Колесников: *И после этого вы поняли, что нельзя никого **загонять в угол**.*

В. Путин: *И очень хорошо понял. На всю жизнь.*

А. Колесников: *Скажите, а зачем же вы тогда загнали в угол Михаила Ходорковского?*

В. Путин: *Почему загнал в угол? — удивился премьер. — Он несёт заслуженное наказание. Выйдет на волю — будет свободным человеком. Нет, я уж точно не загонял его в угол* [URL: <http://www.kommersant.ru>].

В начале интервью корреспондентом употреблено свободное словосочетание *загонять в угол* в прямом значении, когда речь идет о крысе. В дальнейшем данное сочетание приобретает образные экспрессивные характеристики, реализуя значение «ставить кого-либо в тяжелое или безвыходное положение». В конечном итоге мы имеем дело с ФЕ, дважды употребленной президентом РФ в одной фразе с вопросительной и утвердительной интонацией в комплексе с мимикой и жестами.

Как видим, центральная сема «поставить в безвыходное положение» актуализируется на коннотативном фоне, отражающем общероссийскую ситуацию «наказание олигархов». Следует отметить прием аккумуляции образной составляющей (метафоро-метонимический контекст: крыса → олигарх → угол), способствующей поднятию эмоционально-экспрессивного тона диалога.

3. Национально-культурный уровень.

Наряду со знанием русского менталитета, В. В. Путин демонстрирует и уровень владения фразеологическими оборотами, типичными для лингвокреативного мышления современных россиян. Рассмотрим на примерах современные устойчивые словосочетания разговорного регистра в речевых манифестациях президента:

...местные власти недофинансируют эту сферу, своевременно тарифы не повышают, хочется быть белыми и пушистыми перед своим микрорайоном, перед своим городом либо посёлком [URL: <http://premier.gov.ru/>];

Не знаю, может быть, за неспортивное поведение, но это вопрос не ко мне [URL: <http://www.moskva-putinu.ru/>];

В Российской Федерации не осуществляется никакого контроля за „всемирной паутиной“, за российским сегментом Интернета [URL: <http://lenta.ru/>];

Но и, несмотря на проблемы с так называемой утечкой мозгов, все-таки мы можем констатировать, что российские специалисты — люди, которые получили высшее образование в нашей системе, — они пользуются спросом [URL: <http://www.lenta.ru/articles/2005/09/27/president/>].

В вышеприведенных высказываниях использованы неологизмы: *неспортивное поведение* — действия, противоречащие общепринятым нормам поведения, негодные правящим структурам; *Всемирная паутина* — определение, которое закрепилось за Интернетом; *утечка мозгов* — массовый переезд интеллигенции, интеллектуальной элиты страны в другие государства. Неологизмы свидетельствуют о мобильности мышления руководителя российского государства, его готовности к переменам, связанным с развитием языка, к творческим возможностям адекватно реагировать на изменяющиеся языковые формы выражения мысли.

В современной российской лингвокультуре часто находит применение лексема «серый», которая ранее воспринималась как «невзрачный, безынициативный, недалекий». В последнее время данное слово несет в себе следующие коннотации: незаконность, скрытость от властей, бесконтрольность. В сочетаниях «серый рынок», «серый товар» мы видим, что данная лексема в последнее время образует целый ряд фразеологизмов-неологизмов и прочно вошла в обиход любого россиянина. Сочетания подобного типа с негативной окраской встречаются нередко в дискурсе В. В. Путина. Приведем некоторые из них.

Особенно остро это в странах с переходной экономикой, потому что очень много неотрегулированных законом „серых“ зон, но если мы все вместе, все общество будет обращать на это внимание, то мы будем добиваться успехов [URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/638757-echo/>];

В. В. Путин неоднократно употребляет языковой знак «серый» в устойчивых словосочетаниях в своем идиостиле с явной негативной оценкой, что свидетельствует о неприемлемости для него противозаконных действий и нарушений прав человека.

В речевых образцах В. В. Путина находят свое выражение и реалии жизни, отражающие менталитет нации на современном этапе развития, манифестирующие систему ценностей россиян:

Этот первый шаг рассчитан на другое — на то, чтобы выявить эти проблемы, получить необходимую статистику, выявить те предприятия и тех работодателей, которые вовремя, в срок не платят „чистую“ заработную плату. А сегодняшний работник — имея в виду будущую пенсию — заинтересован в том, чтобы все деньги платили вчистую — не в конверте, а напрямую [URL: <http://premier.gov.ru/>];

Мы считаем, и Правительство исходит из того, что это позволит вывести из

тени часть заработной платы, потому что человек будет требовать от работодателя, чтобы его заработную плату показывали в полном объеме, а не давали ему „в черную“ в конверте, так как от его заработной платы сегодня будет зависеть размер пенсии в будущем. И это очень важный принцип [URL: <http://www.ortrtr.ru/>];

На всём по максимуму хотят „отжать“ деньги для себя лично в карман [URL: <http://www.vesti.ru/>].

В вышеприведенных высказываниях устойчивые языковые единицы *платить в конверте, платить «в черную», отжать деньги* актуализируют интегральную сему «незаконные финансовые операции». Для русского менталитета данные словосочетания обладают широким коннотационным потенциалом и вошли в привычный обиход, и не только в последнее время. В. В. Путин вводит в свои высказывания подобные образцы, чтобы показать свою осведомленность о сложившейся ситуации. Известные случаи проявления незаконных действий находят негативную оценку с его стороны, чего, впрочем, и следовало ожидать от представителя власти.

Российский президент регулярно «обогащает» свои публичные заявления уличным сленгом. Большинству россиян импонируют откровенные вызовы и некоторая жесткость в речевом поведении главы государства.

Писатель Виктор Ерофеев, комментируя речевые особенности Путина, считает, что подобные формулировки речи в России — это «единственное звуковое явление, которое является большим, чем звуковое явление. Это язык подавления, это приказы, это язык посылы, архаический язык» [URL: http://www.rtv.ru/anons/i/rspshchestdesiatdva5_a].

Рассмотрим несколько примеров:

Не нить и не пускать слюни по каждому поводу (о профессиональных качествах президента) [URL: <http://fontanka.ru/>];

Я не могу ручаться исключительно за все законодательные органы власти в стране регионального характера и регионального уровня, но я очень многие знаю, там „на дурачка“ не проскочишь [URL: <http://archive.kremlin.ru/>];

Вообще, нужно, чтобы у человека были перспективы в жизни, чтобы он их видел. И тогда он будет стремиться к их реализации, и „слезет“, как в народе говорят, со стакана [URL: <http://www.ortrtr.ru/>];

Всем, кто хочет такого развития событий, мне бы очень хотелось прямо в камеру показать фигуру из трёх пальцев, но не могу это сделать в силу воспитания [URL: <http://www.ortrtr.ru/>].

Устойчивые языковые комплексы *пускать слюни, проскочить на дурачка, слезть со стакана, фигура из трех пальцев* актуализируют ряд сем: «несостоятельность», «обман», «пьянство», «непристойный жест». Семантика приведенных ФЕ хорошо знакома каждому россиянину. Коннотативный фон формируется на базе понятийного поля «национальное зло». Меткие высказывания подобного рода очень легко запоминаются и передаются из уст в уста именно благодаря контрасту между политической сферой, предполагающей сухой и деловой стиль общения, и яркими, образными, откровенно жаргонными единицами языка.

4. Тематика политдискурса президента строится вокруг следующих аспектов: экономика России, торговля, социальная политика по улучшению уровня жизни населения, международный формат отношений, национальные интересы России (терроризм, экстремизм), внешнеполитическая и внешнеэкономическая ситуация, досуг и экология. В речевых фразеологических манифестациях В. В. Путина по данным позициям отмечается яркая аксиологическая составляющая высказываний.

Итак, коммуникативный имидж Путина — человек действия. Тексты его выступлений кратки, динамичны, информативно насыщены. В. В. Путин строит свои высказывания на основе четких аргументационных моделей, с учетом условных и причинно-следственных синтаксических связей. Отмечается наличие квалификаторов (*насколько мне известно, на мой взгляд, я бы сказал* и др.), что позволяет говорить о личности В. В. Путина как о рассудительном, а не импульсивном человеке. В высказываниях лидера отмечено большое количество прямых отсылок (*как вы знаете, нам с вами, уверяю вас* и т. д.), что отражает контактоустанавливающие стратегии личности. В своих высказываниях В. В. Путин реализует информационно-интерпретационную и аргументативную стратегии, используя, как правило, тактические приемы личностно ориентированной коммуникации с использованием лексики разговорного регистра, пословиц, крылатых выражений (*деньги растащили; смылись оттуда; глотка луженая; активность была на нуле*). Как показал анализ речевых манифестаций политика, В. В. Путина можно отнести к **традиционно-консервативному** типу языковой личности. По классификации К. Ф. Седова языковая личность В. В. Путина может быть отнесена к **кооперативно-актуализаторскому** подтипу: «Кооперативный актуализатор в речевом взаимодействии руководствуется основным принципом, который можно опре-

делитель, как стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами» [Седов 2000: 10]. Нельзя не отметить также нередкое употребление устойчивых оборотов речи сниженного регистра. Данный тип поведения может быть рассмотрен в рамках модели нарушения официальности, что вполне объяснимо с точки зрения сформированности личности В. В. Путина в рамках тоталитарного режима.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что идиополитический потенциал дискурса российского президента характеризуется следующими чертами: *институциональной эстетикой риторики, приоритетом профессиональной этики, регулируемой творческой активностью, демократичностью идиолектного узуса*. Языковую личность В. В. Путина можно скорее отнести к **доминантному типу коммуниканта**, который, как правило, стремится завладеть инициативой, осуществляет активное идеологическое воздействие на собеседника, обладает достаточным эмоциональным потенциалом, позиционирует себя активным русофоном, апеллирует преимущественно к решению внутренних проблем нации. В процессе исследования языкового материала мы пришли к мысли о том, что политическая культура президента в большинстве своем манифестирует широкий потенциал стилистических характеристик фразеологии и высокую степень эмоциональности узуса.

Целесообразно наметить перспективы дальнейшего изучения языковой личности политического лидера, в частности, в области корпусной лингвистики, гендерной лингвистики и сопоставительной лингвоперсоналогии. На основе сопоставительного анализа коммуникативного поведения предста-

вителей политической элиты различных наций представляется возможным выделить дополнительные лингвосемиотические параметры языковой личности рассматриваемого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России — 2. — М., 1998.
2. Водак Р. *Дискурс. Политика* / Р. Водак ; пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной ; Волгоград. гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Язык и личность». — Волгоград : Перемена, 1997. 138 с.
3. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ : доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. — СПб : СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88—108.
4. Гак В. Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. 1989. № 5.
5. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. — М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 37—64.
6. Караулов Ю. Н., Баранов А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991.
7. Комова Т. А., Гарагуля С. И. Языковая личность: от слова к тексту: на материале англоязычного дискурса. — URSS, 2013. — 248 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003. — 276 с.
9. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : моногр. — Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.
10. Седов К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. Вып. 1. С. 6—12.
11. Седых А. П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект : моногр. — Белгород : Белгород, 2013. 244 с.
12. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. — М. : Флинта : Наука, 2006.
13. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2003. Вып. 1. С. 17—29.
14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. — М. : Флинта : Наука, 2006. 344 с.
15. Шейгал Е. И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. — Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 157—161.

A. P. Sedykh
Belgorod, Russia

ON THE PROBLEM OF IDIOPOLITICAL DISCOURSE OF V. V. PUTIN

ABSTRACT. *The paper deals with linguistic identity of a politician on the material of statements of Vladimir Putin. President's discourse is studied on the basis of interpretive analysis of the utterance. Linguistic data verbalize idiolectal components of the strategies and tactics of speech influence of this political leader.*

The research is based on the conception of linguo-semiotic approach to representation of linguistic personality of a politician in language and speech and on the possibility of reflection of character forming parameters of the personality of a politician in phraseological units and their usage. The study uses theoretical propositions developed in linguistics and pragmatics of institutional discourse. The author makes an attempt to single out, analyze and classify speech strategies of the political leader of Russia on the basis of analysis of linguistic means used in the discourse under study. The article attempts at modeling the typology of properties of the linguistic personality of V.V. Putin. The results of the study of an idiopolitical style of a political leader and the discovered techniques enhance our understanding of the current institutional discourse.

KEYWORDS: *linguistic identity; institutional discourse; utterance; strategy and tactics of speech influence; communicative behavior; idiolect.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of German and French, Faculty of Foreign Languages, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Belgorod National Research University», Belgorod, Russia.*

REFERENCES

1. Bazylev V. N. K izucheniyu politicheskogo diskursa v Rossii i rossiyskogo politicheskogo diskursa // Politicheskiy diskurs v Rossii — 2. — M., 1998.
2. Vodak R zyk. Diskurs. Politika / R. Vodak ; per. s angl. i nem. V. I. Karasika, N. N. Troshinoy ; Volgograd. gos. ped. un-t, nauch.-issled. lab. «Yazyk i lichnost'». — Volgograd : Peremena, 1997. 138 s.
3. Gavrilova M. V. Lingvisticheskiy analiz politicheskogo teksta // Politicheskiy analiz : doklady empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SPbGU. — SPb : SPbGU, 2002. Vyp. 3. S. 88—108.
4. Gak V. G. K tipologii form yazykovoy politiki // Voprosy yazykoznaviya. 1989. № 5.
5. Karasik V. I. Etnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa // Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti : sb. obzorov. — M. : INION RAN, 2000. S. 37—64.
6. Karaulov Yu. N., Baranov A. N. Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu). — M., 1991.
7. Komova T. A., Garagulya S. I. Yazykovaya lichnost': ot slova k tekstu: na materiale angloyazychnogo diskursa. — URSS, 2013. — 248 s.
8. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. — M. : Gnozis, 2003. — 276 s.
9. Olyanich A. V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa : monogr. — Volgograd : Paradigma, 2004. 507 s.
10. Sedov K. F. Tipy yazykovykh lichnostey po sposobnosti k kooperatsii v rechevom povedenii // Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. Vyp. 1. S. 6—12.
11. Sedykh A. P. Frantsuzskaya yazykovaya lichnost'. Kognitivno-kommunikativnyy aspekt : monogr. — Belgorod : Belgorod, 2013. 244 s.
12. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya. — M. : Flinta : Nauka, 2006.
13. Chudinov A. P. Rossiyskaya politicheskaya lingvistika: etapy stanovleniya i vedushchie napravleniya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Voronezh, 2003. Vyp. 1. S. 17—29.
14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie dlya studentov, aspirantov, prepodavateley-filologov. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 344 s.
15. Sheygal E. I. Neverbal'nye znaki politicheskogo diskursa // Osnovnoe vysshee i dopolnitel'noe obrazovanie: problemy didaktiki i lingvistiki. — Volgograd, 2000. Vyp. 1. S. 157—161.

Статью рекомендует к публикации д-р филол.наук, проф. А. П. Чуудинов.

А. П. Сквородников, Г. А. Копнина
Красноярск, Россия

**ЛИНГВИСТИКА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ:
К ОБОСНОВАНИЮ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обоснованию выделения лингвистики информационно-психологической войны как особого научного направления, связанного с изучением языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства. Обоснована актуальность, обозначены предметное поле, методологические основания и проблематика этого направления, его основной терминологический аппарат, выявленные путем аналитико-описательного метода. Отмечается междисциплинарный характер информационно-психологической войны как объекта исследования и предлагается ее наиболее общая формулировка. Особое внимание уделяется проблеме определения понятийного аппарата лингвистики информационно-психологической войны (таких его составляющих, как субъект, актор, объект, мишень, стратегии, тактики, информационное оружие и др.) и необходимости поиска критериев для квалификации текстов как принадлежащих дискурсу информационно-психологической войны. В статье названы речевые сферы, в которых осуществляется информационно-психологическая война, и некоторые жанровые предпочтения ее акторов с приведением иллюстративного материала (памфлет, фельетон, рецензия, такие малоформатные комические жанры, как политический анекдот, политическое стихотворение, сатирический комментарий). Отмечается, что информационно-психологическая война в наше время выходит за рамки публицистической речи и осуществляется в текстах рекламных, дипломатических и даже художественных. Разработка лингвистики информационно-психологической войны будет способствовать созданию технологий противодействия информационно-психологической агрессии против России, подготовке специалистов в области информационной безопасности личности и общества, а также содействовать взаимообогащению гуманитарных дисциплин, прежде всего таких, как философия, психология, история и культурология.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; информационно-психологическая война; лингвистика информационно-психологических войн.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: skarnat@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: gkopnina@mail.ru.

Сложившаяся политическая обстановка в мире характеризуется жестким противоборством сторон в отстаивании политических и экономических интересов и позволяет исследователям говорить об информационных войнах. Эти войны признаются не менее опасными, чем вооруженные столкновения, поскольку их результатом может быть нанесение непоправимого ущерба объекту воздействия (стране, народу, группе лиц и т. д.), вплоть до его полного уничтожения.

Учитывая инвариантные признаки информационной войны, которые содержатся в многообразных дефинициях этого термина [Операции 2015; Расторгуев 2003; Крынина 2009 и др.], определим информационную войну как противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности.

В наиболее обобщенном виде выделяются два типа информационной войны: информационно-техническая война и война информационно-психологическая. В информационно-технической войне воздействие осуществляется на системы связи и управ-

ления: компьютерные и телекоммуникационные системы, радиоэлектронные средства, средства защиты информации и другие информационно-технические системы; в информационно-психологической войне объектом воздействия является психика человека, общественное сознание [Панарин 2012; Почепцов 2000: 56; Смирнов 2013: 83; Соколова 2007: 19 и др.].

Информационно-психологическая война (иногда ее называют просто психологической или отождествляют с информационной войной) является междисциплинарным объектом исследования. Она изучается в разных аспектах (приведем далее в качестве примера по два-три источника на каждый аспект):

- психологическом [Сенявская 1999; Психология господства и подчинения 1998; Зелинский 2008];
- историко-политическом [Эйдук 2008; Беляев 2014; Воронцова, Фролов 2006];
- политологическом [Бедрицкий 2007; Лисичкин, Шелепин 2005; Филоненко 2006];
- социологическом [Чистяков 2007; Швец 2005];
- философском [Керсновский 2010; Расторгуев 2003; Снесарев 2003];
- правовом [Лопатин 2000; Изолитов 2008] и некоторых других.

Такая многоаспектность исследований информационно-психологической войны об-

условливает существование ее различных дефиниций. Предложим наиболее общую формулировку этого понятия, не противоречащую существующим определениям, но учитывающую роль языка и речи в психологическом воздействии. Информационно-психологическая война — это противостояние сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия. Хотя исследователи отмечают, что «информационная война — это прежде всего вербальная война» [Синельникова 2014: 96], в современном языкознании оказываются исследованными лишь некоторые речевые стратегии и языковые средства политической коммуникации, которые могут использоваться в информационно-психологической войне. Между тем комплексная разработка лингвистического аспекта информационно-психологических войн чрезвычайно важна для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России.

Анализ публикаций в СМИ позволяет заключить, что русский язык в наше время является не только средством создания текстов антироссийской информационно-психологической войны, но и мишенью в этой войне. Специально конструируемые тексты применяются агрессорами для провоцирования конфликтов на территории России, искажения ее истории, духовно-нравственных ценностей, влияния на общественное сознание. Используемые речевые технологии, приемы и средства негативного информационно-психологического воздействия и сопротивления ему должны стать объектом специального лингвистического исследования.

Полагаем, что можно говорить о лингвистике информационно-психологической войны (далее — ЛИПВ) как о таком направлении современного языкознания, объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн. Предметом ЛИПВ являются речевые технологии (речевые стратегии, тактики, приемы и реализующие их языковые средства), мотивированные соответствующими целями.

В основе методологии ЛИПВ лежат концептуальные положения философии войны (в том числе философии информационной

войны), психологии воздействия (включая теорию манипуляции общественным сознанием), теории коммуникации и таких лингвистических дисциплин, как прагмалингвистика, политическая лингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, медиалингвистика, гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоконфликтология. ЛИПВ использует совокупность традиционно сложившихся методик исследования речи и текста, включающую дискурс-анализ, контекстуальный анализ, интенциональный анализ, стилистический анализ, семантический анализ, дистрибутивный анализ, статистический анализ и некоторые другие методы.

Основной методологической проблемой для лингвистов, изучающих информационно-психологическую войну, является создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие. Представляется, что анализ изолированного высказывания, фрагмента текста или даже целого текста часто не дает оснований для его квалификации как оружия информационно-психологической войны. Например, чтобы приведенные ниже тексты, дающие негативную оценку тому или иному объекту, квалифицировать названным выше образом, необходимо их рассматривать в контексте дискурса автора или издания (а также других информационных каналов) в определенный период времени:

- *Вчера во время очередной сессии парламента в зал ворвались двое вооруженных бандитов. Они извинились за опоздание и заняли свои места (АиФ. 2010. № 11);*

- *Холод измеряется в градусах, надежность строительства — доверием общества. Сегодня степень доверия такая: если наше правительство скажет, что весной на деревьях появятся зеленые листочки, — ему не поверят! И будут думать-гадать, какую еще каверзу оно замыслило! (АиФ. 2014. № 6);*

- *О. Митволь, безработный, экс-префект Северного округа Москвы: „Меня убрали непонятно за что. Я этим горжусь. Я горжусь тем, что за 6,5 лет моей госслужбы на меня нет компромата, никто ничего мне предъявить не может“.*

Нашли чем гордиться! В сложившейся системе отсутствие компромата на чиновника не достоинство, а недостаток. Хотите вернуться во власть — срочно что-нибудь соприте! (АиФ. 2010. № 43).

Для исследований в области ЛИПВ недостаточно системы понятий, ставших более или менее употребительными в речеведе-

нии: речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика, речевой жанр, речевая агрессия, речевая манипуляция, языковая демагогия и др. В лингвистических работах, посвященных языку информационно-психологических войн, используются, например, такие терминопонятия, как информационно-психологическое противостояние; информационно-психологическое противоборство; информационно-психологическое воздействие; информационно-психологическое влияние; глобальные и локальные информационно-психологические войны; объект и субъект информационно-психологической войны; канал информационно-психологического обмена; информационно-психологические операции; информационное оружие; методы, приемы и инструментарий (языковые средства) информационно-психологического воздействия; актуализация стереотипов, символов; психологический контекст восприятия и некоторые другие [Тагильцева 2010; Тагильцева 2012; Тагильцева 2013; Рыжкина; Фарина 2010 и др.]. Таким образом, намечается формирование специальной терминологии, обслуживающей ЛИПВ как научное направление.

Соотношение целого ряда терминов является дискуссионным, например следующих: «информационно-психологическая война» и «информационно-психологическое противоборство», «средства информационно-психологического воздействия» и «каналы информационно-психологического воздействия», «объект информационно-психологической войны» и «мишень информационно-психологической войны». В связи с этим выявление и определение базовых понятий ЛИПВ является одной из ее первоочередных задач.

Другая проблема, входящая в круг интересов рассматриваемого лингвистического направления, связана с определением и разграничением субъектов, объектов и мишеней информационно-психологической войны. Одни исследователи к субъектам информационно-психологического воздействия относят информационные системы, прежде всего сознание людей [Тагильцева 2013: 133], другие — различные институты и спецслужбы государств [Авцинова 2011: 42], средства массовой информации, органы пропаганды международных организаций, негосударственные структуры (блогеры, хакеры, неструктурированные сетевые сообщества) и т. п. [Смирнов: 87]. Наблюдения показывают, что понятия объекта и мишени информационно-психологической войны неравнозначны. Если объектом такой войны считать сознание, то мишенями являются понятия и

представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке. Так, в настоящее время мишенями информационно-психологической войны являются властная вертикаль, Русская православная церковь, внешняя политика руководства страны, русский язык, русская литература и т. д. [см.: Сквородников, Королькова 2015].

Выделяют три «уровня» (аспекта) ведения информационно-психологического противоборства: стратегический, оперативный и тактический. «В основном, на стратегическом уровне информационного геополитического противоборства должны действовать высшие органы государственной власти России, а спецслужбы и крупный национальный капитал — на оперативном и тактическом уровнях» [Панарин 2012]. На каждом из названных уровней используются определенные реализующиеся в речи стратегии и тактики. Их систематизация и описание также входят в проблемное поле ЛИПВ с предварительным уточнением самих понятий речевых стратегий и тактик применительно к информационно-психологической войне.

Иногда используется термин «организационная война» для обозначения разного рода мероприятий, направленных на ослабление или уничтожение противника, разрушение его организационных структур. Следовательно, можно говорить об организационном уровне ведения информационно-психологической войны. Примером войны на таком уровне может служить снятие с эфира федерального канала «Россия-24» 38-го выпуска «Бесогона» Никиты Михалкова, которое стратегически объясняется стремлением не допустить в эфир неудобную руководству канала информацию, а тактически оправдывается нарушением корпоративной этики в случае демонстрации этого выпуска: «В эфире каналов холдинга не допускается появление материалов, которые наши коллеги по телевизионному цеху могут расценить как недружественные и тем более — оскорбительные. По опыту 1990-х российское телевидение знает, как возникают и к чему приводят „эфирные войны“» [В ВГТРК объяснили...]. Другим примером организационной войны является широкое распространение так называемых «соросовских» учебников истории, суть которых заключалась в искажении истории России, направленном на изменение национального самосознания и в целом картины мира (подробнее об этом см., например, материал под названием «Уничтожение школы» в газете «Завтра» — 2004 г., № 32).

Ощущается необходимость разработки методики выявления, анализа и типологизации языковых особенностей текстов информационно-психологической войны. Наблюдения над «манипулятивными играми в слова», занимающими важное место в информационной войне, содержатся, например, в книгах некоторых лингвистов: «Кто управляет Россией?» [Миронова 2010], «Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ» [Васильев 2013]. Однако не меньший интерес для лингвистов представляют публикации, которые, несмотря на то, что их авторы не являются филологами, содержат отдельные наблюдения над языковыми особенностями текстов информационно-психологической войны, например над креативными «находками» акторов войны: «Так, создано слово „фашизоидный“ как гибрид понятий фашиста и шизофреника и помещено рядом со словом большевистский» [Лисичкин, Шелепин 2005: 308]. И. Н. Панарин пишет, что в конце XX в. широкое распространение получил «метод семантического манипулирования», который состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации (наш человек — разведчик, их — шпион и т. д.)» [Панарин 2012]. Или вот, например, наблюдения над использованием языковых средств реализации стратегии компрометации В. И. Ленина: «Среди интеллигенции стало распространяться ироническое отношение к Ленину. В одном из отраслевых институтов был даже выработан эзопов язык, в котором В. И. Ленин обозначался термином „бородейка“, а партработники — термином „лузанок“, рядовые люди, верящие в Ленина, — термином „совки“. Кстати, последний со временем получил очень широкое распространение» [Лисичкин, Шелепин 2005: 174—175].

Немаловажным считаем выявление возможностей тропеических, фигуральных и иных речевых приемов, используемых в информационно-психологической войне. Например, можно отметить широкое употребление приема трансформации прецедентного текста как способа искажения информации: *Социализм — это советская власть плюс электрификация всей колючей проволоки* (Твой Додыр. 2001. № 26). Ср. с высказыванием Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» [Ленин 1970]. Полнота и разнообразие использования речевых приемов в информационно-психологической войне должны составить предмет отдельного исследования.

Интересно замечание Д. Н. Зеркалова, правда, сделанное в ином контексте, о роли языковых средств в формировании исторического сознания народа и в какой-то степени в противостоянии психологическому воздействию: «...если бы удалось вырвать из национального сознания память о Победе, то для народа России была бы уничтожена система „всех важнейших линий интерпретаций настоящего“. Более того, была бы уничтожена система координат для оценки реальности, то есть была бы рассыпана мировоззренческая матрица народа. Он был бы лишен языка („Риторических средств выражения“). Кроме того, народ был бы лишен и общих художественных и эмоциональных средств общения внутри себя и с государством — он утратил бы язык „высоких коллективных чувств“ и язык „лирической государственности“» [Зеркалов 2012: 489].

Важной задачей ЛИПВ является установление коммуникативных сфер и жанровых предпочтений акторов информационно-психологической войны. Обычно исследователи анализируют материалы, публикуемые в СМИ и размещенные в сети Интернет, в меньшей степени — учебные издания, прежде всего по истории той или иной страны. Появились даже термины «сетевые войны» (войны в сети Интернет), «эфирные войны» (войны на телевидении). Так, А. П. Столешников пишет о регулярных публикациях в советской прессе фельетонов Арта Бухвальда: «Я читал их паренком еще в 1960-е годы и через них тоже заболел низкопоклонством перед Америкой. А почему они их печатали? Фельетоны Арта Бухвальда, разумеется, были об Америке. Но они были проникнуты такой мягкой критикой и такой внутренней симпатией к Америке, что они воспринимались в духе „Нам бы их проблемы“» [Столешников 2014: 7].

Проявления информационно-психологической войны встречаются в публицистике, художественной литературе, кинематографе. Так, А. А. Бернацкой принадлежит статья «Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А. А. Зиновьева „Катастрожка“» [Бернацкая 2015]. Пример, касающийся сферы кинематографа, описан был в газете «Культура»: «В феврале выйдет первый игровой фильм национальной чеченской кинокомпании, зарегистрированной как ООО „Грозный-Фильм“ им. шейха Мансура (был в XVIII веке такой проповедник джихада „до последнего неверного“). Называется картина „Пепел“. О чем она? Думаете, о борьбе позитивных сил в Чечне с террористами? Или о преступлениях

дудаевского режима, устроившего еще до первой чеченской войны массовый геноцид русского населения в Чечне? Ошибаетесь. Фильм экранизирует историю, появившуюся в печати в 1989 году, в ходе проводимой Яковлевым по заданию Горбачева тотальной „декоммунизации“ и „десталинизации“. Якобы в 1944 году при депортации невольных чеченцев из тыла наших сражающихся войск в Казахстан, злые энкавэдэшники взяли да и сожгли в сельской конюшне не то 200, не то 700 мирных чеченцев. Ну, чтобы не возиться, спуская их с гор. Разумеется, по фильму, все эти русские — сплошь садисты, пьяницы и наркоманы. <...> Но сегодня на волне роста национального самосознания кавказских народов прокатывают и подобные вещи. Удивительным образом синхронизируясь по времени и с волгоградскими взрывами, и с призывами о мусульманском „походе на Москву“... Ведь не случайно новоиспеченную страшилку о „сожжении русских варварами чеченских детей в ауле Хайбах“ собираются выпустить на экраны именно 23 февраля — в День защитника Отечества» (Культура. 2014. № 1).

Борьба против России, ее национальных ценностей и лидеров ведется не только в кинематографе, но и в критических отзывах о кинофильмах. Для того чтобы убедиться в этом, можно сравнить рецензии на фильм Владимира Бортко «Тарас Бульба». Приведем фрагменты двух рецензий:

1. *Картинка в духе парадных полотен Глазунова. <...> В школе нам талдычили про национально-освободительную борьбу русско-украинского народа и героические характеры, вступившие в смертельный бой с польскими захватчиками. Мрачная сторона этой повести открылась много позже. Как и разрывной в трагических противоречиях характер Тараса, затеявшего войну не только из патриотического рвения. Чужими руками, ловкой демагогией он свергает мирного и мудрого кошевого. И братья его „козаки“ в войне нуждались, чтобы, мародерствуя лихо, от долгов освободиться. Оттого и призыв Тараса им понятнее всех мировых: „Да ведь он басурман: и Бог, и Святое Писание велит бить басурманов!“ <...>*

Умирают герои один за другим — монументально, статуарно, кроваво. В смертный час со знаменательными речами к товарищам взывая: „Товарищи, за всех христиан!“, „Пусть же стоит во все времена православная русская земля!“ Ну, натурально, митинг во славу России и православия (Новая газета. 2009. № 33);

2. *Сейчас уже начались споры вокруг фильма, эпос или пафос показал Бортко.*

Не вижу в таком противопоставлении никакого смысла, потому что хорошо представляю пафос без эпоса, но не представляю эпоса без пафоса. Главное, что удалось Бортко, — это выразить мысль Гоголя, что в жизни человека есть нечто более высокое, чем сама жизнь, и заразить этой мыслью актеров. Ведь одно дело — сказать, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, а другое дело — сыграть. <...> И если это пафос, и ничего больше, то пусть будет только пафос — а то жизни без пафоса мы уже наелись под завязку. Уже тошнит. Да, красавец Кукубенко умирает в грязи, под копытами лошадей — сейчас бы сказали, как собака. Он тоже мог любить и быть любимым, как Андрий. А теперь его истерзанное тело едва ли кто-нибудь похоронит. Но: „Садись, Кукубенко, одесную меня! — скажет ему Христос, — ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою Церковь“» (Литературная газета. 2009. № 15).

Информационно-психологическая война ведется также с использованием малоформатных комических жанров, мишенью которых является Русская православная церковь. Приведем стихотворный текст и политический анекдот:

1. *Дорога к храму очень непроста.*

Ведь ждут на ней нас,

грешников убогих,

Работники кадила и креста,

Храмовники с большой дороги.

Властям лизнули нужные места,

И вместо келий выросли чертоги

Работников кадила и креста,

Угодников с большой дороги.

Красиво врут елейные уста.

А несогласных приютят в остроге

Работники кадила и креста

Затворники с большой дороги

[Анекдоты про РПЦ];

2. *Краснознаменное эбславиэ*

— До 1991 года у нас был „развитый коммунистический социализм“...

— А что теперь?

— Недоразвитый православный чекизм [Анекдоты из России].

Основным жанром, тяготеющим к тематике информационно-психологической войны, является памфлет. В качестве примера можно привести публикации «Корейское» Д. Быкова (Новая газета. 2014. № 115), «Демократура» Л. Шахова (Жизнь. 2013. № 26) и «Кавалер ордена Иуды» Вл. Шурыгина (Завтра. 2011. № 10).

Информационно-психологическая война ведется и в политическом рекламном дис-

курсе. Таково, например, начало антирекламной статьи, направленной против Г. А. Зюганова в период президентских выборов 1996 г.:

Геннадий Андреевич Зюганов... Человек и паролог. Совесть униженных и обездоленных. Надежда ленивых и заблудших. Ностальгия престарелых и недалеких (это уже независимо от возраста). Что мы знаем о нем? Что знали мы о нем лет 5—7 назад? Какие его труды читали? На каких видели баррикадах?...

Не знали и не знаем. Не читали и не видели. С моста его не сбрасывали, голову на рельсы он не клал, оркестром не дирижировал. Одним словом, темная лошадка (Очевидец. 1996. № 61).

Примером ответного информационного удара, направленного на отражение информационной агрессии против России, может служить речь Президента В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Приведем фрагмент его выступления: *Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, о чем говорил предыдущий выступающий. Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе назревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся [70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН].*

Исследователи выделяют приоритетные направления государственной политики России по противодействию информационно-психологическим атакам [Авцинова 2011: 46; Мушта 2009: 41; Панарин 2012]. Языковой аспект проблемы противодействия такой войне должен входить в круг вопросов лингвистики информационно-психологической войны. Примером информационного противостояния и одновременно контрманипуляции может служить публикация в газете «Завтра», в которой доказывается, что в слове «ватники», которое русофобы пытаются сделать символом отсталости, неполноценности русского народа, на самом деле нет ничего оскорбительного. Автор статьи пишет, что ватник — удобная и привычная русская одежда; в ватнике любил ходить император Александр Третий; войну с фашистами выиграли в ватниках; это «самая массовая и самая демократичная зимняя одежда в мире, спасающая от холода миллионы

жизней»; в ватнике проходил лагерный срок А. Солженицын; в нем ходили нобелевский лауреат Иосиф Бродский, Борис Пастернак, Виктор Астафьев, Василий Шукшин. «Ватник на сегодня — это самая известная русская одежда. Ватник у миллионов людей символизирует не лентяев и лодырей, не пьяниц и воришек, а как раз, наоборот — все самые героические деяния народа: период великих строек, период великой войны, период восстановления, или же самые трагические периоды в жизни страны: лагерные репрессии, ссылки, тяжелый труд. Так что ватник — это звучит гордо» (Завтра. 2015. № 21).

Методология ЛИПВ диктует необходимость обращения к разработкам многих дисциплин, в первую очередь политической лингвистики. Например, большую значимость для ЛИПВ имеют исследования политической метафорики (см.: [Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2003; Чудинов 2013; Будаев, Чудинов 2008] и др.), поскольку метафора является одним из способов конструирования картины мира — одного из объектов психологического воздействия. Эти исследования дают богатый материал для аналитического осмысления и обобщений.

Разработка лингвистики информационно-психологической войны как особого научного направления, изучающего язык и речевые технологии информационно-психологического противоборства, будет содействовать взаимообогащению ряда гуманитарных дисциплин, прежде всего таких, как философия, психология, история и культурология. Взаимодействие ЛИПВ с этими и другими дисциплинами может составить содержание отдельной научной публикации, поэтому в этой статье ограничимся приведением некоторых наблюдений журналистов над связью языка и культуры, языка и истории. Например, на высказывание Алексея Цветкова, начинающееся словами «Обрекая себя на русскую духовность...», журналист реагирует таким образом: «И не так уж важно, чем завершает живущий в Праге А. Цветков свой пассаж. Неприятно уколола фальшь в начале фразы. <...> Искажается изначальный смысл творчества и самой культуры, поскольку обречь можно лишь на бездуховность» (Литературная газета. 2013. № 14). Другой пример связан с оценкой стратегии «очернения» истории страны: «К сожалению, в России ее великое прошлое всячески топтали в 90-е годы. И до сего дня этим занимаются такие теле-подмастерья, как Н. Сванидзе, Л. Млечин и их единомышленники среди историков, деятелей культуры и политики, прикрываясь „восстановлением исторической правды“» (Завтра. 2013. № 51). Та-

кую ситуацию в исторической науке профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. С. Брачев объясняет, приводя высказывание профессора И. Я. Фроянова: «...совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им просто как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосознание. Известно, что знание истории делает человека гражданином» (Литературная газета. 2011. № 5).

Сказанное в этой статье свидетельствует о высокой степени актуальности такого научного направления, как лингвистика информационно-психологической войны, поскольку эта война разворачивается в настоящее время в России и именно лингвисты способны помочь государству и обществу противостоять ей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцинова Г. Тенденции информационной войны против России // Обозреватель. 2011. № 7. С. 37—49. URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2011/037_049.pdf.
2. Анекдоты из России. URL: <http://www.anekdot.ru/id/313345/>.
3. Анекдоты про РПЦ. URL: <http://www.vysokovskiy.ru/anekdot/rpts/>.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994.
5. Бедрицкий А. В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: автореф. ... канд. полит. наук. — М., 2007.
6. Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. — СПб.: Питер, 2014. 256 с.
7. Бернацкая А. А. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А. А. Зиновьева «Катастрожка») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 197—223. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._1.pdf.
8. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М.: Наука: Флинта, 2008.
9. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб.: Центр «Златоуст», 2013.
10. В ВГТРК объяснили снятие с эфира передачи Михалкова «Бесогон ТВ» // Lenta.ru. 2015. 14 дек. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/14/besogon/>.
11. Волковский Н. Л. Журналистика в информационных войнах: исторические истоки и современные тенденции: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2003.
12. Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства. — М.: Горячая линия Телеком, 2006.
13. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. — СПб.: Скифия, 2008. URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_1eaeef80e566efbfa041bafd712f9b13c.
14. Зеркалов Д. В. Информационные войны: моногр. — Киев: Основа, 2012. URL: <http://zerkalov.org.ua/files/ivm-z.pdf>.
15. Изолитов А. С. Уголовно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в условиях действия исключительных правовых режимов: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
16. Керсновский А. А. Философия войны. — М.: Изд-во Москов. Патриархии, 2010.
17. Крынина О. Ю. Дефиниции понятия «информационная война»: анализ российского и зарубежного опыта // Новые

технологии. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/definitii-ponyatiya-informatsionnaya-voyna-analiz-rossiyskogo-i-zarubezhnogo-opyta>.

18. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. — М.: Изд-во полит. литературы, 1970. URL: <http://uaio.ru/vil/42.htm>.

19. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. — М.: Алгоритм: Эксмо, 2005.

20. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2000.

21. Миронова Т. Л. Кто управляет Россией? — М.: Алгоритм, 2010.

22. Мушта О. П. Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов: науч.-практ. журн. 2009. № 1. С. 37—41. URL: http://seun.ru/content/nauka/5/1/doc/1_4_2009.pdf.

23. Операции информационно-психологической войны: краткий энцикл. слов.-справ. / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов; под ред. А. И. Петренко. 2-е изд., стер. — М.: Горячая линия — Телеком, 2015.

24. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. — М.: Поколение, 2012. 411 с. URL: <http://x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm>.

25. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html.

26. Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А. Г. Чернявская. — Минск: Харвест, 1998.

27. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. — М.: Вузовская книга: МПСИ, 2003.

28. Рыжкина Е. В. Фразеология как оружие информационной войны. URL: <http://www.tsutmb.ru/rgnf-obyavlyayet-konkurs-ekspertov-2013-goda>.

29. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: РОССПЭН, 1999.

30. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95—101.

31. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160—172. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf>.

32. Смирнов А. Информационно-психологическая война. Об одном средстве международного информационного противоборства. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnaya_misl/2013_06/8.pdf.

33. Снесарев А. Е. Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003.

34. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. — Красноярск, 2007.

35. Столешников А. П. США против России. Информационные войны в Интернете // Русский вестник. 2014. № 7. С. 7.

36. Тагильцева Ю. Р. Война и мир: основные способы выхода из информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 133—138.

37. Тагильцева Ю. Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 171—175. URL: <http://elibrary.ru/download/38764626.pdf>.

38. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175—178. URL: <http://elibrary.ru/download/30402657.pdf>.

39. Фарина А. Я. Анализ современных форм, методов и приемов информационно-психологического воздействия по каналам СМИ // Вестн. МГУ. 2010. Вып. 2 (581). С. 247—266. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-form-metodov-i-priemov-informatsionno-psihologicheskogo-vozdeystviya-po-kanalam-smi>.

40. Филоненко М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населе-

ния временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны: на материалах Воронежской области. 1942—1943 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2006.

41. Чистяков Д. В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: социологический аспект : дис. ... канд. социол. наук. — М., 2007.

42. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург, 2013.

43. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. — Екатеринбург, 2003.

44. Швец Д. Ю. Информационная безопасность Российской Федерации в современных международных отношениях : дис. ... канд. социол. наук. — М., 2005.

45. Эйдук Д. В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914—1915 гг.: по материалам газеты «Утро России» : дис. ... канд. истор. наук. — СПб., 2008.

46. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

A. P. Skovorodnikov, G. A. Koptina

Krasnoyarsk, Russia

LINGUISTICS OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR: ON SUBSTANTIATION AND DEFINITION OF THE TERM

ABSTRACT. *The article substantiates the distinguishing of linguistics of information-psychological war as a special scientific area, connected with the study of language and speech technologies of information-psychological confrontation. The authors define the urgency, object field, methodological principles and problems of this area, its basic terminological apparatus with the help of the analytical-descriptive method. The article argues the inter-disciplinary character of information-psychological war as an object of research and proposes its most general definition. Particular attention is paid to the problem of definition of the basic notions of linguistics of information-psychological war (such as subject, actor, object, target, strategies, tactics, information weapons, etc.) and the need to search for the criteria for qualification of texts as belonging to the discourse of information-psychological war. The article designates speech areas in which information-psychological war takes place and some genre preferences of its actors and provides illustrative material (pamphlet, satirical article, review, and such small-scale comic genres as political anecdote, political poem, and satirical comment). It is noted that nowadays information-psychological war goes beyond the scope of publicistic speech and is carried out in advertising, diplomatic and even fiction texts. The development of linguistics of information-psychological war would promote the creation of technology of opposition of information-psychological aggression against Russia, training of specialists in the sphere of information security of individual person and society and mutual enrichment of humanitarian sciences such as philosophy, psychology, history and culturology.*

KEYWORDS: *information war; information-psychological war; linguistics of information-psychological wars.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor-Consultant of Department of Russian, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koptina Galina Anatol'evna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Avtsinova G. Tendentsii informatsionnoy voyny protiv Rossii // Obozrevatel'. 2011. № 7. S. 37—49. URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2011/037_049.pdf.

2. Anekdoty iz Rossii. URL: <http://www.anekdot.ru/id/313345/>.

3. Anekdoty pro RPTs. URL: <http://www.vysokovskiy.ru/anekdot/rpts/>.

4. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — М.: Pomovskiy i partnery, 1994.

5. Bedritskiy A. V. Realizatsiya kontseptsii informatsionnoy voyny voenno-politicheskim rukovodstvom SShA na sovremennom etape : avtoref. ... kand. polit. nauk. — М., 2007.

6. Belyaev D. Razrukha v golovakh. Informatsionnaya voyna protiv Rossii. — SPb.: Piter, 2014. 256 s.

7. Bernatskaya A. A. Khudozhestvennyy tekst kak prost-ranstvo informatsionno-psikhologicheskoy voyny (na materiale romana/povesti A. A. Zinov'eva «Katastryka») // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 197—223. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._1.pdf.

8. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — М.: Nauka : Flinta, 2008.

9. Vasil'ev A. D. Igrы v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SML. — SPb.: Tsentр «Zlatoust», 2013.

10. V VGTRK ob "yasnili snyatie s efira peredachi Mikhalkova «Besogon TV» // Lenta.ru. 2015. 14 dek. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/14/besogon/>.

11. Volkovskiy N. L. Zhurnalistika v informatsionnykh voy-nakh: istoricheskie istoki i sovremennye tendentsii : dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 2003.

12. Vorontsova L. V., Frolov D. B. Istoriya i sovremennost' informatsionnogo protivoborstva. — М.: Goryachaya liniya Telekom, 2006.

13. Zelinskiy S. A. Informatsionno-psikhologicheskoe voz-deystvie na massovoe soznanie. Sredstva massovoy kommunikatsii, informatsii i propandy — kak provodnik manipulyativnykh metodik vozdeystviya na podsoznanie i modelirovaniya postupkov individa i mass. — SPb.: Skifiya,

2008. URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h1eaf80e566efbfa041bafd712f9b13c.

14. Zerkalov D. V. Informatsionnye voyny : monogr. — Kiev : Osnova, 2012. URL: <http://zerkalov.org.ua/files/ivm-z.pdf>.

15. Izolitov A. S. Ugolovno-pravovyye aspekty obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh deystviya isklyuchitel'nykh pravovykh rezhimov : dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2008.

16. Kersnovskiy A. A. Filosofiya voyny. — М.: Izd-vo Moskov. Patriarkhii, 2010.

17. Krynina O. Yu. Definitcii ponyatiya «informatsionnaya voyna»: analiz rossiyskogo i zarubezhnogo opyta // Noveye tekhnologii. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/definitcii-ponyatiya-informatsionnaya-voyna-analiz-rossiyskogo-i-zarubezhnogo-opyta>.

18. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy. Izd. 5-e. — М.: Izd-vo polit. literatury, 1970. URL: <http://uaio.ru/vil/42.htm>.

19. Lisichkin V., Shelepin L. Voyna posle voyny: informatsionnaya okkupatsiya prodolzhaetsya. — М.: Algoritm : Eksmo, 2005.

20. Lopatin V. N. Informatsionnaya bezopasnost' Rossii : dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2000.

21. Mironova T. L. Kto upravlyaet Rossiyey? — М.: Algoritm, 2010.

22. Mushta O. P. Informatsionnaya agressiya protiv Rossii v usloviyakh globalizatsii // Informatsionnaya bezopasnost' regionov : nauch.-prakt. zhurn. 2009. № 1. S. 37—41. URL: http://seun.ru/content/nauka/5/1/doc/1_4_2009.pdf.

23. Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny : kratkiy entsikl. slov.-sprav. / V. B. Veprintsev, A. V. Manoylo, A. I. Petrenko, D. B. Frolov ; pod red. A. I. Petrenko. 2-e izd., ster. — М.: Goryachaya liniya — Telkom, 2015.

24. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny. — М.: Pokolenie, 2012. 411 s. URL: <http://x-libri.ru/elib/panrm001/index.htm>.

25. Pochepstov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. — М.: Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/con tents.html.

26. Psikhologiya gospodstva i podchineniya : khrestomatiya / sost. A. G. Chernyavskaya. — Minsk : Kharvest, 1998.
27. Rastorguev S. P. Filosofiya informatsionnoy voyny. — M. : Vuzovskaya kniga : MPSI, 2003.
28. Ryzhkina E. V. Frazeologiya kak oruzhie informatsionnoy voyny. URL: <http://www.tsutmb.ru/rgnf-obyavlyayet-konkurs-ekspertov-2013-goda>.
29. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v KhKh veke: istoricheskiy opyt Rossii. — M. : ROSSPEN, 1999.
30. Sinel'nikova L. N. Informatsionnaya voyna ad infinitum: ukrainkiy vektor // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). S. 95—101.
31. Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevy taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf>.
32. Smirnov A. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna. Ob odnom sredstve mezhdunarodnogo informatsionnogo protivoborstva. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2013_06/8.pdf.
33. Snegarev A. E. Filosofiya voyny. — M. : Finansovyy kontrol', 2003.
34. Sokolova A. M. Informatsionnye voyny v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz : dis. ... kand. filos. nauk. — Krasnoyarsk, 2007.
35. Stoleshnikov A. P. SShA protiv Rossii. Informatsionnye voyny v Internetе // Russkiy vestnik. 2014. № 7. S. 7.
36. Tagil'tseva Yu. R. Voyna i mir: osnovnye sposoby vykhoda iz informatsionno-psikhologicheskoy voyny. 2013. № 3. S. 133—138. URL: <http://elibrary.ru/download/22735574.pdf>.
37. Tagil'tseva Yu. R. Lokal'nye informatsionno-psikhologicheskie voyny: osobennosti razvitiya v sovremennoy Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4. S. 171—175. URL: <http://elibrary.ru/download/38764626.pdf>.
38. Tagil'tseva Yu. R. Metodologicheskiy analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 175—178. URL: <http://elibrary.ru/download/30402657.pdf>.
39. Farina A. Ya. Analiz sovremennykh form, metodov i priemov informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya po kanalami SMI // Vestn. MGLU. 2010. Vyp. 2 (581). S. 247—266. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennykh-form-metodov-i-priemov-informatsionno-psikhologicheskogo-vozdeystviya-po-kanalam-smi>.
40. Filonenko M. I. Psikhologicheskaya voyna nemetsko-fashistskikh voysk protiv chastey Krasnoy Armii i naseleniya vremenno okkupirovannykh territoriy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: na materialakh Voronezhskoy oblasti. 1942—1943 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. — Voronezh, 2006.
41. Chistyakov D. V. Upravlenie informatsionno-psikhologicheskoy zashchitoy sotsial'noy organizatsii kak faktor obespecheniya bezopasnosti lichnosti: sotsiologicheskiy aspekt : dis. ... kand. sotsiol. nauk. — M., 2007.
42. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. — Ekaterinburg, 2013.
43. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. — Ekaterinburg, 2003.
44. Shvets D. Yu. Informatsionnaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh : dis. ... kand. sotsiol. nauk. — M., 2005.
45. Eyduk D. V. «Obraz vraga» i perspektivy voyny v russkoy periodicheskoy pechati v 1914—1915 gg.: po materialam gazety «Utro Rossii» : dis. ... kand. istor. nauk. — SPb., 2008.
46. 70-ya sessiya General'noy Assamblei OON. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Ян Кэ

Гуанчжоу, Китай

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается состав китайской политической фразеологии, анализируются ее основные содержательные и функциональные особенности. Фразеологические единицы политической сферы включают политические термины, стандартные клишированные словосочетания, используемые в официальной обстановке, быстро заменяемые новыми, а также регулярно и массово воспроизводимые выражения, или — иначе — политическую афористику, в которой преобладают предложения, служащие своеобразными знаками того или иного политика. Кроме того, в политических текстах, как и в текстах других сфер жизни общества, часто используются традиционные фразеологизмы. В политической коммуникации они нередко подвергаются разного рода изменениям: лексическим, семантическим или лексико-семантическим. Особое внимание уделяется метафоричности фразеологизмов политического дискурса. Политики стремятся представить современный Китай как большую стройку, где вводятся все сферы государства, а также как движение по длительному пути, на котором много трудностей и сложностей. Политическая жизнь сегодняшнего Китая напоминает войну, где партия, весь народ борются за осуществление китайской мечты, а также живое существо, которое нуждается в здоровом развитии. Традиционная фразеология китайского языка, как правило, воспроизводится веками, связана с национально-культурными особенностями страны, в ней отражаются какие-то непреходящие ценности, четко разделяются представления о добре и зле. В противоположность этому политическая фразеология современного китайского языка характеризуется высокой степенью динамичности. Она, как правило, привязана к определенным отрезкам времени и в своем развитии может претерпевать смену оценки. Политические фразеологизмы быстро возникают в связи с многократным использованием выражений и так же быстро исчезают, теряя актуальность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая фразеология; современный китайский язык; метафорология; политический дискурс; метафорическая модель.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли; 510421, Китай, пров. Гуандун, проспект Байюаньдао Бэй, № 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

Постановка проблемы

Объектом исследования в нашей работе являются идиомы, фразеологические сращения и фразеологические единства китайского языка, относящиеся к сфере политической деятельности человека. В круг рассматриваемых единиц входят фразеологизмы, семантически ориентированные на политическую деятельность, а также единицы, главный компонент которых обозначает политическую деятельность. Выбор в качестве объекта изучения фразеологических единиц (ФЕ) данной группы обусловлен несколькими факторами. Во-первых, одним из главных источников фразеологических единиц является профессиональная речь. В ней широко распространены как термины, так и разговорные или профессионально-жаргонные фразеологизмы. Особенно ярко это явление обнаруживается в политической области. Во-вторых, актуальность исследования определяется тем, что данные ФЕ весьма часто используются носителями языка вообще, так как политика — сфера общественной, публичной деятельности, которая всегда будет вызывать самый живой интерес. Более того, в той области фразеологии, с которой связано данное исследование, в 70—80-е гг. XX столетия формируется «неоантропологическая парадигма» (В. Н. Телия), ставящая в центр лингвистики человека. Однако в современной фразеологии представлено мало работ, исследующих данную группу фразеологизмов, в связи с чем возникает необходимость в специальном анализе этих единиц.

«Одним из богатейших пластов современной фразеологии являются обороты, связанные с социальной и политической жизнью страны. Это терминологические наименования явлений социальной и политической жизни, традиционные фразеологические единицы, используемые политиками, а также крылатые слова и выражения, принадлежащие тому или иному политику или приписываемые ему» [Бахи 2013: 20]. В последнее время политическая фразеология стала объектом лингвистических исследований во многих странах, однако политическая фразеология китайского языка является малоизученным компонентом китайского политического дискурса.

Актуальность исследования политической фразеологии китайского языка обусловлена ее особой значимостью в речи китайских политиков, а также высокой частотностью использования обсуждаемых фразеологических единиц в средствах массовой информации как КНР, так и зарубежных стран, в том числе и в российских СМИ.

Сфера политической коммуникации располагает большим объемом специальной фразеологии, отражающей реалии и понятия политической жизни общества.

Необходимость системного изучения фразеологизмов данной тематической группы неоднократно отмечалась в трудах российских и других зарубежных лингвистов. Об этом свидетельствуют отдельные монографические исследования и статьи, выполненные на материале разных языков. Российские ученые обратили внимание и на богат-

ство китайской политической фразеологии; например, в работе М. В. Башкатовой исследованы семантический и этимологический аспекты фразеологических единиц современного китайского политического дискурса и другие связанные с данным объектом вопросы [Башкатова 2013]. Но количество подобных работ крайне мало, чем и объясняется выбор темы настоящей статьи.

Цель нашего исследования — выявление специфики возникновения китайских политических фразеологизмов и общая характеристика их семантического и функционального своеобразия.

Состав политической фразеологии китайского языка

Следует обратить внимание на то, что фразеологические единицы политической сферы неоднородны. Они включают в себя политические термины, стандартные клишированные словосочетания, используемые в официальной обстановке, быстро заменяемые новыми, а также регулярно и массово воспроизводимые выражения, или — иначе — политическую афористику, в которой преобладают предложения, служащие своеобразными знаками того или иного политика. Широко представлены и традиционные фразеологические единицы, которые также являются средством политической борьбы.

1. К политическим терминам мы относим воспроизводимые клишированные словосочетания, называющие явления политической жизни, в частности, политической истории, например: *бедный и отсталый старый Китай* (贫穷落后的旧中国), *социализм с китайской спецификой* (中国特色社会主义), *научная концепция развития* (科学发展观), *великое возрождение китайской нации* (中华民族伟大复兴) и т. д. Такие языковые единицы, как правило, носят книжный характер, так как используются в официальном общении. Политическая коммуникация — динамичная сфера, живущая интересами сегодняшнего дня, поэтому и ФЕ, применяемые в ней, малоустойчивы, быстро уходят в пассив и заменяются новыми оборотами, называемыми реалии текущего момента.

В настоящее время среди политических ФЕ китайского языка выделяются:

1) новые, недавно возникшие ФЕ, например: *реформа и открытость* (改革开放), *строительство среднезажиточного общества* (建设小康社会), *реформа административно-управленческой системы* (行政管理体制改革), *четыре основных принципа* (四项基本原则), *одна страна — две системы* (一国两制), *совокупная мощь страны* (综合国力), *низовая демократия* (基层民主),

главный архитектор реформы и открытости (改革开放的总设计师), *товарное хозяйство* (商品经济), *гармоничное общество* (和谐社会), *важные идеи тройного представительства* (“三个代表”重要思想), *сообщество общей судьбы* (命运共同体), *Морской шелковый путь 21-го века* (21世纪海上丝绸之路), *упрощение аппарата и делегирование полномочий* (简政放权) и мн. др.;

2) ФЕ, когда-то, может быть, еще недавно, широко распространенные, а сейчас уходящие в пассив: *сельскохозяйственный кооператив* (农业合作化), *Великая пролетарская культурная революция* (无产阶级文化大革命), *«большой скачок»* (大跃进), *великий учитель, великий вождь, великий полководец, великий кормчий* (伟大的导师, 伟大的领袖, 伟大的统帅, 伟大的舵手), *классовая борьба* (阶级斗争), *революционные массы* (革命群众), *«Ввысь в горы, вниз в сёла»* (上山下乡), *критика Линь Бяо и критика Конфуция* (批林批孔), *контрреволюционный ревизионизм* (反革命修正主义) и т. д.

Единицы данной группы формируются, как правило, на основе ключевых слов политического дискурса, например, лексемы *партия* (党、党派) и производных от нее слов: *Коммунистическая партия Китая* (中国共产党), *демократические партии* (民主党派), *основная партийная линия* (党的基本路线), *внутрипартийная демократия* (党内民主), лексемы *право* (权力;法律) и производных: *право правительства провинций* (地方政府权力), *правовые формы* (法治方式), *правовые нормы и стандарты* (法规和标准). Довольно много политических ФЕ организуется словами, выражающими обобщенные понятия: *система* (体制、体系) — *политическая система* (政治体制), *научная теоретическая система* (科学的理论体系), *рыночная система* (市场体系), *система макрорегулирования* (宏观调控体系); *уровень* (水平, 水准) — *уровень государственного управления* (国家管理水平), *уровень урбанизации* (城镇化水平), *уровень жизни народа* (人民生活水平), *уровень социального обеспечения* (社会保障水平); *пространство* (空间) — *пространство для функционирования экономики* (经济运行空间), *пространство для маневрирования* (可操作的空间, 回旋的余地), *пространство для развития международного экономического и технического сотрудничества* (国际经济技术合作新空间) и т. д.

Нужно заметить, что многие из рассматриваемых ФЕ, возникших в политической сфере в определенный исторический период, многократно повторяются и становятся на короткое время общеизвестными, популярными, постоянно воспроизводятся, а через некоторое время они забываются вместе с исчезновением соответствующих реалий или потерей ими актуальности в современной общественно-политической жизни страны.

2. Воспроизводимые выражения, возникшие в речи конкретных политиков, часто называют политической афористикой. «Это изречения политических деятелей, расхожие фразы и выражения, ставшие популярными и потому воспроизводимыми» [Койструб. URL: <http://txt.rushkolnik.ru/docs/index-25056.html>].

Здесь преобладают высказывания, многие из которых служат своеобразной приметой, знаком того или иного политика. Политические афоризмы являются своего рода культурным следом какого-либо активно участвующего в политической коммуникации деятеля или группы деятелей. Например, Мао Цзэдуна без труда можно узнать по таким выражениям, как *Враг наступает — мы отступаем, враг остановился — мы тревожим его, враг отступает — мы преследуем* (敌进我退, 敌驻我扰, 敌疲我打, 敌退我追); *Умереть суждено каждому, но не все смерти имеют одинаковое значение* (人固有一死或重于泰 或轻于鸿毛); *Все то, против чего враг борется, мы должны поддерживать, а против всего того, что враг поддерживает, мы должны бороться* (凡是敌人反对的我们 就要拥护, 凡是敌人拥护的我们 就要反对); *Я одобряю такой лозунг: „Не бояться трудностей, не бояться смерти“* (我赞成这样的口号, 叫做一不怕苦, 二不怕死); *Кто не занимается исследованием и анализом, тот не имеет права высказываться* (没有调查, 就没有发言权); *Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ* (百花齐放, 百家争鸣); *Революция — это вам не званый обед, сочинение эссе, рисование или вышивка* (革命不是请客吃饭, 不是做文章, 不是绘画绣花); *Все противники прогресса — бумажные тигры* (一切反动派都是纸老虎); *Как стратег презирайте врага, как тактик — принимайте всерьез* (在战略上要藐视敌人, 在战术上要重视敌人); *Исследование и анализ сравнимы с долгими месяцами беременности, а решение проблемы — с днем рождения* (调查研究就像是月怀胎, 解决问题就像一朝分娩); *Учиться у всех, а потом учить их* (要做人民的先生, 先做人民的学生); *Политическая власть растет из ствола пистолета* (枪杆子里面出政权); *Политическая работа является источником жизненной силы всех хозяйственных работ* (政治工作是一切经济工作的生命线); *Политика — это война без кровопролития, в то время как война — это политика с кровопролитием* (政治是不流血的战争, 战争是流血的政治); *Атомная бомба — бумажный тигр, который реакционеры Соединенных Штатов используют, чтобы напугать людей. Это выглядит ужасно, но на самом деле это не так* (原子弹是美国反动派用来吓人的一只纸老虎, 看样子可怕, 实际上并不); *Женщины занимают половину неба* (妇女能顶半边天).

Дэн Сяопина легко узнать по таким выражениям, как *Не важно, какого цвета кошка — белая или черная, лишь бы ловила мышей* (不管白猫黑猫, 抓到老鼠的猫就是好猫); *Надо больше делать, а меньше разговаривать* (多做少说); *Мышление должно быть более открытым, а шаги реформирования быстрее* (思想再解放一点, 胆子再大一点, 步子再快一点); *Если в Китае проблемы, то корни их внутри КПК* (中国要出问题, 还是出在共产党内部); *Переходить реку осторожно, нащупывая на дне камни* (точнее говоря, это народная мудрость, но именно Дэн Сяопин дал ей новую жизнь) и т. д.

У зажавшихся иностранцев нет никаких причин для того, чтобы на нас [Китай] беспрестанно указывали пальцем. Во-первых, Китай не экспортирует революцию; во-вторых, он не экспортирует голод и бедность; в-третьих, он вам не создает никаких головных болей. Тогда зачем говорить лишнее? (有些吃饱了没事干的 外国人, 对我们的事情指手画脚。中国一不输出革命, 二不输出饥饿和贫困, 三不去折腾你们, 还有什么好说的!) — всем известные слова Си Цзиньпина.

3. Кроме того, в политических текстах, как и в текстах других общественных сфер, часто используются традиционные ФЕ. Они могут применяться двумя способами: без изменений и с изменениями. 1. Традиционная (общенародная) фразеология. ФЕ могут быть употреблены без изменений, в устоявшейся (словарной) форме. Характеризуя политические реалии, эти традиционные ФЕ тоже становятся инструментом политической борьбы и подчиняются правилам, действующим в политической коммуникации.

2. Традиционные ФЕ в рамках политической коммуникации могут подвергаться разного рода изменениям: лексическим, семантическим или лексико-семантическим. Не будем останавливаться на этом подробно.

Политическая фразеология — явление сложное, многомерное. По мнению Г. Я. Селезневой, «жанры политической фразеологии могут быть сгруппированы по ряду оснований: по характеру обобщения действительности, по отнесенности к политическим реалиям, по функции» [Селезнева 2004: 34].

По типу обобщения действительности политическая фразеология включает в себя универсальные, частные и промежуточные высказывания. Вот несколько ярких примеров высказываний с универсальной семантикой:

А пока, надо отдать ему должное, Обама говорит и действует очень осторожно, концентрируя внимание своих сограждан на внутренних проблемах Америки. „Нам не удастся легко и быстро выкопать самих себя из ямы, в которой мы находимся, — заявил он. — Но Америка — сильная и выносливая страна, и я знаю, что мы добьемся успеха, если сможем оставаться в стороне партийные пристрастия и политические разногласия и начать работать вместе как единая нация“. Помоему, слова достойные президента. И цвет его кожных покровов в данном случае не имеет абсолютно никакого значения. Как говаривал когда-то „главный архитектор китайских реформ“ Дэн Сяопин: „Не важно, какого цвета кошка — белого или черного. Главное — чтобы она ловила мышей“ [Не важно, какого цвета кошка... 2008].

На фоне всеобщей консолидации российской власть сделала ставку на сотрудничество с „несогласными“... Это новое веяние, приходящее на смену прежнему, агрессивному. Напомним, что последние федеральные избирательные кампании проходили в условиях резкого противостояния сторонников власти и ее критиков. Консолидация после присоединения Крыма также прошла в рамках риторики, посвященной выявлению „пятой колонны“. Информационная истерия, охота на ведьм, очевидно, раскалывали общество, усиливая панические настроения в группе активистов, не нашедших себе места в существующей системе управления. Новое сотрудничество совпадает с известным принципом Дэн Сяопина: „Не важно, какого цвета кошка: лишь бы она ловила мышей“ [Журавлева 2015].

Частные высказывания ассоциируются с конкретной страной, событием или политиком. Данную группу единиц составляют выражения типа *Если в Китае проблемы, то корни их внутри КПК*. Ср. контекст:

В преддверии съезда отцы нации признают, что одной из главных проблем,

стоящих перед руководящей партией, являются получившие едва ли ни массовое распространение злоупотребление властью, коррупция как среди политиков, так и в бизнес-среде. „Если в Китае проблемы, то корни их внутри КПК (Компартии Китая — ред.)“; — заявил в свое время еще патриарх китайских реформ Дэн Сяопин. Его мудрые слова не потеряли актуальность и сегодня [Танасийчук 2012].

Расширение области применения таких выражений маловероятно: они ассоциируются только с Китаем.

Китайский язык в XX столетии пережил значительные преобразования. Это связано с радикальными политическими, экономическими и культурными изменениями, которые происходили в жизни государства. В результате многие слова и ФЕ китайского языка утратили актуальность, так как ушли в историю их денотаты. С другой стороны, появляется много новых лексем и фразеологизмов, называющих реалии современной жизни Китая.

Быстрая сменяемость, подвижность, воспроизводимость, агональный и манипулятивный характер, пристальное внимание со стороны общественности — вот характерные черты фразеологии, возникающей в политической сфере вообще, и фразеологии текущего момента в частности.

Таким образом, в настоящее время происходит массовое фразеотворчество, а также проверка старых, привычных выражений на «пригодность» в новых условиях. Многие известные фразы уходят в пассивный фонд языка и забываются. Многие из сохранившихся меняются стилистически, грамматически или семантически, в частности, приобретают новые оценочные характеристики. Складывается новая фразеология, отражающая политические реалии современности.

Метафоричность политической фразеологии современного китайского языка

Исследования показывают, что одной из важных черт современной политической коммуникации является ее метафоричность. Многие метафоры часто повторяются, воспроизводятся в речи политиков, в текстах средств массовой информации. Яркая метафоричность обнаруживается и в единицах фразеологического фонда китайского языка.

Если, согласно данным А. П. Чудинова [см.: Чудинов 2001], современные российские политики чаще всего обращаются к метафорам с исходными понятийными сферами «криминал», «война» и «болезнь», то современные китайские политики — к метафорам с исходными понятийными сферами

«строительство», «семья», «путешествие», «живое существо», «борьба», «машина», «театр». Образ сегодняшнего Китая в зеркале этих метафор включает следующие компоненты:

1) огромная сложная стройка: *главный архитектор китайских реформ* (中国改革的总设计师); *полное построение среднезажиточного общества* (全面建设小康社会); *строительство демократии и правопорядка* (民主与法制建设); *строительство культуры* (文化建设); *создание системы основных ценностей социализма* (社会主义核心价值体系建设); *создание системы общественного культурного обслуживания* (公共文化服务体系); *создание гармоничного социалистического общества* (构建社会主义和谐社会); *создание государства инновационного типа* (建设创新型国家); *создание экономической полосы вдоль Шелкового пути* (建设丝绸之路经济带); *фундамент сельского хозяйства* (农业基础); *прочный фундамент* (坚实的基础); *фундамент народного благосостояния* (民生之基); *основные рамки реформы* (改革的基本框架); *стратегическая опора* (战略支撑); *новая ступень* (新台阶); *прямой мост между Партией и народом* (党和人民之间的直接桥梁);

2) большая семья: *„два берега — одна семья“* (两岸一家亲); *сыны и дочери народов, образующих великую семью китайской нации* (中华民族大家庭的各族儿女); *сыны и дочери китайской нации как в стране, так и за рубежом* (海内外中华儿女); *лучшие сыны и дочери китайской нации* (中华民族的优秀儿女); *создавать прекрасные экоцивилизованные семейные очаги* (建设生态文明的美好家园); *создание прекрасного дома китайской нации* (建设中华民族美好家园); *общий очаг существования* (生存的共同家园); *роль народа как хозяина страны* (人民的主人翁地位); *хозяйское положение народа в стране* (人民在国家的主人翁地位, 人民当家作主的地位); *слуги народа* (人民公仆);

3) путь, дорога, а также длительное путешествие: *путь социализма с китайской спецификой* (中国特色社会主义道路); *путь движения вперед* (前进道路); *неизбежный путь* (必由之路); *путь всеобщей зажиточности* (共同富裕的道路); *путь к цивилизованному развитию* (文明发展道路); *путь к возрождению нации* (民族复兴道路); *путь великого подъема китайской нации* (中华民族崛起之路); *старый путь, характеризующийся замкнутостью* (僵化的老路);

идея идти собственным путем (走自己的路的思想); *основная линия для начальной стадии социализма* (社会主义初级阶段基本路线); *основная партийная теория и линия* (党的基本理论和路线); *новый исторический старт* (新的历史起点); *коренное направление развития* (发展的根本方向); *исходная и конечная точка всей партийно-государственной работы* (党和国家一切工作的出发点和落脚点); *гигантский корабль* (中国经济的巨轮); *лодка, идущая против течения* (逆行之舟); *надежное дальнейшее плавание* (行稳致远);

4) живой организм, живое существо: *оздоровление механизма управления рисковыми ситуациями финансовых организаций* (健全金融机构风险处置机制); *оздоровление демократии* (健全民主); *здоровое развитие онлайн-финансовых услуг* (互联网金融健康发展); *здоровое развитие культуры и культурной индустрии* (文化事业和文化产业的健康发展); *процветание культуры* (繁荣文化); *сохранять процветание и стабильность* (保持繁荣和稳定);

5) война, борьба: *самый широкий единый фронт* (最广泛的统一战线); *эффективное оружие* (最有效的武器); *увеличивать боеспособность* (提高战斗力); *стратегия открытости* (开放战略); *стратегическая опора в стимулировании развития* (推动发展的战略支撑); *объявлять войну бедности* (向贫困宣战); *объявлять войну экологическому загрязнению* (向污染宣战); *борьба с разложением* (反腐败斗争); *бороться за полное построение среднезажиточного общества* (为建设小康社会而奋斗); *бороться за создание богатого и могущественного государства* (为建设富强的国家而奋斗); *бороться за создание демократического и цивилизованного государства* (为建设民主和文明的国家而奋斗); *бороться за создание гармоничного и модернизированного социалистического государства* (建设和谐的现代化社会主义国家而奋斗); *бороться за осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации* (为实现中华民族伟大复兴的中国梦而奋斗);

6) машина: *структурное регулирование* (结构调整); *оптимальное размещение производственных компонентов* (优化配置生产要素); *торговые трения* (贸易摩擦);

7) театр: *политическая арена* (政治舞台); *арена для справедливой конкуренции* (公平竞争的舞台); *политическое шоу* (政治秀); *политическая комедия* (政治喜剧); по-

литическая трагедия (政治悲剧); политический клоун (政治小丑); устроить политическую драму (上演政治大戏).

Таким образом, политики стремятся представить современный Китай как большую стройку, где возводятся все сферы государства, а также как движение по длительному пути, на котором много трудностей и сложностей. Политическая жизнь сегодняшнего Китая напоминает войну, где партия, весь народ борются за осуществление китайской мечты, а также живое существо, которое нуждается в здоровом развитии и т. п.

Семантическая и функциональная специфика политической фразеологии китайского языка

Политическая фразеология китайского языка, как и политическая фразеология других языков, обладает своими особенностями, которые не позволяют относить ее к собственно фразеологии. «Одно из главных отличий заключается в том, что собственно фразеология антропоцентрична по своему характеру, а политическая идеологизированна» [Султанова 2011: 76]. Сходное мнение выражает В. Н. Цоллер: политические фразеологизмы — это «такое порождение языка массовой коммуникации в его политико-публицистическом аспекте, где ему соответствует идея (классовая, политическая, национальная и др.)» [Цоллер 1997: 176]. Иными словами, критерием включения той или иной языковой единицы в политический лексико-фразеологический фонд является ее соотносительность с механизмом функционирования политической власти.

Традиционная фразеология китайского языка, как правило, воспроизводится веками, связана с национально-культурными особенностями страны, в ней отражаются какие-то непреходящие ценности, четко разделяются представления о добре и зле. Например: *Настоящие друзья познаются в беде* (患难见真知); *Сплочение — это сила, а самоизоляция — обессиление* (合则强, 孤则弱) и т. п. Политическая фразеология современного китайского языка характеризуется высокой степенью динамичности. Она, как правило, привязана к определенным отрезкам времени и в своем развитии может претерпевать смену оценки. Политические фразеологизмы, как уже указывалось

выше, быстро возникают в связи с многократным использованием выражений и так же быстро исчезают, теряя актуальность.

Язык политики сегодня уже стал объектом пристального внимания лингвистов и специалистов в других областях знания, но, к большому сожалению, политическая лексика и фразеология китайского языка далеко недостаточно изучены. Надеемся, что наша работа будет полезна для тех, кто интересуется процессами развития современного китайского языка и процессами развития современного китайского общества, так как политическая жизнь Китая непосредственно отражается в политической фразеологии китайского языка. Без учета современной китайской политической фразеологии трудно составить адекватное представление о сегодняшнем Китае.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахи А. М. Политическая фразеология арабского языка // Уч. зап. Таврич. национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 183—188.
- Башкатова М. В. Политические фразеологические единицы современного китайского языка как репрезентанты образно-ассоциативного видения функционирования политической системы // Magister Dixit : науч.-пед. журн. Восточной Сибири. 2013. № 3 (09), сен. 2013. URL: <http://md.islu.ru/>.
- Журавлева Е. «Не важно, какого цвета кошка: лишь бы она ловила мышей» // URA.ru : российское информационное агентство. 2015. 14 апр. URL: <http://ura.ru/articles/1036264567>.
- Койструб И. В. Современная политическая фразеология. URL: <http://txt.rushkolnik.ru/docs/index-25056.html>.
- Не важно, какого цвета кошка... // Telegraph.by : агентство новостей. 2008. 9 нояб. URL: <http://telegraf.by/2008/11/4935>.
- Селезнева Г. Я. Политическая фразеология : учеб.-метод. пособие по специальности 020200. — Воронеж, 2004. 72 с.
- Современная политическая фразеология. URL: http://wiki.uspi.ru/index.php/Современная_политическая_фразеология.
- Султанова Ю. Ф., Петрова И. В. Политическая фразеология в толковом словаре русского языка начала XXI века (под ред. Г. Н. Складневской). Актуальная лексика // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году укрепления межнационального согласия в Республике Башкортостан. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. С. 76—78.
- Танасийчук О. Феномен Бо Силая, или Как в Китае расправляются с политическими противниками. 2012. 26 окт. URL: http://www.ukrinform.ru/rubric-lastnews/1413334-fenomen_bo_silaya_ili_kak_v_kitae_raspravlyayutsya_s_politicheskimi_protivnikami_1459761.html.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Цоллер В. Н. Современная политическая фразеология (от старых к новым штампам) // Язык и культура = Мова і культура : Пятая междунар. науч. конф. — Киев : Collegium, 1997. Т. 2. С. 173—177.

Yang Ke
Guangzhou, China

POLITICAL PHRASEOLOGY OF CHINESE: SEMANTICS AND FUNCTIONING

ABSTRACT. The article looks at the composition of the Chinese political phraseology and analyzes its main semantic and functional peculiarities. Political phraseological units include political terms, standard clichés used in formal situations and easily replaced by new collocations and regularly reproduced in mass usage expressions; in other words, they make up political aphoristics characterized by the

prevalence of sentences serving as specific markers of a politician. What is more, political texts, as well as texts of other spheres of social activity, often contain traditional phraseological units. In political communication they often undergo various modifications: lexical, semantic or lexico-semantic. Special attention is paid to the metaphorical nature of the phraseological units of political discourse. Politicians try to represent modern China as a large construction site where all spheres of government are being erected, and as a movement along a path full of difficulties and obstacles. The political life of contemporary China looks like a war in which the party and the whole people fight for the realization of the Chinese dream; it also resembles a living being which needs healthy development. Traditional phraseology of Chinese, as a rule, has been reproduced for centuries and is connected with national-cultural values of the country; it reflects certain eternal values and clearly separates the good and the evil. In contrast to this, the political phraseology of modern Chinese is highly dynamic. As a rule, it is tied to certain periods of time and in its development can radically change its evaluation. Political phraseological units quickly emerge as a result of regular usage of expressions; they can disappear from the active vocabulary equally fast if they lose their urgent character.

KEYWORDS: *political phraseology; modern Chinese; metaphorology; political discourse; metaphorical model.*

ABOUT THE AUTHOR: *Yang Ke, Candidate of Philology, Professor of Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; Guangzhou, China.*

REFERENCES

1. Bakhi A. M. Politicheskaya frazeologiya arabskogo yazyka // Uch. zap. Tavrich. natsional'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». 2013. T. 26 (65), № 2. S. 183—188.
2. Bashkatova M. V. Politicheskie frazeologicheskie edinitiy sovremennoy kitayskoy yazyka kak reprezentanty obrazno-assotsiativnogo videniya funktsionirovaniya politicheskoy sistemy // Magister Dixit : nauch.-ped. zhurn. Vostochnoy Sibiri. 2013. № 3 (09), sen. 2013. URL: <http://md.islu.ru/>.
3. Zhuravleva E. «Ne vazhno, kakogo tsveta kosha: lish' by ona lovila myshey» // URA.ru : rossiyskoe informatsionnoe agentstvo. 2015. 14 apr. URL: <http://ura.ru/articles/1036264567>.
4. Koystrib I. V. Sovremennaya politicheskaya frazeologiya. URL: <http://txt.rushkolnik.ru/docs/index-25056.html>.
5. Ne vazhno, kakogo tsveta kosha... // Telegraph.by : agentstvo novostey. 2008. 9 noyab. URL: <http://telegraf.by/2008/11/4935>.
6. Selezneva G. Ya. Politicheskaya frazeologiya : ucheb.-metod. posobie po spetsial'nosti 020200. — Voronezh, 2004. 72 s.
7. Sovremennaya politicheskaya frazeologiya. URL: http://wiki.uspi.ru/index.php/Sovremennaya_politicheskaya_frazeologiya.
8. Sultanova Yu. F., Petrova I. V. Politicheskaya frazeologiya v tolkovom slovare russkogo yazyka nachala XXI veka (pod red. G. N. Sklyarevskoy). Aktual'naya leksika // Yazyk, literatura, kul'tura: aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Godu ukrepleniya mezhnatsional'nogo soglasiya v Respublike Bashkortostan. — Ufa : RITs BashGU, 2011. S. 76—78.
9. Tanasiychuk O. Fenomen Bo Silaya, ili Kak v Kitae raspravlyayutsya s politicheskimi protivnikami. 2012. 26 okt. URL: http://www.ukrinform.ru/rubric-lastnews/1413334-fenomen_bo_silaya_ili_kak_v_kitae_raspravlyayutsya_s_politicheskimi_protivnikami_1459761.html.
10. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
11. Tsoller V. N. Sovremennaya politicheskaya frazeologiya (ot starykh k novym shtampam) // Yazyk i kul'tura = Mova i kul'tura : Pyataya mezhdunar. nauch. konf. — Kiev : Collegium, 1997. T. 2. S. 173—177.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'373:811.161.1'42:811.161.1"27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-006.21+ШП41.12-36

ГСНТИ 16.31.61; 16.21.49

Код ВАК 10.02.01

Н. В. Баско
Москва, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена лингвистическому анализу фразеологических неологизмов, появившихся в русском языке в начале XXI века и активно функционирующих в современном политическом дискурсе. Рассматриваются как фразеологические неологизмы иноязычного происхождения, заимствованные из других языков, так и фразеологические неологизмы, образованные на исконно русской основе.

В статье отмечается, что появление в русском языке новых фразеологических единиц политического дискурса в полной мере соответствует общей динамике развития русского языка в начале XXI века, основным тенденциям его развития, среди которых выделяется массированный процесс заимствования из других языков и активная неологизация на исконно русской почве. Известно, что эти два процесса являются традиционными источниками пополнения лексико-фразеологического состава языка.

Иноязычные фразеологические неологизмы (хромая утка, челночная дипломатия, гражданин мира, родовая травма, грязные технологии и др.) позволили дать названия новым реалиям и понятиям, появившимся в российском политическом дискурсе в начале XXI века. Это подтверждается примерами употребления новых иноязычных фразеологических единиц политического дискурса в современных российских медиа. Фразеологические неологизмы, возникшие на исконно русской основе в результате переосмысления сочетаний слов-компонентов, в результате метафоризации дали названия новым понятиям и процессам, сформировавшимся в современной российской действительности в период последних двух десятилетий. Они описывают, например, характер государственного управления (вертикаль власти, ручное управление), действия власти и оппозиции (золосовать ногами, раскачивать лодку). Со временем фразеологические неологизмы политического дискурса утратят отпечаток новизны и свежести. Как только новая языковая единица становится привычной и повседневной, она превращается в обычную единицу активного словарного запаса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологический неологизм; политический дискурс; иноязычная языковая единица; собственно русская языковая единица.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Баско Нина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; e-mail: ninabasko@mail.ru.

В лингвистической науке термин «неологизм» чаще используют по отношению к лексике, однако в данной статье анализируются неологизмы-словосочетания — фразеологические неологизмы, появившиеся в русском языке в начале XXI в. и получившие распространение в современном политическом дискурсе. «Неологизмы (от греч. *néos* — новый и *lógos* — слово), — сообщает нам „Лингвистический энциклопедический словарь“, — это слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз („окациональные“ слова) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историчным» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 331].

В данной статье анализируются фразеологические обороты (идиомы, перифразы), неоднократно использованные в материалах современных российских СМИ, связанных с вопросами внутренней и внешней политики. Единичные употребления фразеологических оборотов нами не рассматривались — они расценивались как окациональные единицы. В лингвистическом аспекте новые фразеологические обороты русского языка представляют интерес с точки зрения их происхождения (заимствованного или искон-

но русского), характера метафоры, лежащей в основе семантики новой единицы, стилистических свойств фразеологизма и коммуникативной функции, которую выполняет новый фразеологизм.

Под политическим дискурсом нами понимается совокупность текстов, связанных с политическими проблемами, в их функционировании в социальном пространстве, т. е. принимаются во внимание условия появления таких текстов и их восприятия, интерпретации современными носителями русского языка.

Источником для отбора фразеологических неологизмов и примеров, демонстрирующих их функционирование в речи, послужили материалы авторской картотеки фразеологизмов русского языка, составленной методом сплошной выборки из публикаций и сайтов современных российских СМИ, а также данные «Национального корпуса русского языка» (газетного корпуса)¹.

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Национальный корпус русского языка] открыт в 2010 г. Составная его часть — Газетный корпус — охватывает статьи из средств массовой информации 2000-х гг. и постоянно пополняется новыми текстами. В корпус газетных текстов включены тексты семи СМИ — как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»).

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-04-00439 «Фразеологизмы в языке современных российских СМИ (лексикографическое описание)».

© Баско Н. В., 2016

Необходимо отметить, что появление в русском языке новых фразеологических оборотов политического дискурса в полной мере соответствует общей динамике развития русского языка в начале XXI века, основным тенденциям его развития, среди которых выделяется массивный процесс заимствования из других языков и активная неологизация на исконно русской почве. Известно, что эти два процесса являются традиционными источниками пополнения лексико-фразеологического состава языка.

Сначала обратимся к анализу фразеологических неологизмов политического дискурса, появившихся в русском языке в результате заимствования из других языков.

Для XXI века характерна активизация глобальных общественных процессов. Глобализация является высшей стадией международной интеграции. Ученые, которые исследовали влияние глобализации на функционирование национальных языков, в начале XXI века ввели в употребление новый термин — «языковая глобализация». Он означает «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации» [Глобалистика 2003: 1304]. «Языковая глобализация» находит выражение прежде всего в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в национальные языки англицизмов (американизмов). Это связано с объективной необходимостью заимствования английских терминов, обозначающих новые реалии и явления в политической, экономической и научно-технической сферах для стран, вступивших на путь политических реформ, рыночной экономики и международной интеграции. «Языковая глобализация» в значительной степени предполагает интернационализацию лексики и фразеологии.

В русском языке «языковая глобализация» проявляется в широком потоке английских лексических и фразеологических заимствований. Говоря о политическом дискурсе, можно привести такие заимствованные из английского языка новые единицы, как *спикер, саммит, тренд, омбудсмен, дорожная карта, хромая утка, челночная дипломатия, встреча без галстуков, грязные технологии, двойные стандарты* и др.

По мнению одних ученых-лингвистов, новые заимствования признаются объективно необходимыми и вполне оправданными, поскольку англицизмы используются в основном в качестве терминов или наименований понятий, новых для русского общества. Другие же лингвисты обеспокоены неконтролируемым потоком заимствований из английского языка в русский. Их обеспо-

коенность вызвана тем, что заимствования проникают и в обиходно-бытовой разговорный язык, причем часто исключительно с целью повышения «престижности» речи. Ср.: *тренд, месседж, бизнес-ланч, шоу* и др. [Смолина 2012: 1276]. Профессор А. Д. Васильев, негативно оценивающий использование заимствований вместо исконных русских слов, называет это явление «лингвокультурной экспансией» [Васильев 2003: 168]. Если относительно многих иноязычных слов это замечание в значительной степени справедливо, то относительно иноязычных фразеологических оборотов такое утверждение не является бесспорным: заимствованные из других языков фразеологизмы позволили дать названия новым реалиям и понятиям, появившимся в российском обществе в начале XXI века. Это подтверждается примерами употребления новых иноязычных фразеологических оборотов политического дискурса в современных российских СМИ.

К новым англоязычным заимствованиям следует отнести фразеологический оборот **хромая утка** (англ. *lame duck*), который в английском языке имеет два значения: «1. *полит.* Государственный деятель или политик, утративший былой авторитет, влияние в глазах общественного мнения, электората; 2. *финанс.* Компания в тяжелом финансовом положении, нуждающаяся в поддержке государства» [Американа 1996: 516—517]. Примечательно, что русский язык заимствовал лишь одно из двух значений, существующих в языке-источнике, — первое, свойственное политическому дискурсу. Пример из газетного текста: *У Порошенко через два месяца выборы, в ходе которых на него обрушатся не только политики, но и стоящие за ними олигархические группы. Ему сейчас нужна военная ситуация, а не мирная. Если он не вернется в Киев с победой, то превратится в хромую утку уже на первом году своего президентства* (Глеб Павловский. Кризис не перевалил через пик // Новая газета. 28.08.2014).

Политический термин **челночная дипломатия** (англ. *shuttle diplomacy*) означает «посредничество между враждебными государствами или группировками, осуществляемое третьей стороной на высоком дипломатическом уровне». Возникновение этого термина связано с деятельностью государственного секретаря Генри Киссинджера в 1970-х гг., которая была направлена на достижения мирного урегулирования на Ближнем Востоке между Иерусалимом и столицами арабских стран. Пример из газетного текста: *„Челночная“ дипломатия долж-*

на продлиться четыре месяца, после чего стороны, как предполагается, сядут за стол прямых переговоров (Игорь Являнский, обозреватель «Известий». По «палестинской улице». Известия, 29.05.2010).

С национально-языковой политикой государства связан заимствованный фразеологизм **плавильный котёл** (англ. *melting pot*), означающий «теорию формирования американской нации, которая за два с лишним века объединила в единый сплав иммигрантов различных рас и национальностей из многих стран мира» [Американа 1996: 586]. В словаре отмечается, что впервые понятие «плавильный котел» было употреблено английским драматургом И. Зангуиллом в одноименной пьесе (1908 г.) о жизни еврейских иммигрантов в США. Метафорическим названием национально-языковой политики («Плавильный котел»), направленной на объединение различных этносов в единое целое, обычно характеризуют языковую политику США и Израиля [Словарь социолингвистических терминов 2006: 167]. Приведем пример из газетного текста: *Доллар стал мировой валютой не потому, что у Штатов было много сырья, и даже не потому, что американская экономика мощнее всех прочих, а потому, что этот самый доллар олицетворял внятные ценности — свободу предпринимательства, равные стартовые возможности, плавильный котел наций* (Акции компании «Россия». Труд-7, 15.05.2008). Справедливости ради следует отметить, что в последние годы социологи говорят об обратном процессе — сохранении, а не «расплавлении» элементов этнических культур в американском обществе.

Популярное в российских СМИ выражение **гражданин мира** (англ. *citizen of the world*), согласно данным словаря 1996 г., имеет значение «интернационалист, человек, одержимый идеями глобального сообщества всех людей планеты» [Американа 1996: 177]. Однако данные картотеки, демонстрирующие примеры употребления этого иноязычного фразеологизма в русском языке, показывают, что уже в русском словоупотреблении произошел определенный сдвиг в первоначальной семантике заимствованной единицы: в наше время значение фразеологизма *гражданин мира* в большей степени связано с гражданским статусом человека, местом его проживания, его международным авторитетом, известностью и признанием в мировом сообществе. Гражданами мира в российских СМИ называли выдающегося музыканта-виолончелиста Мстислава Ростроповича, а сейчас называют, например, знаменитую оперную певицу Анну

Нетребко, музыканта и дирижера Владимира Спивакова. Пример из российской прессы подтверждает новый оттенок в значении заимствованного фразеологизма: *Недавно новый директор возглавил лондонскую Тейт Модерн, переехав из Португалии, он такой гражданин мира* (Елена Широаян, Ирина Лебедева: «На те средства, что у нас есть, невозможно купить серьезные вещи». Труд-7, 11.08.2009).

Заимствованный фразеологический оборот **родовая травма** (англ. *birth trauma*) означает «какой-либо порок или недостаток, имеющий глубокие корни и постоянно проявляющийся». Этот фразеологизм в наше время показывает высокую частотность употребления в политической сфере. Ср. примеры из российских СМИ: *Предательство элиты — это вообще родовая травма российской истории* (Валерий Коновалов обозреватель «Труда». — Быть державой или вообще не быть. Труд, 03.11.2006); *Родовая травма парламентаризма — оглядка на выборы, прошедшие и предстоящие* (Елена Овчаренко, Лариса Кафтан. Заместитель главы администрации Президента РФ Владислав Сурков: Путин укрепляет государство, а не себя. Комсомольская правда, 28.09.2004).

Чрезвычайно употребительный в наше время в российских СМИ фразеологический оборот английского происхождения **дорожная карта** (*road map*) имеет значение «план действий; программа деятельности». Он широко используется как в политическом, так и в других дискурсах. Например: *Я объявил семь главных задач нового правительства на первый год. Они включали бюджетное планирование на основе жесткого бюджетного правила, принятие всех основных государственных программ, выполнение задач социального развития, последовательную приватизацию излишних государственных активов, полноценную реализацию „дорожных карт“ национальной предпринимательской инициативы, активизацию реформы государственной службы. Эти задачи решены* (Д. Медведев. Время простых решений прошло. Ведомости, 27.09.2013).

К популярным, широко используемым в политической коммуникации относится заимствованное из английского языка образное выражение **встреча без галстуков** (англ. *no tie session*), имеющее значение «встреча и общение политиков, бизнесменов в неформальной, непринужденной обстановке, без соблюдения норм протокола». Вот примеры его использования в дипломатической сфере: *Ассамблея сегодня, как и в Петровские времена, — это встреча „без*

галстукое“, прекрасная возможность для делового общения в достаточно непринужденной обстановке (Никита Шевцов. Виват, ассамблея! // Труд, 20.12.2001); Это уже седьмая встреча „без галстуков“ лидеров Содружества с момента образования СНГ (Президенты стран СНГ оценят ситуацию в мире // РИА Новости, 22.07.2006).

Фразеологический неологизм **наводить мосты** (англ. *to bridge a gap*), имеющий значение «устанавливать контакты, связи, развивать двусторонние отношения», также широко употребляется в дипломатической сфере общения. Ср. пример из газетного текста: *Сейчас востребована способность наводить мосты, искать точки соприкосновения и взаимодействия конструктивных систем, взглядов, убеждений* (Валерий Коновалов, обозреватель «Труда». Митрополит Кирилл: Россия вступает в новую эпоху // Труд, 27.12.2006).

К числу иноязычных фразеологических оборотов политического дискурса последнего десятилетия относятся такие устойчивые словосочетания, как **грязные технологии** (англ. *dirty tricks*) — «методы предвыборной борьбы, противоречащие законодательству и моральным представлениям об этике политической борьбы, используемые для создания преимуществ над соперниками», и **двойные стандарты** (англ. *double standards*) — «крайне необъективный, противоречивый и конъюнктурный подход к решению какой-либо острой проблемы, затрагивающей интересы противоборствующих сторон». Приведем примеры использования этих фразеологических неологизмов в политическом контексте: *„Грязные“ технологии повсюду уже используются в Курской области, где на днях неизвестные сожгли машины двоих кандидатов-единороссов, один из которых — ректор местного вуза* (Сергей Владимиров. Весна обещает быть жаркой. Комсомольская правда, 09.02.2011); *Иногда при оценке выборов европейскими наблюдателями используются двойные стандарты, которые ни к чему хорошему не приводят* (Елена Чистова. Вице-спикер Совета Федерации Светлана Орлова: избрание красноярского спикера в конгресс Совета Европы — большое достижение для нашей страны // Комсомольская правда, 25.03.2011).

Набирающий популярность в речи участников многочисленных теледискуссий на политические темы фразеологический оборот **жирный кот** (англ., жарг. *fat cat*) означает «название лица, субсидирующего политическое мероприятие, какую-либо партию или кампанию» [Кунин 1984: 137]. Приведем

пример употребления этой новой фразеологической единицы в российских массмедиа: *„Можно их /банкиров/ оскорблять, называть „жирные коты“, но это важный сектор российской экономики, и перед ними стоят серьезные задачи“, — сказал В. Путин* (Андрей Романов. Путин призвал не называть банкиров «жирными котами» // Новый регион 2, 06.04.2009).

Наши наблюдения над новыми фразеологическими оборотами политического дискурса показали, что лишь два из них заимствованы русским языком не из английского, а из других языков — немецкого и арабского.

Фразеологизм **игра мускулами** представляет собой кальку с немецкого *Muskelspiel* (*игра мускулами*), возникшего в речи спортсменов-культуристов и развившего переносное метафорическое значение «угрожать, демонстрировать военную силу и готовность к войне» [Универсальный немецко-русский, русско-немецкий словарь 2007: 452]. Приведем пример из газетного текста: *Эксперты отмечают, что Пекин начинает перенимать элементы тактики Вашингтона, который при отстаивании своих интересов не стесняется „играть мускулами“* (Владимир Павлов. «Непогрешимый» не понравился Китаю // РБК Daily, 11.03.2009).

Фразеологический неологизм **арабская весна** (араб. الربيع العربي) является термином политологии и означает «волну демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г., когда произошли перевороты в Тунисе, в Египте и в Йемене; гражданские войны в Ливии и в Сирии» [Википедия]. Вот характерные примеры употребления этого фразеологизма, взятые из российских СМИ: *Министр обороны России Сергей Шойгу заявил, что переворот на Украине прошел по сценарию „арабской весны“*. Об этом он сказал на совещании глав военных ведомств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) («Арабская весна» в последних новостях // РБК, 01.04.2014); *В начале 2011 года неожиданные потрясения перевернули устоявшийся и привычный порядок вещей на всём Ближнем Востоке. Они получили название „арабской весны“, хотя уже через несколько месяцев после падения режимов Мубарака в Египте и Бен Али в Тунисе, когда разгорелись кровавые столкновения в Бахрейне, Йемене, Ливии и Сирии, многие в арабских странах с горечью заговорили о том, что „арабская весна“ на глазах становится „арабской осенью“* (Саид Гафуров. Плоды «арабской весны» // Литературная газета, 23.04.2014).

Анализ фразеологических неологизмов иноязычного происхождения показывает, что

основным способом освоения новых единиц русским языком является фразеологическое калькирование — процесс, при котором устойчивое словосочетание (фразеологическая калька) возникает в результате пословного перевода иноязычного фразеологизма: *citizen of the word* — *гражданин мира*; *lame duck* — *хромая утка* и др. [Баско 2014: 204] Фразеологические неологизмы заимствованного характера политического дискурса касаются как событий, происходящих за рубежом (*арабская весна*, *хромая утка*, *плавильный котел*), так и дипломатической сферы деятельности (*двойные стандарты*, *встреча без галстуков*, *наводит мосты*).

Говоря о стилистической принадлежности новых иноязычных фразеологических оборотов, функционирующих в политическом дискурсе, следует отметить, что основную их массу составляют единицы, относящиеся к нейтральному или книжному стилям речи. Лишь один фразеологический оборот — *жирный кот* — имеет жаргонный характер и ярко выраженную негативную коннотацию.

Адаптация фразеологизмов иноязычного происхождения происходит следующим образом: первоначально заимствованные фразеологические единицы функционируют в русском языке исключительно в узком политическом контексте, оставаясь известными лишь специалистам. По мере роста их употребительности в массмедиа расширяется сфера их функционирования, они становятся понятными образованной части российского населения, часто используются в телепередачах политиками и экспертами по различным политическим проблемам и постепенно перемещаются из терминологической сферы в общелитературный русский язык. Этот факт свидетельствует о вхождении заимствованных фразеологических оборотов в лексико-фразеологическую систему русского языка. Посредником в этом процессе оказываются российские СМИ, являющиеся главным проводником новых заимствованных фразеологизмов в общелитературный русский язык. Освоение иноязычных фразеологизмов русским языком и другими национальными языками свидетельствует о формировании на рубеже XX—XXI веков интернационального фразеологического фонда.

Другим важным процессом, демонстрирующим динамику языковых изменений в русском языке в начале XXI века, является активная неологизация на исконно русской почве — образование новых слов и фразеологических оборотов, значительная часть которых связана с политическим дискурсом. Анализ материалов печатных и электронных СМИ позволил выделить тематические груп-

пы новых фразеологических оборотов исконно русского происхождения, активно функционирующих в сфере политической коммуникации. Это прежде всего фразеологические обороты, характеризующие действия представителей власти или сторонников оппозиции и описывающие характер взаимоотношений между ними: *голосовать ногами* — «не приходить на выборы, тем самым демонстрируя свою позицию и влияя на результат голосования», *вызывать аллергию* — «порождать в ком-либо неприятие, неприязнь к кому-либо, к чему-либо», *раскачивать лодку* — «нарушать существующее равновесие, стабильность», *перекрывать/перекрывать кислород* — «лишать кого-либо возможности действовать; препятствовать какой-либо деятельности», *держат на коротком поводке* кого-либо — «строго контролировать чьи-либо действия», *зачищать/зачистить поляну* — «устранять политических конкурентов», *закручивать гайки* — «ужесточать порядок, повышать требования к кому-либо», *закатать в асфальт* — «жестко расправиться с кем-либо, уничтожить кого-либо», *попасть под каток* — «подвергнуться давлению со стороны кого-либо; быть устранённым, уничтоженным», *черный пиар* — «кампания в СМИ по очернению политика или партии конкурентами с помощью компромата».

Другая группа фразеологических неологизмов связана с характером государственного управления (*вертикаль власти* — «централизованная форма управления государством, представляющая собой систему последовательного подчинения низших органов высшим», *в ручном режиме* — «при постоянном вмешательстве руководителя в управление страной, регионом из-за неспособности системы функционировать самостоятельно», *прямая линия* — «непосредственная, прямая связь в эфире»), с особенностью политических процессов (*цепная реакция* — «процесс, который развивается и растёт спонтанно и который невозможно остановить; серия событий, где предыдущее даёт начало последующему», *резать по живому* — «вынужденно применять жесткие, радикальные меры, которые могут болезненно затронуть граждан») или с действиями политиков: *делить портфели* — «распределять должностные места в правительстве, парламенте», *бежать вперёд паровоза* — «опережать естественный ход событий», *хлопнуть дверью* — «демонстративно выразить свой протест», *сидеть на двух стульях* — «занимать неопределённую, двойственную позицию, поддерживая две противоположные стороны одновремен-

но», **запасной аэродром** — «заранее планируемое и подготовленное место проживания или работы на случай непредвиденных жизненных обстоятельств».

Новый фразеологический оборот **прямая линия** активно используется в российских СМИ, он получил популярность после того, как стало регулярно проводиться важное для российских граждан событие — ежегодное общение Президента РФ В. Путина с гражданами страны. Пример из СМИ: *18 декабря 2003 года состоялась третья „прямая линия“ с Президентом России* (Диалог Владимира Путина с россиянами в прямом эфире // РИА Новости, 16.12.2010).

Приведем еще несколько ярких примеров употребления новых фразеологических оборотов политического дискурса в российских массмедиа: *Назарбаев управляет государством в ручном режиме, не дай бог с ним что-то случится — что будет со страной?* (Матвей Свищевский. Он — главный демократ Казахстана // Новый регион 2, 10.03.2011); *Юлия уверяла, что по всей стране Янукович оппозицию будет „закатывать в асфальт“* (Янина Соколовская (Киев). Тимошенко провела дебаты сама с собой // Известия, 03.02.2010); *Руководство Минобороны пообещало решать вопросы увольнения десятков тысяч людей по-человечески, „не резать по живому“ бездушно* (Виктор Баранец. Берегите прапоры // Комсомольская правда, 25.02.2009); *Президент РФ Владимир Путин, выступая на бизнес-форуме „Деловой России“, заявил, что представители власти, если собираются идти в бизнес, не должны создавать для себя „запасные аэродромы“, используя своё нынешнее служебное положение* (Форум «Деловая Россия» // РИА Новости, 26.05.2015).

Анализируя фразеологические неологизмы исконно русского происхождения, активно функционирующие в политическом дискурсе, можно отметить то общее, что их объединяет: как правило, метафорические образы, положенные в основу их семантики, прозрачны и понятны современным носителям русского языка. Это объясняется наличием в их структуре слов-компонентов, называющих реалии сегодняшнего дня, современной действительности. Первоначальная сфера функционирования фразеологических неологизмов разнообразна: это научная терминология, разговорная речь и жаргоны.

Например, фразеологический оборот **цепная реакция**, относящийся к книжной речи и активно использующийся в публицистике, появился в результате развития переносного значения у научного термина. Впервые термин «**цепная реакция**» начал применяться

в начале XX века учеными-химиками и обозначал «цепь последовательных химических реакций». В 30—40-е гг. XX века с зарождением и развитием ядерной физики термин расширил сферу функционирования, распространившись и на физическую науку: термином **цепная ядерная реакция** называлось «самоподдерживающееся деление атомных ядер». Бурное развитие ядерной физики, становление новой отрасли экономики — атомной энергетики, строительство атомных станций, популяризация в СМИ научных знаний в этой области сделало этот научный термин понятным и узнаваемым для образованной части российского населения. Поэтому после череды политических революций в арабских странах образ-метафора процесса, развивающегося спонтанно и неуправляемо, послужил основой для семантики нового фразеологического оборота. Приведем примеры: *Уже сейчас понятно, что цепная реакция „арабских революций“ с их непредсказуемыми последствиями вряд ли закончится* (Екатерина Попова. Эксперты советуют: срочно избавляться от всех ценных бумаг // Новый регион 2, 28.03.2011); *Грозит ли арабскому миру цепная реакция восстаний?* (Екатерина Забродина. Египетская сила // Известия, 31.01.2011).

Новый, но уже ставший популярным в наше время фразеологический оборот **черный пиар** возник в русском языке на базе словосочетания — существительного **пиар** (от англ. *public relations* (PR), означающего «связи с общественностью») и прилагательного **черный** в переносном значении «преступный, связанный с обманом, подлогом». Значение фразеологизма **черный пиар** — сомнительные, связанные с обманом выборные технологии, направленные на агитацию в пользу какого-либо лица, — не имеет ничего общего с профессиональной деятельностью журналистов, специализирующихся на связях с общественностью. Черный пиар, безусловно, противоречит профессиональной журналистской этике, нарушая ее основные принципы. В английском языке русскому фразеологическому обороту **черный пиар** соответствуют устойчивые выражения *smear tactics, smear campaign* «кампания по очернению, замазыванию кого-либо» [Oxford advanced learner's dictionary 1989: 1204].

Разговорная стихия стала почвой для образования таких фразеологических неологизмов, как **голосовать ногами, бежать впереди паровоза, попасть под коток, закручивать гайки**. Современное медийное пространство содержит множество примеров употребления новых языковых еди-

ниц, возникших в разговорной речи: *Однако, похоже, многие потенциальные избиратели ЛДПР решили на этот раз „проголосовать ногами“: до 45 % россиян, имеющих право голоса, не явились на избирательные участки* (Сергей Юрьев. «Родина» слышит, «Родина» знает? // Комсомольская правда, 08.12.2003); *А. Васильев: — На самом деле, ещё когда Янукович решил, что он стал евроинтегратором, русские политики были им защищены. Я попал под один каток, только выбрался — сразу под второй* (Александр Коц, Дмитрий Стешин. Эмигранты бегут с Украины не в Европу, а... в Донбасс // Комсомольская правда, 23.04.2015); *„Государство вместо того, чтобы понять свой народ, испугалось и стало закручивать гайки, и без того завинченные, а из физики мы знаем, что от этого может произойти взрыв“*, — предупредил музыкант (Борис Клинт. Костю Кинчева расстроил патриарх Кирилл // Комсомольская правда. 01.04.2011).

Фразеологический неологизм **закатать в асфальт** имеет явный оттенок криминального жаргона. Он означает «жестко расправиться с кем-либо, уничтожить кого-либо». Именно в таком значении употреблен этот фразеологизм в следующем контексте: *Недаром на прошедшей недавно пресс-конференции первый секретарь Новосибирского обкома КПРФ А. Локоть назвал эту избирательную кампанию в области „закатыванием в асфальт“ оппозиции* (Владимир Вишняков. Нагадили — и в кусты. Технология клеветы // Правда, 06.12.2007). Многие лингвисты отмечают такую особенность неологизмов русского языка новейшего периода (слов и фразеологизмов), как их подверженность влиянию жаргонной среды, а в речи наших современников, по мнению ученых-культурологов, отчетливо обнаруживается тенденция к употреблению стилистически сниженной лексики и фразеологии. Это выражается в активном использовании слов и фразеологических оборотов жаргонного и грубо-просторечного характера в материалах печатных СМИ, в телевизионных дискуссиях на острые социально-политические темы, в публичных выступлениях политиков и общественных деятелей. Лингвисты и культурологи оценивают эту тенденцию русской речи как опасное социальное явление.

Как же возникает новый фразеологический оборот на русской почве? Каков механизм его появления, вхождения в речь и адаптации в языке? Наблюдения над фразеологическими неологизмами, появившимися на исконно русской почве, показывают, что они возникли в результате переосмысления сочетаний слов-компонентов, в ре-

зультате метафоризации. Вот как о процессе формирования в языке новой фразеологической единицы (идиомы) пишет известный фразеолог, профессор В. Н. Телия. «В своем подавляющем большинстве идиомы — образно мотивированные сочетания, то есть их значение мотивировано тем образом, который осознается при буквальном восприятии идиом. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, чувством, ситуацией и т. п. и осознается как их подобие. <...> Метко и информативно точно найденный каким-то „творцом имени“ (как говорил великий филолог античности Аристотель) образ-аналогия начинает использоваться для обозначения нового смысла и постепенно обретает свойство воспроизводимости, идиоматичности, а следовательно — и устойчивости» [Телия 1995: 11].

Таким образом, первоначально новый фразеологический оборот возникает как яркое образное выражение, употребленное конкретным человеком — «творцом имени» по Аристотелю. Оценив меткость и яркость этого выражения, его начинают использовать другие люди, и новое образное выражение речи становится популярным. С появлением нового выражения в блоге, на интернет-сайтах, на странице газеты, в радио- или телепередаче (как правило, в таких разговорных жанрах, как интервью, дискуссии на различные темы и т. д.) начинается новый этап в его жизни в языке — образное выражение становится узнаваемым, известным, употребительным в речи других носителей языка.

Со временем новые фразеологические обороты политического дискурса утратят отпечаток новизны и свежести, ведь пребывание слова или фразеологизма «в неологизмах» обычно непродолжительно. Известно, что новая языковая единица представляет собой неологизм лишь до тех пор, пока имеет на себе отпечаток необычности, свежести, пока говорящий осознает ее новизну и стилистическое своеобразие. Как только новая единица становится привычной и повседневной, она превращается в обычную единицу активного словарного запаса языка.

Возможно также, что по мере удаления от тех событий, которые стали причиной возникновения новых исконно русских фразеологизмов политического дискурса, с изменением политической повестки дня некоторые из них будут выходить из употребления. Но при всем этом данные единицы представляют собой, на наш взгляд, весьма интересный языковой феномен, который заслуживает внимания лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. проф. Г. В. Чернова. — М.: Полиграмма, 1996. 1208 с.

2. Баско Н. В. Фразеологические заимствования в контексте глобальных процессов (на материале современных российских СМИ) // Русский язык — язык науки, культуры, коммуникации : материалы юбилейной междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию со дня основания первого в России подготовительного факультета для иностранных учащихся 7 нояб. 2014 г. — М. : Перо, 2015. Т. 2. С. 200—205.

3. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. — М. : Флинта-Наука, 2003. 224 с.

4. Глобалистика : энцикл. / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков ; центр научных и прикладных программ «Диалог». — М. : Радуга, 2003. 1328 с.

5. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е. — М. : Русский язык, 1984. 944 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

8. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. — М. : Ин-т языкознания РАН, И-т иностранных языков, 2006. 311 с.

9. Смолина К. П. Языковая глобализация в словоупотреблении современного русского литературного языка // Доклады V Междунар. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». — Варшава : Ин-т русистики Варшав. ун-та, 2012. С. 1275—1279.

10. Телия В. Н. Основные значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А. и др. ; под ред. В. Н. Телия. — М. : Отечество, 1995. С. 10—16.

11. Универсальный немецко-русский, русско-немецкий словарь. — М. : Мир книги, 2007. 1224 с.

12. Oxford advanced learner's dictionary of current English / Hornby A. S. Fourth ed. / Chief Ed.: A. P. Cowie. — Oxford univ. pr., 1989. 1579 p.

N. V. Basko

Moscow, Russia

PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to linguistic analysis of the phraseological neologisms, which appeared in the Russian language in the early 21st century and actively function in the modern political discourse. The study includes both phraseological neologisms of foreign origin, borrowed from other languages, and phraseological neologisms originally formed on the basis of the Russian language.*

The article demonstrates that the appearance in Russian of new phraseological units in the political discourse is in line with the general dynamics of development of the Russian language in the early 21st century, and with the main tendencies of its development, among which there stand out a massive process of borrowing from other languages and an active neological process on the native Russian soil. It is known that these two processes are traditional sources of replenishment of the lexico-phraseological stock of the language.

Foreign-language phraseological neologisms (lame duck, shuttle diplomacy, a citizen of the world, birth trauma, dirty technologies, etc.) allow giving names to new realities and concepts that appeared in the Russian political discourse in the 21st century. This is illustrated by the examples of new foreign phraseological units in the political discourse of the modern Russian mass media.

Phraseological neologisms, which have arisen in the original Russian vocabulary on the basis of revision of the combinations of component words as a result of metaphorization, gave names to new concepts and processes that have emerged in the contemporary Russia during the past two decades. They describe, for example, the nature of public administration (vertical governance, manual control), the actions of the government and of the opposition (vote with your feet, to rock the boat).

Over time, phraseological neologisms of the political discourse would lose the imprint of newness and freshness. As soon as a new linguistic unit becomes commonplace, it becomes a conventional unit of the active vocabulary of the language.

KEYWORDS: *phraseological neologism; political discourse; foreign language unit; original Russian language unit.*

ABOUT THE AUTHOR: *Basko Nina Vasil'evna, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian for Foreign Students of Humanities Faculties, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Amerikana. Anglo-russkiy lingvostranovedcheskiy slovar' / pod red. prof. G. V. Chernova. — M. : Poligramma, 1996. 1208 s.

2. Basko N. V. Frazеологические заимствования в контексте глобальных процессов (на материале современных российских СМИ) // Русский язык — язык науки, культуры, коммуникации : материалы юбилейной междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию со дня основания первого в России подготовительного факультета для иностранных учащихся 7 нояб. 2014 г. — М. : Перо, 2015. Т. 2. С. 200—205.

3. Vasil'ev A. D. Slovo v rossiyskom teleefire: ocherki noveyshego slovoupotrebleniya v rossiyskom televeshchanii. — M. : Flinta-Nauka, 2003. 224 s.

4. Globalistika : entsikl. / gl. red. I. I. Mazur, A. N. Chumakov ; tsentr nauchnykh i prikladnykh programm «Dialog». — M. : Raduga, 2003. 1328 s.

5. Kunin A. V. Bol'shoi anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'. Izd. 4-e. — M. : Russkiy yazyk, 1984. 944 s.

6. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 685 s.

7. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://ruscorpora.ru>.

8. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / otv. red. V. Yu. Mikhal'chenko. — M. : In-t yazykoznaneya RAN, I-t inostrannykh yazykov, 2006. 311 s.

9. Smolina K. P. Yazykovaya globalizatsiya v slovo-upotreblenii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka // Doklady V Mezhdunar. nauch. konf. «Russkiy yazyk v yazykovom i kul'turnom prostranstve Evropy i mira: chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya. Internet». — Varshava : In-t rusistiki Varshav. un-ta, 2012. S. 1275—1279.

10. Teliya V. N. Osnovnye znacheniya idiom kak edinit frazeologicheskogo sostava yazyka // Slovar' obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka / Aristova T. S., Kovshova M. L., Ryseva E. A. i dr. ; pod red. V. N. Teliya. — M. : Otechestvo, 1995. S. 10—16.

11. Universal'nyy nemetsko-russkiy, russko-nemetskiy slovar'. — M. : Mir knigi, 2007. 1224 s.

12. Oxford advanced learner's dictionary of current English / Hornby A. S. Fourth ed. / Chief Ed.: A. P. Cowie. — Oxford univ. pr., 1989. 1579 p.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. Цонева.

Го Бинь
Минск, Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В КИТАЕ

АННОТАЦИЯ. Политика открытости внешнему миру, проводимая китайским правительством с 1978 г., и стратегия «Один пояс и один путь», совсем недавно выдвинутая главой государства Си Цзиньпином, объективно стимулировали и будут стимулировать развитие лингвистических исследований, в том числе в области политического языка и политической коммуникации. Профессор Ян Кэ выделила основные направления в области китайской политической лингвистики в период с девяностых годов прошлого века по первое десятилетие текущего. Вслед за ученой автор предлагает читателю статью, посвященную обзорному исследованию этой темы в период 2011—2015 гг. Ознакомление с новейшими публикациями, посвященными теоретическим проблемам, дискурс-анализу, политическим метафорам, общественно-политической лексике, речам представителей политической элиты и политическому тексту, может быть полезно не только для китайских специалистов, но и для европейских лингвистов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; политическая метафора; дискурс-анализ; китайское языкознание; лексикология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Го Бинь, аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет; адрес: 220030, Республика Беларусь, Минск, ул. К. Маркса, 31, каб. 52; e-mail: coldsun0124@163.com.

К числу относительно молодых гуманитарных наук относится политическая лингвистика, образовавшаяся на стыке политологии и лингвистики. Уже в античной риторике можно заметить истоки современной политической лингвистики. В Древней Греции и Риме уделялось большое внимание политическому красноречию. Риторика Древнего Китая, тесно связанная с политикой и дипломатией, стала тактическим и стратегическим помощником для тех, кто стремился к политическим и военным победам.

В 20—50-х гг. XX в. фундамент политической лингвистики был заложен работами У. Липпмана, П. Лазарсфельда, Г. Лассуэлла, Дж. Оруэлла. Второй период, охватывающий 60—80-е гг. прошлого столетия, был периодом непрерывного развития данной науки. С 90-х гг. динамичная дисциплина, вобравшая в себя и когнитивные методологии, становится самостоятельной наукой со своими традициями, методиками и научными школами.

Политика открытости внешнему миру, проводимая китайским правительством с 1978 г., подтолкнула стремительное развитие экономики, объективно стимулировала возникновение и развитие новых наук. В Китае действительный интерес к проблематике политической лингвистики проявляют специалисты из разных областей: лингвисты, политологи, социологи, журналисты и др.

Подводя итог научных публикаций в области китайской политической лингвистики, китайский профессор Ян Кэ выделила 6 направлений в период с 90-х гг. прошлого века по первое десятилетие этого. В продолжение работы указанного исследователя ниже приведен обзор публикаций данной тематики за 2011—2015 гг.

1. Исследования теоретического характера

В первую очередь нельзя не отметить, что некоторые публикации помогали широкому кругу читателей ознакомиться с теорией политической лингвистики. Анализируя характеристики политического языка в хронологическом порядке, китайский специалист Тун Пиньшэн в своей статье «Обзорное изучение западного политического языка» [Тун Пиньшэн 2015] пришел к выводу, что с самого начала для западных исследований характерна склонность к критицизму и функционализму, стремление к опрощению и народности, поначалу на передний план выходит философское осмысление, постепенно исследования переходят к позитивизму, мультидисциплинарности, систематичности, современности. В статье «Прагматический аспект анализа политического дискурса Запада» [Ян Минь 2011] Ян Минь рассмотрела использование ключевых понятий, таких как пресуппозиция (presupposition), аллюзия (allusion), полифония (polyphony), для изучения и раскрытия западной идеологии в типичных публикациях 2004—2009 гг. К числу обзорных работ можно отнести также публикации «О создании политической лингвистики как дисциплины: обзор и отзыв о „Политической лингвистике“» [Лу Тинтин 2011б], «Исследование политической коммуникации в Китае» [Ян Кэ 2011] и «Исследование русского политического языка в китайской русистике» [Ян Кэ 2014].

Помимо обзорного изучения, китайские специалисты вели теоретические поиски с учетом специфики китайского языка и китайских политических реалий. Работа «Обзорное исследование китайского политического языка за последние годы» [Чжан Лиминь, Цинь Цзинь 2014] посвящена уточнению и

本论文得到中国国家留学基金资助。

выбору определения, признаков, функций политического языка. В статье «Подход к анализу политического дискурса» [Хэ Мэни 2012] рассматривается дискурсивный подход, критический дискурс-анализ, концептуальная метафора и предлагается комбинированный подход к анализу политического дискурса.

По нашему мнению, следующие две работы имеют немаловажное значение для ориентации китайской политической лингвистики: это статьи «Языковая политика и политический язык: теория и методика политической лингвистики» [Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчао, Лю Хун 2015] и «Размышление об основе и направлениях развития политической лингвистики» [Цзоу Хуа 2015]. Рассмотрев связь между языком и политикой и продолжая традиции китайской науки, авторы полагают, что политические лингвистические исследования включают в себя работы двух типов: одни ориентированы на лингвистику, другие — на политологию. Китайские специалисты должны попробовать сделать прорыв в теоретических построениях, а в практическом аспекте использовать обе ориентации.

2. Применение дискурс-анализа к политическому тексту

Дискурс-анализ является важной методикой лингвокогнитивной интерпретации текста, которая привлекает всё большее внимание зарубежных и китайских специалистов. Прежде всего нужно упомянуть монографию «Сравнительное исследование правительственных дискурсов КНР и США» [Доу Вэйлинь 2011]. Сюда же относится ряд публикаций: «Дискурс-анализ репортажей об имидже Турции и касающейся его информации в ведущих СМИ» [Тан Цине 2015], «Дискурс-анализ телевизионного интервью с представителями элиты: на примере интервью Ян Лань с бывшим американским президентом Джеймсом Картером» [Линь Личжэнь 2015]. В первой статье, анализируя статистические данные по репортажам 2009—2014 гг. (учитывались такие параметры, как тема, важность темы, связанность с событиями, точности источников), автор сделала вывод о том, что репортажи в газетах «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Чжунгоцинняньбао» уделяют большое внимание серьезным темам, но недостаточно внимания отводят «легким» темам. По мнению автора, исходя из того, что Турция с Китаем имеют много общего в своем развитии по направлению к сильному государству, СМИ следует разнообразить темы репортажей.

Сегодня критический дискурс-анализ как направление получает все более институа-

лизированный статус — теория и методы Т. ван Дейка, Н. Фэркло и Р. Водак широко распространяются среди китайских исследователей. Работа «Структура личности Мишель Обамы на основе теории Н. Фэркло (на материале выступления Мишель Обамы на совещании Демократической партии 2012 г.)» [Лоу И 2015], написанная с использованием программы корпус-менеджера «AntConc» и основывающаяся на количественном и качественном подходах, раскрывает концепцию ценности и идеологии в ходе структурирования личности. Этим проблемам посвящены также следующие работы: «Критический анализ публичного выступления премьер-министра Великобритании Кэмерона против независимости Шотландии» [Фэн Вэньхуань 2015], «Критический дискурс-анализ публичного выступления (на материале выступления Обамы на саммите АТЭС в Пекине 2014 г.)» [Ли Хунся, Гун Вэньцзин 2015б], «Критический анализ политического текста (на материале приветственного слова президента Танзании Киквете председателю Китая Си Цзиньпину)» [Ли Хунся, Гун Вэньцзин 2015а].

Мы видим, что в исследованиях китайского политического дискурса представлен анализ различного языкового материала, в том числе созданного не только на китайском языке, но и на других (иностраных) языках.

3. Изучение политической метафоры

В нашей речи метафоры играют важную роль, что безусловно важно для компенсации недостатка слов при необходимости обозначить новое понятие. Например, китайский неологизм «啃老族» (kěnlǎozú) толкуется так: «великовозрастные детины, которые живут с родителями и „отгрызают от старших“ (дословно) материальные блага». «房奴» (fángnú) — это «люди, живущие как рабы, которые купили квартиру в кредит и теперь тратят почти весь заработок на выплату кредита». Метафоры также выполняют многие другие функции. Теория метафоры была создана Аристотелем и значительно дополнена М. Блэком и А. Ричардсом. Опубликование книги «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона обусловило бурное развитие данной теории. Результаты исследований политической метафоры, связанных с риторикой, семантикой, прагматикой, когнитивной психологией и другими науками, отражены в научных публикациях.

Первым делом нам нужно уточнить, какова функция метафоры в политическом дискурсе. На этот вопрос отвечают такие работы: «Политическая метафора: раскрытие и сокрытие реальности» [Ву Цзяньвэй

2012], «Убедительность метафоры и стратегия дискурса в политическом тексте (на основе языкового корпуса)» [Ву Даныпин 2011], «Сравнительное исследование прагматической функции метафоры в политических новостях Китая и США» [Хао Цзидун 2014].

Концептуальные метафоры очень широко представлены в политическом дискурсе. К этой проблематике относятся такие статьи: «Политический дискурс и политическая метафора» [Вэнь Сюй 2014], «Метафорический анализ американских политических речей (на материале выступлений Буша и Обамы)» [Ван Шаохуа 2011], «Сравнение метафоры в тексте китайско-английских политических выступлений» [Ян Цзюань 2013], «Поиск и анализ идеи о государственном управлении в речах Си Цзиньпина на основе теории концептуальной метафоры» [Се Яньцзе, А Латань 2014], «Сравнительное исследование концептуальной метафоры в политических выступлениях Китая и США» [Гань Лу 2015]. Анализ концептуальной метафоры, пересекающийся с теорией перевода и фрейминга, проводится в статьях «Метафорические модели в китайском политическом тексте и стратегия его перевода» [Чжу Сяоминь, Цэн Госю 2013], «Анализ политического текста, основанный на теориях концептуальной метафоры и фрейминга» [Лян Цзинюй, Ван Шаохуа 2015а] и «Понять „китайскую мечту“ с точки зрения когнитивной метафоры» [Шэнь Лицзюнь 2015]. В 2009 г. публикация книги «Мультимодальная метафора», написанной Дж. Форсевилем, стимулировала начало нового этапа изучения концептуальной метафоры. Китайские исследователи и здесь не отстают от развития науки. Появляются публикации, посвященные изучению мультимодальной метафоры: «Взаимодействие мультимодальной метафоры и метонимии в политических карикатурах» [Ван Цзя 2014], «Интеграционная модель мультимодальной метафоры (на примерах политической карикатуры)» [Чжао Сюфэн 2013], «Когнитивное построение мультимодальной жест-метафоры в политической речи» [Чэнь Сян 2015].

Теория грамматической метафоры, разработанная М. Э. К. Халлидеем, и теория концептуальной метафоры друг с другом взаимодействуют и друг друга дополняют. К работам, затрагивающим изучение грамматической метафоры, относятся следующие: «Сравнительное изучение политических новостей Китая и США с точки зрения грамматической метафоры» [Юй Шоуган, Тянь Мао 2015], «Концептуальная и грамматическая метафора в дипломатическом дискурсе» [Ян Мэй 2015], «Модальность мета-

форы выступлений Обамы» [Хуан И, Вань Кайжу 2015].

Дж. Чартерис-Блэк уделяет большое внимание анализу сфер-источников метафоризации. Он считает, что критический метафорический анализ — это подход к метафоре, который направлен на выявление скрытых намерений (возможно, бессознательных) пользователей языка [Charteris-Black 2004: 34]. Среди опубликованных работ особый интерес представляют следующие исследования китайских специалистов: «Критический метафорический анализ выступлений Обамы (на материале послания Обамы по вопросу о налогах)» [Лян Цзинюй, Ван Шаохуа 2015б], «Использование метафоры и политического мифа: критический метафорический анализ речи президентов США от Рейгана до Обамы» [Фэн Цюнь 2014], «Критический метафорический анализ инаугурационной речи Обамы» [Янь Лили 2015].

Таким образом, анализ китайских публикаций выявил, что, отталкиваясь от основной проблемы, авторы статей все большее внимание уделяют политической метафоре. В работах китайских исследователей, которые занимаются данной темой, основное внимание уделяется изучению материалов на английском языке — их большинство, а работ, посвященных анализу китайского дискурса, с нашей точки зрения, недостаточно.

4. Изучение общественно-политической лексики, речей представителей политической элиты и политического текста как традиционных направлений в китайской политической лингвистике

На протяжении последних лет Китай постепенно играет все более важную роль на международной арене. Исходя из стремительного экономического роста роль китайского языка несомненно изменяется в общественно-политической жизни. Изменение языковой системы непосредственно связано с процессами в обществе. В 2002 г. Комиссия по государственному языку Китая обнародовала данные о том, что каждый год возникает более 1000 неологизмов. В исследуемом периоде китайские специалисты поддерживают постоянное внимание к изучению политической лексики. В публикации «Рождение и эволюция термина „赶考“ в политическом языке КПК» [Чжан Чжюнь, Ли Юэси 2015] на основе теории исторической семантики автор проследил изменение термина „赶考“ (gǎnkǎo — *участвовать в каком-то экзамене*) в определенный исторический период, исследовав его функцию во времена революции и строительства Народного Китая. Термин «китайская мечта», который предложил использовать президент Си

Цзиньпин, получил статус главной официальной идеологемы. Этот термин привлекает внимание автора статьи «Семиотическое толкование „китайской мечты“» [Цинь Цзин, Ван Шилань 2014]. Кроме того, эта проблематика также затрагивается в работах «Политическая лексика в английском языке» [Цюй Чуньхун 2013], «Лингвокультурное изучение английской политической лексики с учетом китайской культуры» [Ли Ин 2012] и «Эстетическое исследование политического языка» [Чэнь Сяо 2013].

Риторические портреты политических лидеров, стратегии и тактики речевого поведения политической элиты всегда возбуждают интерес китайских специалистов. Речь отдельных политических лидеров рассматривается в следующих исследованиях: «Изучение дискурсивной инновации в речи Си Цзиньпина» [Цянь Юйфан, Инь Чжицян 2015], «Анализ метафункции выступлений Обамы в Военной академии Уэст-Пойнт» [Ма Ванчу, Ли Нань 2015], «Анализ субъективной модальности посланий Путина к Федеральному собранию» [Лу Тинтин 2011а].

М. А. К. Халлидей в своей работе [Halliday, Hassan 1989: 68—72] выделяет три метафункции: первая — понятийная (*ideational*), вторая — межличностная функция (*interpersonal*), третья — текстовая (*textual*). Межличностная функция (*interpersonal*) проявляется в использовании языка как средства общения между людьми, в том числе для оказания воздействия на собеседника, а также выражения позиции говорящего. Политический текст изучается не только под углом зрения дискурс-анализа и метафоры, в исследованиях отражается и системно-грамматический аспект, примером чему служит работа «Анализ функции межличностной коммуникации политического дискурса» [Гу Цзиньцяо 2015].

Исследование политического текста с новых позиций привело к новым результатам. Публикация «Анализ политического выступления с точки зрения ангажированного ресурса (на материале еженедельных обращений к нации Обамы по вопросам сирийского кризиса)» [Чэнь Цянь 2015] посвящена анализу политического текста на основе теории системы оценок, разработанной Дж. Мартином, и теории ангажированности, восходящей к идеям Бахтина о разноречии. К теории метадискурса, которая часто используется в области литературного творчества и обучения, обращается работа «Исследование межличностного метадискурса в политическом тексте (на материале доклада о работе правительства КНР за 2012 г.)» [Лу Ин 2012]. Основанная на идеях корпусной лин-

гвистики статья «Сравнительный анализ китайского и американского политических выступлений на базе корпуса» [Пэн Линчжи, Се Юймэн 2015] также направлена на изучение политического текста. Статья «Семантическая система индентификации и выбор лексико-грамматических ресурсов в политических выступлениях» [Чан Дэлу, Сунь Шигуан 2015] акцентирует внимание на теории индентификации, разработанной Кеннет Берком. Аспект организационной функции отражается в исследовании «Организационная функция предложения типа „сам спрашивает, сам отвечает“ в окончании текста английского политического выступления» [Ду Цзюань 2015]. В результате сочетания традиционного жанроведения с переводоведением (концепция тактики перевода) появилась работа «Характеристика жанров политической коммуникации и тактика перевода (на материале выступлений президента Путина)» [Тань Кэсинь 2014].

Научные результаты представлены не только в научных журналах, но и в диссертационных работах. В ходе поиска в системе Государственной электронной библиотеки Китая и Интегрированной базе данных и знаний Китая (СКНИ) мы обнаружили следующие докторские диссертации в области политической лингвистики: «Критический дискурс-анализ передовых статей в газете „Жэньминь жибао“: когнитивный подход» [Ляо Сюньцяо 2014], «Изучение эвфемизма средствами терминологии в публичном политическом дискурсе» [Чжан Вэйша 2012], «Риторические приемы повествования в публичном выступлении на английском языке» [Ян Цзяцин 2011], «Хронологическое исследование концептуальной метафоры передовых статей к Новому году» [Ван Цзинчжи 2012], «Исследование речей в микроблогах государственных органов с точки зрения теории речевых актов» [Цуй Пэнкэ 2014].

Таким образом, можно считать, что рассмотренные выше научные работы положили начало китайской политической лингвистики. Основную часть публикаций за исследуемый период составляют работы, посвященные изучению дискурс-анализа и политической метафоры. В этих работах политическая лексика, политический текст и речь представителей политической элиты исследуются с разных (лингвистических) точек зрения.

Принцип «Один пояс и один путь», совсем недавно выдвинутый главой государства Си Цзиньпином, увязывает перспективу будущего со стратегией регионального развития, стратегией новой урбанизации и стратегией открытости. Бесспорно, это служит стимулом для быстрого развития лин-

гвистических исследований, в том числе в области политического языка и политической коммуникации. Мы считаем, что для формирования китайской политической лингвистики подходит именно такой путь: тщательно переработать основные теории и методы, применяемые зарубежными учеными в этой области, и активно анализировать большое количество политических текстов.

Как видим, политическая лингвистика в Китае характеризуется огромным количеством и тематическим разнообразием работ. С нашей точки зрения, ознакомление с этими публикациями будет полезным и для европейской лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзинчи. Хронологическое исследование концептуальной метафоры передовых статей к Новому году : дис. ... д-ра // Северо-Восточный педагогический университет. 2012.
2. Ван Цзя. Взаимодействие мультимодальной метафоры и метонимии в политических карикатурах // Вестн. Пекин. науч.-техн. ун-та. Сер. общественных наук. — Пекин, 2014. № 6.
3. Ван Шаоха. Метафорический анализ американских политических речей (на материале выступлений Буша и Обамы) // Иностранные языки и их преподавание. — Далянь, 2011. № 4 (259).
4. Ву Дяньпин. Убедительность метафоры и стратегия дискурса в политическом тексте на основе языкового корпуса // Иностранные языки и их преподавание. — Далянь, 2011. № 4 (259).
5. Ву Цзяньвэй. Политическая метафора: раскрытие и сокрытие реальности // Вестн. ун-та. науки и технологии Восточного Китая. Сер. общественных наук. — Шанхай, 2012. № 6.
6. Вэнь Сюй. Политический дискурс и политическая метафора // Исследование современных иностранных языков. — Шанхай, 2014. № 9.
7. Гань Лу. Сравнительное исследование концептуальной метафоры в политических выступлениях Китая и США // Вестн. Хубэйского эконом. ун-та. Сер. гум. и соц. наук. — Ву Хань, 2015. № 1.
8. Гу Цзиньцяо. Анализ функции межличностной коммуникации политического дискурса // Сумасшедший английский язык. Сер. для преподавателей. — Наньчан, 2015. № 2.
9. Доу Вэйлинь. Сравнительное исследование правительственных дискурсов КНР и США. — Шанхай : Шанхайск. изд-во образования в области иностранных языков, 2011. 230 с.
10. Ду Цюань. Анализ субъективной модальности посланий Путина к Федеральному собранию // Вестн. Пекин. науч.-техн. ун-та. Сер. соц. наук. — Пекин, 2015. № 4.
11. Ли Ин. Лингвокультурное изучение английской политической лексики с учетом китайской культуры // Вестн. Чифэнск. ин-та. Сер. соц. наук. — Чифэн, 2012. № 5.
12. Ли Хунся, Гун Вэньцзин. Критический анализ политического текста (на материале приветственного слова президента Танзании Киквете президенту Китая Си Цзиньпину) // Вестн. Цзилиньского (Гиринского) ин-та образования. — Чанчунь, 2015а. № 10.
13. Ли Хунся, Гун Вэньцзин. Критический дискурс-анализ публичного выступления (на материале выступления Обамы на саммите АТЭС в Пекине 2014 г.) // Вестн. Чанцзян. ун-та. — Цзинчжоу, 2015б. № 10 (38).
14. Линь Личжэнь. Дискурс-анализ телевизионного интервью с представителями элиты: на примере интервью Ян Лань с бывшим американским президентом Джеймсом Картером // Вестн. Чунцин. науч.-техн. ун-та. Сер. общественных наук. — Чунцин, 2015. № 10.
15. Лоу И. Структура личности Мишель Обамы на основе теории Н. Фэркло (на материале выступления Мишель Обамы на совещании Демократической партии 2012 г.) // Вестн. Чанчуньск. ун-та. — Чанчунь, 2015. № 1 (25).
16. Лу Ин. Исследование межличностного метадискурса в

политическом тексте (на материале доклада о работе правительства КНР за 2012 г.) // Исследование иностранных языков. — Харбин, 2012. № 5.

17. Лу Тинтин. Анализ субъективной модальности посланий Путина к Федеральному собранию // Русский язык в Китае. — Пекин, 2011а. № 3.

18. Лу Тинтин. О создании политической лингвистики как дисциплины: обзор и отзыв о «Политической лингвистике» // Современные исследования иностранных языков. — Шанхай, 2011б. № 1.

19. Лян Цзинюй, Ван Шаоха. Анализ политического текста, основанный на теориях концептуальной метафоры и фрейминга // Вестн. Шаньсиск. пед. ун-та. Сер. философ. и соц. наук. — Сиань, 2015а. № 2.

20. Лян Цзинюй, Ван Шаоха. Критический метафорический анализ выступлений Обамы (на материале послания Обамы по вопросу о налогах) // Вестн. Шаньсиск. пед. ун-та. Сер. соц. наук. — Линьфэнь, 2015б. № 3.

21. Ляо Сюньцяо. Критический дискурс-анализ передовых статей в газете «Жэньминь жибао»: когнитивный подход : дис. ... д-ра / Пекин. ун-т иностранных языков. 2014.

22. Ма Ванчу, Ли Нань. Анализ метафункции выступлений Обамы в Военной академии армии Уэст-Пойнт // Вестн. Хэбэйск. объединенного ун-та. Сер. соц. наук. — Таншань, 2015. № 3.

23. Пэн Линчжи, Се Юймэн. Сравнительный анализ китайского и американского политических выступлений на базе корпуса // Вестн. Чанцзянск. ун-та. — Цзинчжоу, 2015. № 4.

24. Се Яньцзе, А Латань. Поиск и анализ идеи о государственном управлении в речах Си Цзиньпина на основе теории концептуальной метафоры // Вестн. Монгол. политтехн. ун-та. Сер. общественных наук. — Хух-Хото, 2014. № 2.

25. Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун. Языковая политика и политический язык: теория и методика политической лингвистики // Иностранные языки и их преподавание. — Далянь, 2015. № 1 (280).

26. Тан Цине. Дискурс-анализ репортажей об имидже Турции и касающейся его информации в ведущих СМИ // Западная Азия и Африка. — Пекин, 2015. № 6.

27. Тань Кэсинь. Характеристика жанров политической коммуникации и тактика перевода (на материале выступлений президента Путина) // Русский язык в Китае. — Пекин, 2014. № 4.

28. Тун Пиньшэн. Обзорное изучение западного политического языка // Вестн. Цюйцзин. пед. ун-та. — Цюйцзин, 2015. № 5 (34).

29. Фэн Вэньхуань. Критический анализ публичного выступления премьер-министра Великобритании Кэмерона против независимости Шотландии // Современная коммуникация. — Чанчунь, 2015. № 3 (404).

30. Фэн Цюнь. Использование метафоры и политического мифа: критический метафорический анализ речи президента США от Рейгана до Обамы // Вестн. Ин-та ин. языков НОАК. — Лоян, 2014. № 11.

31. Хао Цзиндун. Сравнительное исследование прагматической функции метафоры в политических новостях Китая и США // Вестн. Чучжоуск. ин-та. — Чучжоу, 2014. № 12.

32. Хуан И, Вань Кайжу. Модальность метафоры выступлений Обамы // Вестн. Чанцзян. ун-та. Сер. соц. наук. — Цзинчжоу, 2015. № 3.

33. Хэ Мэни. Подход к анализу политического дискурса // Вестн. Гуйчжоуск. пед. ун-та. Сер. общественных наук. — Гуйян, 2012. № 4 (117).

34. Цзоу Хуа. Размышление об основе и направлениях развития политической лингвистики // Вестн. Анькан. ин-та. — Анькан, 2015. № 6 (27).

35. Цинь Цзин, Ван Шилиан. Семиотическое толкование «китайской мечты» // Социальные науки провинции Ганьсу. — Ланьчжоу, 2014. № 4.

36. Цуй Пэнкэ. Исследование речей в микроблогах государственных органов с точки зрения речевых актов : дис. ... д-ра / Восточно-Китайск. пед. ун-т. 2014.

37. Цюй Чуньхун. Политическая лексика в английском языке // Пекинский форум иностранных языков и литератур. — Пекин, 2013.

38. Цянь Юйфан, Инь Чжицян. Изучение дискурсивной инновации в речи Си Цзиньпина // Вестн. Чжэцзян. ун-та массовой информации и коммуникации. — Ханчжоу, 2015. № 5.

39. Чан Дэлү, Сунь Шигуан. Семантическая система индентификации и выбор лексико-грамматических ресурсов в политических выступлениях // Преподавание иностранных языков. — Сиань, 2015. № 1.

40. Чжан Вэйша. Изучение эвфемизма средствами терминологии в публичном политическом дискурсе : дис. ... д-ра / Шанхайск. ун-т иностранных языков. 2012.

41. Чжан Лиминь, Цинь Цзин. Обзорные исследования китайского политического текста за последние годы // Вестн. Чанчуньск. ун-та. — Чанчунь, 2014. № 3 (24).

42. Чжан Чжиюн, Ли Юэси. Рождение и эволюция термина «*赶考*» в политическом языке КПК // Вестн. партшколы города Шицзячжуан. — Шицзячжуан, 2015. № 5.

43. Чжао Сюфэн. Интеграционная модель мультимодальной метафоры: на примерах политической карикатуры // Исследование иностранных языков. — Наньцзин, 2013. № 5.

44. Чжу Сяоминь, Цэн Госю. Метафорические модели в китайском политическом тексте и стратегия его перевода // Вестн. Ин-та ин. языков НОАК. — Лоян, 2013. № 5.

45. Чэнь Сян. Когнитивное построение мультимодальной жест-метафоры в политической речи // Вестн. Тайчжоуск. ин-та. — Тайчжоу, 2015. № 1.

46. Чэнь Сюэ. Эстетическое исследование политического языка // Народный форум. — Пекин, 2013. № 1.

47. Чэнь Цянь. Анализ политического выступления с точки зрения ангажированного ресурса (на материале еженедельных обращений к нации Обамы по вопросам сирийского кризиса) // Вестн. Наншайск. пед. ун-та. — Чаочжоу, 2015. № 2.

48. Шэнь Лицзюнь. Понять «китайскую мечту» с точки зрения когнитивной метафоры // Вестн. Чанчжоуск. техн. ин-та.

Сер. соц. наук. — Чанчжоу, 2015. № 1.

49. Юй Шоуган, Тянь Мао. Сравнительное изучение политических новостей Китая и США с точки зрения грамматической метафоры // Вестн. Цилуск. пед. ун-та. — Цзинань, 2015. № 11.

50. Ян Кэ. Исследование политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2011. № 3 (37).

51. Ян Кэ. Исследование русского политического языка в китайской русистике // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2014. № 2 (48).

52. Ян Минь. Прагматический аспект анализа политического дискурса Запада // Иностранные языки в Китае. — Пекин, 2011. № 3 (40).

53. Ян Мэй. Концептуальная и грамматическая метафора в дипломатическом дискурсе // Английский язык за рубежом. — Хэфэй, 2015. № 3.

54. Ян Цзюань. Сравнение метафоры в тексте китайско-английских политических выступлений // Вестн. Наньтунск. ун-та. Сер. общественных наук. — Наньтун, 2013. № 6.

55. Ян Цзядинь. Риторические приемы повествования в публичном выступлении на английском языке : дис. ... д-ра / Шанхайск. ун-т иностранных языков. 2011.

56. Янь Лили. Критический метафорический анализ инаугурационной речи Обамы // Язык и исследование литературы. — Хух-Хото, 2015. № 11.

57. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.

58. Halliday M. A. K., Hassan R. *Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1989. P. 51—118.

Guo Bin

Minsk, Belarus

POLITICAL LINGUISTICS IN CHINA

ABSTRACT. *Policy of reform and opening-up from 1978 and the strategy of "One Belt and One Road" recently been pushed forward by the Chairman Xi Jinping objectively stimulated and will encourage the development of linguistic research, including political language and political communication. Professor Yang Ke highlighted the main research directions of Chinese political linguistics, from 1990s to the first decade of 21st century. By following the footprints of formers, author provides the readers an article devoted to research on current problems of the period 2011—2015. Study the latest articles which involved in the theoretical research, discursive analysis, political metaphors, public political lexicon, speeches of political elites and political text research is useful not only for Chinese scholars but also for European linguists.*

KEYWORDS: *political linguistics; political metaphor; discourse analysis; Chinese linguistics; lexicology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Guo Bin, Post-graduate Student, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.*

REFERENCES

1. Van Tszinchzhi. Khronologicheskoe issledovanie kontseptual'noy metafory peredovykh stat'ey k Novomu godu : dis. ... d-ra // Severo-Vostochnyy pedagogicheskiy universitet. 2012.

2. Van Tszya. Vzaimodeystvie mul'timodal'noy metafory i metonimii v politicheskikh karikaturakh // Vestn. Pekin. nauch.-tekhn. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. — Pekin, 2014. № 6.

3. Van Shaokhua. Metaforicheskiy analiz amerikanskikh politicheskikh rechey (na materiale vystupleniy Busha i Obamy) // Inostrannyye yazyki i ikh prepodavanie. — Dalyan', 2011. № 4 (259).

4. Vu Dan'pin. Ubeditel'nost' metafory i strategiya diskursa v politicheskom tekste na osnove yazykovogo korpusa // Inostrannyye yazyki i ikh prepodavanie. — Dalyan', 2011. № 4 (259).

5. Vu Tszyan'vey. Politicheskaya metafora: raskrytie i sokrytie real'nosti // Vestn. un-ta. nauki i tekhnologii Vostochnogo Kitaya. Ser. obshchestvennykh nauk. — Shankhay, 2012. № 6.

6. Ven' Syuy. Politicheskyy diskurs i politicheskaya metafora // Issledovanie sovremennykh inostrannykh yazykov. — Shankhay, 2014. № 9.

7. Gan' Lu. Sravnitel'noe issledovanie kontseptual'noy metafory v politicheskikh vystupleniyakh Kitaya i SShA // Vestn. Khubeyskogo ekonom. un-ta. Ser. gum. i sots. nauk. — Vu Khan', 2015. № 1.

8. Gu Tszin'tsyao. Analiz funktsii mezhlchnostnoy kommunikatsii politicheskogo diskursa // Sumasshedshiy angliyskiy yazyk. Ser. dlya prepodavateley. — Nan'chan, 2015. № 2.

9. Dou Veylin'. Sravnitel'noe issledovanie pravitel'stvennykh diskursov KNR i SShA. — Shankhay : Shankhaysk. izd-vo

obrazovaniya v oblasti inostrannykh yazykov, 2011. 230 s.

10. Du Tszyuan'. Analiz sub'ektivnoy modal'nosti poslaniy Putina k Federal'nomu sobraniyu // Vestn. Pekin. nauch.-tekhn. un-ta. Ser. sots. nauk. — Pekin, 2015. № 4.

11. Li In. Lingvokul'turnoe izuchenie angliyskoy politicheskoy leksiki s uchedom kitayskoy kul'tury // Vestn. Chifensk. in-ta. Ser. sots. nauk. — Chifen, 2012. № 5.

12. Li Khunsya, Gun Ven'tszin. Kriticheskiy analiz politicheskogo teksta (na materiale privetstvennogo slova prezidenta Tanzanii Kikvete prezidentu Kitaya Si Tszin'pinu) // Vestn. Tszilin'skogo (Girinskogo) in-ta obrazovaniya. — Chanchun', 2015a. № 10.

13. Li Khunsya, Gun Ven'tszin. Kriticheskiy diskurs-analiz pUBLICHNOGO vystupleniya (na materiale vystupleniya Obamy na sammite ATEs v Pekine 2014 g.) // Vestn. Chantszyan. un-ta. — Tszinchzhou, 2015b. № 10 (38).

14. Lin' Lichzen'. Diskurs-analiz televizionnogo interv'yu s predstaviteleyami elity: na primere interv'yu Yan Lan' s byvshim amerikanskim prezidentom Dzheymsom Karterom // Vestn. Chuntsin. nauch.-tekhn. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. — Chuntsin, 2015. № 10.

15. Lou I. Struktura lichnosti Mishel' Obamy na osnove teorii N. Ferklo (na materiale vystupleniya Mishel' Obamy na soveshchaniy Demokratscheskoy partii 2012 g.) // Vestn. Chanchun'sk. un-ta. — Chanchun', 2015. № 1 (25).

16. Lu In. Issledovanie mezhlchnostnogo metadiskursa v politicheskom tekste (na materiale doklada o rabote pravitel'stva KNR za 2012 g.) // Issledovanie inostrannykh yazykov. — Kharbin, 2012. № 5.

17. Lu Tintin. Analiz sub'ektivnoy modal'nosti poslaniy Putina k Federal'nomu sobraniyu // *Russkiy yazyk v Kitae*. — Pekin, 2011a. № 3.
18. Lu Tintin. O sozdaniy politicheskoy lingvistiki kak distsipliny: obzor i otzyv o «Politicheskoy lingvistike» // *Sovremennye issledovaniya inostrannykh yazykov*. — Shankhay, 2011b. № 1.
19. Lyan Tszinyuy, Van Shaokhua. Analiz politicheskogo teksta, osnovanny na teoriyakh kontseptual'noy metafory i freyminga // *Vestn. Shan'sisk. ped.un-ta. Ser. filosof. i sots. nauk.* — Sian', 2015a. № 2.
20. Lyan Tszinyuy, Van Shaokhua. Kriticheskiy metaforicheskiy analiz vystupleniy Obamy (na materiale poslaniya Obamy po voprosu o nalogakh) // *Vestn. Shan'sisk. ped. un-ta. Ser. sots. nauk.* — Lin'fen', 2015b. № 3.
21. Lyao Syun'tsyao. Kriticheskiy diskurs-analiz peredovykh statey v gazete «Zhen'min' zhibao»: kognitivnyy podkhod : dis. ... d-ra / Pekin. un-t inostrannykh yazykov. 2014.
22. Ma Vanchu, Li Nan'. Analiz metafunktсий vystupleniy Obamy v Voennoy akademii armii Uest-Poynt // *Vestn. Khebeysk. ob'edinennogo un-ta. Ser. sots. nauk.* — Tanshan', 2015. № 3.
23. Pen Linchzhi, Se Yuymen. Sravnitel'nyy analiz kitayskogo i amerikanskogo politicheskikh vystupleniy na baze korpusa // *Vestn. Chantszyansk. un-ta.* — Tszinchzhou, 2015. № 4.
24. Se Yan'tsze, A Latan'. Poisk i analiz idei o gosudarstvennom upravlenii v rechakh Si Tszin'pina na osnove teorii kontseptual'noy metafory // *Vestn. Mongol. politekhn. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk.* — Khukh-Khoto, 2014. № 2.
25. Sun' Yuykhua, Pen Ven'chzhao, Lyu Khun. Yazykovaya politika i politicheskiy yazyk: teoriya i metodika politicheskoy lingvistiki // *Inostrannyye yazyki i ikh prepodavanie*. — Dalian', 2015. № 1 (280).
26. Tan Tsine. Diskurs-analiz reportazhey ob imidzhe Turtsii i kasayushcheysya ego informatsii v vedushchikh SMI // *Zapadnaya Aziya i Afrika*. — Pekin, 2015. № 6.
27. Tan' Kesin'. Kharakteristika zhanrov politicheskoy kommunikatsii i taktika perevoda (na materiale vystupleniy prezidenta Putina) // *Russkiy yazyk v Kitae*. — Pekin, 2014. № 4.
28. Tun Pin'shen. Obzornoe izuchenie zapadnogo politicheskogo yazyka // *Vestn. Tsyuytszin. ped. un-ta.* — Tsyuytszin, 2015. № 5 (34).
29. Fen Ven'khuun'. Kriticheskiy analiz publichnogo vystupleniya prem'er-ministra Velikobritanii Kemerona protiv nezavisimosti Shotlandii // *Sovremennaya kommunikatsiya*. — Chanchun', 2015. № 3 (404).
30. Fen Tsyun'. Ispol'zovanie metafory i politicheskogo mifa: kriticheskiy metaforicheskiy analiz rechi prezidenta SShA ot Reygana do Obamy // *Vestn. In-ta in. yazykov NOAK*. — Loyan, 2014. № 11.
31. Khao Tszindun. Sravnitel'noe issledovanie pragmaticheskoy funktsii metafory v politicheskikh novostyakh Kitaya i SShA // *Vestn. Chuchzhousk. in-ta.* — Chuchzhou, 2014. № 12.
32. Khuan I, Van' Kayzhu. Modal'nost' metafory vystupleniy Obamy // *Vestn. Chantszyan. un-ta. Ser. sots. nauk.* — Tszinchzhou, 2015. № 3.
33. Khe Meni. Podkhod k analizu politicheskogo diskursa // *Vestn. Guychzhouk. ped. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk.* — Guyyan, 2012. № 4 (117).
34. Tszou Khua. Razmyshlenie ob osnove i napravleniyakh razvitiya politicheskoy lingvistiki // *Vestn. An'kan. in-ta.* — An'kan, 2015. № 6 (27).
35. Tsin' Tszin, Van Shilyan. Semioticheskoe tolkovanie «kitayskoy mechty» // *Sotsial'nye nauki privintsii Gan'su*. — Lan'chzhou, 2014. № 4.
36. Tsuy Penke. Issledovanie rechey v mikroblogakh gosudarstvennykh organov s tochki zreniya rechevykh aktov : dis. ... d-ra / Vostochno-Kitaysk. ped. un-t. 2014.
37. Tsuy Chun'khun. Politicheskaya leksika v angliyskom yazyke // *Pekinskiy forum inostrannykh yazykov i literatur*. — Pekin, 2013.
38. Tsyun' Yuyfan, In' Chzhitsyan. Izuchenie diskursivnoy innovatsii v rechi Si Tszin'pina // *Vestn. Chzhetszyan. un-ta massovoy informatsii i kommunikatsii*. — Khanchzhou, 2015. № 5.
39. Chan Delu, Sun' Shiguan. Semanticheskaya sistema indentifikatsii i vybor leksiko-grammaticheskikh resursov v politicheskikh vystupleniyakh // *Prepodavanie inostrannykh yazykov*. — Cian', 2015. № 1.
40. Chzhan Veysha. Izuchenie evfemizma sredstvami terminologii v publichnom politicheskom diskurse : dis. ... d-ra / Shankhays. un-t inostrannykh yazykov. 2012.
41. Chzhan Limin', Tsin' Tszin. Obzornoe issledovanie kitayskogo politicheskogo yazyka za poslednie gody // *Vestn. Chanchun'sk. un-ta.* — Chanchun', 2014. № 3 (24).
42. Chzhan Chzhiiyun, Li Yuesi. Rozhdenie i evolyutsiya termina «赶考» v politicheskom yazyke KPK // *Vestn. partshkoly goroda Shitszyachzhuana*. — Shitszyachzhuana, 2015. № 5.
43. Chzhao Syufen. Integratsionnaya model' mul'timodal'noy metafory: na primerakh politicheskoy karikatury // *Issledovanie inostrannykh yazykov*. — Nan'tszin, 2013. № 5.
44. Chzhu Syaomin', Tsen Gosyu. Metaforicheskie modeli v kitayskom politicheskom tekste i strategiya ego perevoda // *Vestn. In-ta in. yazykov NOAK*. — Loyan, 2013. № 5.
45. Chen' Syan. Kognitivnoe postroenie mul'timodal'noy zhest-metafory v politicheskoy rechi // *Vestn. Taychzhousk. in-ta.* — Taychzhou, 2015. № 1.
46. Chen' Syao. Esteticheskoe issledovanie politicheskogo yazyka // *Narodnyy forum*. — Pekin, 2013. № 1.
47. Chen' Tsyun'. Analiz politicheskogo vystupleniya s tochki zreniya angzhirovannogo resursa (na materiale ehzenedel'nykh obrashcheniy k natsii Obamy po voprosam siriyskogo krizisa) // *Vestn. Nanshaysk. ped. un-ta.* — Chaochzhou, 2015. № 2.
48. Shen' Litsyun'. Ponyat' «kitayskiy mechtu» s tochki zreniya kognitivnoy metafory // *Vestn. Chanchzhousk. tekhn. in-ta. Ser. sots. nauk.* — Chanchzhou, 2015. № 1.
49. Yuy Shougan, Tyan' Mao. Sravnitel'noe izuchenie politicheskikh novostey Kitaya i SShA s tochki zreniya grammaticheskoy metafory // *Vestn. Tsilusk. ped. un-ta.* — Tszinan', 2015. № 11.
50. Yan Ke. Issledovanie politicheskoy kommunikatsii v Kitae // *Politicheskaya lingvistika*. — Ekaterinburg, 2011. № 3 (37).
51. Yan Ke. Issledovanie russkogo politicheskogo yazyka v kitayskoy rusistike // *Politicheskaya lingvistika*. — Ekaterinburg, 2014. № 2 (48).
52. Yan Min'. Pragmaticheskii aspekt analiza politicheskogo diskursa Zapada // *Inostrannyye yazyki v Kitae*. — Pekin, 2011. № 3 (40).
53. Yan Mey. Kontseptual'naya i grammaticheskaya metafora v diplomaticheskome diskurse // *Angliyskiy yazyk za rubezhom*. — Khefey, 2015. № 3.
54. Yan Tszuyan'. Sravnenie metafory v tekste kitaysko-angliyskikh politicheskikh vystupleniy // *Vestn. Nan'tunsk. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk.* — Nan'tun, 2013. № 6.
55. Yan Tszuytsin'. Ritoricheskie priemy povestvovaniya v publichnom vystuplenii na angliyskom yazyke : dis. ... d-ra / Shankhaysk. un-t inostrannykh yazykov. 2011.
56. Yan' Lili. Kriticheskiy metaforicheskiy analiz inauguratsionnoy rechi Obamy // *Yazyk i issledovanie literatury*. — Khukh-Khoto, 2015. № 11.
57. Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.
58. Halliday M. A. K., Hassan R. *Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1989. P. 51—118.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. И. Э. Ратникова.

Н. С. Данкова
Пенза, Россия

СТРАТЕГИЯ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ)

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена исследованию проблемы дискурсивного конструирования образа судебной власти в российских и английских печатных СМИ. Актуальность исследования обусловлена негативным отношением граждан к институту правосудия в России, а также значительной долей критики в адрес судебной власти в Великобритании. Цель работы — исследование дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих стратегию генерализации. Стратегия генерализации способна создавать как положительный, так и отрицательный имидж судебной власти, однако, по наблюдениям автора статьи, она чаще используется для выражения критических замечаний. В рамках обозначенной стратегии проводится анализ языковых средств ее реализации. Исследуются средства лексического и грамматического уровней языка, а также стилистические приемы, конструирующие стратегию генерализации в российской и английской прессе. Согласно проведенному исследованию, стратегия генерализации создается также посредством приема подбора фактов, реализующего интенцию журналиста. Кроме того, выявляются культурные особенности использования стратегии генерализации, присущие российским и английским печатным СМИ. В заключение сделан вывод о том, какова роль данной стратегии в конструировании образа судебной власти СМИ. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, воздействующих на восприятие обществом судебной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная власть; СМИ; стратегия; генерализация; образ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Данкова Наталья Станиславовна, старший преподаватель, аспирант кафедры английского языка, Пензенский государственный университет; 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: n.s.dankova@mail.ru.

Проблема репрезентации властных структур в дискурсе СМИ не первый год привлекает внимание лингвистов [Кормилицына 2004; Дубровская 2008; Пономарева 2008; Харламова 2008; Суздальцева 2012; Харламова 2014 и др.]. Интерес исследователей обусловлен конструирующей функцией медиадискурса. В этой связи М. А. Кормилицына отмечает: «В глазах людей, живущих в России, политик таков, каким нам его рисуют СМИ» [Кормилицына 2004: 66]. Полагаем, что данное высказывание справедливо и в отношении судьи и судебной власти в целом. Аудитория имеет дело с образами, которые ей представляют СМИ, на основании которых она формирует свое восприятие судебной власти и отношение к ней.

Проблема отношения граждан к институту правосудия на сегодняшний день приобретает особую значимость. Данные социологических опросов, а также комментарии читателей электронных сайтов печатных изданий выявляют недоверие российских граждан системе правосудия [Российский суд...]. Несмотря на то, что уровень доверия граждан английской судебной системе сравнительно выше, судей Великобритании часто критикуют за чрезмерную мягкость [Select Committee on Constitution...]. Кроме того, вопрос репрезентации правосудия в СМИ является актуальным в свете реформирования судебной власти в Великобритании и России.

Результаты проводимых нами исследований репрезентаций института правосудия в СМИ говорят о наличии определенного стратегического подхода журналистов к освещению деятельности данного института власти [Гуляйкина, Дубровская, Данкова 2014; Данкова 2015; Dubrovskaya, Dankova,

Gulyaykina 2015]. Стратегия генерализации является одним из прагматингвистических средств репрезентации института правосудия в СМИ. Целью данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы посредством стратегии генерализации. Несмотря на то, что понятие «генерализация» широко изучено в рамках различных научных дисциплин, исследований, направленных на изучение стратегии генерализации в дискурсе СМИ о судебной власти, нам не встречалось.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях Великобритании и России: широкоформатной газете «The Guardian» (далее «The G»), таблоиде «The Daily Mail» (далее «The DM»), правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ»). Статьи отбирались методом произвольной выборки в период с января 2013 г. по декабрь 2014 г. Общий объем материала составляет 200 статей.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе. Применение данного методологического подхода к анализу дискурса СМИ о судебной власти, на наш взгляд, является ключом к пониманию социальных процессов, связанных с массовым восприятием института правосудия.

Методика обработки материала включает несколько шагов. Сначала статьи для анализа были извлечены из электронных архивов изданий. Затем корпус текстов был исследован, в нем была выделена стратегия генерализации. Далее следовал анализ

данной стратегии с точки зрения языковых средств ее реализации, который позволяет выявить роль стратегии генерализации в создании образа судебной власти в английской и российской прессе.

Под генерализацией традиционно понимается «обобщение, логический переход от частного к общему, подчинение частных явлений общему принципу» [Большой энциклопедический словарь...]. Существование данной стратегии обусловлено особенностями человеческой психики. Исследователи отмечают, что в процессе познания мира человеку свойственно обобщать, причем это может происходить как сознательно, так и неосознанно [Sutherland et al. 2015]. Данное свойство человека находит отражение в языке. Отмечено, что обобщающие утверждения неизбежно присутствуют в любом исследовании в виде конечного результата умозрительных процессов познания [Mejia 2010]. М. Резигел и Р. Водак затрагивают вопрос склонности человека к обобщению, исследуя проблему расовой дискриминации [Reisigl, Wodak 2001]. В своей работе ученые рассматривают генерализацию как перенос качеств, присущих отдельным лицам, на целую социальную группу и утверждают, что обобщающие высказывания такого рода являются ошибочными [Там же]. Исследуются функции генерализации. Согласно исследованию Т. А. ван Дейка, генерализация лежит в основе предубеждений [Dijk 1984]. И. В. Фролова рассматривает трансформацию мнения отдельного лица в «общее мнение» как способ выражения предвзятости в дискурсе СМИ [Фролова 2015: 140]. Вопросу стереотипных представлений о России, созданных посредством генерализации, посвящена работа О. Г. Орловой [Орлова 2013].

Вслед за ведущими западными учеными в области критического анализа дискурса под стратегией мы подразумеваем «более или менее точный план действий (включая дискурсивные действия) с большей или меньшей степенью намерения, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak, 2001: 44]. В рамках данного исследования этот план реализуется через перенос признаков и качеств, характеризующих отдельные объекты, на целую социальную группу или структуру. Наш интерес сфокусирован на тех фрагментах дискурса, когда обобщения создаются дискурсивно и направлены на достижение определенного коммуникативного эффекта. Так, Т. А. ван Дейк говорит о стратегической генерализации, которая нацелена на управление мышлением адресата,

осуществляемое адресантом [Dijk 1995]. В этой связи отмечено, что стратегия генерализации позволяет использовать дискурс с целью формирования мнений и убеждений [Ajiboye 2013]. Н. Л. Ноблок изучает перлокутивные эффекты генерализации в дискурсе предвыборных президентских дебатов 2004 г. в США и отмечает, что данная стратегия является способом снижения уровня конкретности высказывания [Ноблок 2007].

Ученые изучают языковые формы, выражающие стратегию генерализации. И. М. Сальникова исследует метафорическую модель «Политика — это спорт» в политическом дискурсе и утверждает, что метафора, имеющая собирательное значение, обеспечивает говорящему возможность посредством одной лексической единицы именовать целую группу людей или явлений [Сальникова 2013]. С. Ю. Архипов обращается к стратегии генерализации, исследуя лексические языковые средства, а именно номинации, используемые для обозначения людей [Архипов 2012]. Л. В. Порохницкая изучает, как используется стратегия генерализации для образования эвфемизмов в разных языках [Порохницкая 2012].

Обратимся к результатам настоящего исследования. Стратегия генерализации в дискурсе СМИ позволяет журналистам конструировать положительный или отрицательный образ правосудия посредством обобщающих выводов о функционировании судебной власти, сделанных на основании событий, связанных с работой суда. В качестве таких оснований выступают конкретные явления действительности, которые имели место в далеком или недавнем прошлом, причем о событии, которое легло в основу обобщающего высказывания, может вовсе не упоминаться. Следует отметить, что данная стратегия имеет ярко выраженную негативную направленность, характеризует судебную систему с отрицательной стороны. Основные проблемы, которые затрагивают журналисты при применении стратегии генерализации, касаются обвинительного уклона российского правосудия и, напротив, чрезмерной мягкости английских судов, функционирования секретных судов, а также сокращения финансирования судопроизводства в английском материале, политизации института правосудия, судебных ошибок и других. Случаи использования стратегии генерализации с целью создания положительного образа правосудия немногочисленны и встречаются преимущественно в «РГ». Стоит отметить, что стратегия генерализации используется в сочетании с другими стратегиями, поскольку положительная или отрица-

тельная окраска данной стратегии определяется общей тональностью публикации.

Обратимся непосредственно к **языковым средствам**, составляющим стратегию генерализации. Данная стратегия реализуется прежде всего средствами лексического уровня языка. Ее составляют, во-первых, **лексические единицы со значением регулярности/нерегулярности** совершения действия, которые позволяют читателю сделать вывод о том, что является общепринятой практикой в работе суда. Значение регулярности/нерегулярности передают разные части речи. Одной из них является наречие: *В наших реалиях главные фигуранты **обычно** остаются на свободе, в России, при должностях и имуществе* («НГ». 09.07.14); *Miss Maddocks is thought to be the first person imprisoned by the Court of Protection. However no one can be certain because of the secrecy under which the court **regularly** works* («The DM». 03.05.13). — *Считается, что мисс Маддокс была первым человеком, которого Опекунский суд заключил под стражу. Однако никто не может быть в этом уверен из-за условий секретности, в которых суд регулярно работает* (перевод с английского здесь и далее мой. — Н. Д.); *Under the United Nations' Bangkok rules and the Human Rights Act, the courts should weigh the seriousness of a woman's crime with the fact that she has dependant children. This **rarely** happens* («The G». 16.06.13). — *Согласно Бангкокским правилам Организации Объединенных Наций и Закону о защите прав человека, суды должны соотносить тяжесть преступления женщины с фактом наличия детей, находящихся на ее попечении. Это происходит **редко**.*

В следующем примере значение регулярности передается с помощью наречия *напропалую*, характерного для разговорного стиля общения, которое придает негативную тональность высказыванию: *Да и по опыту мы это хорошо знаем: судьи **напропалую** отказывают в аудиофиксации: „Нет технической возможности“* («НГ». 09.12.13).

Для выражения крайней степени нерегулярности используется наречие *никогда*: *Потому что в делах политических у властей мотив все-таки есть, а в данном случае — **исключительно** тупость репрессивной машины, которая **никогда** ни под каким видом не позволит себе признать собственные ошибки и отпустить несправедливо арестованного человека* («НГ». 02.08.13).

На регулярность совершения какого-либо действия указывают имена существительные и прилагательные, в семантику которых заложено данное значение: *Ужасает*

*сама **тенденция**: молодежь становится объектом репрессий* («НГ». 03.07.13); *Терапевта Алевтину Хориняк признали преступницей за то, что она выписала обезболивающее пациенту, умиравшему от боли. Самое страшное, что этот случай — **типичный*** («НГ». 24.05.13); *In the court of protection the general **rule** is that hearings are held in private, with the media and public excluded* («The G» 16.01.14). — *Общее **правило** опекунского суда заключается в том, что слушания проводятся при закрытых дверях — СМИ и общественность не допускаются; Her case — by no means **untypical** — is the perfect illustration of why our current adversarial legal system, based on live cross-examination, is unfit for purpose and fails to produce justice for abused children* («The DM». 13.05.13). — *Ее случай, который никоим образом **не** является **исключительным**, служит превосходной иллюстрацией того, почему наша современная система судопроизводства, основанная на состязательности сторон и включающая перекрестный допрос в суде, является непригодной и несправедливой по отношению к детям, ставшим жертвами насилия; And although Wanda Maddocks is thought to be the first person jailed by the court, no-one can be sure — someone else might have been imprisoned behind the court's **accustomed** closed doors* («The DM». 24.04.13). — *И хотя считается, что мисс Маддокс была первым человеком, которого суд заключил под стражу, никто не может быть в этом уверен — возможно, кого-то еще лишили свободы за закрытыми дверями, **привычными** для суда.*

Значение регулярности передается также с помощью глаголов: *За долгие десятилетия **привыкла** же блудливая наша Фемида фарсы разыгрывать* («НГ». 01.02.13).

К этой же группе лексики относим лексические единицы, которые указывают на повторность совершения действия, апеллируя к событиям прошлого. Следующие примеры, характеризующие систему правосудия, также передают значение регулярности: *Все **по-прежнему** — судебная система совершенно неадекватна* («НГ». 13.12.13); *The lenience of the criminal justice system was highlighted yet **again** as a judge yesterday apologised to career criminal Derek Rossi's two latest victims for the fact that he had been at liberty to attack them* («The DM». 22. 03.14). — *И **снова** подтвердилась снисходительность уголовного судопроизводства вчера, когда судья принес официальные извинения двум последним жертвам профессионального преступника Дерека Росси за то, что он был на свободе и напал на них.*

Вторая группа лексики, реализующая стратегию генерализации, содержит **количественные показатели**. В этой связи характерно использование числительных.

*В них говорится, что Верховный суд ежегодно разрешает миллионы уголовных и гражданских дел. „Не опечатка — миллионы? Нет. Одних гражданских дел **10 миллионов**, это колоссальный массив“, — оценил президент («РГ». 21.02.13); *Nearly **one in five** is given a mere caution and hundreds get off with a community sentence* («The DM». 07.04.13). — Почти **каждый пятый** получает просто предупреждение, и сотни отделяются наказанием в виде общественных работ .*

Как видим из примеров, количественные данные в дискурсе СМИ описывают тенденции, проявляющиеся в работе суда. Отмечено, что опора на статистическую информацию представляет собой типичное средство воздействия на адресата [Чернявская 2006; Хухрянская 2014].

Перечисляя факты и явления действительности, российские и английские СМИ используют лексику, в семантику которой заложено значение большого количества.

*Я не знаю, как называются **массовые** посадки заведомо невиновных людей* («НГ». 12.10.14); *В России **выросло** число оправдательных приговоров* («РГ». 06.08.14); *There have been **many** people who have committed manslaughter or murder in this country and they never even serve a full sentence* («The G». 03.06.14). — *В нашей стране **много** людей, которые совершили непредумышленное или умышленное убийство, и они даже не отбывают весь свой срок наказания; The Ministry of Justice says that although judges have the power to intervene to prevent overly aggressive cross-examination and character assassinations, there have been a **growing number** of incidents where victims were traumatised by court cases* («The G». 11.06.13). — *Министерство юстиции отмечает, что, несмотря на то, что у судей есть полномочия воспрепятствовать проведению явно агрессивного перекрестного допроса и подавления личности, **количество** случаев, когда суд травмировал потерпевших, **возрастает**.*

В следующих примерах наболеешие темы обвинительного уклона российского правосудия и благосклонности английских судей затрагиваются посредством фразеологизмов со значением большого количества, использующихся с целью экспрессии и эффективно воздействующих на читателей: *Однако сестра не захотела делить дом с братом и написала заявление: мол-де угрожает бра-*

*тельник ей убийством. И Валеру взяли. Таких бытовых историй в колониях — **пруд пруди**. Ведь родственников не выбирают. Как, впрочем, и судей* («НГ». 06.03.13); *It [think-tank] says the statistic highlighted the «revolving door system» of non-custodial punishments that exposes the public to hardened offenders who commit **one crime after another*** («The DM». 21.02.13). — *Он [исследовательский центр] отмечает, что статистика выявила „вращающуюся дверь“ в системе наказаний, не предусматривающей лишения свободы, которая не защищает граждан от опасных преступников, совершающих **одно** преступление за другим.*

При указании на «исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений» [Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой...] используются местоимения «все», «всё», что характерно для российских СМИ: *Каждый год суды РФ выносят более 100 тысяч обвинительных приговоров, за решетку попадают почти **все** — и виновные, и невиновные* («НГ». 09.12.13); ***Все** дела, как уголовные, так и гражданские, в которых присутствует „государственный интерес“, рассматриваются в особом порядке под жестким административным контролем, зачастую особо подобранными судьями, которые специализируются на рассмотрении такого рода дел* («НГ». 24.07.13); *„Верховный суд сделал **все** от него зависящее, чтобы эти необходимые стране и обществу реформы были полностью реализованы, чтобы утвердились такие базовые принципы, как независимость, несменяемость и неприкосновенность судей, доступность и открытость правосудия, состоятельность судебного процесса, а также введен апелляционный пересмотр судебных решений“, — перечислил президент* («РГ». 21.02.13).

Заметим, что в основе обобщений такого рода лежит склонность к крайностям, присутствующая в русской культуре [Dubrovskaya 2015]. Национальные особенности выражаются в коммуникативном поведении и проявляются в дискурсе СМИ, подтверждая высказывание ученых о том, что для русской речи характерны гиперболы [Вежбицкая 1997; Дубровская 2014]. Подобных примеров в английском материале нам не встречалось.

Количественные показатели используются также при указании на продолжительный период времени, в течение которого происходит или не происходит действие: *„Четвертая волна“ уже на подходе. Какие-то **бесконечные** суды, допросы, повестки, иски...* («НГ». 13.08.14); *В стране **годами***

не исполняются решения суда («НГ». 22.01.13).

Количественные показатели выражают также степень проявления какого-либо качества: *Нагрузка на судей постоянно растёт* («РГ». 29.01.13).

Наконец, третью группу лексики, реализующую стратегию генерализации, составляют **лексические единицы с семантикой общепризнанности**, которыми сопровождаются сведения о работе правосудия, причем благодаря использованию данных лексических единиц эти сведения позиционируются как достоверные факты действительности, которые характерны для повседневной работы суда: *Оправдательных приговоров у нас, как известно, не бывает* («НГ». 30.07.14); *Foreign couples seek divorces in Britain as judges are considered «generous» to partners of wealthy people* («DM». 20.03.14). — *Зарубежные пары стремятся расторгнуть браки в Британии, так как считается, что судьи „благосклонны“ по отношению к партнерам состоятельных людей.*

Стратегия генерализации реализуется **грамматическими языковыми средствами**. Значение регулярности в русском материале передает **несовершенный вид глагола**. Эта грамматическая форма в следующих фрагментах используется как средство описания общепринятой практики работы суда: *Или вот еще случай был примечательный, на сей раз с судьей. Вынес он, как это у нас бывает, заведомо неправосудное судебное решение, но, видать, не тому вынес, ошибся с субъектом, да так, что судья осудили по ст. 305 — за вынесение такого решения* («НГ». 15.05.13); *И наравне с теми, кто сидит не за то, за что их осудили, есть у нас каста государевых людей, чиновников средней руки. Когда они попадают под суд, то получается весьма странно: все у них как-то гуманно заканчивается в этих судах <...> И наказания у них мягче получаются, чем у обычных людей* («НГ». 27.05.13).

Это же значение в английском материале передается **временами группы Present**: *Judges and social workers have been conspiring to remove children unjustly from their parents, a scathing High Court ruling said today* («The DM». 22.03.14). — *Согласно жесткому постановлению Верховного суда сегодня, судьи вступают в сговор с социальными работниками и безосновательно забирают детей у родителей; Judges were accused of a «failure of duty» last night after it emerged that four out of five serial burglars are escaping with a soft sentence* («The DM». 10.03.14). —

Вчера вечером судей обвинили в „непрофессионализме“, после того как выяснилось, что четыре из пяти серийных грабителей отделяются мягким наказанием.

К грамматическим средствам, реализующим стратегию генерализации, относится использование существительных и местоимений во **множественном числе**, которые акцентируют внимание на масштабах, охватывающих описываемые явления действительности: *Этот год вообрал в себя все: с одной стороны, по-прежнему суды без зазрения совести продлевали аресты больным подследственным, по-прежнему плевали на поручительства и вместо альтернативной меры пресечения применяли к социально неопасным обвиняемым арест* («НГ». 27.12.13); *Read these stories of how the secret courts imprison the elderly in care homes against their will — and weep* («The DM». 14.03.14). — *Читайте эти истории о том, как секретные суды управляют пожилых людей в дома престарелых против их воли — и рыдайте.*

Стратегия генерализации реализуется посредством использования **стилистических приемов**, что характерно для российской «НГ». Широко используются метафоры с обобщающим значением. Так, выражение *плохая генетика*, где *генетика* означает передачу наследственных свойств [Толковый словарь Ушакова...], подразумевает неизменность отрицательных качеств, характеризующих систему правосудия, которая представлена как живой организм: *Павел ЧИКОВ: „У нашего суда и закона плохая генетика“* («НГ». 15.07.13).

Метафоричная номинация *конвейер* в отношении судебной власти, содержащая сему непрерывности, так же как и лексическая единица *бесконечность*, означающая отсутствие предела, создают образ политизированной судебной системы, который является обобщающим: *Мосгорсуд для меня — это место работы, на которую не хочется ходить. Потому что здесь — уходящий в дурную бесконечность конвейер политических дел* («НГ». 09.09.13).

Выражение *новой модой* в следующем примере подразумевает регулярность совершения подобного действия, поскольку слово «мода» берет свое начало от латинского «modus» и означает «мера, способ, правило» [Большой энциклопедический словарь...]. Исследователи отмечают, что судья является участником драматического действия [Дубровская 2010], а дискурс судебного заседания представляет собой ритуальное событие с присущими ему сценарностью, ролевой структурой и символичностью [Тю-

тюнова 2012]. Несоблюдение традиционного ритуала маркируется в «НГ» метафорическим выражением *новой модой*, содержащим негативную коннотацию: *А сейчас вот лично я столкнулась с новой модой среди судейских: оглашать решения участникам процесса не в зале суда в судебном заседании, а в коридоре суда, по случаю, причем оглашать решения, касающиеся лишения свободы, — сама столкнулась с таким в минувшую пятницу в Ивановском облсуде, причем речь шла не просто о судьбе, а о целой коллегии судей* («НГ». 10.04.13).

В следующем фрагменте прослеживается явное намерение журналиста дискредитировать судебную власть посредством использования оксюморона. Положительно окрашенное выражение *побил рекорды* в сочетании с эксплицитно выраженным осуждением придают особую экспрессивность высказыванию и служат эффективным средством достижения авторского замысла: *2013 год побил рекорды по самым позорным и несправедливым судебным решениям* («НГ». 27.12.13).

Вопросно-ответные единства, использующиеся в «НГ», также содержат высказывания обобщающего характера, что подтверждает следующий пример: *Однажды я сидела на процессе по убийству, куда своими ногами пришел труп — то есть человек, в смерти которого обвиняли подсудимого. Думаете, суд его отпустил? Тогда вы ничего не знаете про суд* («НГ». 09.07.14).

Вероятно, что, в соответствии с правовыми нормами, существует определенная процедура, которая предшествует процессу освобождения подсудимого из-под стражи, однако об этом в статье не упоминается. Вопросно-ответное единство далее содержит стилистический прием градации, которая достигается посредством лексического повтора (*отсидели, сидят, сядут*) и лексических единиц со значением большого количества (*сотни, тысячи*): *А сколько таких, как Валера, отсидели, сидят и еще сядут? Скажу по многолетнему опыту — сотни, если не тысячи* («НГ». 22.05.13).

Использование стилистических средств, реализующих стратегию генерализации, в меньшей степени характерно для английских СМИ. В этой связи отметим использование лексических повторов, параллельных конструкций и градации: *Rachel Halford, director of campaign group "Women in Prison", which compiled the report, said: "There are still too many women unnecessarily imprisoned, too many women hurting themselves in prison and too many women reoffending on release"*

(«The G». 27.01.13). — *Рейчел Хэлфорд, лидер движения „Женщины в тюрьме“, которая представил отчет, сказала: „Все еще слишком много женщин, лишенных свободы без необходимости, слишком много женщин, наносящих себе увечья в тюрьме, и слишком много женщин, повторно совершающих преступления после освобождения“.*

Помимо языковых средств, составляющих стратегию генерализации, следует отметить такой прием, как **подбор фактов**. В статье под заголовком *«Были детские сады, стали — суды»* на фоне негативной тональности публикации приводится список судов, расположенных в зданиях бывших детских садов: *Следственный комитет и суд отправили детей в тубдиспансер, а сами переехали в детские сады, вот молодцы. В соседней Ивановской области — та же история, только еще циничнее, хотя куда уж. Суд в Лежневе Ивановской области тоже в здании детского сада. В Новомосковске Тульской области был дом детского творчества, стал суд. Куда детское творчество дели, науке неизвестно. В Екатеринбурге следственный комитет тоже сидит в здании бывшего детсада, да и многие суды тоже. В Казани Советский райсуд выкинул детей из здания детсада, сам туда переехал. Авиастроительная прокуратура поступила аналогичным образом. В Электростали суд въехал в детский сад, теперь там, где были веранды и площадки для прогулок, — стоянка для машин, только для судебных. Посетители паркуются во дворах* («НГ». 06.03.13).

Несмотря на тот факт, что суды действительно располагаются в зданиях детских садов, автор статьи не упоминает о том, что в период демографического кризиса 90-х гг. в России детские сады оказались невостребованы, в результате чего здания были переданы другим организациям, в том числе судам. Данный прием позволяет журналистам «увеличить масштабы» описываемых событий и фактов.

Подбор фактов также имеет место при обсуждении судебных решений, которые, по мнению журналиста, являются несправедливыми. Так, статья *«В России назрела большая нужда в правосудии»* («НГ». 30.08.13) затрагивает вопрос абсурдности приговора молодому человеку, обвиняемому по статье «Развратные действия в отношении несовершеннолетних». Как утверждает журналист, *«Руслан Вахапов получил 5 лет колонии за то, что справил нужду в неподходящем месте»*. Здесь же приводятся по-

добные примеры, в которых фигуранты были осуждены, причем, как утверждает автор, безосновательно, а также перечислены имена реальных педофилов, получивших «символические сроки». Такой подбор фактов в «НГ» подчеркивает непрофессионализм судей и акцентирует внимание читателей на распространенности этого факта.

Этот же прием используют журналисты британского таблоида «The DM». В статье под заголовком «*Read these stories of how the secret courts imprison the elderly in care homes against their will — and weep*» — «*Читайте эти истории о том, как секретные суды отправляют пожилых людей в дома престарелых против их воли — и рыдайте*» («The DM». 14.03.14) приводится подборка судебных решений, в соответствии с которыми пожилых людей передают на попечение социальных служб против их воли. Как представляется, стратегия генерализации в данной статье позволяет подчеркнуть отрицательные аспекты функционирования секретного правосудия в Великобритании.

Утверждение о том, что английские судьи проявляют чрезмерную мягкость, также подтверждается соответствующим подбором фактов в статье из таблоида «The DM»: *Judge who said burglar was brave refuses to jail paedophile because he'd "have a hard time": Child-abuse campaigners attack let-off for serial offender* («The DM». 01.04.13) — *Судья, который сказал, что грабитель смелый, отказывается заключать в тюрьму педофила, потому что „ему будет трудно“*. Участники кампании против совращения малолетних критикуют освобождение от наказания серийного преступника. Помимо освещения конкретного судебного дела, которому посвящена статья, здесь же перечисляются другие судебные решения, которые позиционируются как чрезмерно мягкие, что позволяет сделать вывод о том, что снисходительность представляет собой неотъемлемую характеристику английского правосудия. Та же проблема затрагивается и в статье под заголовком *Is this the softest judge in Britain? Appeal Court rules three of his jail terms too lenient* («The DM». 27.06.13) — *Это самый мягкий судья в Британии? Апелляционный суд постановил, что три назначенных им тюремных срока слишком мягкие*. В статье представлена подборка «неоправданно» снисходительных приговоров судьи. В качестве доказательств его мягкости приводятся решения апелляционного суда, назначившего более суровые наказания, причем акцентируется тот факт, что апелляционный суд изменил приговоры

по двум судебным делам в течение одного года.

Таким образом, стратегия генерализации используется главным образом в ее негативном варианте, чем создается отрицательный образ судебной системы. Стратегия генерализации, нацеленная на конструирование положительного образа правосудия, встречается в правительственной «РГ» при подчеркивании эффективности работы судебной власти, а также при указании проблем, стоящих перед судебной системой, в частности проблемы высокой нагрузки на судей. В оппозиционной «НГ» наблюдается тенденция к дискредитации института правосудия посредством использования данной стратегии. Стратегия генерализации в английских газетах сопутствует указанию на отрицательные стороны английской судебной системы, причем эти отрицательные характеристики особо акцентируются в таблоиде «The DM», что соответствует формату издания. Нам встретились единичные примеры использования стратегии генерализации в ее позитивном варианте в английских СМИ.

Языковой спектр реализации данной стратегии широк. На лексическом уровне стратегию генерализации реализуют лексические единицы со значением регулярности/нерегулярности совершения действия, лексические единицы, содержащие количественные показатели, в частности числительные, лексика, в семантику которой заложено значение большого количества, и также лексические единицы с семантикой общепризнанности. Грамматический уровень реализации стратегии генерализации представлен несовершенным видом глагола в русском материале и видо-временными формами группы Present в английском материале, а также множественным числом существительных и местоимений. Стратегия генерализации реализуется также посредством использования стилистических языковых средств, таких как метафора, оксюморон, вопросно-ответные единства, лексические повторы, параллельные конструкции, градация. Наконец, стратегия генерализации воплощается посредством приема подбора фактов, реализующего интенцию автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С. Ю. Номинативные стратегии для обозначения людей в письмах читателей // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 57—61.
2. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0/> (дата обращения: 27.12.2015).
3. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 26.12.2015).

4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С. Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 101—108.
6. Данкова Н. С. Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 192—198.
7. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 3. С. 72—81.
8. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах: моногр. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 272с.
9. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). — М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
10. Кормилицына М. А. Формирование имиджа политика средствами СМИ // Проблемы речевой коммуникации между вуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 65—70.
11. Ноблок Н. Л. Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе: на материале теледебатов Дж. Буша — Дж. Керри: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2007. 23 с.
12. Орлова О. Г. Составление словаря стереотипов о русских: содержание и форма // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 175—182.
13. Пономарева О. А. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008. 215 с.
14. Порохницкая Л. В. Типология фразообразовательных способов эвфемизации в европейских языках (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков) // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 642. С. 178—186.
15. Российский суд теряет завоеванное доверие. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения: 12.01.2015).
16. Сальникова И. М. Метафора «Политика — это спорт» как способ концептуализации сведений о политической действительности (на материале британского и американского медиадискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2013. 24 с.
17. Суздальцева В. Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М.: Изд-во Москов. ун-та, Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 284—328.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <http://www.slovopedia.com/15/194/1496315.html> (дата обращения: 26.12.2015).
19. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://www.slovopedia.com/3/195/780858.html> (дата обращения: 27.12.2015).
20. Тютюнова О. Н. Ритуальный компонент дискурса судебного заседания // Грани познания. 2012. № 5 (19), дек. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 24.12.2015).
21. Фролова И. В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 138—144.
22. Харламова Т. В. Ключевые слова текущего момента как отражение трансформации и мифологизации политического мышления // Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ: коллективная моногр. / под ред. О. Н. Дубровской, Т. В. Харламовой. — Саратов: Научная книга, 2008. С. 34—50.
23. Харламова Т. В. Конструирование образа российской власти в зарубежных СМИ // Язык. Право. Общество: сб. ст. 2 Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук О. В. Барабаш, д-ра филол. наук, доц. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 397—403.
24. Хухрянская Н. Н. Функционально-стилистическая характеристика квантитативов в медиатексте // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ / под ред. М. Ю. Казак. — Белгород: Константа, 2014. С. 168—174.
25. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
26. Ajiboye E. Ideological Discourse Analysis of the Functions of Feedback Comments on Online Reports of Socio-political Crises in Nigeria // Covenant Journal of Language Studies. 2013. Vol. 1, № 2. P. 128—147. URL: <http://journals.covenantuniversity.edu.ng/jls/published/Esther.pdf> (date of access: 12.01.2016).
27. Dijk T. A. van. Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse. 1994. Vol. 1. P. 17—27.
28. Dijk T. A. van. Prejudice in Discourse. — Amsterdam: Benjamins, 1984. 170 p.
29. Dubrovskaya T. Speech Genres of Negative Evaluation in Russian Culture // Young Scholars' Developments in Linguistics: Tradition and Change / ed. by T. V. Dubrovskaya, Y. A. Lobina. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 60—82.
30. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial Power in Russian Print Media: Strategies of Representation // Discourse & Communication. 2015. № 9, June. P. 293—312.
31. Mejia A. The General in the Particular // Journ. of Philosophy of Education. 2010. Vol. 44, No. 1. P. 93—107.
32. Memory Errors Reveal a Bias to Spontaneously Generalize to Categories // Cognitive Science / S. L. Sutherland [et al.]. 2015. № 39. P. 1021—1046.
33. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetoric of Racism and Anti-Semitism. — London: Routledge, 2001. 298 p.
34. Select Committee on Constitution Sixth Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (date of access: 22.09.2015).

N. S. Dankova
Penza, Russia

GENERALIZATION STRATEGY AS A MEANS OF REPRESENTING JUDICIAL POWER (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH PRINT MEDIA)

ABSTRACT. *The present study is devoted to the problem of discursive means used to construct the image of judicial power in Russian and English print media. The current research is considered to be a worthwhile study because of the negative public opinion about judicial power in Russia and a number of critical remarks directed towards the judiciary in Great Britain. The purpose of the study is to analyze the linguistic means employed to construct the image of judicial power within the strategy of generalization. The strategy of generalization may be used to create both positive and negative images of judicial power but the results of the given research show that it is mostly used to produce critical remarks. The author investigates lexical and grammatical language means as well as stylistic devices that realize the generalization strategy in Russian and English print media. According to the undertaken research, generalization is also constructed by means of selection of facts aimed at realization of the journalist's intention. Additionally, the author reveals cultural differences typical of employing the generalization strategy in Russian and English print media. Finally, the author makes a conclusion about the role of the investigated strategy in constructing the image of the judiciary in mass media. The article promotes deeper understanding of mass media discursive mechanisms that influence public opinion about the judiciary.*

KEYWORDS: *judicial power; mass media; strategy; generalization; image.*

ABOUT THE AUTHOR: Dankova Natal'ya Stanislavovna, Senior Lecturer, Post-graduate Student of Department of English, Penza State University, Russia, Penza.

REFERENCES

1. Arkhipov S. Yu. Nominativnye strategii dlya oboznacheniya lyudey v pis'makh chitateley // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 2. S. 57—61.
2. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0/> (data obrashcheniya: 27.12.2015).
3. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://www.worklib.ru/dic/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/> (data obrashcheniya: 26.12.2015).
4. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. — M.: Russkie slovari, 1997. 416 s.
5. Gulyaykina S. O., Dubrovskaya T. V., Dankova N. S. Manipulyativnyy potentsial mediynykh strategiy reprezentatsii sudebnoy vlasti (na materiale SMI Penzenskoy oblasti) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 101—108.
6. Dankova N. S. Reprezentatsiya sudebnoy vlasti v diskurse rossiyskikh i angliyskikh pechatnykh SMI: strategiya otsenki // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 192—198.
7. Dubrovskaya T. V. Obraz sud'i i sudebnoy vlasti v diskurse angliyskikh SMI // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. 2008. № 3. S. 72—81.
8. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh: monogr. — Penza: Izd-vo PGU, 2014. 272s.
9. Dubrovskaya T. V. Sudebnyy diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov). — M.: Akademiya MNEPU, 2010. 351 s.
10. Kormilitsyna M. A. Formirovanie imidzha politika sredstvami SMI // Problemy rechevoy kommunikatsii mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilitsynoy, O. B. Sirotinoy. — Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. Vyp. 4. S. 65—70.
11. Noblok N. L. Avtorskie strategii v angloyazychnom politicheskom diskurse: na materiale teledbatov Dzh. Busha — Dzh. Kerri: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tambov, 2007. 23 s.
12. Orlova O. G. Sostavlenie slovary stereotipov o russkikh: sodержanie i forma // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 175—182.
13. Ponomareva O. A. Verbalizatsiya politicheskogo imidzha v rossiyskikh i amerikanskikh sredstvakh massovoy informatsii: dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2008. 215 s.
14. Porokhnitskaya L. V. Tipologiya frazoobrazovatel'nykh sposobov evfemizatsii v evropeyskikh yazykakh (na materiale angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov) // Vestn. Moskov. gos. lingvist. un-ta. 2012. № 642. S. 178—186.
15. Rossiyskiy sud teryaet zavoevanoe doverie. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
16. Sal'nikova I. M. Metafora «Politika — eto sport» kak sposob kontseptualizatsii svedeniy o politicheskoy deystvitel'nosti (na materiale britanskogo i amerikanskogo mediadiskursa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2013. 24 s.
17. Suzdal'tseva V. N. Obraz vlasti v sovremennykh rossiyskikh SMI // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — M.: Izd-vo Moskov. un-ta, Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. C. 284—328.
18. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. T. F. Efremovoy. URL: <http://www.slovopedia.com/15/194/1496315.html> (data obrashcheniya: 26.12.2015).
19. Tolkovyy slovar' Ushakova. URL: <http://www.slovopedia.com/3/195/780858.html> (data obrashcheniya: 27.12.2015).
20. Tyutyunova O. N. Ritual'nyy komponent diskursa sudebnogo zasedaniya // Grani poznaniya. 2012. № 5 (19), dek. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (data obrashcheniya: 24.12.2015).
21. Frolova I. V. O vyrazhenii sub"ektivnosti v analiticheskikh stat'yakh kachestvennoy britanskoy i rossiyskoy pressy // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 138—144.
22. Kharlamova T. V. Klyucheveye slova tekushchego momenta kak otrazhenie transformatsii i mifologizatsii politicheskogo myshleniya // Dinamika sovremennogo politicheskogo myshleniya v sovremennom diskursivnom prostranstve. Vlast' i SMI: kollektivnaya monogr. / pod red. O. N. Dubrovskoy, T. V. Kharlamovoy. — Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. S. 34—50.
23. Kharlamova T. V. Konstruirovaniye obraza rossiyskoy vlasti v zarubezhnykh SMI // Yazyk. Pravo. Obschestvo: sb. st. 2 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 9 apr. 2014 g.) / pod red. kand. filol. nauk O. V. Barabash, d-ra filol. nauk, dots. T. V. Dubrovskoy, kand. ped. nauk, prof. G. I. Kanakinoy. — Penza: Izd-vo PGU, 2014. S. 397—403.
24. Khukhryanskaya N. N. Funktsional'no-stilisticheskaya kharakteristika kvantitativov v mediatekste // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: sb. nauch. rabot / pod red. M. Yu. Kazak. — Belgorod: Konstanta, 2014. S. 168—174.
25. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2006. 136 s.
26. Ajiboeye E. Ideological Discourse Analysis of the Functions of Feedback Comments on Online Reports of Socio-political Crises in Nigeria // Covenant Journal of Language Studies. 2013. Vol. 1, № 2. P. 128—147. URL: <http://journals.covenantuniversity.edu.ng/jls/published/Esther.pdf> (date of access: 12.01.2016).
27. Dijk T. A. van. Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse. 1994. Vol. 1. P. 17—27.
28. Dijk T. A. van. Prejudice in Discourse. — Amsterdam: Benjamins, 1984. 170 p.
29. Dubrovskaya T. Speech Genres of Negative Evaluation in Russian Culture // Young Scholars' Developments in Linguistics: Tradition and Change / ed. by T. V. Dubrovskaya, Y. A. Lobina. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 60—82.
30. Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial Power in Russian Print Media: Strategies of Representation // Discourse & Communication. 2015. № 9, June. P. 293—312.
31. Mejia A. The General in the Particular // Journ. of Philosophy of Education. 2010. Vol. 44, No. 1. P. 93—107.
32. Memory Errors Reveal a Bias to Spontaneously Generalize to Categories // Cognitive Science / S. L. Sutherland [et al.]. 2015. № 39. P. 1021—1046.
33. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetoric of Racism and Anti-Semitism. — London: Routledge, 2001. 298 p.
34. Select Committee on Constitution Sixth Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (date of access: 22.09.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Т. В. Дубровская.

С. В. Киселева, Ю. В. Сапронов
Санкт-Петербург, Россия

КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ДИСКУРСЕ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены три категории мышления (общее, единичное, различное), основанные на особенностях человеческого восприятия. Данные категории, в свою очередь, отображаются в различных когнитивных операциях, которые человек задействует для обработки поступающей информации. Для описания этих операций были использованы так называемые единицы мысли, которые в соответствии с категориями мышления бывают трех видов. Различные сочетания данных единиц были привлечены для репрезентации различных когнитивных операций. Объектом данного исследования является концепт «политическая партия», который, как и любой другой концепт, представляет собой единство и раскрывается в дискурсе. При отображении того или иного аспекта концепта в дискурсе с необходимостью объективируются те или иные когнитивные операции. Таким образом, в данной статье действие этих операций демонстрируется на примерах из дискурса о политических партиях, и в результате этого, затрагиваются следующие проблемы, раскрывающие концепт «политическая партия»: отношение «член партии — партия», отношение «политический блок — партия», «партия и законодательство», «идентичность партии», «определение партии», «атрибуты партии (имя, символ, устав, структура и т. д.)», отношение «партия — общество», необходимое количество членов партии, регистрация партии, цели и задачи, которые партия должна перед собой ставить, классификация партии и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная операция; дискурс; политическая партия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Киселева Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: svkiseljeva@bk.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сапронов Юрий Владимирович, аспирант кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: 7saproinov@mail.ru.

Политическая сфера является объектом пристального внимания специалистов различных научных дисциплин. В последнее время возрос интерес лингвистов к политическим коммуникациям, языку политики, политической метафоре и политической риторике, политическому дискурсу, предвыборным агитационным текстам, лексическим и стилистическим особенностям инаугурационных речей, аксиологическим аспектам политических текстов [Киселева, Росянова 2015: 171]. По словам А. П. Чудинова, политическая сфера является важной частью национальной культуры, а языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных единиц (например, концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.) [Чудинов 2009: 35].

Цель данной статьи — представить когнитивные операции и показать то, как данные операции объективируются в дискурсе, касающемся политических партий.

Традиционно в философии, логике и лингвистике выделяют категории единичного и общего. «Объем единичного понятия составляет одноэлементный класс (например, «великий русский писатель Александр Николаевич Островский», «столица России» и др.). Объем общего понятия включает число элементов больше единицы (например, «автомобиль», «портфель», «государство» и др.)» [Гетманова 2007: 44].

Уже у Аристотеля можно прочитать следующие рассуждения: «Из существующего одно говорится о каком-нибудь подлежащем,

но не находится ни в каком подлежащем, например, человек... Наконец, иное не находится в подлежащем и не говорится о каком-либо подлежащем, например отдельный человек и отдельная лошадь... И вообще все единичное и все что одно по числу, не говорится ни о каком подлежащем, однако ничто не мешает чему-то такому находиться в подлежащем» [Аристотель 1978: 54]. На основании данного рассуждения Аристотель выделяет первые сущности (все единичное) и вторые сущности (виды и роды).

Таким образом, согласно Аристотелю, сообщение, например, «молоток лежит» отображается так: молоток — единичный предмет (референт), «молоток» — вещное слово (говорит о подлежащем).

В своей теории знака Готлоб Фреге выделяет предмет (аналог единичности у Аристотеля: «предмет не встречается повторно») [Фреге 2008: 190] (позже он обозначит это как «вещь») и понятие. Если значением знака является предмет, то такой знак является именем собственным. Если в качестве значения знака выступает понятие, то это понятийное слово. «Общее понятийное слово обозначает как раз понятие. Оно действует как собственное имя только с определенным артиклем или указательным местоимением» [Фреге 2008: 190]. Также он вводит понятие «смысл»: «...всякое имя, с одной стороны, обозначает свой предмет, а с другой — выражает свой смысл, который определенным образом характеризует значение имени» [Лебедев 2006: 50]. При этом «необходимо, однако, всегда учитывать полное предложение.

Только в нем слова обладают подлинным значением... Достаточно, если предложение имеет смысл как целое: благодаря этому свое содержание получают также и его части» [Фреге 2008: 196]. Таким образом, на первый план выходит такая информативная единица, как предложение, которое, с одной стороны, представляет мысль (функция — аргумент), а с другой — обладает истинностным значением (истина или ложь).

Согласно данной теории, сообщение «молоток лежит» может трактоваться только как мысль, состоящая из понятийного слова «молоток» (аргумент) и понятийного слова «лежит» (функция). Но если это сообщение о конкретном молотке (этот молоток лежит), то данное предложение не только схватывается мыслью, но и является утверждением, т. е. имеет истинностное значение. При этом существует единичный предмет «молоток» и имя собственное «этот молоток лежит».

В своей теории Б. Рассел также указывает на самостоятельные сущности — «индивиды» и универсалии — «свойства и отношения», которые выражаются через пропозициональные функции, например: «ученик (x, y)», «любит (x, y)» и т. д. Чтобы получить пропозицию (выражение), следует заполнить аргументные места словами, указывающими на самостоятельные предметы. Такими словами могут быть имена собственные (Аристотель) или определенные дескрипции (описания). «Имеется две разновидности описаний, одни могут быть названы „неопределенными дескрипциями“, когда мы говорим о „неопределенном таком-то и таком-то“ [„a so-and-so“], а другие могут быть названы „определенными дескрипциями“, когда мы говорим об „определенном таком-то и таком-то“ [„the so-and-so“] (в единственном числе)» [Рассел 2007: 182].

Следовательно, сообщение «молоток лежит» можно трактовать как пропозициональную функцию: «молоток — x и x — лежит иногда истинно» — или как пропозицию: «этот молоток лежит», где «этот молоток» является дескрипцией. В результате знание, представленное в данном сообщении, следует отобразить следующим образом: «молоток» — единичная сущность, «молоток» — неопределенная дескрипция, «лежит» — свойство, $L(x)$ — логическая форма, упорядочивающая составляющие предложение, где L означает «лежит» как функцию, x — аргумент, «этот молоток» — определенная дескрипция, «этот молоток лежит» — пропозиция.

Как известно, именно Б. Рассел сформулировал парадокс, связанный с классами. «Если функция и аргумент находятся на од-

ном и том же уровне, то, сконструировав высказывание, в котором одно и то же выражение может рассматриваться одновременно как функция и как аргумент этой функции, можно прийти к противоречию. Согласно каждой высказывательной функции можно образовать класс предметов. Например, функции «чайная ложка (x)» соответствует класс индивидов, удовлетворяющих данную функцию и являющихся чайными ложками. ...класс чайных ложек сам чайной ложкой не является, он состоит только из индивидов, а класс всех предметов, не являющихся чайными ложками, сам не будет являться чайной ложкой и, следовательно, будет являться членом самого себя» [Лебедев 2006: 110]. Первый из рассмотренных выше классов, является примером так называемого правильного множества, а второй соответственно неправильного множества.

С точки зрения когнитивной лингвистики, когда в центре внимания находится то, как человек мыслит, как первый, так и второй случай чрезвычайно интересен, поскольку раскрывает некоторые особенности человеческого мышления. Мы предполагаем, что то, как человек мыслит, можно отобразить с помощью того, что нами будет обозначено как единицы мысли. Весь представленный выше материал свидетельствует о том, что человек использует категории общего и единичного. Нам представляется интересным неким образом представить эти категории мышления. Категория общего будет нами представлена посредством мыслительных единиц общего, соответственно категория единичного будет моделироваться с помощью мыслительных единиц единичного. Общие положения касательно данных типов мышления мы сформируем следующим образом: 1) единица «общего» относится к категории «общее», 2) единица «общего», единица «общего» — относится к категории «общее», 3) единица «общего» — это единица «общего», 4) единица «общего», единица «общего» — это единица «общего, общего», 5) единица «единичного» относится к категории «единичное», 6) единица «единичного», единица «единичного» относится к категории «единичного» (а не «общего»), 7) единица «единичного» — это единица «единичного», 8) единица «единичного», единица «единичного» — это единица «единичного», единица «единичного» — это много единиц «единичного» (множество единиц «единичного»).

Поясним, что мы пытаемся отобразить данными положениями: из единичного не получить общее и наоборот, т. е. единичное и общее соотносятся в мышлении, но нет прямой связи; положение № 4 моделирует

«чистую» синтагматику (синтагматический аспект): отсутствие всяких границ между элементами создает протяженность, но для создания этой протяженности необходима постоянная единица. Произнесение в начале любого высказывания «Я говорю» делает значение всего высказывания, вне зависимости от того, что говорить и как долго, сам факт «говорения», т. е. значение всегда постоянно и неизменно, но, с другой стороны, мы отличаем различную протяженность высказываний. Синтагматический аспект представляет собой естественную характеристику языка и речи, некоторую «избыточность» символов, которая служит образованию данного аспекта, и, будучи естественной характеристикой языка, данная избыточность в нем не заметна и необходима, например: «стена состоит из кирпичей». В данном предложении все элементы связаны синтагматическим аспектом, и избыточность символов не заметна, однако элемент «стена» избыточен, поскольку если на реальной кирпичной стене на каждом кирпиче написать «кирпич», то не окажется такой вещи, как стена, на которой мы аналогично можем написать «стена». Другое выражение, «рука соединяется с плечом», так же как и предыдущее, рассмотренное нами выражение, демонстрирует избыточность символов (элемент «соединяется с» является избыточным), благодаря которой элементы органично соединены в единую фразу, которая отображает отсутствие границ между рукой и плечом в реальном мире, поскольку если рука не крепится к плечу, то у нас возникает вопрос: «можем ли мы обозначать данную вещь как рука или нет?» (аналогично обстоит дело с «плечом»). Таким образом, любое выражение, правильно описывающее взаимосвязь вещей в реальном мире, репрезентирует идею о протяженной единице. Положение 8 объективизирует «чистое» множество, т. е. каждый элемент занимает свое индивидуальное место в сообщении (синтагматический аспект не рассматривается). Таким образом, единица «единичного» отображает то, как человек мыслит место, которое может быть только индивидуальным (вспомним парадоксы Зенона), единица «общего», единица «общего» — данная ситуация моделирует то, как человек мыслит пространство. Если мы сопоставим положения 3 и 7, то они являются одинаковыми по форме (единица (- -) — это единица (- -)), но занимают разные уровни в мышлении. Все эти формулы не являются высказываниями о чем-то в чистом виде, они предназначены для восприятия и осмысления восприятия, прежде всего поэтому нами используются

термины «моделировать», «объективировать» и т. д.

Теперь вернемся к парадоксу Б. Рассела. Класс «чайных ложек» не является чайной ложкой потому, что из единичного не получить общее (положение 6). Несколько единиц «единичного» в языке выражается множественным числом, например «велосипеды», но пропозициональная функция представляет общее, например: «велосипед (x)», т. е. не «велосипеды (x)». В свою очередь, множество не чайных ложек предстает как пропозициональная функция и как аргумент (класс является элементом самого себя), а именно, класс (общее) занимает две синтагматические позиции, что, согласно нашей идее, представляет положение 4 (нет функции «велосипед, велосипед (x)»). Таким образом, проблемы возникают вследствие ограниченности самой структуры «функция (аргумент)», которая не в состоянии выразить аспекты, о которых идет речь. Следует отметить, что в теории Б. Рассела пропозициональная функция используется в двух совершенно разных аспектах: 1) для формирования отношений (свойства редуцируются к отношениям), 2) для формирования классов и дескрипций. При этом в функции формирования отношений, пропозициональная функция репрезентирует то, что нами обозначено как «множество единиц единичного», например: «(x) рядом с (y) рядом с (z) и т. д.», в то время как при формировании дескрипций она не репрезентирует, а говорит о множестве, а говорить — это всегда «общее». Следовательно, 1 единица общего формирует классы. Далее, как пишет Б. Рассел, «фактом я называю то, что выражено целостным предложением, а не отдельным именем» [Рассел 2007: 126]. «Пропозиция есть только символ. Она представляет собой комплексный символ в том смысле, что состоит из частей, также являющихся символами; символ можно определить как комплексный, когда он состоит из частей, которые являются символами. В предложении, содержащем различные слова, каждое из этих слов является символом, стало быть, и предложение, состоящее из них, является комплексным в этом смысле» [Рассел 2007: 129]. Таким образом, если рассматривать отношение факта и пропозиции, то пропозиция репрезентирует факт.

Теперь рассмотрим еще одну единицу мысли. Эта единица будет обозначена нами как единица «различения». Базовая черта человеческого восприятия — это способность отличать нечто от чего-то другого. Ни единица «общего», ни единица «единичного» не способны моделировать данную когнитивную

способность. «Сущностям свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, что может быть противоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно. Равным образом нет ничего противоположного и человеку или живому существу» [Аристотель 1978: 59].

«Индивиды характеризуются той особенностью, что каждый из них всецело обособлен и совершенно самодостаточен... каждый индивид, имеющий место в мире, логически никоим образом не зависит от любого другого индивида» [Рассел 2007: 143—144].

Если говорить об одной единице «различения», то она всегда отрицает себя (всегда противоположна себе). Под этим нами понимается тот факт, что если мы нечто различаем, то происходит изменение (например, мы воспринимаем или фон, или фокус), т. е. появляется невозможность некоего мысленного соединения или обобщения. «Сущности принимают противоположности, меняясь сами. Ведь, став холодной из теплой, сущность претерпела изменение (ибо она стала иной), и так же — став из бледного смуглым и из плохого хорошим» [Аристотель 1978: 61].

Эта единица мысли репрезентирует то, как человек мыслит линейное время (постоянное изменение), процесс. Идею времени (процесса) в языке передают глаголы.

Множество зданий не есть здание — это правильное множество, что соответствует категории «единичное». Каждое здание воспринимается как нечто самостоятельное и отдельное, поскольку занимает свое место в пространстве, однако представим, что некий архитектор спроектировал комплекс из пяти зданий, и данный проект претворяется в жизнь. Если начать строить одно здание из некоего комплекса, то это значит начинать строить комплекс зданий. Если рабочие строят одно здание комплекса, то можно прийти к выводу, что они строят весь комплекс. Если бригада заканчивает строить здание (последнее), то это означает, что они заканчивают строить весь комплекс зданий.

В данном аспекте не важно, начинать (заканчивать) ли, строить только одно здание или все здания комплекса одновременно. В нашем мысленном представлении пространственная индивидуальность каждого здания (свойство, представляющее каждый элемент как нечто индивидуальное) нивелируется понятием о процессе (свойство, отражающее временную составляющую), и в результате отдельные вещи объединяются в нашем сознании во множества и неотличимы от него.

Свойство, говорящее о пространстве («быть зданием»), разъединяет элементы

множества и ведет к осознанию индивидуальности. Свойство, представляющее время, отражающее процесс («строить»), объединяет элементы множества (под процессом следует понимать существование трех фаз: начало, прогресс, окончание). Таким образом, в данном случае именно глагол, который вызывает мысль о процессе, объединяет элементы в единую сущность. В свою очередь, свойство «тушить пожар» объединяет в единое множество все такие индивидуальные объекты, как «огнетушитель». Идею процесса передают глаголы, выражающие функцию, поскольку они учитывают движение к требуемой цели. Если один молоток забивает гвоздь, то это значит, что все молотки забивают гвозди. Данное утверждение в первую очередь передает идею процесса, а не идею актуальности («сейчас»), поскольку в нем также присутствует идея потенциальности («потом»). В соответствии с этим акцентируется тот факт, что назначение каждого молотка (столярного) — это забивать гвозди, и если в реальном мире хоть один молоток это делает, то «работают» все молотки актуально или потенциально, в то время как если один молоток бьет, например, по столу, то это не означает, что каждый молоток когда-нибудь должен ударить по столу (нет идеи потенциальности), поскольку бить по столу — это не предназначение молотка, и поэтому данное действие является просто действием, а не функцией, и вследствие этого данный молоток предстает как индивидуальность, а не как представитель множества молотков.

Если говорить о двух единицах «различения», то данная ситуация отображает то, как человек воспринимает одновременное существование противоположностей, например, лево-право и т. д.

Данные единицы мысли можно использовать для репрезентации когнитивных операций, с помощью которых человек осуществляет обработку информации, заложенной в предложениях.

В данной работе нами исследуется концепт «политическая партия», который, как и любой концепт, является чем-то единым и раскрывается в дискурсе, активизирующем когнитивные операции, которые будут представлены ниже.

Начнем описание когнитивных операций с операции, которую мы обозначим как различение, поскольку она является основой человеческого восприятия. «Явления даны нам в форме ощущений, так как очевидно, что мы узнаем о физическом мире лишь то, что до нас доходит через наши органы чувств... Лишь разницу между температурой нашего

тела и внешней температурой мы ощущаем как теплоту или холод; в мире, в котором температура была бы повсюду и всегда равна температуре нашего тела, мы бы никогда не узнали бы ничего о теплоте» [Бессонов 2009: 42]. Данную операцию следует отобразить через единицу «различения». Она заключается в том, что человек просто отмечает различие между элементами информации, поступающей человеку извне. Когда мы говорим, что партия ЛДПР — это не партия КПРФ, то активизируется именно данная операция. Безусловно, концепт «политическая партия» раскрывается через данную операцию. В федеральном законе «О политических партиях» сказано: «В наименовании политической партии, как полном, так и сокращенном, не допускается использование наименований иных существующих в Российской Федерации политических партий», а также: «В качестве эмблемы и иных символов политической партии не могут быть использованы эмблемы и иные символы существующих в Российской Федерации политических партий» [ФЗ № 95-ФЗ]. Таким образом, концепт «политическая партия» предполагает обязательное различие между партиями.

Следующую операцию представляется возможным обозначить как «разнообразие» и изобразить следующим образом: единица «различения» / единица «общего». Помимо отличия одного элемента от другого нами еще подмечается нечто общее, что они представляют. Например, предложение «Политический плюрализм как основа демократии предполагает многообразие политических взглядов и организаций» [Партии в Российской Федерации] активизирует данную операцию в сознании читателя, поскольку оно говорит о разнообразии организаций, т. е. сама идея «организации» является общей для всех организаций, и партий в том числе. На данном этапе развития Российского государства этот аспект концепта является очень важным, поэтому идея разнообразия отражена в 13 статье Конституции РФ: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие» [Конституция Российской Федерации].

В свою очередь, операция «фиксирование» заключается в фиксации в сознании явления или сущности как чего-то единственного и индивидуального, что, в свою очередь, необходимо для идентификации этого явления или сущности реального мира. Например, если в тексте несколько раз упоминается партия «Единая Россия», то человек, воспринимающий данный текст, должен понимать, что, несмотря на то, что элемент (партия «Единая Россия») встречается не-

сколько раз, значение представляет собой нечто единственное и фиксированное. Данная операция есть единица «единичности». Данная операция объективируется, например, в следующем положении закона: «Политическая партия и ее региональные отделения подлежат государственной **регистрации** в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом. Политическая партия и ее региональные отделения осуществляют свою деятельность в полном объеме, в том числе как **юридические лица**, с момента государственной **регистрации**» [ФЗ № 95-ФЗ]. То есть партия существует только как нечто зафиксированное, как нечто, состоящее в регистре партий, и как нечто, являющееся юридическим лицом.

Для представления следующих двух операций предположим, что перед нами нарисованы две точки. Если мы скажем, что это две индивидуальные точки, то значит, нами для восприятия использована некая операция. Если же мы проводим прямую линию между этими точками, то следовательно, нами задействована другая операция. Потому что из точек, которые не обладают протяженностью, не получить прямую линию, которая, соответственно, ей характеризуется. В первом случае активизируется операция «разъединение» (единица «единичности», единица «единичности»), во втором — операция «соединение» (единица «единичности», единица «единичности»).

«Политическая партия — это общественное **объединение**, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли» [Там же]. Как видно, данное положение закона определяет политическую партию прежде всего как объединение людей для формирования единой политической воли и тем самым репрезентирует операцию «соединение». Само название партии «Единая Россия» формируется на основе данного аспекта рассматриваемого нами концепта: «Лозунг „Сила в единстве“. Его выбрала для своей предвыборной агитации на выборах в Госсовет РТ партия „Единая Россия“» [Бизнес online].

С другой стороны, на людей, не состоящих в политической партии, можно смотреть как на множество индивидуумов (операция «разъединение»), что также отражено в законе «О политических партиях» и, следовательно, также раскрывает этот концепт в аспекте, связанном с операцией «разъединение»: «Право граждан Российской Федерации на объединение в политические партии... право вступать в политические партии

либо **воздерживаться** от вступления в политические партии» [ФЗ № 95-ФЗ].

Следующая операция будет обозначена как «повторение» (единица «единичного» / единица «общего», единица «общего»). То есть сколько бы единиц «общего» мы ни добавляли, все равно будет одна единица «единичности». Например, каждый кусочек синего листа обладает качеством «быть синим» в той же мере, как и весь лист. В геометрии данная операция формирует наше понятие об отрезке. Отрезок, с одной стороны, есть нечто ограниченное, однако, сопоставляя отрезки, находящиеся на одной прямой, мы также получаем отрезок, и так отрезок повторяет себя до бесконечности.

Другая же операция устанавливает соответствие между «общим» и «единичным» и отображается как единица «общего», единица «общего» / единица «единичного», единица «единичного». Ранее нами было сказано, что мы мыслим отрезок как нечто, делящееся на меньшие отрезки. Если нами задается мера (которая также есть отрезок), и мы позиционируем это именно как меру, то отрезок получает длину, т. е. понятие «отрезок такой-то длины» говорит о том, что понятие «отрезок» немислимо без понятия «мера» («длина»). Мера составляют индивидуальные отрезки (единицы «единичного»), которые суммируются. В свою очередь, поскольку отрезок немислим без длины (меры), то он в то же время предстает как соединение отрезков, т. е. они не ограничивают друг друга (единица «общего», единица «общего»). В выражении « $1 + 1 = 2$ » также наблюдаем действие данной когнитивной операции. Эта операция будет названа «сумма».

Данные операции представляют концепт «партия» в определенном аспекте, а именно как нечто, являющееся неким лимитом. Например: «политическая партия должна иметь региональные отделения **более чем в половине** субъектов Российской Федерации», «в политической партии должно состоять **не менее десяти тысяч** членов политической партии», «для подготовки, созыва и проведения учредительного съезда политической партии гражданами Российской Федерации, имеющими право быть членами политической партии, образуется организационный комитет в составе **не менее десяти** человек», «учредительный съезд политической партии считается правомочным в случае, если в его работе приняли участие делегаты, представляющие **более чем половину** субъектов Российской Федерации и преимущественно проживающие в этих субъектах Российской Федерации», «в случае нарушения политической партией Конституции Российской Федерации, федераль-

ных конституционных законов, настоящего Федерального закона и иных федеральных законов федеральный регистрирующий орган выносит политической партии письменное предупреждение с указанием допущенных нарушений и устанавливает срок их устранения, составляющий **не менее двух месяцев**» [Там же]. Можно сказать, что до некоего лимита партия неправомерна, и здесь не важно количество (например, 2 или 7 членом составляют ее организационный комитет (операция «повторение»)), однако после преодоления данного лимита количество членом имеет значение (операция «сумма»). То есть чем больше партия получает голосов на выборах, тем больше она имеет мест в парламенте.

Любой объект обладает множеством характеристик. Для отображения данной ситуации нами будет использована следующая операция: «слияние» — единица «различения», единица «различения» / единица «общего» / единица «единичного». Например, некий предмет, который всегда индивидуален, имеет «имя», что всегда общее, при этом он представлен различными характеристиками. Или политический блок выступает как нечто общее для каждой партии, в него входящей (при этом каждая партия отчасти теряет свою индивидуальность), и эта черта переходит к блоку, при этом нами в то же самое время осознается различие между партиями, в него входящими.

Операция «изменение» заключается в том, индивидуальный объект может принимать несовместимые признаки в разное время (единица «различения» / единица «единичного»). Согласно М. В. Никитину, который выделяет предметно-логическую типологию противоположностей признаков, сюда относится семантика понятий, отражающих те действия и процессы, которые зеркально воспроизводят друг друга: «...структуры процессов состоят из одинаковых частей, но эти части выявляются во времени с зеркальной симметрией» [Никитин 2007: 412]. Примеры: подниматься — опускаться, открывать — закрывать и т. д. Данная операция будет обозначена как «изменение». Она проявляется, например, когда некий человек переходит из одной партии в другую: «Гражданин Российской Федерации может быть членом только одной политической партии» [ФЗ № 95-ФЗ].

Следовательно, необходимо задать еще одну когнитивную операцию, которую можно обозначить как «шкала», например: «холодный — прохладный — теплый — жаркий». Здесь, в отличие от предыдущей рассмотренной нами операции, в мышлении присутствует общий родовый признак (в данном

случае — «температура»), т. е. единица «общего». Таким образом, данная когнитивная операция отображается следующим образом: единица «различения» / единица «общего» / единица «единичного».

«Чтобы два понятия-значения считались противоположными, необходимо, чтобы их содержание или исчерпывалось противоположными семантическими признаками, или же — при наличии у них общего родового признака — их видовые (дифференциальные) признаки были противоположными» [Никитин 2007: 401]. В первом случае имеется в виду то, что нами подразумевается под проявлением операции «изменение», во втором случае — «шкала». Скажем, численность политической партии в различное время тоже может отображаться на шкале, например: «маленькая — средняя — крупная». Возможность изменения по шкале политической значимости организации также отражена в законе «О политических партиях»: «В случае преобразования в политическую **партию** общероссийской общественной организации или общероссийского общественного движения съезд общероссийской общественной организации или общероссийского общественного движения принимает решения о преобразовании общероссийской общественной организации или общероссийского общественного движения в политическую партию» [ФЗ № 95-ФЗ].

В свою очередь, синонимы репрезентируют операцию, которую представляется возможным отобразить так: единица «общего» / единица «единичного», единица «единичного». Так, элементы предложения мы можем воспринимать как индивидуальные элементы (они не могут занимать одного и того же места, но за ними стоит что-то общее), например: « $1 = 1 = 1 = 1 \dots$ », « $3 + 3 + 3 = 3 \times 3 = 9$ », «Зюганов Геннадий Андреевич — председатель ЦК КПРФ». Для государства ни одна партия не является приоритетной, т. е. по отношению к государству партии выступают как равнозначные организации, что и репрезентирует данную операцию: «...государством гарантируется равенство политических партий перед законом независимо от изложенных в их учредительных и программных документах идеологии, целей и задач» [Там же].

Следующей представленной в этой работе когнитивной операцией является операция «взаимозаменяемость». Данная операция заключается в том, что, поскольку в рамках некой ситуации различные элементы предстают как абсолютно равнозначные, один элемент замещается другим элементом.

Например, к ситуации, обозначенной следующим образом: «число между 0 и 5»,

к элементам «1», «2», «3», «4» применима операция «взаимозаменяемость».

Для ситуации «длина приблизительно 50 см» длины 49, 50, 51 являются равнозначными и взаимозаменяемыми. Элементы «дверь» и «стул» будут взаимозаменяемы, если они представляют признак «деревянный». Представляется возможным отобразить данную когнитивную операцию следующим образом: единица «общего» (общий признак) / единица «единичного», единица «единичного» (показывает индивидуальность каждого из элементов, которые участвуют в данной операции) / единица «различения» (говорит о том, что замена предполагает различие во времени (или, или)). «Цель любой партии — прийти к власти» [Образование партий]. Из такого утверждения следует, что, в соответствии с данной целью, все политические партии являются синонимичными и взаимозаменяемыми элементами, благодаря чему к власти приходит то одна, то другая партия.

Следующая ступень обработки информации заложена в самом утверждении. Главной характеристикой утверждения является именно тот факт, что элементы в нем явлены, т. е. каждый занимает свое место в утверждении, при этом место одного элемента существует относительно места другого элемента утверждения.

Место задается, например, так: «в середине», «слева», «справа», т. е. отмечается одновременное различие между элементами (единица «различения», единица «различения»), при этом каждый элемент занимает свое место, т. е. присутствуют две (и более) единицы «единичного». Таким образом, возникает отношение между местами. Согласно евклидовой геометрии, параллельные прямые не пересекаются — они индивидуальны вследствие этого: параллельность прямых осознается с помощью данной операции. Данную операцию профилируют понятия, передающие пространственную противоположность: параллельность, слева, справа и т. д. Эту когнитивную операцию мы обозначим как «параллельность». Данная операция отображается в том, что партии принято позиционировать одну относительно другой по примеру пространственной ориентации (в границах так называемого политического спектра): «левые партии», «центристские партии», «правые партии».

Прежде чем говорить о следующей когнитивной операции, которую мы обозначим как «отношение с противоположностью», рассмотрим, как мыслится круг. Элементы на окружности не могут репрезентировать операцию «соединение» (иначе это прямая),

но отношение каждого элемента, находящегося на окружности, к центру круга является общим (единица «общего»). Элементов на окружности много, они разъединены (единица «единичного», единица «единичного»), и при этом каждый элемент окружности одновременно индивидуален относительно другого элемента окружности и центра (единица «различения», единица «различения»). Таким образом, круг мыслится на основе операции, которую можно представить следующим образом: единица «общего» / единица «единичного», единица «единичного» / единица «различения», единица «различения». Согласно категориально-логической типологии противоположностей, показанной М. В. Никитиным, эту операцию представляют понятия, находящиеся в несимметричном отношении. «Если две вещи D1 и D2 связаны несимметричным отношением R1, то реляционные признаки P1(D1) и P2(D2), приобретаемые вещами-аргументами в этом и только в этом отношении R1, являются конверсивными. Конверсивный признак не собственное свойство вещи, с которым бы она вступала в отношение, а реляционный признак, приобретаемый ею в отношении» [Никитин 2007: 416]. Например: «муж — жена», «покупать — продавать», «продавец — покупатель», «родитель — ребенок». Данная операция объективируется в следующем положении закона: «Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности» [ФЗ № 95-ФЗ], поскольку партия должна являться единством при сохранении индивидуальности каждого человека, и очень важно, чтобы было различие между членами партии. Эта операция также проявляется в таком положении: «Лица, замещающие государственные или муниципальные должности, и лица, находящиеся на государственной или муниципальной службе, не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в интересах политической партии» [Там же]. «Правящие — это те партии, которые находятся у власти; оппозиционные — это те партии, которые не находятся у власти и имеют главную задачу — завоевать власть» [Политическая партия]. Данная классификация партий репрезентирует ту же когнитивную операцию.

Следующая когнитивная операция будет обозначена нами как «сборка». Рассмотрим такое понятие, как угол. Из отрезков, не находящихся на одной прямой (та же идея потом переносится и на отрезки на одной прямой (угол 180 градусов)), мы составляем не отрезок, а нечто, чего нет в отрезке, а имен-

но угол. То есть существует такое положение вещей, что, с одной стороны, мы располагаем двумя элементами, не ограниченными друг от друга в пространстве (два отрезка пересекаются, а именно, точка пересечения говорит о том, что они не ограничены в пространстве и стоят в одной ипостаси) (единица «общего», единица «общего»), с другой стороны, мы воспринимаем каждый отрезок как индивидуальность (у каждого отрезка может быть своя длина) (единица «единичного», единица «единичного»), и в результате нами одновременно различаются элементы «угол» и «отрезок». Таким образом, данную когнитивную операцию следует отобразить следующим способом: единица «общего», единица «общего» / единица «единичного», единица «единичного» / единица «различения», единица «различения». Данная операция проявляется, например, когда мы из квадратов составляем прямоугольник. Данная операция реализуется через семантическое отношение «часть — целое». Когда мы говорим, что партия состоит из людей, этим обосновывается то, что, с одной стороны, каждый член партии индивидуален, но, с другой стороны, без индивидуального человека нет и политической партии. Партия — это всегда структура: «...политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии», «...структурные подразделения политических партий создаются и действуют только по территориальному признаку» [ФЗ № 95-ФЗ].

Существует, соответственно, операция «внешняя „сборка“». Возьмем понятие «треугольник» или любой другой «многоугольник». Здесь трем отрезкам (сторонам) соответствует три угла, четырем отрезкам соответствует четыре угла и т. д. Здесь ситуация та же, что и в предыдущей рассмотренной нами операции, за исключением того, что мы не можем помыслить, в силу положения вещей, отсутствие соответствия стороны и угла, т. е. отрезок и угол — это одна индивидуальность, вследствие чего это именно геометрическая фигура, которая занимает свое индивидуальное место (единица «единичного»). Таким образом, данную когнитивную операцию представляется возможным изобразить следующим образом: единица «общего», единица «общего» / единица «различения», единица «различения» / единица «единичности». Данная когнитивная связь проявляется, например, в выражениях «рука крепится к плечу», «молоток бьет по гвоздю»

и т. д. То есть мы одновременно различаем элементы «рука» и «плечо», но в то же самое время они соединены друг с другом (их нельзя мысленно ограничить друг от друга) в силу положения вещей. Соединение «рука — плечо» однозначно характеризует руку как руку, а плечо как плечо. Если рука подсоединена к тазобедренному суставу, то возникает вопрос касательно того, как охарактеризовать этот элемент: как руку или как ногу. А поскольку нет границ между элементами, то мы имеем дело с чем-то единственным, единичным. Операция «сборка» (внутренняя и внешняя) сопровождается семантической избыточностью, поскольку присутствует синтагматический аспект. Данная избыточность является следствием того, что каждая сема обуславливает, или, другими словами, определяет, другие семы поля. Типичный пример сборки: «рука соединяется с плечом», и если это не так, то это уже не «рука» и, соответственно, не «плечо», поскольку эти элементы взаимно обуславливают друг друга, и, таким образом, отображается единство, т. е. неразделимость руки и плеча. И это единство (единичность) представлена тремя семами: «рука», «соединяться», «плечо», — что и является семантической избыточностью. В то же время, если мы мыслим, что рука, оторванная от плеча или прикрепленная к тазобедренному суставу, — это тоже рука, то значит, наш образ мысли репрезентирует уже не «сборку», а другую когнитивную операцию (разъединение). Также мы можем мыслить учителя только тогда, когда он учит, или учителя, который не учит (а смотрит телевизор дома). По сути, любое отношение активизирует данную операцию. В уставе КПРФ существует следующее предложение: «Коммунистическая партия Российской Федерации, отстаивая свои идеалы, защищает интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех людей труда» [Устав КПРФ]. Данное утверждение устанавливает отношение КПРФ с группами населения, а именно «защищать», и, таким образом, является неотъемлемой чертой данной партии, т. е. нет этой черты — нет и данной партии. Любая политическая партия — это отношение, отношение партии и государства, партии и члена партии, партии и общества, партий и определенных социальных групп и т. д. Например, вот как представлено отношение партии и общества в законе: «Основными целями политической партии являются:

- формирование общественного мнения;
- политическое образование и воспитание граждан» [ФЗ № 95-ФЗ].

Следующий этап восприятия информации, представленной в любом сообщении, связан с

понятием «поле». Знак не является чем-то абсолютным, он может существовать только относительно другого знака или знаков. Данную мысль Р. Ленекер формулирует следующим образом: «...к лингвистической системе относятся только те элементы (семантические, фонологические, и символические структуры), которые фактически выступают как части выражений» [Langacker 2008: 25].

Эта идея будет нами отражена с привлечением понятия «поле», а именно: знак существует только в поле. При этом полем для нас является то, что состоит из двух и более знаков.

Следующая когнитивная операция, «упрощение», заключается в следующем: элемент всегда связан с конкретным полем, что с необходимостью сказывается на значении данного элемента, следовательно, если элемент, например «а», входит в состав поля «abcdef», то, сокращая данное поле до «abc», мы упрощаем и значение элемента «а». В то же время элемент, принадлежащий множеству различных полей, каждый раз входя в состав некоего конкретного поля, теряет значения, представленные другими полями.

На вопрос «что такое партия?» люди дают различные ответы. Каждый человек дает свое определение политической партии: данное понятие каждый раз упрощается до того или иного свойства или совокупности свойств. Например, «объединяющая и направляющая часть общества, партия присутствует в парламенте», «политическая партия — организованная группа людей, борющаяся за власть, для проведения своей политике в государстве» [Что такое политическая партия?]. Данную операцию следует отобразить так: единица «общего» / единица «единичного», т. е. существует нечто единичное и индивидуальное, которому соответствует только одна единица «общего» вне зависимости от того, сколько элементов обозначают это единичное.

Благодаря другой операции, «сокращение», на ту же самую ситуацию мы смотрим иначе, а именно: мы понимаем, что представленное в предложении свойство не исчерпывает всего содержания, которое стоит за понятием «партия», т. е. сохраняем целостность данного понятия. Если модифицировать представленные выше ответы, вводя в них словосочетание «прежде всего», то данные ответы репрезентировали бы не операцию «упрощение», а операцию «сокращение». Идея представительства, которая активизирует данные операции, является неотъемлемой чертой любой политической партии: «Политическая партия — это общественное объединение, созданное в

целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях **представления** интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [ФЗ № 95-ФЗ]. С другой стороны, каждый член партии, устав, цели, символика, название и т. д. представляют политическую партию, поэтому все данные аспекты отражены в законе «О политических партиях».

Операция упрощения связана с понятиями «тождественность» и «одинаковость», поскольку все элементы поля тождественны сами себе и равнозначно представляют поле, которое они составляют. В свою очередь, операция «уподобление» основана на идее схожести. В данном случае элемент не тождествен сам себе, а сливается с другими элементами поля (сливается с полем), следовательно, он лишен индивидуальности, так же как и поле, т. е. и поле, и элемент не предстают как самостоятельные сущности. Таким образом, поле и элемент — это одна сущность, а поскольку поле формируется из элементов посредством когнитивных операций, то необходимо, чтобы и когнитивная операция принадлежала этой единой сущности. В результате, например, комбинации знаков «ab» и «ba» представляют не одно поле, а разные поля, поскольку операция фокусировки применена к разным элементам. Поскольку знак не тождествен сам себе и сливается с различными полями, он является значком, которому соответствует набор подобных сущностей и элементов. Таким образом, понятиям «тождественность» и «одинаковость» противопоставляется понятие «подобие». Философский спор номиналистов и платоников («...номиналисты считают, что признаки, обозначаемые одним и тем же значком, не тождественны, а сходны друг с другом... Платоники отрицают номинализм. Они считают, что обозначаемые одним значком признаки тождественны друг другу» [Канке 2009: 14]), согласно нашему взгляду, сводится к проблеме различных способов восприятия, что отражается в том факте, что одно и то же положение вещей оформляется с помощью разных когнитивных операций. Для нас в первую очередь важен тот факт, что, в отличие от понятий «тождественность» и «одинаковость», понятие «подобие» предполагает различную степень данного явления, т. е. можно быть более и менее похожим или подобным, но нельзя быть более и менее одинаковым или тождественным. Соответственно, подобные

элементы, обозначенные одним и тем же значком, могут быть более или менее похожи друг на друга. Степень подобия элементов, носящих один и тот же значок, зависит от степени схожести полей, к которым они принадлежат. В свою очередь, степень схожести полей зависит: 1) от элемента, который стоит в центре внимания: например, рука состоит из пальцев и пальцы составляют руку — фокусировка применена к разным элементам; 2) когнитивного поля образующей операции; 3) количества одинаковых значков в полях: чем таковых больше, тем поле более похоже; например, поле «abcd» и поле «abcf» имеют по три одинаковых значка — «a», «b», «c», — значит, они обладают достаточно высокой степенью подобия, и, следовательно, элементы «a», «b», «c» у них похожи в высокой степени; 4) степени показательности признака, который значки отображают, для представления той или иной сущности. Например, лицо человека более показательно, чем ноги. Поэтому, если сделать скульптуру некоего человека, у которой на модель будут похожи только ноги, и другую скульптуру, у которой будет похоже только лицо, то мы наверняка скажем, что скульптура с похожим лицом более похожа на этого человека, чем скульптура с похожими ногами, и что данные две скульптуры малопохожи друг на друга.

Операция «уподобление» заключается в том, что нами устанавливается степень схожести элементов, обозначенных одним и тем же значком. Она применима к полям, на которые мы смотрим как на подобные. Однако те же самые поля мы можем сравнивать, устанавливая, насколько поля (а следовательно, и элементы в них) отличны (т. е. в центре нашего внимания может быть как схожесть полей, так и их различие). Например, поле *abc* и поле *abd* подобны, у полей *abd* и *abc* элементы *a* и *b* подобны в высокой степени. Но, с другой стороны, представляется возможным сказать, что эти поля отличаются, поскольку в одном есть элемент *c*, а в другом *d*, т. е. одну и ту же ситуацию мы трактуем на основании подобия или различия. Таким образом, следует выделить еще одну когнитивную операцию, которая проявляется при восприятии полей, а именно «сравнение».

Например, КПСС и КПРФ являются коммунистическими партиями. Элемент «коммунистическая партия» не тождествен сам себе, а зависит от семантических полей, представляющих КПСС и КПРФ. При обнаружении общих черт у КПСС и КПРФ будет активизироваться операция «уподобление», и, соответственно, нахождение различий объективизирует операцию «сравнение».

В заключение следует отметить, что поскольку рассмотренные нами когнитивные операции репрезентируются в различных аспектах деятельности человека, и особенно в языке и речи, то, безусловно, в такой сфере лингвистики, как политическая лингвистика, они могут быть задействованы для анализа политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Категории // Собр. соч. / Аристотель. — М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 51—91.
2. Бессонов Б. Н. История и философия науки : учеб. пособие. — М. : Высшее образование, 2009. 395 с.
3. Бизнес online: деловая электронная газета Татарстана. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/112975/>.
4. Гетманова А. Д. Логика : учеб. — М. : Гаудеамус, 2007. 712 с.
5. Канке В. А. Общая философия науки : учеб. — М. : Омега-Л, 2009. 354 с.
6. Киселева С. В., Росянова Т. С. Специфика вербализации концепта «Political Marketing» в современном английском языке // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 181—189.
7. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru>.
8. Лебедев М. В., Черняк А. З. Аналитическая философия : учеб. пособие. — М. : Изд-во РУДН, 2006. 622 с.

S. V. Kiseleva, Y. V. Sapronov
Saint Petersburg, Russia

COGNITIVE OPERATIONS AND THEIR REPRESENTATION IN DISCOURSE ON POLITICAL PARTIES

ABSTRACT. *The article discusses three types of thinking (general, individual, and alternative) based on the peculiarities of human perception. These categories are reflected, in their turn, in a variety of cognitive operations, which are engaged by human beings to process incoming information. For the description of these operations, the article uses the notion of the so-called units of thought. In correspondence to the three types of thinking, there are three kinds of units of thought. Various combinations of the units are employed for presentation of different cognitive operations. The object of the given research is the concept of “political party”, which, as any other concept, represents a unity and is realized in discourse. In order to bring to light an aspect of a concept in discourse, it is necessary to objectivize certain cognitive operations. The article shows how these operations are represented in discourse about political parties, and thus touches upon the following aspects of the concept of “political party”: “party member — party” relationship, “political block — party” relationship, “party and the law”, “party identity”, “definitions of a party”, “party attributes (name, symbol, statutes, structure, etc.), “party — society” relationship, the required number of party members, registration of a party, goals and tasks of a party, classifications of parties, etc.*

KEYWORDS: *cognitive operation; discourse; political party.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kiseleva Svetlana Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor at Department of Theory of Language and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sapronov Yuriy Vladimirovich, Post-graduate Student of Department of Theory of Language and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Aristotel'. Kategorii // Sobr. soch. / Aristotel'. — М. : Mysl', 1978. Т. 2. С. 51—91.
2. Bessonov B. N. Istoriya i filosofiya nauki : ucheb. posobie. — М. : Vysshее obrazovanie, 2009. 395 s.
3. Biznes online: delovaya elektronnaya gazeta Tatarstana. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/112975/>.
4. Getmanova A. D. Logika : ucheb. — М. : Gaudeamus, 2007. 712 s.
5. Kanke V. A. Obshchaya filosofiya nauki : ucheb. — М. : Omega-L, 2009. 354 s.
6. Kiseleva S. V., Rosyanova T. S. Spetsifika verbalizatsii kontsepta «Political Marketing» v sovremennom angliyskom yazyke // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 181—189.
7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://www.constitution.ru>.
8. Lebedev M. V., Chernyak A. Z. Analiticheskaya filosofiya : ucheb. posobie. — М. : Izd-vo RUDN, 2006. 622 s.
9. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki : ucheb. posobie. — SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2007. 819 s.
10. Obrazovanie partiy. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1043342>.

9. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki : ucheb. posobie. — SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2007. 819 s.
10. Obrazovanie partiy. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1043342>.
11. Partii v Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://studnb.ru/konstitutsionnoe-pravo-rf/item/137-partii-v-rossijskoj-federatsii>.
12. Politicheskaya partiya. URL: http://www.terver.ru/social-studies/politicheskie_partii.php.
13. Рассел Б. О пропозициях // Избр. тр. / Б. Рассел. — Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2007. С. 223—257.
14. Рассел Б. Философия логического атомизма // Избр. тр. / Б. Рассел. — Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2007. С. 121—217.
15. Устав КПРФ. URL: <http://kprf.ru/party/charter>.
16. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета. 2001. 11 июля. URL: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>.
17. Фреге Г. Основоположения арифметики // Логико-философские труды / Г. Фреге. — Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2008. С. 125—225.
18. Что такое политическая партия? URL: <http://otvet.mail.ru/question/1991716>.
19. Чудинов А. П. (отв. ред.). Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
20. Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction. — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. — 562 p.

11. Partii v Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://studnb.ru/konstitutsionnoe-pravo-rf/item/137-partii-v-rossijskoj-federatsii>.
12. Politicheskaya partiya. URL: http://www.terver.ru/social-studies/politicheskie_partii.php.
13. Рассел Б. О пропозициях // Избр. тр. / Б. Рассел. — Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2007. С. 223—257.
14. Рассел Б. Философия логического атомизма // Избр. тр. / Б. Рассел. — Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2007. С. 121—217.
15. Устав КПРФ. URL: <http://kprf.ru/party/charter>.
16. Federal'nyy zakon ot 11 iyulya 2001 g. N 95-FZ «O politicheskikh partiyaх» // Rossiyskaya gazeta. 2001. 11 iyulya. URL: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>.
17. Frege G. Osnovopolozheniya arifmetiki // Logiko-filosofskie trudy / G. Frege. — Novosibirsk : Sib. univ. izd-vo, 2008. S. 125—225.
18. Chto takoe politicheskaya partiya? URL: <http://otvet.mail.ru/question/1991716>.
19. Chudinov A. P. (otv. red.). Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009.
20. Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction. — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. — 562 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

В. А. Корнеева
Екатеринбург, Россия

СПОРТИВНЫЕ СИМВОЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ РЕГИОНОВ

АННОТАЦИЯ. Активное апеллирование к спорту и его символическим ресурсам как инструменту политических и экономических манипуляций происходило на протяжении всего прошлого века. Спорт становится эффективным каналом политической коммуникации, драйвером роста политического статуса страны, региона и политической элиты. В качестве ресурсов «мягкого» политического превосходства региона отмечаем рейтинг местных спортивных клубов, возможность трансферов спортсменов, количественно-качественные показатели спортивной инфраструктуры и ее географию, спортивные «пантеоны», бренды. Кроме «внешнеполитических» имиджевых бонусов для субъекта и страны в целом, спорт являет собой также эффективный институт лоббирования внутрирегиональных интересов. Среди ряда социетальных и агональных функций спорта мы исследуем его ресурсы в конструировании региональной идентичности. В мировой практике часты случаи, когда какой-либо вид спорта в значительной степени влиял на идентичность целых регионов и стран (Каталония, Италия, Бразилия, Аргентина и др.). Налицо превращение спортивной идентичности в политическую. Спортивные символы и «героические пантеоны» превращаются в средства формирования политических идентичностей современной России и ее регионов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: спорт; политизация спорта; «мягкая сила»; идентичность; региональная идентичность; спортивный дискурс; спортивные символы; символическая личность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Корнеева Вера Александровна, аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620151, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ya-krasawka@yandex.ru.

Спорт, наравне с искусством, правом, образованием, экономикой, может выступать эффективным инструментом политики «мягкой силы». На страницах периодических изданий мы обнаруживаем ссылки на государственное и административное устройство, политический имидж политиков, мобильность ученых, авангардное искусство, политику памяти и даже русскую кухню как варианты «мягкого» воздействия и российской экспансии [Некоммерческое партнерство...].

Так, ежегодный рейтинг «Глобальной мягкой силы» журнала «Monocle» оценивает страны согласно их политике, дипломатической инфраструктуре, культурным ценностям, возможностям образования и обращения к торговле, не принимая во внимание их финансовую и военную мощь [Soft Power Survey 2013]. На страницах самого журнала мы находим: «The results are in for Monocle's annual Soft Power Survey... We have once again collaborated with the Institute for Government to come up with 30 countries who best attract favour from other nations through culture, **sport**, cuisine, design, diplomacy and beyond». Обращает на себя внимание специальная оценка авторами и исследователями спорта, спортивными достижениями стран при составлении рейтинга бренд-стран.

Ранее в наших исследованиях был отмечен целый спектр характеристик спорта, позволяющих констатировать его явную политизацию. Мы ссылались на коммерциализацию спорта, медийность, мобилизирующие и фасилитирующие его функции, социоэмоциональность, этничность и внерелигиозность спортивных состязаний. Очевидно, что большая часть характеристик спорта, задействованных в политических и экономических интересах, носит социетальную и агональ-

ную природу. В настоящей работе мы делаем попытку дифференцировать спортивный ресурс в процессе и технологии конструирования региональной идентичности.

Феномен региональной идентичности обычно определяется через отождествление индивида или группы с некой территориальной общностью, которая в процессе своего развития приобрела ряд особенностей ценностного, символического и даже поведенческого плана [Назукина 2014]. Специфика региональной идентичности определяется ее гибридной природой, а также многоуровневостью, многокомпонентностью и зависимостью от наличного политического курса [Головнева 2014: 199]. Различные дискурсы в рамках региональной идентичности реализуются не только непосредственно, спонтанно, но и создаются целенаправленно, конструируются усилиями политической и культурной элиты. Настоящая работа посвящена ресурсным возможностям спорта в качестве важного элемента в социальной инженерии региональной идентичности. Мы предлагаем рассматривать спортивный дискурс в рамках региональной идентичности, где спорт — самостоятельный предмет и источник культуры. Данный концепт региональной идентичности выражает инструменталистский подход к ней, где допускается возможность ее конструирования и манипуляций с ее содержанием. Подобное администрирование региональной исключительности предполагает, по словам Е. В. Головневой, «целенаправленное создание политического дискурса, конструирование новых значимых идентичностей, превращающих культурные и символические различия в политические» [Там же: 202].

Политической и региональной элите полностью доступны спортивные ресурсы

для их актуализации в качестве элементов возвращаемой региональной идентичности. Личности спортсмена, тренера, судей и менеджеров, а также спортивные клубы, группы болельщиков, массмедийная и сетевая природа спортивной информации, спортивные бренды, практики и состязания в их национально-культурологической традиции — разнообразная палитра спортивных ресурсов и инструментов в рамках политического дискурса [Корнеева 2014б]. Динамика и география спортивной инфраструктуры таким же образом относится к «ансамблю» спортивных ресурсов, а по словам Е. В. Головной, «с изменениями физического пространства меняются и ценностные представления, символы, жизненный уклад и социальные отношения индивидов» [Головная 2014: 203].

Вместе с этим в регионах редко одним из лидеров-идентификаторов является спорт. Обычно это место занимает история, культура, производство. Вот пример записи в тематическом блоке, подтверждающий слабое культивирование спортивного наследия и достижений Свердловской области: *«Немного обидно, что должным образом по ТВ не освещают строительство спорт. объектов в России, можно сказать вообще ничего не говорят А, на самом-то деле, в России за последние годы произошла не побоюсь сказать „революция“ строительстве строй. объектов. Настолько, что с нашей нищей Украины в Россию пачками тренироваться едут»* [Сделано у нас].

Кроме того, содержание регионального спортивного дискурса самым непосредственным образом способно повышать рейтинг региона, его политического руководства, быть инструментом PR-кампаний как для самих спортсменов и политиков, так и для реанимации политических, спортивных «трупов» [Корнеева 2014б]. Важно, что спортивная тематика является в условиях российской действительности более нейтральным, *нонконфликттогенным* видом и способом социальных идентификаций, в сравнении с этнической, политической и даже конфессиональной поляризациями в групповом самосознании [Корнеева 2014а]. При грамотной «аранжировке» возможно нивелирование невыгодных и конфликтногенных для региона и его лидеров дискурсов в региональной идентичности, снижение градуса политического и социального протеста.

Деятельность по созданию спортивного имиджа региона должна апеллировать к *спортивным символам и образам*, наполненным эмоциональным, духовным и даже художественным содержанием. С. П. Поцелуев отмечает, что «индивиды, принимая и

отчасти конструируя свою политическую идентичность, отождествляют себя не с людьми как таковыми, не с конкретными событиями, а с людьми и событиями, приобретшими для них символическое значение <...> людям нужны не объективные истины, а „сгущающие“ символы» [Поцелуев 2001: 107—108]. Спортивная символика, достижения, проекты, архитектурные объекты и, главным образом, спортивные лидеры и герои — всё это может служить *когнициями*, выстраивающими общий идентификационный конструкт как психологическую защиту в мире, где царствуют отчуждение и мобилизация социальных групп для защиты своих интересов.

Из наличного на сегодняшний день спортивного достояния, которое можно задействовать в региональном брендинге и идентификации, вспомним следующие спортивные проекты и традиционные соревнования Екатеринбургa и Свердловской области: чемпионат мира по футболу — 2018, забег на бизнес-центр «Высоцкий», Europe Asia International Marathon, Майскую прогулку, Кубок Б. Н. Ельцина по волейболу, состязания «Уральские медведи», «#voural», «Уральский характер» и др. Отдельными идентификаторами могут выступать спортивные центры, горнолыжные комплексы, СДЮШы и дворцы («Екатеринбург-ЭКСПО», ДИВС, «Уралочка», «Динамо», «Урал», «Изумруд», «Уктус», «Лысяя», «Волчиха», «Белая»), команды (БК «УГМК», ВК «Уралочка-НТМК», МФК «Виз-Синара», ХК «Автомобилист» и др.), а также мемориальные доски, памятники и улицы, посвященные выдающимся спортсменам, спортсменам-ветеранам.

Спортивную версию региональной идентичности можно обнаружить в субъектах РФ и других регионах мира. Так, в Республике Башкортостан есть пример успешной актуализации идентичности именно через культурных героев: носящий имя одного из них хоккейный клуб стал брендом Башкортостана (ХК «Салават Юлаев» [Бедерсон 2013: 88]). Имя героя заполняет символическое пространство Башкирии, однако историческая личность Салавата Юлаева не имеет отношения к спорту. Этот региональный пример политики идентичности демонстрирует колоссальную силу, которой может обладать актуализированный *«героический пантеон»*. Можно предположить, что, наряду со спортивными проектами, традиционными соревнованиями и мероприятиями, а также узнаваемыми спортивными клубами и центрами, *персональный «культ» личности спортсмена прошлого/настоящего может*

выступать территориальным маркером. В данном случае ставка в политике уникальности будет сделана на персонифицированную идентичность.

В контексте нашего исследования очевидно, что в палитру региональных идентификаторов могут входить традиционные и всем знакомые спортивные герои. Политико-культурная эксплуатация образа личности успешного спортсмена — новая тенденция в политике идентичности на региональном уровне в России [Бедерсон 2013; Назукина 2014]. Так, К. В. Киселев в своей монографии указывает на необходимость решения вопроса идентификации граждан с людьми и символами настоящего времени [Киселев 2007: 250—253]. В качестве идентификаторов для Свердловской области автор предлагает использовать и фигуры из спортивной жизни региона. В качестве личности-символа К. В. Киселев рассматривает С. Чепикова: «Как идентифицирующий символ он более интересен, ибо значим для всей области. Великий биатлонист не связан с какой-то одной сферой деятельности <...> он перерос спорт» [Там же: 251]. В заключение исследователь жалеет о «географическом» уходе Кости Цзю и А. Попова. Перспективным с точки зрения «инкубатора» людей-символов автор считает баскетбольный клуб «УГМК» и волейболисток «Уралочки».

От себя отметим, что именно мобильность спортсменов не позволяет им быть достаточно устойчивыми и эффективными как *региональными*, так и *национальными опознавателями*. Здесь мы вправе констатировать негативное влияние высокой мобильности спортсменов на политический процесс конструирования локальной, региональной идентичности. И наоборот, обнаруживаем обратный, явно выраженный внешний положительный эффект для принимающей стороны: регион — «реципиент» спортсменов оценивается как более привлекательный, с потенциально благополучным экономическим климатом. Экс-регион, кроме того, получает себе конкурента на национальных состязаниях. Спортсмен, таким образом, представляет собой транснациональный продукт и прежде всего ресурс экономической мобильности. За внутренними «потокми» спортсменов стоит вопрос регионального авторитета и престижа.

В связи с «текучестью» спортсменов как потенциальных символов территорий необходимо признать, что *спортивная идентичность регионов — динамический инструмент*. В данных условиях региональным руководителям перспективно, во-первых, позиционировать субъект в качестве родины

узнаваемого героя («местные», «свои», «наш»); во-вторых, выстроить некоторый общий базовый конструкт, в основании которого была бы заложена идея «колыбели» спортивной «цивилизации», не нуждающейся в персонификации спортивных достижений.

В контексте нашего исследования следует рассмотреть работу К. В. Киселева и А. Ю. Щербакова. В статье, посвященной факторам региональной идентификации (на примере Челябинской области), они описывают *спорт в структуре идентичности населения*: «Обращает на себя внимание значительная доля идентификационных характеристик, связанных с промышленностью и спортом, что достаточно редко встречается в регионах РФ». Можно предположить, что ресурс спорта как «мягкой силы» мало задействован в формировании региональных идентичностей, поскольку, по экспертным данным, спорт не репрезентируется в менталитете населения на региональном уровне. Авторы продолжают: «Со спортом в массовом сознании сложностей нет, а потому развернутых высказываний о нем не очень много. Традиционные: „Спорт, челябинский „Тракт““, „Спортивные сооружения наши, европейского уровня“, „Спорт, спортивные достижения“, „Построена новая арена „Трактор“» [Киселев, Щербаков 2014: 114—115].

Если считать спорт одним из ключевых ресурсов и активных инструментов в палитре национальной *soft power*, раскрывать и описывать его возможные характеристики необходимо с учетом основных идей, лежащих в основании соответствующей концепции. Ключевыми категориями парадигмы «мягкой власти» являются *дискурс соблазна, мобильности, идентичности, символизма, ресурсы коммуникации и социальности*.

Победа сборной команды или местного клуба обеспечивает сиюминутное удовольствие болельщиков. За счет получаемых публикой от массовых зрелищ эмоций, которые и являются самоцелью внутренней спортивной политики сегодня, и происходит искомая *консолидация общества* вокруг спортивных успехов и достижений. Происходит стимулирование патриотических чувств и эмоций посредством спекуляций на спортивную тематику. Речь в данном случае идет как об актуализации клубного и национального патриотизма, так и о реализации агональных функций спорта как культурного явления. Спорт обеспечивает «мягкое» сплачивание общества и выступает его эффективным фасилитатором.

«Регионально» важный спортивный аспект *soft power* в конструировании местной

идентичности — мобильность спортсменов и тренеров. «Трансфер» легионеров, принятие спортсменами гражданства других стран, одновременное курирование наставниками подопечных в разных точках мира — пример экспорта человеческого капитала и человеческого потенциала, а также популяризации местных спортивных школ и традиций. «Поставка» спортсменов — вариант и ресурс «мягкой силы», заключающейся в символической репрезентации образов национальных героев, национального могущества и достоинства. Актуально вести речь и о региональной мобильности спортсменов. Внутринациональная миграция спортсменов и тренеров — символическая демонстрация силы региона, форма его «мягкой» экспансии. В свою очередь, это демонстрирует значимость региона для государства и о проводимой в регионе политике. Можно сделать сравнение с показательными выступлениями: внутригосударственные спортивные состязания демонстрируют уровень развития региона в сравнении с другими субъектами. Механизм действия *sowt power* в данном случае заключается в реальных спортивных достижениях, инвестициях в спорт-индустрию, где конечным продуктом выступает приобретенный статус регионального лидера. М. В. Назукина указывает: «Успехи подобного рода позволяют региону повышать свое присутствие в информационном пространстве, способствуют росту узнаваемости территории, улучшают внутреннюю инфраструктуру» [Назукина 2014: 143].

Особенно важным процесс региональной мобильности представляется для *этнорегиональной идентичности*, актуализация которой подкрепляется прославлением спортсменами своих республик. Успех местных команд и спортсменов — манифестация силы и эффективности республиканской власти и даже своего рода независимости, претензии на автономию. Речь идет об этнорегиональных политических образованиях с выраженной национальной идентичностью, сильным национальным самосознанием. Категории спорта и идентичности в данном случае — ресурсы «мягкой силы». Спортивные клубы и успешные спортивные лидеры — символы национальной идентичности, играющие роль ресурса «мягкой силы».

Приведем пример политической коммуникации регионов посредством *спортивного коммутатора*. Так, в каждый матч между Барселоной и Мадридом из футбольного состязания превращается в битву каталонцев и испанцев. В Каталонии приблизительно 50 % населения (по данным последней статистики) хотят независимости для своего

региона. Слоган FB Barcelona «Mes que un club», что переводится как «Больше чем футбольный клуб», в большей степени фокусирует внимание на политике. Спортсмены продвигают каталанский язык и культуру, также большинство местных игроков участвует в акциях, нацеленных на независимость. Из-за этого матчи с ФК «Реал» всегда накаленные. Последние 3 года при наступлении времени 17:14 весь стадион начинает кричать: «In, inde, independncia», т. е. слово «независимость», напоминая о 11 сентября 1714 г., когда Каталония проиграла войну и присоединилась к Испании. С «Athletico de Bilbao» — та же история. В команде играют только баски, не принимаются иностранные игроки или «испанцы». Спортсмены тоже выражают стремление к политической независимости и продвигают эту инициативу.

Год назад «Барселона» играла с «Атлетикам» на финале Кубка короля (Кубок на лучшую команду Испании), и в момент начала матча, когда начал играть испанский гимн, весь стадион, наполненный каталонцами и басками, начал свистеть, чтобы заглушить гимн. По этому поводу разгорелась большая полемика в СМИ. На Первом канале Испанского телевидения во время исполнения гимна отключили микрофоны стадиона, чтобы не было слышно фанатов [RTVE; Блог Павла Копачева...].

Можно утверждать, что ангажированность спортивных тем с точки зрения этноцентрической идентичности является «мягким» инструментом ее конструирования и поддержания ее мобилизационных ресурсов. Местная спортивная элита, спортивная символика могут стать очагами консолидации этнорегиональных общностей и формирования регионального патриотизма (этноэватического патриотизма). Актуализация региональной идентичности у представителей «титупной» нации детонирует всплеск прежде всего этнорегионального патриотизма.

Межрегиональная спортивная конкуренция за общий имидж территории и ее руководителей осуществляется и в форме борьбы за право проведения спортивных мероприятий. Реализованный проект может войти в общий набор уникальных явлений региона и долгое время служить его «брендом» (Сочи, Казань). Подобного рода капитализация спортивных ресурсов приносит пролонгированный и накопительный эффект: инвестиции и инфраструктура регионов/городов привлекают крупные спортивные мероприятия и в будущем. Спортивная инфраструктура не только мобильна в своем появлении, развитии и обновлении (например, конструирование стадионов-трансфор-

меров), но и выступает имиджевым, брендовым продуктом на региональном/национальном уровне.

Клубный успех демонстрирует *исключительность региона (республики)*. Речь ведем о внутривнутриполитических аспектах спортивной геополитики России. Межрегиональная конкуренция, борьба за реализацию спортивных проектов и развитие спорта на местах — проектная активность федерального центра. Успех местных команд и спортсменов — символическая манифестация силы республиканской власти. «Сцепленность» спорта с регионом и их совместное рейтинговое движение — яркий пример политизации спорта и заложенного в нем и его ресурсах потенциала гибридной идентичности. Рейтинговое движение клубов — проекция социально-экономической мобильности региона, а успех местных клубов — вариант «мягкого» властвования.

Нам представляется, что в практике конструирования региональной уникальности, специфичности необходимо использовать спортивные ресурсы: бренды, символы, проекты. В типологии М. В. Назукиной указывается на существование двух моделей трансформации региональной идентичности: консервативной и инновационной [Назукина 2014: 144]. *Включая спортивные объекты и символы в идентичность российских территорий, регион движется по инновационному пути.* Это связано с отсутствием в нашей стране глубокого спортивного историко-культурного наследия. Спортивные достижения популяризируют нашу страну и ее территории лишь со времен СССР, где спортсмены и тренеры считались *национальным достоянием* Родины.

Региональная и территориальная «безликость», наличие ряда факторов, противодействующих консолидации общества, полное отсутствие идеологии, духовное обнищание нации требуют не только соответствующих явных управленческих решений политических институтов власти, но и применения инструментов «мягкого» лоббирования и внедрения интегративных конструкций со стороны политической, региональной элиты, а также гражданского общества. Путь к консолидации российского общества на всех его уровнях лежит через трансформацию политической идентичности, которая в качестве важного источника может интегрировать спортивную исключительность регионов. Разнообразные ресурсы спорта, в том числе символика, при включении их в

структуру идентичности населения являют собой неконфликтотогенный и динамичный когнитивный продукт в реализации региональных интересов и стратегических задач по управлению развитием общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедерсон Д. В. «Героический пантеон» и противоречия региональной идентичности Башкортостана // Научный ежегод. Ин-та философии и права Урал. отд-ия РАН. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 87—97.
2. Головнева Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123, № 1. С. 198—203.
3. RTVE : информ. портал. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20121008/clamor-masivo-camp-nou-independencia-cataluna-pleno-clasico/568322.shtml> (дата обращения: 12.11.2015).
4. Блог Павла Копачева и Вячеслава Самбура о биатлоне и не только : информ. портал. URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/russiateam/835880.html> (дата обращения: 12.11.2015).
5. Сделано у нас : информ. портал. URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/30252/> (дата обращения: 16.11.2015).
6. Капицин В. М. Символы национальной идентичности как ресурс «soft power» // Дискурс-Пи : науч. журн. / учред. Урал. отд-ие РАН, Ин-т филос. и права ; под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2014. № 1 (14). С. 113—118.
7. Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: челябинский случай // Научный ежегод. Ин-та филос. и права Урал. отд-ия РАН. — Екатеринбург, 2014. С. 110. URL: <http://yearbook.uran.ru/images/kiselev13.pdf> (дата обращения: 12.09.2015).
8. Киселев К. В. Актеры и тренды региональной политики: политическая ситуация в Свердловской области в электоральном цикле 2003—2007 гг. — Екатеринбург : УрО РАН, 2007. 376 с.
9. Корнеева В. А. Конфликтотогенные и неконфликтотогенные векторы развития современного спорта в рамках государственной стратегии Российской Федерации // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира : материалы 2-го С.-Петерб. междунар. конгресса конфликтологов (С.-Петербург, 3—4 окт. 2014 г.). — СПб., 2014а. С. 358—361.
10. Корнеева В. А. Спорт как решение проблемы в политической консолидации регионов // Педагогическое образование в России. 2014б. № 10. С. 29—35.
11. Корнеева В. А. Виды и ресурсы спортивной мобильности как инструменты soft power в реализации интересов национальной и региональной политики стран // Дискурс-Пи : науч. журн. / учред. УрО РАН, Ин-т филос. и права. 2015а. № 2 (19). С. 64—72.
12. Корнеева В. А. Спорт как национальный ресурс soft power // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015б. С. 124—131.
13. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Науч. ежегод. Ин-та филос. и права Урал. отд-ия РАН. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 137—150.
14. Некоммерческое партнерство «Международная академия Дискурс Исследований». URL: <http://www.madipi.ru/> (дата обращения: 16.11.2015).
15. Поцелуев С. П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. — М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 106—160.
16. Soft Power Survey 2013. URL: <http://monocle.com/search/soft-power/> (дата обращения: 8.12.2014).

V. A. Korneeva
Ekaterinburg, Russia

SPORTS SYMBOLS AS A MEANS OF FORMATION AND TRANSFORMATION OF POLITICAL IDENTITY OF REGIONS

ABSTRACT. *Active appeal to sport and its symbolic resources as a tool for political and economic manipulation took place throughout the last century. Today, sport becomes an effective channel of political communication, a driver of growth of the political status of the country, the region and the political elite. The author considers high rating of local sports clubs, opportunities of transfer of athletes, quantitative and qualitative indicators of sports infrastructure and its geography, sports "Pantheon" and brands as resources of "soft" political superiority of a region. In addition to international image bonuses for the region and the country as a whole, sport may also be an effective institution of lobbying the interests of different parts of the region. Among various societal and agonal functions of sport, the author explores its resources in the construction of regional identity. It has often happened in the world practice when a kind of sports dramatically influenced the identity of entire country and regions (Catalonia, Italy, Brazil, Argentina, etc.). In these cases sports identity is transformed into a political one. Sports symbols and "heroic pantheons" turn into a means of formation of political identities of modern Russia and its regions.*

KEYWORDS: *sport; politicization of sport; "soft power"; identity; regional identity; sports discourse; sports symbols; symbolic personality.*

ABOUT THE AUTHOR: *Korneeva Vera Aleksandrovna, Post-graduate Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bederson D. V. «Geroicheskiy panteon» i protivorechiya regional'noy identichnosti Bashkortostana // Nauchnyy ezhegod. In-ta filosofii i prava Ural. otd-ya RAN. 2013. T. 13, vyp. 2. S. 87—97.
2. Golovneva E. V. Mnogoobrazie diskursov regional'noy identichnosti // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2014. T. 123, № 1. S. 198—203.
3. RTVE : inform. portal. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20121008/clamor-masivo-camp-nou-independencia-cataluna-pleno-clasico/568322.shtml> (data obrashcheniya: 12.11.2015).
4. Blog Pavla Kopacheva i Vyacheslava Sambura o biatlone i ne tol'ko : inform. portal. URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/russiateam/835880.html> (data obrashcheniya: 12.11.2015).
5. Sdelano u nas : inform. portal. URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/30252/> (data obrashcheniya: 16.11.2015).
6. Kapitsin V. M. Simvolny natsional'noy identichnosti kak resurs «soft power» // Diskurs-Pi : nauch. zhurn. / uchred. Ural. otd-ye RAN, In-t filosof. i prava ; pod red. O. F. Rusakovoy. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2014. № 1 (14). S. 113—118.
7. Kiselev K. V., Shcherbakov A. Yu. Regional'naya identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii: chelyabinskiy sluchay // Nauchnyy ezhegod. In-ta filosof. i prava Ural. otd-ya RAN. — Ekaterinburg, 2014. S. 110. URL: <http://yearbook.urau.ru/images/kiselev13.pdf> (data obrashcheniya: 12.09.2015).
8. Kiselev K. V. Aktory i trendy regional'noy politiki: politicheskaya situatsiya v Sverdlovskoy oblasti v elektoral'nom tsikle 2003—2007 gg. — Ekaterinburg : UrO RAN, 2007. 376 s.
9. Korneeva V. A. Konfliktogennyye i nonkonfliktogennyye vektory razvitiya sovremennogo sporta v ramkakh gosudarstvennoy strategii Rossiyskoy Federatsii // Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira : materialy 2-go S.-Peterb. mezhdunar. kongressa konfliktologov (S.-Peterb., 3—4 okt. 2014 g.). — SPb., 2014a. S. 358—361.
10. Korneeva V. A. Sport kak reshenie problemy v politicheskoy konsolidatsii regionov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014b. № 10. S. 29—35.
11. Korneeva V. A. Vidy i resursy sportivnoy mobil'nosti kak instrumenty soft power v realizatsii interesov natsional'noy i regional'noy politiki stran // Diskurs-Pi : nauch. zhurn. / uchred. UrO RAN, In-t filosof. i prava. 2015a. № 2 (19). S. 64—72.
12. Korneeva V. A. Sport kak natsional'nyy resurs soft power // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod. red. O. F. Rusakovoy. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2015b. S. 124—131.
13. Nazukina M. V. Novye tendentsii v politike identichnosti na regional'nom urovne v Rossii: aktory, spetsifika, trendy // Nauch. ezhegod. In-ta filosof. i prava Ural. otd-ya RAN. 2014. T. 14, vyp. 3. S. 137—150.
14. Nekomercheskoe partnerstvo «Mezhdunarodnaya akademiya Diskurs Issledovaniy». URL: <http://www.madipi.ru/> (data obrashcheniya: 16.11.2015).
15. Potseluev S. P. Simvolicheskie sredstva politicheskoy identichnosti. K analizu postsovetkikh sluchaev // Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii / pod red. T. G. Stefanenko. — M. : Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2001. S. 106—160.
16. Soft Power Survey 2013. URL: <http://monocle.com/search/soft-power/> (date of access: 8.12.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. О. Ф. Рукавова.

В. И. Космодемьянская
Санкт-Петербург, Россия

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье на примере политического аргументативного дискурса рассматриваются проблемы ведения полемики и анализируются стратегии и тактики, применяемые коммуникантами. Аргументативный дискурс понимается как процесс социальной коммуникации, в процессе которой коммуниканты преследуют цель выгодным для адресанта образом воздействовать на сознание адресата и убедить его в чем-то, изменив тем самым его когнитивное пространство. Полемический дискурс рассматривается в статье как сложная вербальная речемыслительная деятельность, направленная не только на демонстрацию своей позиции, но и на опровержение точки зрения оппонента. Анализируются факторы, обуславливающие выбор коммуникантами тех или иных стратегий и тактик в политическом полемическом дискурсе, а также языковые средства, формирующие речевые ходы коммуникантов. Полемический дискурс складывается из таких компонентов, как адресованность (вектор направленности, реакция на точку зрения партнера по коммуникации), оценочность (позиция оппонента расходится с позицией пропонента), интенциональность (каждый из участников коммуникации отстаивает свою точку зрения с целью одержать вербальную победу) и аргументативность (обоснование, защита своей точки зрения, а также опровержение точки зрения противника посредством аргументации).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аргументативный дискурс; полемика; коммуникация; оппонент; стратегии; тактики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Космодемьянская Виктория Игоревна, аспирант 2 курса очной формы обучения, кафедра английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 196186, наб. р. Мойки, 48, корп. 14, к. 313; e-mail: Kosmodemy_vika@mail.ru.

В современной лингвистике проблемы речевого взаимодействия являются одной из широко исследуемых областей. Реалии современного мира, политическая и экономическая ситуации определяют необходимость и актуальность изучения речевого/неречевого поведения участников коммуникации, особенно в области политического взаимодействия, так как решение любых проблем, в том числе политических, зависит именно от того, насколько правильно и качественно они сформулированы участниками коммуникативного акта на языковом уровне, в какой степени коммуниканты следуют правилам и постулатам успешного общения, принципам толерантности и др.

Одной из важных форм политической коммуникации является аргументация (аргументативный дискурс), процесс, служащий обоснованию точки зрения адресанта с целью ее понимания и принятия/непринятия адресатом.

Термин «аргументация» восходит к латинским словам «argumentum», «arguo» — «пояснение» или «проясняю». А. Н. Баранов и В. М. Сергеев определяют аргументативный дискурс через входящие в него особые типы текста, «призванные повлиять на сознание одного или нескольких участников коммуникации в нужную для говорящего сторону» [Баранов, Сергеев 1988: 104—119]. А. Ю. Белецкая под аргументативным дискурсом понимает «социальное действие, выполняемое пользователями языка в процессе общения друг с другом в социальных ситуациях, требующих убеждения одного из участников коммуникации в чем-то, и осуществляемое в рамках того или иного общества и культуры в целом» [Белецкая 2002: 17].

В данной статье под аргументативным дискурсом понимается особый вид социальной коммуникации, цель которой состоит в том, чтобы определенным, выгодным для говорящего образом, воздействовать на адресата сообщения в консенсуальной области взаимодействия. Воздействие в широком понимании связано с перестройкой индивидуального сознания, смысловой сферы личности, или, иными словами, с перестройкой картины мира субъекта в процессе речевого общения. Успешность аргументации в значительной степени зависит от того, как коммуниканты выстраивают свою речь, какие выбирают речевые ходы, приемы, языковые единицы, посредством которых происходит расширение их когнитивной ниши, формируются новые знания и модифицируются уже имеющиеся [Баранов 1990: 50]. Кроме того, успешность аргументации определяется также тем, насколько корректными и безошибочными являются убеждения говорящего, насколько четко он соблюдает социальные и толерантные нормы ведения критической дискуссии [Емерен 1992: 123—126].

В понятие дискурса входят социально-психологические и когнитивные параметры, такие как адресант и адресат, цель и намерение, личностные характеристики и т. д., и аргументативный дискурс не является исключением. Однако от обычного коммуникативного акта аргументативный акт отличается тем, что каждый ход аргументации имеет сложную логическую структуру (тезис-аргумент) и содержит в себе пропозиционные компоненты и намерение оказать определенное воздействие на адресата [Алексеев 1991: 78—83].

Аргументативный дискурс предоставляет большой круг возможностей для ведения различного вида дискуссий, которые включают в себя политические дебаты, полемику, споры, где партнерам по коммуникации приходится прибегать к множеству речевых актов и использовать различные стратегии и тактики ведения диалога [Иссерс 2008: 57]. Говоря о различных видах дискуссий, характеризующих аргументативный дискурс, необходимо упомянуть о таком понятии, как риторическая организация дискурса, под которым понимается «построение речи в конкретном дискурсе в соответствии с целями и задачами коммуниканта определенным образом, применение тех или иных стратегий и тактик, способов аргументации для достижения цели, использование или... избегание определенных грамматических конструкций, лексических единиц или риторических приемов» [Глушкова 2012: 92—94].

Успешность аргументативного дискурса зависит не только от возможностей и «свойств» аргументатора, но во многом от объекта аргументации, поскольку его важной составляющей является как понимание оппонентом сообщаемой ему информации, так и ее принятие. Аргументатор должен сформировать свое высказывание таким образом, чтобы реципиент, используя свои знания, убеждения, навыки, смог адекватно его интерпретировать, воспринять и понять не только эксплицитно выраженную информацию, но и имплицитную, дополнительную [Дейк 1989: 270—273]. Если реципиент понял сообщение аргументатора, согласился с его позицией, то цель считается достигнутой, а аргументация — успешной.

Еще одним важным фактором, влияющим на успешность аргументативного дискурса, является максимальное преодоление несогласий и столкновений во мнениях участников коммуникации посредством аргументативных стратегий и тактик.

Ключевым моментом здесь является вектор направленности общения между партнерами по коммуникации, т. е. настроен ли оппонент на общение со своим собеседником и на неконфликтное решение вопросов, настроен ли он против своего собеседника или же собирается его всячески игнорировать. Другими словами, вектор направленности общения показывает, будет ли собеседник придерживаться конструктивной (кооперативной), конфликтной (конфронтационной) или нейтральной (дистанцированной) стратегии ведения диалога.

Аргументативный дискурс включает в себя такие типы дискурса, как полемика, дебаты, споры, дискуссии и т. д. В большинст-

ве случаев они представляют собой конфронтационный тип общения. Важной составляющей любого типа дискурса, а аргументативного в особенности, является соблюдение принципов кооперативного сотрудничества Г. Грайса [Grice 1969: 125—130], принципов вежливости Дж. Лича [Leech 1983: 57—61], теории релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсона [Шпербер, Уилсон 1988: 153—212], которые обеспечивают успешное речевое общение. Однако, как свидетельствует материал исследования, случаи, когда все коммуниканты, участвующие в политических дебатах, дискуссиях или полемике, придерживаются данных принципов, крайне редки. Во многих коммуникативных ситуациях партнерам по коммуникации приходится отстаивать свою точку зрения, используя имплицитные смыслы и различные стратегии и тактики непрямого говорения наравне с эксплицитными.

В данной статье рассматривается речевое поведение коммуникантов в таком типе аргументативного дискурса, как полемика. Poleмика представляет собой сложную речемыслительную деятельность, которая сопряжена с необходимостью не только высказать и обосновать свою точку зрения, но и опровергнуть позицию противника. В ситуации полемики речевое поведение коммуникантов носит спонтанный и в какой-то степени творческий характер. Участниками полемической коммуникативной ситуации становятся субъекты, заведомо имеющие противоположные взгляды. Poleмический дискурс представляет собой вербальный способ решения той или иной актуальной проблемы или вопроса общественно-политического, социального и другого характера. Poleмический дискурс — это сложное коммуникативное явление. Поскольку полемика представляет собой обязательную конфронтацию, столкновение сторон, полемический дискурс рассматривается как «борьба принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и отвергнуть мнение оппонента» [Павлова, 1991: 6]. Иными словами, полемика — это не просто обмен мнениями, а коммуникативная борьба, вербальное противоборство двух или более точек зрения, поддерживаемых участниками коммуникативного акта.

Субъекты полемического дискурса могут пытаться придерживаться принципов кооперации и вежливого общения, поскольку каждому коммуниканту в ходе полемики важно сохранить свое лицо, но также могут в силу определенных обстоятельств нарушать принципы кооперации и инициировать открытый

конфликт. Однако в любом случае все речевые ходы будут выстроены таким образом, чтобы отстоять свою точку зрения, обязательно опровергнув аргументы противника, и в результате одержать коммуникативную победу.

Рассмотрим примеры полемики дискурса:

Governor Romney: *We want — we want to make sure that we're seeing progress throughout the Middle East. With Mali now having North Mali taken over by al-Qaida, with Syria having Assad continuing to — or to kill — to murder his own people, this is a region in tumult. And of course Iran on the path to a nuclear weapon. We've got real gaps in the region.*

President Obama: *Governor Romney, I'm glad that you recognize that al-Qaida's a threat because a few months ago when you were asked, what's the biggest geopolitical threat facing America, you said Russia — not al-Qaida, you said Russia. You say that you're not interested in duplicating what happened in Iraq, but just a few weeks ago you said you think we should have more troops in Iraq right now. You said we should have gone into Iraq despite the fact that there were no weapons of mass destruction. You said that we should still have troops in Iraq to this day. You've said that first we should not have a timeline in Afghanistan then you said we should. Now you say maybe or it depends, which means not only were you wrong but you were also confusing and sending mixed messages both to our troops and our allies.*

Governor Romney: *Well, of course I don't concur with what the president said about my own record and the things that I've said. They don't happen to be accurate. Excuse me. It's a geopolitical foe, and I said in the same — in the same paragraph I said, and Iran is the greatest national security threat we face. Russia does continue to battle us in the U.N. time and time again. I have clear eyes on this. I'm not going to wear rose-colored glasses when it comes to Russia, or Mr. Putin [Commission on Presidential Debates].*

В данном примере полемики дискурса, взятом из обсуждения губернатором Ромни и Президентом США Бараком Обамой Сирии, террористических атак и группировки «Аль-Каида», президент Барак Обама пытается выразить свое несогласие с мнением губернатора и опровергнуть его точку зрения, используя стратегию дискредитации противника. В своем речевом акте несогласия он выбирает прямую тактику нападения и даже обвинения: *You say that you're not interested in duplicating what happened in Iraq, but just a few weeks ago you said you think we should have more troops in Iraq right now. Данные тактики реализуются при помощи*

упрека: *You've said that first we should not have a timeline in Afghanistan then you said we should* — и отсылки к одной из ранних реплик губернатора, когда тот упомянул, что главным врагом США является не террористическая группировка «Аль-Каида», а Россия: *I'm glad that you recognize that al-Qaida's a threat because a few months ago... you said Russia — not al-Qaida, you said Russia...*, а также при помощи таких языковых средств, как повторы — *You said that...* (Вы сказали, что...), — которые президент использует в своем ответе шесть раз. В рамках сложившейся коммуникативной ситуации Барак Обама необходимо вести себя так, чтобы в процессе полемики ему удалось сохранить свое лицо. Посредством вышеупомянутых тактик нападения и обвинения Барак Обама преследует задачу контролировать ход полемики, вербально представить свою точку зрения на обсуждаемую проблему, обвинив губернатора в непостоянстве и ошибочности его мыслей: *Now you say maybe or it depends, which means not only were you wrong but you were also confusing and sending mixed messages both to our troops and our allies.* Используя инверсию (*not only were you wrong*), Барак Обама акцентирует ошибочность действий своего оппонента, пытаясь спровоцировать губернатора на конфликт, стараясь одновременно управлять его последующей ответной репликой: *Well, of course I don't concur with what the president said about my own record and the things that I've said. They don't happen to be accurate. Excuse me...* Губернатору, таким образом, ничего не остается, как только извиняться и оправдываться за сказанное.

Следующий фрагмент представляет собой пример полемики между британским журналистом Джереми Паксменом и Тони Блэром, бывшим премьер-министром Великобритании, на тему того, как правильно управлять страной и исполнять обещания, данные перед ее гражданами.

Paxman: *But you said "over the five years of a Labour Government we will rebuild the NHS." Did you underestimate the task?*

Blair: *I don't think we underestimated the task.*

Paxman: *Why say you could do it in five years?*

Blair: *We didn't.*

Paxman: *You said you would rebuild the NHS in five years.*

Blair: *We made it clear we couldn't do everything in the first term.*

Paxman: *Are you still committed to reaching the European average on health spending by 2003/2004?*

Blair: *No, I didn't say we were committed to that.*

Paxman: *You did say...*

Blair: *I said that by the end of the second Comprehensive Spending Review, I wanted to reach the European average.*

Paxman: *When is that?* [Real Cleat Politics].

Джереми использует стратегию дискредитации и в прямой форме обвиняет Тони Блэра в том, что он не достиг поставленных перед правительством целей. Для большего эффекта выступающий цитирует слова премьер-министра: *But you said "over the five years of a Labour Government we will rebuild the NHS"*, а также при помощи вопроса *Did you underestimate the task?* старается вывести оппонента на чистую воду и не дать ему уклониться от ответа. На его высказывания премьер-министр пытается дать очень «осторожные» ответы: *I don't think we underestimated the task*, стараясь не допустить конфликт, поскольку понимает, что находится не в лучшем положении, а явный конфликт может еще больше ухудшить его из без того плачевное положение и полностью испортить его репутацию.

В ходе общения конструктивного диалога не получается, поскольку Паксман специально использует открытую тактику нападения, что превращает общение в еще большую конфронтацию. Свои речевые ходы журналист продумывает до мелочей, чередуя повествовательные и вопросительные предложения, которые скорее являются риторическими, поскольку ответы на них заведомо известны. *"Why say you could do it in five years?"*, *"Are you still committed to reaching the European average on health spending by 2003/2004?"*, *"When is that?"* — данные вопросы лишь еще больше эмоционально накаляют обстановку, поскольку в них заведомо заложена имплицитная информация, отрицательно сказывающаяся на репутации Тони Блэра. А обвинительная реплика журналиста *You did say* с усилительной частицей *did* не оставляет ни малейшего шанса премьер-министру каким-либо образом «отыграться». Джереми Паксман дискредитирует своего оппонента и настаивает на своей позиции, прибегая к тактикам нападения и обвинения. Тони Блэр пытается отстаивать свою точку зрения, но его реплики больше похожи на оправдания: *"We made it clear we couldn't do everything in the first term"*, *"No, I didn't say we were committed to that"*. Отрицая обвинения, он старается придерживаться постулатов кооперативного сотрудничества, понимая, что находится не в лучшем поло-

жении и что открытый конфликт не приведет к решению вопроса.

Таким образом, в результате анализа аргументативного полемического дискурса можно сделать вывод, что полемический дискурс складывается из таких компонентов, как адресованность (вектор направленности, реакция на точку зрения партнера по коммуникации), оценочность (позиция оппонента расходится с позицией пропонента), интенциональность (каждый из участников коммуникации отстаивает свою точку зрения с целью одержать вербальную победу) и аргументативность (обоснование, защита своей точки зрения, а также опровержение точки зрения противника посредством аргументации). Успешность аргументации зависит от поведения участников коммуникации, от стратегий, тактик и языковых средств, которые они используют, выстраивая свою речь, с целью переконструировать коммуникативное пространство партнера и добиться определенного эффекта. Анализ приведенных примеров показывает, что чаще всего в полемическом аргументативном дискурсе участники коммуникации стараются всеми возможными способами отстаивать свою точку зрения и придерживаться своей позиции до конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. — М.: Изд-во МГУ, 1991. 150 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1990.
3. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественно-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. — М., 1988. С. 104—119.
4. Белецкая А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2002.
5. Глушкова М. С. Особенности изучения полемики в научном дискурсе // Риторика в новом образовательном пространстве: 16 Междунар. науч. конф. — СПб., 2012. С. 92—94.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: УРСС, 2008. 288 с.
8. Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика. — М.: Наука, 1991.
9. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153—212.
10. Commission on Presidential Debates. URL: <http://debates.org> (date of access: 15.10.2015).
11. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A PragmaDialectical Perspective. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992. 350 p.
12. Grice H. P. Utterer's Meaning and Intentions // The Philosophical Review. 1969. № 78. P. 520.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London; New York: Longman, 1983. 250 p.
14. Real Cleat Politics. URL: <http://www.realcleatpolitics.com> (date of access: 20.10.2015).

V. I. Kosmodem'yanskaya
Saint Petersburg, Russia

STRATEGIES AND TACTICS IN ARGUMENTATIVE POLEMIC DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with the problems of polemic communication and analyzes strategies and tactics used by communicators in political argumentative discourse. Argumentative discourse is treated as a process of social communication in the course of which communicators try to influence the addressee's consciousness in a way suitable for them and make him believe in something thus changing his cognitive space. Polemic discourse is viewed upon as complex verbal mental activity aimed not only at demonstrating one's position but also at refuting the point of view of the opponent. The article analyzes the factors which make communicators choose certain strategies and tactics in political polemic discourse and also define linguistic means for the formation of the communicators' real utterances. Polemic discourse is made up of such components as: address (direction vector or response to the partner's point of view), evaluation (the position of the opponent does not coincide with that of the proponent), intentionality (each member of communication process defends his own viewpoint with the aim to win a verbal victory) and argumentativeness (substantiation and defense of one's own point of view and refutation of the viewpoint of the opponent by argumentation).*

KEYWORDS: *argumentative discourse; polemic; communication; opponent; strategy; tactic.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Post-graduate Student of Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseev A. P. Argumentatsiya. Poznanie. Obshchenie. — M. : Izd-vo MGU, 1991. 150 s.
2. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod) : avto- ref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 1990.
3. Baranov A. N., Sergeev V. M. Estestvenno-yazykovaya argumentatsiya v logike prakticheskogo rassuzhdeniya // Myshlenie. Kognitivnye nauki. Iskusstvennyy intellekt. — M., 1988. S. 104—119.
4. Beletskaya A. Yu. Poslovitsa kak pretsedentnaya edinitsa v argumentativnom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Samara, 2002.
5. Glushkova M. S. Osobennosti izucheniya polemiki v nauchnom diskurse // Ritorika v novom obrazovatel'nom prostranstve : 16 Mezhdunar. nauch. konf. — SPb., 2012. S. 92—94.
6. Deyk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — M., 1989.
7. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : URSS, 2008. 288 s.
8. Pavlova L. G. Spor, diskussiya, polemika. — M. : Nauka, 1991.
9. Shperber D., Uilson D. Relevantnost' // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1988. Vyp. 23 : Kognitivnye aspekty yazyka. S. 153—212.
10. Commission on Presidential Debates. URL: <http://debates.org> (date of access: 15.10.2015).
11. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A PragmaDialectical Perspective. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. 350 p.
12. Grice H. P. Utterer's Meaning and Intentions // The Philosophical Review. 1969. № 78. P. 520.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
14. Real Clear Politics. URL: <http://www.realclearpolitics.com> (date of access: 20.10.2015).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. А. Г. Гурочкина.

О. А. Кузина
Севастополь, Россия

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ
СОБЫТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА УКРАИНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

АННОТАЦИЯ. Целью данной работы является выявление фразеологизмов и анализ их функционирования в текстах статей американских и британских периодических печатных изданий, темой которых становится политический кризис на Украине. Описывается воздействующая функция средств массовой информации, роль медиаресурсов в трансляции внешней политики одного государства по отношению к другому, к процессам, происходящим в другом государстве, и к действиям этого государства на международной арене. Делается акцент на языковых средствах интерпретации информации о важных политических событиях. Дается определение фразеологических единиц в рамках теории когнитивной лингвистики как языковых знаков и носителей информации об окружающей действительности. Указывается на роль фразеологизмов в построении метафоры, метонимии и олицетворения. При работе над практическим материалом используются описательный метод, метод контекстуального анализа и анализа словарных дефиниций. С помощью этих методов описывается этимология и значения фразеологизмов, выделяется их образный и экспрессивный потенциал, затем определяется их оценочная нагрузка в контексте конкретного политического дискурса. Приведенные примеры демонстрируют, что почти за каждой фразеологической единицей находится метафорический образ. Проведенный анализ показывает, что употребление фразеологизмов в текстах СМИ позволяет автору статьи создать однозначный, четкий, но в то же время яркий образ описываемого явления с определенной оценочной нагрузкой. Отбор фразеологизмов в текстах массмедиа во многом нацелен на донесение необходимой точки зрения на политическое событие до реципиента с целью формирования определенных политических ценностей среди населения. Результаты исследования могут быть применены в курсах стилистики, лингвистики текста и медиалингвистики, а также послужить основой дальнейшего рассмотрения языковых средств конструирования политического образа Украины в медиадискурсе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологическая единица; когнитивная структура; средства массовой информации; оценка; политические события; Украина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кузина Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе; аспирант кафедры перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Пушкин; 299001, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7; e-mail: mojipisma@yandex.ru.

В современном мире наши представления о том, что происходит в разных странах, во многом обусловлены образами и интерпретациями, которые ежедневно тиражируются с помощью средств массовой информации. Недаром стал уже поистине классическим тезис Н. Лумана: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором мы живем, мы узнаем через массмедиа» [Луман 2005: 8].

С развитием новых технологий мы получаем информацию не дозированно, как раньше, из периодической печати и выпусков радио- и теленовостей, а фактически существуем в окружающем нас информационном пространстве. В связи с этим основатель российской медиалингвистики Т. Г. Добросклонская ввела понятие инфосферы, т. е. постоянного информационного слоя, который создается и поддерживается СМИ и состоит из бесконечного множества производимых и распространяемых медиатекстов [Добросклонская 2005: 181].

Средства массовой информации выступают сегодня не только как посредники в передаче информации, но и как средства, конструирующие собственную реальность. При этом информационная функция СМИ отходит на второй план, уверенно выдвигая вперед функцию воздействия. «Средства массовой информации становятся средствами массового воздействия, призванного формировать мнение аудитории в заданном направлении», — пишет Ю. Н. Шаталова [Шаталова 2014: 174].

На воздействующий эффект СМИ также указывает Е. С. Кубрякова. По мнению ученого, СМИ — это «средства разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому — массовому — адресату с целью воздействия на него» [Володина 2008: 184].

Таким образом, информация в СМИ формирует, используя термин Н. Лумана, лишь «замкнутый каркас» [Луман 2005: 9], на который нанизываются средства вербализации этой информации, создавая воздействующий потенциал, который непосредственно связан с интерпретацией.

Интерпретация событий, как указывает Т. Г. Добросклонская, представляет собой конкретное воплощение определенного смысла в определенной форме и имеет решающее значение в развертывании информационной цепочки [Добросклонская 2005: 11]. По мнению А. Л. Леонтьева, информационная цепочка выглядит следующим образом: из реальности вычленяется отдельный фрагмент, он рассматривается под определенным углом зрения, затем знание об этом фрагменте переводится на словесный язык, разворачиваясь в совокупности вербальных суждений [Володина 2008: 153].

Таким образом, интерпретируя события окружающей действительности, СМИ создают необходимые образы политических деятелей, событий, стран и т. д., акцентируя внимание на одних чертах и намеренно иг-

норируя или делая менее заметными другие. Возникает подобное преломление фактической информации во многом потому, что интерпретация событий в СМИ неотделима от политических взглядов автора отдельной статьи, редакционного коллектива издания, а также господствующих политических ориентаций населения и курса внешней политики государства в целом. Один из отечественных специалистов по медиалингвистике И. В. Ерофеева указывает, что медиатекст нужно оценивать только в политико-социальном контексте, чтобы увидеть его в реальном действии, вытекающем из реальности и создающем реальность [Ерофеева 2009: 132]. В. З. Демьянков высказывает мнение о том, что при анализе медиадискурса даже с чисто филологической точки зрения исследователь «боковым зрением» должен смотреть на фон: политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора [Володина 2008: 376].

Воздействующая и интерпретирующая функция в СМИ реализуется как при отборе фактов, так и при выборе языковых средств их описания.

По мнению Е. В. Покровской, воздействующая функция создается прежде всего особой языковой тканью [Покровская 2006: 81]. Создатели текстов СМИ выбирают средства и способы вербализации, которые наилучшим образом подходят для передачи взгляда на политическое событие, который журналист хочет сформировать у аудитории.

В. З. Демьянков образно сравнивает дискурс СМИ, в том числе и политический, с закусочной Макдоналдса: такой дискурс должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект («усваиваться», как и любая fast food), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории [Володина 2008: 374]. В связи с этим вполне логично наличие в текстах СМИ большого количества разного рода клишированных фраз, среди которых велика доля и фразеологических единиц (ФЕ). ФЕ, как правило, национально-специфичны и у носителей одного языка и одной культуры вызывают в сознании вполне фиксированные образы, т. е. они легко «усваиваются». В то же время, обладая экспрессивностью, фразеологизмы создают яркие образы, которые вызывают эмоциональный отклик читателя, и, следовательно, могут выполнять функцию воздействия.

В рамках данной работы фразеологизмы считаются элементами когнитивной системы, поскольку ФЕ как языковой знак является «хранителем» наших знаний о мире и рассматривается как носитель информации,

особой структуры знания [Кубрякова 1994: 45]. Под ФЕ в этом контексте понимается устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением [Кунин 1996: 53].

Как и любой другой языковой знак, ФЕ имеет внутреннюю форму (содержание) и внешнюю форму. Во внутренней форме ФЕ заложены этимологические процессы ее образования. «Внутренняя форма, хранящая конкретное представление о каком-либо факте, событии, явлении, которые когда-то были актуальными, часто повторялись, представляет собой сложную по организации когнитивную структуру», — указывает А. И. Федоров [Федоров 1973: 13]. Так, внутренняя форма ФЕ является важнейшим фактором формирования семантической структуры ФЕ, одним из его конститутивных и дифференциальных признаков [Добровольский 1996: 74].

ФЕ как когнитивные структуры могут делиться на множество мелких структур, асимметричных по объему, входящих в более крупные образования или же только пересекаться с ними. Таким образом, значение фразеологической единицы становится понятным только в контексте других когнитивных структур, или блоков знаний (фреймов, сценариев).

ФЕ характеризуются образностью. В основе образности лежит «совмещенное видение двух картин», одна из которых создает образное (переносное) значение слова (или выражения), а другая соответствует его буквальному (исходному) значению. Указанные картины, соответствующие двум различным значениям, накладываются друг на друга, причем образное значение находится на первом плане, а буквальное — на втором, исходном.

В структуре фразеологического образа широкую реализацию находит метафора и метонимия как не просто тропы, а когнитивные инструменты познания человеком действительности, основанного на человеческой способности соизмерять, ассоциировать разные категории, и такое измерение происходит в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений.

В качестве материала исследования взяты статьи с новостных сайтов ведущих изданий Великобритании и США, посвященные кризису на Украине (март — декабрь 2014 г.). В указанный период тема Украины активно поднималась во всех мировых СМИ, особенно в связи с событиями в Крыму и на Донбассе и годовщиной начала Евромайда-на, чем было обусловлено создание ярких, но порой противоречивых образов, дававших большой простор для использования

самых разных лингвостилистических средств, среди которых, безусловно, встречаются и фразеологические единицы.

Отражение событий на Украине в медиадискурсе разных стран в последние годы достаточно часто становится объектом лингвистических исследований. Материалом исследований выступают как иноязычные, так и русскоязычные новостные издания и информационные порталы сети Интернет. Объектом исследования становится как медиаобраз украинского кризиса в целом (А. Б. Бушев), так и отдельно метафорический образ Украины (Н. Г. Смирнова) и сравнительный — Украины, России и ЕС (А. О. Уржумцева). Исследуются и особенности речи украинских политиков: Ю. Тимошенко (О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева), П. Порошенко (Е. С. Экс). Не остался без внимания лингвистов и «крымский вопрос». А. А. Алексеева провела работу по изучению конфликтных речевых тактик на материале страниц групп социальной сети «ВКонтакте», где поднималась тема присоединения Крыма к России. Кроме того, И. А. Сергеева и А. П. Чудинов описали метафорические модели слоганов Крымского референдума. Е. Н. Молодыхенко изучила лингвистическое выражение отношения Америки к референдуму в Крыму путем анализа речи Б. Обамы. Столь острый вопрос, как конфликт на Донбассе, тоже стал предметом исследования. А. А. Казаков рассмотрел освещение событий на юго-востоке Украины в рамках новой для нашей страны, но уже хорошо закрепившейся на Западе методики фреймов. Одним из популярных объектов исследования в рамках украинской темы стали также разговорные новообразования, появляющиеся на страницах СМИ и в социальных сетях (Н. В. Костромичева, А. С. Поляков, Ю. Я. Тагильцева, Т. М. Полякова). Немалый интерес представляет работа Э. В. Будаева, который затронул аспект идеологии и топонимики, а именно употребление определенного артикля в английском языке перед названием страны «Украина».

Можно заметить, что аспекты и объекты лингвистических исследований, связанных с Украиной, очень многообразны, однако еще не было статей, посвященных фразеологии как средству создания образа Украины, в результате чего данное исследование можно считать актуальным. Изучение отдельного аспекта — фразеологии — поможет внести вклад в комплексный анализ языковых средств конструирования образа Украины в англоязычном политическом медиадискурсе.

Итак, обратимся к исследованию функционирования фразеологических единиц в

политическом дискурсе англоязычных средств массовой информации и попытаемся выявить их воздействующий потенциал.

Вот, например, предложение из статьи издания *The Daily Telegraph*, посвященной годовщине начала Евромайдана в Киеве: *And when the three political opposition leaders finally signed the February 21 agreement with Mr Yanukovich, the rank and file on the streets refused to accept it* (*The Daily Telegraph*. 21.11.2014).

Здесь использован фразеологизм «rank and file», который возникает в английском языке в XVI в. и первоначально соотносится с военной сферой, а именно способом маршировки солдат — «in reference to the horizontal and vertical lines of soldiers marching in formation» (1590); потом значение расширяется до «common soldiers» (1796). Затем ФЕ приобретает многозначность, получая значение «common people, general body of any group» (1860) [OED].

Употребление этой ФЕ в газетной статье направлено на противопоставление простых жителей — участников протестов и политиков, которые представляли официальную оппозицию действующей власти. Подчеркивается не только противопоставление политиков и простого народа, но и их действий. Осуществляется это с помощью лексических средств: «signed the agreement» — «refused to accept it». То есть ФЕ является и компонентом антитезы. При анализе оценочности данного предложения необходимо учитывать внешнюю политику Британии по отношению к Украине, которая тиражируется в ведущих британских СМИ, а именно распространение мнения о народном характере протеста в Украине. В связи с этим можно предположить, что идиома имеет положительную оценочную коннотацию в данном контексте.

Следующие примеры связаны с актуальной политической темой сотрудничества Украины с НАТО: *In Washington, a State Department spokeswoman, Marie Harf, said that the United States had an open mind on Ukraine's joining NATO and that the alliance itself had an open door* (*The New York Times*. 24.12.2014).

В данном примере ФЕ употреблены в цитате, переданной в косвенной речи. Первый фразеологизм в предложении представлен в своем полном структурном виде (*to have an open mind* — *to be willing to listen to or accept new ideas or suggestions* [OALD]) и служит для демонстрации сдержанной поддержки политики Украины со стороны США, второй фразеологизм употреблен в трансформированном виде. Словарь дает следующие два варианта ФЕ:

1) *To leave the door open for smth/smb — make sure that there is still the possibility of doing smth* [OALD];

2) *Open door — free and unrestricted admission* [OALD]. В таком варианте ФЕ впервые употребляется в 1856 г. в значении открытости международных торговых сделок [OED].

Значение второй ФЕ усиливает поддержку политического курса Украины, таким образом можно сказать, что обе ФЕ имеют положительную оценочность. Трансформация структуры второй ФЕ, очевидно, связана с синтаксической организацией предложения, а именно употреблением параллельных конструкций для большей выразительности.

Эти ФЕ создают метафорический образ: США в роли гостеприимного хозяина открывает дверь для Украины как своего гостя.

Статья из «The Associated Press» передает идею о движении Украины в НАТО с помощью другой ФЕ — «*paving the way*»: *Ukraine's parliament dropped the nation's nonaligned status Tuesday, possibly **paving the way** for a bid to join NATO in defiance of the Kremlin's wishes* (The Associated Press. 23.12.2014).

«Oxford Advanced Learner's Dictionary» определяет ФЕ «*to pave the way*» как «*to create the situation in which smb will be able to do smth or smth can happen*» [OALD]. Этимологический источник указывает на то, что переносное значение «*make smooth*» глагол «*pave*» приобретает в конце XVI в. [OED]. Данная ФЕ показывает стремление Украины в НАТО, однако наречие «*possibly*», употребленное перед ней, смягчает высказывание. Создается метафорический образ Украины — строителя дороги к месту назначения. Наличие в этом же предложении метонимической фразы «*in defiance of the Kremlin's wishes*» создает впечатление еще больших усердий и усилий со стороны Украины. Можно сказать, что ФЕ имеет положительный оценочный оттенок значения.

Однако перспектива вступления Украины в НАТО не кажется абсолютно безоблачной. Рассмотрим следующий пример: *It is likely to take years for Ukraine to meet the technical criteria for accession to NATO and, even then, there is no certainty that the alliance is ready to take on such a political **hot potato*** (The Daily Telegraph. 24.12.2014).

ФЕ «*hot potato*» (a problem, situation etc that is difficult and unpleasant to deal with [OALD]) принадлежит к разговорной лексике. Структура фразеологизма расширена за счет предшествующего прилагательного «*political*», которое вносит определенное уточнение: именно политически Украина является проблемной страной. Коннотация ФЕ определенно отрицательная.

Рассмотрим еще один пример, где фразеологический образ строится на метонимии. В статье, описывающей результаты выборов в парламент Украины осенью 2014 г., упоминается премьер-министр Арсений Яценюк в следующем контексте: *The result suggested that Poroshenko, a billionaire chocolate tycoon, would probably continue working in tandem with Yatsenyuk, who has been more hawkish on Russia than the president but is considered **a safe pair of hands** for the economy* (The Guardian 27.10.2014).

А. Яценюк описывается при помощи ФЕ «*a safe pair of hands*», которую «Oxford Advanced Learner's Dictionary» определяет как «*a person that you can trust to do a job well*» [OALD]. Этимология фразеологизма прослеживается до XVI в., когда он предположительно возник в связи со школьными спортивными соревнованиями по крикету и регби, где в команде нужен был человек, который бы хорошо ловил мяч и на которого можно было бы положиться. Затем с XVIII в. ФЕ стала употребляться в политическом контексте [OED].

Фразеологический образ построен на основе метонимии: умелое действие рук во время ловли мяча трансформировалось в характеристику человека. Контекстное окружение ФЕ конкретизирует ее значение («*a safe pair of hands for economy*»), таким образом указывая, что Яценюк может принести пользу Украине преимущественно в секторе экономики. Фразеологизму предшествует пассивная безличная конструкция «*is considered*», из которой не вполне понятно, кто считает Яценюка хорошим экономистом, следовательно, объективность положительной оценки ставится под сомнение.

Достаточно нагружены ФЕ журналистские комментарии, связанные с референдумом в Крыму. Вот, например, заключительное предложение статьи из «The Guardian», посвященной уходу украинских войск из Крыма: *Certainly, if Nato wants **to be fit for purpose** in the 21st century, then it should regard Mr Putin's Crimean adventure as **a wake-up call to get its act together**. Otherwise, as the Russian leader no doubt hopes, we will soon be sounding its **death knell*** (The Guardian. 25.03.2014).

В двух предложениях автор употребляет четыре ФЕ, что позволяет ему наиболее четко и образно выразить свои мысли и отношение к происходящему. Первый фразеологизм «*to be fit for purpose*» имеет несколько структурных вариаций — *to see/think/be fit for smth*, — которые обладают общим значением «*to consider it right or acceptable to do smth*» [OALD]. Автор статьи употребляет

именно вариант «to be fit for purpose» со следующим конкретизированным значением в словаре: (*of an institution, facility, etc.*) *well equipped or well suited for its designated role or purpose* [OALD]. Этимология ФЕ прослеживается до XIX в., изначально она употреблялась только в контексте атлетики («in condition, properly trained for action»), затем произошло расширение значения. Первоначально фраза была авторской, ее впервые употребил Г. Спенсер в 1867 г. в работе, посвященной происхождению видов [OED].

Вторая ФЕ «a wake-up call» в данном контексте употреблена в значении «an event that makes people realize that there is a problem that they need to do sth about» [OALD]. Фразеологизм впервые зафиксирован в 1968 г. со значением «a call one received from the hotel desk in the morning» [OED]. Затем он стал многозначным, развил второе переносное значение.

Третья ФЕ «to get your act together» (*to organize yourself and your activities in a more effective way in order to achieve smth*) [OALD]) также датируется 60-ми гг. XX в. Первоначально ФЕ имела лишь два компонента в своей структуре — «get together» — и значение «to organize (oneself), to collect, to gather, to meet, to assemble». Когда происходит расширение внешней формы и обобщение значения до современного, не известно [OED].

И последняя в данном комментарии ФЕ «death knell» сегодня имеет переносное значение «an event that means that the end or destruction of smth will come soon» [OALD]. Фразеологизм уходит своими корнями еще в древнеанглийский, где было предположительно звукоподражательное слово «сnyll», обозначающее определенный вид колокольного звона на похоронах. Вплоть до конца XIX в. словосочетание «death knell» употреблялось только в значении похоронного звона колокола [OED]. Затем, как и в случае с «wake-up call», ФЕ приобрела многозначность и развила второе значение.

Фразеологические образы «оживляют» НАТО: организация, как человек, должна быть в хорошей физической форме и начать действовать. Таким образом, создается олицетворение. Интересно также то, что автор сочетает в одном отрывке разговорную ФЕ (*to get your act together*) и более формальную (*to be fit for purpose*). Смешение стилей делает текст более выразительным. Яркость образа создается и благодаря парной градации, которая заложена в лексемах в структуре ФЕ. Так, сначала НАТО должно быть в хорошей форме (*fit*), а затем — начать действовать (*act*); а также действия России сначала указываются как призыв (*call*), а если на них не обратить внимания,

то призыв превратится в колокольный звон, который не будет предвещать ничего хорошего (*knell*).

Весь отрывок статьи звучит как призыв, как предупреждение, что НАТО необходимо внимательно отнестись к внешней политике России, поэтому определить оценочную коннотацию ФЕ достаточно сложно. Вводное слово «certainly», за которым идет условное предложение первого типа, но с модальным глаголом *should*, вносит оттенок неуверенности, понижая положительную коннотацию ФЕ «to be fit for purpose» и «to get its act together». Помещенная в этот же контекст ФЕ «a wake-up call» характеризуется скорее отрицательной коннотацией, так как в своем определении содержит слово «problem». Второе предложение начинается с противительного наречия «otherwise», вводя возможный результат невыполнения рекомендаций первого предложения, затем стоит усиливающая вводная конструкция «no doubt», после которой употреблен глагол во времени Future Continuous, также выражающий высокую вероятность события в будущем, перед ФЕ «death knell» с однозначно отрицательной смысловой нагрузкой. Таким образом, оценочная нагрузка отрывка все же скорее отрицательная.

Для полноты охвата всех ключевых событий украинского кризиса обратимся к примеру употребления ФЕ в контексте, связанном с военными событиями на Донбассе. Газета «The Daily Telegraph» описывает подготовку выборов в Донецкой и Луганской народных республиках вопреки Минским договоренностям: *That agreement now lies in tatters. By staging their own elections in the areas of Donbass region under their control, the pro-Russian rebels have humiliated Mr Poroshenko and driven a coach and horses through the Minsk deal* (The Daily Telegraph 04.11.2014).

Первая ФЕ «in tatters» обозначает «ruined or badly damaged» [OALD]. Это переносное значение многозначной ФЕ, которая имеет скандинавское происхождение и употреблялась уже в XV в. в значении «rags, tatters, tattered garment». Второе, переносное значение фразеологизма появилось в XIX в. [OED].

Вторая ФЕ «to drive a coach and horses through smth» имеет значение «to spoil smth, for example a plan» [OALD]. Данная фраза была впервые употреблена в переносном значении в XVII в. ирландским адвокатом С. Райсом: «I will drive a coach and six horses through the Act of Settlement». После этого фразу стали употреблять в контексте неэффективности закона или соглашения, а количественное числительное постепенно выпало из структуры [OED].

В обоих предложениях данного отрывка заложена одна и та же идея: Минские соглашения нарушены решением протестующих на Донбассе провести свои собственные выборы. Таким образом, наблюдается повторение ключевой идеи в двух вариациях с помощью разных ФЕ со схожим значением для усиления силы воздействия на адресата: *agreement — in tatters; driven a coach and horses through the Minsk deal*. Оценочная коннотация обоих фразеологизмов отрицательная, следовательно, акцент автора стоит на том, что ополченцы Донбасса поступают неправильно. В данном примере также явно прослеживается трансляция через СМИ официальной точки зрения Великобритании и определенное навязывание ее читателям.

Проанализировав функционирование фразеологизмов в новостных и аналитических политических статьях английских периодических изданий, можно сделать вывод, что употребление фразеологии в СМИ позволяет создавать яркие, эмоциональные образы, которые помогают авторам выразить оценочное отношение к политическим событиям и реализовывать воздействующую функцию текста. Для достижения этой цели авторы, как правило, выбирают те фразеологические единицы, которые понятны всем носителям языка и вызывают фиксированные образы, часто реализуемые с помощью метафор и метонимий, т. е., употребляя фразеологическую единицу, автор статьи может быть уверен в однозначности создаваемого образа.

O. A. Kuzina
Sevastopol, Russia

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF REPRESENTATION OF POLITICAL SITUATION IN UKRAINE (IN THE MODERN ENGLISH MEDIADISOURSE)

ABSTRACT. *The aim of this article is to select and analyse the function of phraseological units in the texts of British and American periodicals, the topic of which is the political crisis in Ukraine. Interpretation function of mass media is described, with the attention paid to the role of media recourses in demonstration of foreign policy of one state towards another, towards events taking place in another state and towards behaviour of this state on the international political scene. The emphasis is put on the language means of interpreting information about important political events. Phraseological units are defined within the paradigm of cognitive linguistics as language signs and data media about the surrounding world. The role of phraseological units in metaphor and metonymy building is identified. Practical material is analysed with the help of descriptive method, method of contextual analysis and analysis of dictionary definitions. These methods are applied in describing etymology and meaning of phraseological units, identifying their expressive potential, defining their evaluation component in the context of political discourse. The selected examples point out that there is a metaphorical image behind practically every phraseological unit. The conducted analysis shows that the use of phraseological units in mass media helps the author to create unambiguous, precise but at the same time bright image with definite evaluation load. Selection of phraseological units in mass media is mainly aimed at transmitting a certain point of view on some political events to instill particular political values in the population. The results of the study can be applied in the courses of stylistics, text linguistics and media linguistics as well as become the basis for further study of language means in the construction of political image of Ukraine in media discourse.*

KEYWORDS: *phraseological unit; cognitive structure; mass media, evaluation; Ukraine.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kuzina Olga Andreevna, Assistant Lecturer of Foreign Languages Department, Sevastopol Branch of Moscow State University; Post-graduate Student of the Department of Translation Studies; Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Dobrovol'skiy D. O. *Obraznaya sostavlyayushchaya v semantike idiom // Voprosy yazykoznaneya*. 1996. № 1.
2. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstv (opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi)*. — М. : Editorial URSS, 2005.

В то же время при намеренном нарушении структуры фразеологической единицы или помещения фразеологизма в несвойственный ему контекст возникает новое контекстное значение и получается очень яркий, запоминающийся образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольский Д. О. *Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания*. 1996. № 1.
2. Добросклонская Т. Г. *Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи)*. — М. : Едиториал УРСС, 2005.
3. Ерофеева И. В. *Аксиосфера современных СМИ: специфика и компоненты конструирования // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика*. 2009. № 8.
4. Кубрякова Е. С. *Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания*. 1994. № 4.
5. Кунин А. В. *Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* — М. : Высш. шк ; Дубна : Феникс, 1996.
6. Луман Н. *Реальность массмедиа*. — М. : Праксис, 2005.
7. Покровская Е. В. *Прагматика современного газетного текста // Русская речь : науч.-популярный журн*. 2006. № 3.
8. Федоров А. И. *Развитие русской фразеологии в конце XVIII — нач. XIX в.* — Новосибирск, 1973.
9. Шаталова Ю. Н. *Общественно-политическая жизнь в зеркале словотворчества // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : материалы междунар. науч. семинара (Белгород, НИУ «БелГУ», 2—3 апр. 2014 г.)*. — Белгород, 2014.
10. *Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной*. — М. : Академический проект : Альма Матер, 2008.
11. Online Etymology Dictionary = OEL. URL: www.etymonline.com (date of access: 23.01.2016).
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 23.01.2016).

3. Ерофеева И. В. *Аксиосфера совremennykh СМИ: spetsifika i komponenty konstruirovaniya // Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Ser. 8, Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2009. № 8.
4. Kubryakova E. S. *Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka // Voprosy yazykoznaneya*. 1994. № 4.

5. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka : ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. — M. : Vyssh. shk ; Dubna : Feniks, 1996.

6. Luman N. Real'nost' massmedia.— M. : Praxis, 2005.

7. Pokrovskaya E. V. Pragmatika sovremennogo gazetnogo teksta // Russkaya rech' : nauch.-populyarnyy zhurn. 2006. № 3.

8. Fedorov A. I. Razvitie russkoy frazeologii v kontse XVIII — nach. XIX v. — Novosibirsk, 1973.

9. Shatalova Yu. N. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v zerkale slovotvorchestva // Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom : materialy

mezhdunar. nauch. seminara (Belgorod, NIU «BelGU», 2—3 apr. 2014 g.). — Belgorod, 2014.

10. Yazyk sredstv massovoy informatsii : ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. M. N. Volodiny. — M. : Akademicheskii proekt : Al'ma Mater, 2008.

11. Online Etymology Dictionary = OEL. URL: www.etymonline.com (date of access: 23.01.2016).

12. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 23.01.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. Н. Морозова.

Н. Н. Морозова
Нижний Новгород, Россия

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ И ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ. *Предпринимается попытка переосмысления понятия «безопасность» с позиций теории речевых актов и теории дискурс-анализа. Теория постструктуралистского дискурс-анализа позволяет критически переосмыслить безопасность и концептуализировать ее как дискурсивную практику, которая утверждает и конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Именно включение «плавающего» означающего «безопасность» позволяет «замкнуть» цепочку ключевых смыслов и актуализировать базовые, составляющие основу политической идентичности ценности через проведение границы между «внутренним» миром и «внешним» пространством хаоса и угроз. В то же время, как показывает проведенный анализ предвыборного дискурса российских политических партий, успешная секьюритизация общественно значимых ценностей имеет место в ситуации гегемонии, когда границы между «я» и «чужой» не зафиксированы полностью и не исключают наличия «плавающих» означающих, которые необходимо вписать в цепочки эквивалентности и наполнить смыслом. Таким образом, в рамках постструктуралистской теории дискурс-анализа ставится вопрос об ответственности субъекта — секьюритизирующего актора — за выбор смыслов, то есть за то, будет ли дискурс двигаться в сторону большей агрессивности или большей толерантности. Рассматривается текстуальное понимание секьюритизации (социально продуктивный речевой акт, который наделяет политиков легитимностью и правом принимать срочные меры по нейтрализации экзистенциальных угроз в обход или нарушение существующих правил и процедур) и контекстуальное (учет специфики предполагаемой угрозы).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *безопасность; речевой акт; дискурсивная практика; дискурс-анализ; политическая идентичность; толерантность.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Морозова Наталия Николаевна, доцент, кафедра прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: nmmorozova@hse.ru.*

Одним из наиболее интересных и продуктивных направлений междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и политологии в последнее время стало применение теории речевых актов и теории дискурс-анализа для реконцептуализации одного из ключевых понятий международных отношений — безопасности. Обращение к концептуальным наработкам лингвистики стало возможным прежде всего благодаря внутренним дебатам в самой дисциплине международных отношений, а именно вследствие растущего недовольства ряда исследователей-международников теми эпистемологическими и метатеоретическими последствиями, к которым привела гегемония государствоцентричной парадигмы. Неслучайно востребованными у критиков последней оказались те лингвистические теории, которые помещали традиционную проблематику выживания государств в условиях анархии в более широкий социальный контекст, позволяя рассмотреть отношение между лингвистическим и социальным, между словом и действием. В результате применения теории речевых актов и теории дискурс-анализа к концептуально-понятийному «языку» международных отношений была переосмыслена и концепция безопасности. Из понятия, описывающего поведение государств, безопасность превратилась в лингвистическую репрезентацию, в определенный языковой выбор автора теоретического и политического текста.

Концептуальные и нормативные основания переосмысления понятия «безопасность» в 1990-е гг.

В международных отношениях безопасность традиционно понималась как объективное отсутствие материальных, прежде всего военных, угроз государственному суверенитету. В результате проблематика изучения безопасности сводилась преимущественно к выявлению условий ее достижения, а не к разработке самого понятия «безопасность» и вычленению общих концептуальных оснований разных трактовок безопасности. Концептуальный анализ безопасности в политологии и международных отношениях начался с работы Дэвида Болдвина, который определил безопасность как «низкую вероятность ущерба приобретенным ценностям» [Baldwin 1997: 13]. Преимущество такой формулировки заключается в концептуализации безопасности не как состояния — состояния отсутствия угроз, — а как цели политической деятельности, направленной на сохранение значимых ценностей. Два важных дополнительных уточнения: безопасность для кого? — и безопасность каких ценностей? — выводят на первый план ценностный, морально-политический аспект понятия «безопасность», делая этот элемент критерием для сравнения различных теоретических и практических концепций безопасности.

Действительно, 1990-е гг. ознаменовались появлением новых вызовов безопасности: международный терроризм, наркотра-

фик, неконтролируемые миграционные потоки, глобальное потепление, истощение природных ресурсов, нехватка продовольствия, эпидемии и др. Дисциплине международных отношений, не сумевшей предсказать окончание холодной войны и распад биполярной системы, пришлось срочно адаптировать свой понятийный аппарат к процессам, явившимся следствием этого распада [Buzan and Hansen 2009: 187]. В результате индивид, общество и международная система встали в один ряд с государством в качестве полноправных объектов политики в области безопасности на нормативном и концептуальном уровне. Такая «расширительная» проблематика характерна для новых, появившихся в 1990-е гг. концептуализаций безопасности: «безопасность человека», «гендерная безопасность», «общественная безопасность», «общая безопасность» [Buzan and Hansen: 136—141]. В то же время политическая независимость и территориальная целостность как ключевые ценности ориентиры в рамках традиционной «жесткой», т. е. военной безопасности, уступили место экономическому благосостоянию, благоприятной экологической обстановке, культурной идентичности, что отразилось в появлении таких концептов, как «экологическая безопасность», «экономическая безопасность», «продуктовая безопасность», «энергетическая безопасность», «общественная безопасность» и т. д.

Таким образом, расширение проблематики безопасности — утверждение в качестве моральных агентов человека и социума наряду с государством и, как следствие, утверждение прав и качества жизни человека наряду с физическим выживанием в качестве важнейших приобретенных ценностей — было частью общего критического переосмысления исследователями-международниками превалирующей государствоцентричной парадигмы на уровне практической политики. Но для успеха такой практической, нормативной критики она должна была стать «сквозной» и затронуть также более глубокие — теоретический и метатеоретический — уровни.

На метатеоретическом уровне недовольство критически настроенных ученых-международников вызывал тот факт, что важнейшие морально-этические проблемы — достижение прогресса, достойной жизни, справедливости — оказались буквально «немыслимы» в рамках государствоцентричной парадигмы. Действительно, требования стройности, простоты и научности теории сводили нормативную проблематику в международных отношениях к проблеме

выживания государства, поскольку именно такая поведенческая установка и реализующая ее стратегия баланса сил напрямую вытекали из первопричины всей международной политики — анархии. Таким образом, традиционно понимаемая теория международных отношений могла быть только «теорией разрешения проблем», возникших в рамках превалирующих властных отношений и нарушающих слаженную работу существующих политических институтов [Cox 1986: 208]. Те же исследователи, которые не хотели довольствоваться ролью системных администраторов межгосударственных отношений, заявили о необходимости разработки «критической теории», т. е. такой теории, которая занимает позицию внешнюю по отношению к сложившейся системе институтов и задается вопросом «как?» — как она возникла. Такой пересмотр общепринятого метатеоретического представления о функциях и назначении теории требовал отказа от сущностной, эссенциалистской трактовки понятия «национальное государство» на теоретическом уровне. Это сделало критически настроенных исследователей-международников особенно восприимчивыми к достижениям постструктурализма и результатам лингвистического поворота в социальных науках.

Так, в русле постструктуралистской теории исследователи попытались денатурировать понятие национального государства таким образом, чтобы из самоочевидного оно превратилось в «странное» [Gregory 1989: XIV]. Такая постановка исследовательской цели напрямую вытекала из одного из важнейших положений постструктурализма, согласно которому материальные объекты и структуры обретают свою материальность и объективный онтологический статус только через репрезентацию в дискурсе [Laclau and Mouffe: 208]. В частности, критике подверглись общепринятые способы репрезентации знания — идеализм, реализм и неореализм, — которые утверждали национальное государство в качестве исходного и дотеоретического, т. е. фактического основания любой теории. В результате внимание исследователей переместилось с фактов международной реальности на смыслообразующий исторический, лингвистический и научный контекст, институализирующий определенные события и интерпретации в качестве фактов. В свою очередь, такая проблематизация объективности стала возможна благодаря лингвистическому повороту в социальной теории, т. е. повороту от реальности к текстуальности: «...текстуализация анализа означает признание, прежде всего,

того, что любая „реальность“ опосредована способом репрезентации и, во-вторых, что репрезентации представляют собой не описания мира фактов, а способы производства этих фактов» [Shapiro 1989: 13—14].

После лингвистического поворота любое социальное действие воспринимается одновременно и как действие лингвистическое, поскольку субъекты — индивидуальные и коллективные — должны быть «озвучены» для своего конституирования в качестве таковых, а объективная реальность «проговорена» для своего воспроизводства или трансформации. И наоборот, язык становится «онтологически значимым» [Hansen 2006: 16]: из набора ярлыков для описания объективной реальности он превращается в способ производства, конструирования и объективации этой реальности, т. е. в дискурс. С этой точки зрения государствоцентричная парадигма в теории международных отношений может быть представлена как дискурс, утверждающий объективность и материальность деления политики на «внутреннюю» и «внешнюю»: есть «внутренний» мир, где царят порядок, право и безопасность, поддерживаемые суверенным государством, и есть «внешний» мир, в котором отсутствие верховной власти порождает хаос, беззаконие и страх [Морозов 2009: 11, 209]. Согласно классической формулировке, принадлежащей Томасу Гоббсу, именно обеспечение внутреннего порядка и безопасности подданных составляет смысл существования государства и главный источник его легитимности. Поэтому критика естественного, самоочевидного онтологического статуса государства, озвученная исследователями-международниками в 1990-х гг., предполагала прежде всего реконцептуализацию понятия «безопасность».

Безопасность как речевой акт

Представители так называемой копенгагенской школы Оле Вэвер и Барри Бузан в своих работах пересматривают многие аспекты традиционной, государствоцентричной трактовки концепции безопасности. Объектом исследования больше не является безопасность как объективное отсутствие материальных, осязаемых угроз государственному суверенитету, поскольку на повестку дня все чаще встает общественная безопасность, отличная от государственной. Размышляя над активизировавшимися в начале 1990-х гг. процессами интеграции на Европейском континенте и процессами дезинтеграции в странах бывшего Восточного блока, Вэвер выделяет ряд политических и социальных процессов — глобализация, культурный империализм, миграционные

потоки, европеизация — которые могут представлять угрозу «общественной безопасности», т. е. «способности общества сохранять свои существенные черты несмотря на меняющиеся условия и возможные или существующие угрозы» [Buzan and Hansen 2009: 82—84]. В условиях глобализации и интеграции, когда границы общества и государства больше не совпадают, а национальное законодательство и пограничный контроль уходят в прошлое, укрепление собственного культурного своеобразия станет эквивалентом безопасности и произойдет во многом за счет артикуляции самими социальными группами необходимости защиты своей «общественной» безопасности.

Таким образом, с позиций копенгагенской школы имеется гораздо больше оснований говорить об укорененной в дискурсе самих акторов *общественной* безопасности, нежели о других расширительных трактовках, представляющих из себя исключительно теоретические конструкты. В результате «безопасность» концептуализируется в русле лингвистического поворота не как объективное состояние отсутствия угроз, а как речевой акт, посредством которого определенные акторы, процессы и события конституируются в качестве экзистенциальной угрозы для привилегированного референта, а именно государства или социальной группы/общества [Wæver 2007: 49]. Вэвер утверждает, что «безопасность» функционирует не как знак, который отсылает к референту, а как действие через высказывание по аналогии с заключением пари, дачей обещания или именованьем корабля [Wæver 2007: 73]. Очевидно, что здесь Вэвер опирается на теорию речевых актов Дж. Остина, который, как известно, выделил особый тип перформативных высказываний, т. е. таких высказываний, которые, будучи грамматическими утверждениями, не описывают действительность и не утверждают никаких фактов [Остин 1986: 25—26]. Произнесение такого высказывания является одновременно и осуществлением определенного действия. Остин предлагает называть «иллокутивными» акты авторского целеполагания и смыслонаполнения, которые осуществляются в ходе говорения в противоположность действию самого говорения. В то же время высказывание может осуществлять «перлокутивный» акт, если оно оказывает рассчитанный, намеренный, целенаправленный воздействующий эффект на чувства, мысли или действия аудитории [Остин 1986: 87—88].

Что же представляет из себя безопасность как речевой акт с точки зрения иллокуции и перлокуции? Не подпадая под кате-

горию «истинности/ложности», иллокутивный акт тем не менее может потерпеть неудачу, если нарушается конвенциональная процедура, в соответствии с которой он должен быть осуществлен. Важной составляющей такой конвенциональной процедуры является произнесение определенной перформативной формулы конкретным лицом, пригодным, т. е. уполномоченным для проведения данной процедуры. Более того, такой осуществленный согласно конвенциональной процедуре акт будет все же считаться неудачным, если цель осуществления этого акта не подкрепляется соответствующим намерением [Остин 1986: 32—33]. Так, с точки зрения цели безопасность как речевой акт может быть охарактеризована как *заявление* о том, что некий актер, процесс или событие представляет собой угрозу выживанию общества или государства. С точки зрения психологического состояния секьюритизация представляет собой *убеждение* и является условием искренности иллокутивного акта [Серль 1986]. При этом Остин отмечал, что понятие цели не должно приводить к выводу о том, что каждый иллокутивный акт обладает некоторым перлокутивным намерением. А Серль утверждал, что вопрос о совершении акта доказательства не затрагивает вопрос о том, происходит ли при этом процесс убеждения кого-то или нет. Из этого следует, что перлокутивный аспект «совершения действия» не связан напрямую с перформативностью [Остин 1986: 93]. Иными словами, условия успешности иллокуции не тождественны условиям успешности перлокуции.

Однако среди представителей копенгагенской школы закрепилось представление о том, что акт секьюритизации именно как *высказывание* создает новые смыслы и запускает определенную социальную динамику. Утверждается, в частности, что успешная репрезентация отдельных событий и процессов в качестве угроз выживанию государства или общества переводит вопрос из разряда политизированных, т. е. относящихся к публичной политике и требующих правительственных мер и бюджетных отчислений, в разряд секьюритизированных, т. е. таких, которые требуют не обсуждения, а безотлагательных действий, зачастую нарушающих действующее законодательство и социальные нормы [Buzan et al 1998: 23]. Секьюритизация понимается таким образом как процесс, посредством которого в политическом сообществе создается intersubjective понимание необходимости нарушения действующих законов и принятия исключительных мер по борьбе с существующей угрозой

[Buzan and Wæver 2003: 491]. Однако представители копенгагенской школы оставляют вне рамок своего исследования вопрос об успешности перлокуции, т. е. о том, как секьюритизация становится intersubjective, реструктурируя социальные отношения.

Действительно, как отмечают исследователи, теория секьюритизации пока не дает однозначный ответ на этот вопрос, поскольку тяготеет к двум независимым и во многом полярным точкам зрения [Stritzel 2007: 359]. С одной стороны, существует «текстуальное» понимание секьюритизации как социально продуктивного речевого акта, который наделяет политиков легитимностью и правом принимать срочные меры по нейтрализации экзистенциальных угроз в обход или нарушение существующих правил и процедур. В то же время в работах теоретиков секьюритизации прослеживается и другая, «контекстуальная» ее трактовка, на основе выделения факторов, способствующих секьюритизации [Buzan, Wæver and de Wilde 1998: 33]. Наряду с наличием у высказывания специфических атрибутов, позволяющих определить его как практику секьюритизации, на успешность последней влияет также специфика предполагаемой угрозы, поскольку одни ситуации гораздо проще представить в качестве источника угроз, чем другие. Наконец, авторитетная позиция агента секьюритизации в глазах аудитории способствует принятию и закреплению предложенных репрезентаций угроз на уровне повседневной политики.

Однако, как отмечают критики теории секьюритизации, для того, чтобы «текстуальная» и «контекстуальная» трактовки секьюритизации не вступали в противоречие, требуется переосмысление секьюритизации: под ней следует понимать не единственный речевой акт, приписывающий реальности один и тот же фиксированный смысл, а процесс производства смысла, глубоко укорененный в дискурсивном контексте, который и превращает индивидуальную позицию в коллективный доминирующий нарратив [Stritzel 2007: 369]. Большинство критических замечаний вызвало допущение о том, что из всех возможных угроз безопасности люди как участники различных социальных групп безоговорочно выбирают идентичность. Это эмпирическое допущение, в свою очередь, основывается на теоретическом допущении о том, что «общество есть независимая переменная, не подлежащая исследованию социальный факт, чьи ценности и уязвимые стороны существуют объективно по аналогии с государством»

[McSweeney 2007: 124]. Однако как только мы «опустимся» на уровень индивидов и социальных групп, становится очевидно, что идентичность не наличествует как данность априори: она является не исходной причиной незащищенности, а *результатом* дискурсивного политического процесса, посредством которого отдельные социальные группы, общество и государство пытаются представить в качестве «общественной» угрозу своим интересам.

Концептуализация безопасности как дискурсивной практики может быть предложена также не только в качестве теоретического, но и нормативного аргумента. Действительно, объективация и реификация общественной идентичности, принадлежность к которой люди не выбирают, а признают, равнозначна релятивистскому утверждению о том, что обоснованный моральный выбор между различными общественными идентичностями невозможен [McSweeney 2007: 127]. Поэтому, в отличие от лингвистической теории речевых актов, в которой полномочия осуществляющего этот речевой акт лица не становятся предметом общественного обсуждения, легитимность секьюритизирующего актора определяется *ex post factum* на основе общественной поддержки акта секьюритизации. Однако именно дискурсивная концептуализация безопасности позволяет вычленить ключевые означающие и состоящие из них цепочки эквивалентности для того, что эксплицитировать моральный выбор, лежащий в основе той или иной трактовки общественной идентичности.

Безопасность как дискурсивная практика

По сравнению с теорией секьюритизации дискурсивная концептуализация безопасности представляет собой гораздо более фундаментальную попытку пересмотра преобладающей государствоцентричной парадигмы. Угрозы безопасности не просто превращаются из материальных и осязаемых в лингвистически конструируемые, не только наделяют секьюритизирующих акторов чрезвычайными полномочиями и, следовательно, политической субъектностью. С постструктуралистской точки зрения дискурсы о «внешней» опасности конструируют «внутренний» консенсус, а репрезентация «другого» в качестве угрозы задает границы той самой идентичности, от имени которой она артикулируются. Вытеснение «вовне» внутренних противоречий, разногласий и конфликтов, а также исключение определенных акторов, событий и интерпретаций представляет собой необходимое условие возможности «внутреннего» мира, чье достижение и является наивысшей легитимиза-

цией государства. В свою очередь, признание важности политических последствий выбора той или иной репрезентации опасности приводит к проблематизации сущностной, эссенциалистской трактовки понятия «национальное государство»: оно теряет свой естественный, самоочевидный онтологический статус, предшествующий практикам по установлению внутреннего единства и исключению различий. Именно эту проблематику отношений «я — другой» и, как следствие, принципиально незаконченный, не тождественный самому себе статус любого политического сообщества и символизирует введенный постструктуралистами в начале 1990-х гг. термин «идентичность».

Как же происходит конструирование внутренне непротиворечивых идентичностей? Вместо того, чтобы приписывать человеческим сообществам досоциальные, имманентные идентичности, теоретики дискурс-анализа исходят из положения о том, что идентичность не объективна, а дискурсивна, поскольку она не существует независимо от дискурсивных практик, которые мобилизуются в процессе публичной легитимизации внешней политики [Hansen 2006: 5—16]. В рамках постструктурализма, согласно Хансен, процесс конструирования идентичности характеризуется также как политический и реляционный. С одной стороны, фиксация и стабилизация одних идентичностей всегда происходит за счет замалчивания, вытеснения и исключения других, альтернативных нарративов и интерпретаций. С другой стороны, идентичность конструируется как законченная и объективная только по отношению к тому, чем она не является. Другими словами, хотя образ «другого» может реализовываться через различные, в том числе и неантагонистические противопоставления — другой как «союзник», «сосед», «соперник», — дискурс безопасности неизменно актуализирует логику вытеснения, отрицания «другого», способствуя замыканию сообщества и интенсификации антагонистических отношений [Wæver 2007: 81; Морозов 2009: 227].

Каким образом в дискурсе создается устойчивое и стабильное противопоставление между внутренним и внешним, между «я» и «другим»? Ведущие теоретики постструктуралистского дискурс-анализа Э. Лаклау и Ш. Муфф определяют антагонизм как предел объективности, как невозможность моего замыкания в себе, поскольку присутствие «другого» — как в ситуации, когда крестьянин не может быть крестьянином, если помещик выгоняет его с земли, — не позволяет мне быть полностью собой [Laclau and

Mouffe 1985: 125]. Антагонизм возникает как артикуляционная практика, которая пытается стабилизировать смысл и зафиксировать идентичность путем проведения границы системы сигнификации: «вовне» вытесняются альтернативные артикуляционные практики, альтернативные цепочки значимых означающих. В результате отношения различия, внутренние для пространства дискурса, разрушаются, становясь эквивалентными друг другу и порождая «плавающие» означающие [Морозов 2009: 62—63]. Теряя свою фиксированную позицию в реляционной системе дискурса, означающие становятся символами всей социальной целостности, унифицируя ее поле и задавая ее идентичность. Вследствие такого структурного замыкания «я» «другой» лишается всяких позитивных качеств, так что отношения между ними превращаются в чистое отрицание друг друга, в социальный антагонизм.

Таким образом, постструктуралистская теория дискурс-анализа помогает вскрыть дискурсивные механизмы, лежащие в основе социального антагонизма, т. е. радикального противопоставления «я» и «другого». Согласно Лаклау и Муффа, общество стремится к замыканию, к объективному наличию, к самоидентичности, которая характеризует общество как закрытую и внутренне непротиворечивую систему различий. Однако такая самоидентичность недостижима, поскольку она не исключает возможности артикуляционных практик, которые «вырывают» элемент из внутренней системы различий и оппозиций и превращают его в различие, которое не артикулировано в дискурсе, т. е. в «плавающее» означающее [Laclau and Mouffe 1985: 105]. Так, новая фиксация смысла возникает тогда, когда путем артикуляционных практик устанавливаются отношения не синонимии и не тавтологичности, а эквивалентности между некоторым набором «плавающих» означающих: их значения являются эквивалентными и идентичными не в буквальном, а в переносном и символическом смысле, т. е. в контексте их оппозиции «другому». Таким образом, артикуляционные практики находят в отношениях антагонизма, если они представляют собой взаимоисключающие цепочки эквивалентно расположенных «плавающих» означающих.

Однако отношения социального антагонизма не означают полную стабилизацию смысла и фиксацию идентичности, которые исключают возможность политических преобразований. В контексте постструктуралистской теории Лаклау и Муффа политическое действие становится возможным благодаря

нестабильности границ между артикуляционными практиками, когда наличие большого количества «плавающих» означающих требует их подчинения логике эквивалентности и включения в соответствующие смысловые цепочки. Такие гегемонистские артикуляционные практики опираются на наиболее седиментированные смысловые структуры, но при этом не повторяют и не воспроизводят их [Laclau and Mouffe 1985: 83]. Хотя дискурс стремится выстроить гегемонистскую идеологическую завершенность, любая социальная идентичность имеет случайный и парадоксальный характер, поскольку не может исключить присутствие «другого» и достичь полноценного наличия [Torring 2005: 15]. Так, наличие множества «плавающих» означающих и необходимость их фиксации посредством артикуляционных практик предотвращает полное замыкание и реификацию антагонизма, что в конечном итоге делает возможной политику как сферу принятия решений.

Анализируя изменение политики США в отношении Боснийского конфликта и переход от невмешательства к активному участию в его урегулировании, Лене Хансен в своем анализе западного дискурса показывает победу одной гегемонистской артикуляции над другой за счет включения в цепочку эквивалентности «плавающих» означающих с длительной концептуальной историей. Согласно Хансен, успешная секьюритизация конфликта произошла благодаря установлению цепочки эквивалентности между означающими «геноцид» и «Босния» в противоположность другой последовательности, связывающей означающие «агрессия» и «Сербия». По аналогии Оле Вэвер рассуждает о том, как, несмотря на кажущуюся невозможность изменений во внутренней и внешней политике, 1970—1980-е гг. ознаменовали собой процесс разрядки и диалога между Востоком и Западом, который стал возможен во многом благодаря десекуритизации, т. е. неустановлению логики эквивалентности между означающим «угроза» и «права человека» [Wæver 2007: 77].

Исследование Хансен демонстрирует, что безопасность является дискурсивной практикой, которая формирует иерархию общественных приоритетов и потому конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Исследование Вэвера акцентирует наше внимание на лингвистической природе политических и социальных изменений. В другом своем исследовании Вэвер также отмечает, что «политикам необходимо уметь представлять убедительный нарратив относительно того,

как нынешние тенденции (и собственная внешнеполитическая ориентация) приближают будущее, благоприятное для реализации привилегированного образа „я“» [Wæver 2002: 26]. Представляется, что данное утверждение справедливо и в отношении необходимости установить четкую и непротиворечивую связь между идентичностью политического сообщества и предлагаемым политическим курсом, особенно в условиях предвыборной политической борьбы. В случае если партия позиционирует себя как оппозиционная официальному политическому курсу, не менее актуальным становится убедительное конституирование последнего в качестве экзистенциальной угрозы политическому сообществу, его целостности и исторической преемственности. Таким образом, в практической части нашего исследования мы попытаемся подтвердить следующую гипотезу: секьюритизация будет успешной тогда, когда «безопасность» станет одним из ключевых означающих дискурса, актуализируя базовые общественные ценности и те угрозы, в защите от которых они нуждаются.

Функционирование означающего «безопасность» в предвыборном дискурсе российских политических партий

В качестве материала для нашего исследования мы воспользуемся текстами программ политических партий, которые участвовали в выборах в городскую думу Нижнего Новгорода 13 сентября 2015 г. Особый интерес представляют программы партий, получивших достаточное количество голосов (более 5 %) для прохождения в городскую думу: «Единая Россия» (40,40 %), «Справедливая Россия» (21,63 %), КПРФ (19,38 %), ЛДПР (6,61 %). Из них мы отобрали программы тех партий, который позиционируют себя как оппозиционные и программы которых содержат критику политического курса партии власти («Единая Россия») и правительства. Чтобы проверить предложенную нами гипотезу, мы сравним те оппозиционные предвыборные программы, в которых «безопасность» функционирует и не функционирует как ключевое означающее. В качестве примера первых мы возьмем программу, с которой на выборы в городскую думу Нижнего Новгорода 2015 г. вышла партия «Справедливая Россия» [Программа партии «Справедливая Россия»], а в качестве примера вторых — предвыборную программу КПРФ [Программа КПРФ].

Итак, главным объектом критики в предвыборной программе КПРФ становится реставрация капитализма в постсоветской России, охарактеризованная как «путь **соци-**

ального регресса, ведущий к **национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации**». Негативная оценка этого общественного строя раскрывается на концептуальном уровне: «Капиталистический способ производства означает **безудержную эксплуатацию человека и ресурсов природы без учёта губительных последствий** для жизни будущих поколений и их среды обитания» [Программа КПРФ]. Фактически все негативные явления и процессы современного мира — хищническое использование и быстрое исчерпание важнейших природных ресурсов, углубление мирового экономического кризиса, локальные войны и постоянная угроза их перерастания в новую мировую войну, техногенные катастрофы, культурный и духовный упадок — имеют в качестве первопричины капитализм как господствующую на планете систему. Высшей и последней стадией капитализма утверждается, как и в начале прошлого века, империализм, который стремится насадить в мире **эгоизм, насилие, бездуховность и космополитизм**». Согласно предвыборной программе КПРФ, реставрация капитализма в постсоветской России является частью «политики империалистической глобализации», проводимой США и их ближайшими союзниками на постсоветском пространстве и в Восточной Европе.

Неудивительно, что капитализму противопоставляется социализм как прогрессивный строй, который «позволит преодолеть эксплуатацию человека человеком, расточительный характер капиталистического производства и потребления». В предвыборной программе КПРФ отмечается, что «строительство обновленного социализма, социализма XXI века» опирается на «фундамент исторической преемственности» и «самобытной культурной и нравственной традиции», для которой характерны «общинность, коллективизм и патриотизм» [Там же]. На первый взгляд создается впечатление, что в предвыборном дискурсе КПРФ действительно устанавливается непротиворечивая связь между выбранным политическим курсом на социализм и провозглашаемыми базовыми ценностями, составляющими российскую политическую идентичность. Однако представляет ли собой такая концептуализация социализма попытку контрреволюционной артикуляции, которая, с точки зрения постструктуралистской теории Лаклау и Муффа, должна наполнять новым смыслом общие для обеих артикуляций «плавающие» означающие и тем самым составлять альтернативу «реставрации капитализма»?

При первом приближении оказывается, что в предвыборном дискурсе КПРФ «капи-

тализм» и «глобализация» принимают форму не «плавающих» означающих, а радикального «инога», чистого отрицания российского «я»: **эгоизм** противопоставлен **общинности** и **коллективизму**, **космополитизм** — **патриотизму**, **насилие** — идеалам **добра**, **бездуховность** — **традиции**, **эксплуатация** — **справедливости** и **равноправию**. Таким образом, две артикуляции — партии власти и КПРФ — находятся в отношениях антагонизма, когда, с одной стороны, происходит фиксация идентичности как основы субъектности за счет вытеснения альтернативных вариантов артикуляции идентичности, с другой стороны, «в ситуации полной замкнутости структуры и фиксации всех идентичностей царит полное предопределение, которое не оставляет места ни для решения, ни для его субъекта», поскольку именно «принципиальная неразрешимость любой структуры является предпосылкой существования политики как сферы принятия решений» [Морозов 2009: 77]. Неудивительно, что слабость и необедительность предвыборной программы КПРФ становится особенно очевидной при попытке превратить «стратегические цели партии» в комплекс «первоочередных мер по их реализации».

Каким образом неспособность сформулировать действенную политическую программу связана с функционированием в предвыборном дискурсе КПРФ означающего «безопасность»? Если опираться на концептуальный анализ «безопасности», предложенный Дэвидом Болдвином в 1990-е гг. и рассмотренный нами в начале этой статьи, безопасность предполагает низкую вероятность угроз для референта, который является носителем значимых ценностей. Одновременно с утверждением ценностей безопасность как дискурсивная практика эксплицитует и те угрозы, которым эти ценности подвергаются. Результатом безопасности является определенная иерархия общественных приоритетов и неотложных угроз, а также комплекс первоочередных мер по их устранению. Таким образом, «безопасность» как ключевое означающее дискурса конституирует секьюритизирующего актора (государство, политическую партию) в качестве политического субъекта, наделяя его ответственностью за выживание социально значимого референта и легитимностью. К этому базовому постулату теории речевых актов постструктуралистская теория дискурс-анализа добавляет еще один: «постулирование угроз безопасности сообщества оказывается наиболее удобной формой идеологии „консолидации“, то есть установления отношений эквивалентности между различ-

ными универсальными смыслами и порождения единой, внутренне непротиворечивой идентичности» [Морозов 2009: 227].

Однако данная функция конституирования политической субъектности не реализуется в тексте предвыборной программы КПРФ, поскольку «безопасность» не функционирует в нем в качестве ключевого означающего: в тексте объемом 4452 слова «безопасность» встречается всего 2 раза, а в качестве референтного объекта безопасности указываются то «граждане», то «страна». Неслучайно в отсутствие «безопасности» призывы объединить социально-классовую и национально-освободительную борьбу не могут быть зафиксированы в дискурсе посредством установления «внутренних» отношений эквивалентности между универсальным и национальным, идеологией социализма и российскими ценностями и вытеснения «вовне» угроз самосохранению России и победе труда над капиталом. Вместо этого недопустимость реставрации капитализма в России в 2015 г. утверждается посредством проведения исторической аналогии: «...история вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917, и в 1941 годах: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в колонию».

Напротив, в предвыборном дискурсе партии «Справедливая Россия» ключевое означающее «безопасность» непосредственно включается в цепочки эквивалентности и различия. В тексте предвыборной программы партии 45 страниц из 104 посвящены обсуждению проблем социальной и национальной безопасности. Провозглашаемые партией базовые ценности справедливости, свободы и солидарности подтверждаются также и выбором социума в качестве референтного объекта безопасности: индивидуальная свобода невозможна без социальной защищенности и социальной справедливости, которая обеспечивает «распределение благ в соответствии с трудовым вкладом и способностями человека». В свою очередь, идея социальной справедливости «способна пробудить самосознание и достоинство миллионов россиян, объединить их на пути в будущее», т. е. может помочь преодолеть социальную разобщенность на пути к солидарности [Программа партии «Справедливая Россия»: 5—6]. Наконец, солидарность российского социума является залогом сохранения целостности и независимости российского государства.

Действительно, предвыборный дискурс партии «Справедливая Россия» можно концептуализировать как альтернативную, контр-

гегемонистскую артикуляцию по отношению к гегемонистскому дискурсу партии власти. Во-первых, по аналогии с предвыборной программой КПРФ, все ключевые означающие предвыборного дискурса «Справедливой России» «сливаются» в единую позитивную идентичность. При этом каждому «позитивному» ключевому означающему соответствует «негативный» смысл, который приписывается политике партии власти и потому выносится «вовне» в качестве угрозы социальной безопасности. Так, в качестве основных ценностей, составляющих российскую политическую идентичность, указываются «социализм», «демократия», «гражданское общество», «право (на)», «социальное государство», «правовое государство», «справедливость», «солидарность», «социальная безопасность». Соответственно, этим идеалам и ценностям противопоставлены следующие характеристики российской действительности: «коррупция», «произвол чиновников», «социальное неравенство», «социальная разобщенность», «рыночная стихия», «угроза безопасности».

Во-вторых, в противоположность КПРФ, партия «Справедливая Россия» провозглашает курс на новый социализм, и новизна его заключается в необходимости сделать рыночную экономику социально ориентированной, поскольку «рынок ни в коей мере не противоречит социалистическим идеалам». Более того, новый социализм стремится установить цивилизованные рыночные отношения, он «наследует весь предшествующий опыт человеческой цивилизации, в том числе и рыночный опыт с его новейшими технологиями, социальными программами, демократическими правами и свободами» [Программа партии «Справедливая Россия»: 1, 10]. Угрозой социальной безопасности выступает не рынок как таковой, а «рыночная стихия», «неограниченная власть рынка», контроль над которой должен перейти от олигархии к гражданскому обществу и государству. Таким образом, включение в антагонистическую артикуляционную практику «плавающего» означающего «рынок» позволяет сформулировать политико-экономическую стратегию, альтернативную по отношению к курсу партии власти. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что на выборах в городскую думу Нижнего Новгорода 13 сентября 2015 г. партия «Справедливая Россия» сумела перехватить инициативу по представлению мнений и интересов «протестного» электората у КПРФ.

На основе проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы.

Теория постструктуралистского дискурс-анализа позволяет критически переосмыслить безопасность и концептуализировать ее как дискурсивную практику, которая утверждает и конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Именно включение «плавающего» означающего «безопасность» позволяет «замкнуть» цепочку ключевых смыслов и актуализировать базовые, составляющие основу политической идентичности ценности через проведение границы между «внутренним» миром и «внешним» пространством хаоса и угроз. В то же время, как показывает проведенный анализ предвыборного дискурса российских политических партий, успешная секьюритизация общественно значимых ценностей имеет место в ситуации гегемонии, когда границы между «я» и «другим» не зафиксированы полностью и не исключают наличия «плавающих» означающих, которые необходимо вписать в цепочки эквивалентности и наполнить смыслом. Таким образом, в рамках постструктуралистской теории дискурс-анализа ставится вопрос об ответственности субъекта — секьюритизирующего актора — за выбор смыслов, то есть за то, будет ли дискурс двигаться в сторону большей агрессивности или большей толерантности.

ИСТОЧНИКИ

1. Программа партии «Справедливая Россия». М., 2015. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_13.html (дата обращения: 14.11.2015).
2. Программа КПРФ. 2015. URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 09.11.2015).

ЛИТЕРАТУРА

3. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие / пер. с англ. А. А. Медниковой; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22—130.
5. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / пер. с англ. А. А. Медниковой; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170—195.
6. Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23.
7. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2009.
8. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2003.
9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — London: Lynne Rienner, 1998.
10. Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Neorealism and Its Critics / ed. by R. Keohane. — New York: Columbia Univ. Pr., 1986. P. 204—254.
11. Gregory D. Foreword / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York: Lexington Books, 1989. P. XIII—XXI.
12. Hansen L. Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War. — London; New York: Routledge, 2006.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. — London: Verso, 1985.

14. McSweeney B. Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London: SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 121—134.

15. Shapiro M. J. Textualizing Global Politics / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York : Lexington Books, 1989. P. 11—23.

16. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13, no. 3.

17. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / ed. by D. Howarth, J. Torfing. — Houndmills ; New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 1—32.

18. Wæver O. Identity, communities and foreign policy: discourse analysis as foreign policy theory // European Integration and National Identity / ed. by L.Hansen, O. Wæver. — London : Routledge, 2002. P. 20—49.

19. Wæver O. Securitization and Desecuritization // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London : SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 66—98.

N. N. Morozova
Nizhny Novgorod, Russia

**SECURITY AS A SPEECH ACT AND DISCURSIVE PRACTICE:
ON THE QUESTION OF CONSTRUCTING POLITICAL IDENTITY**

ABSTRACT. *The article makes an attempt to give a new interpretation to the notion of “security” from the position of the theory of speech acts and the theory of discourse analysis. The theory of post-structuralist discourse analysis allows critical rethinking of security and conceptualizing it as a discursive practice which proclaims and constitutes the political society on behalf of which it is articulated. It is the inclusion of “flexible” lexemes of “security” that makes it possible to “connect” the chain of key meanings and actualize basic constituent political identity values through differentiating the “interior” world and the “exterior” space of chaos and menace. At the same time, the undertaken analysis of pre-election discourse of Russian political parties and successful securitization of socially significant values takes place in conditions of hegemony when the boundaries between “me” and “alien person” have not been fully fixed and do not exclude the presence of “flexible” lexemes which must be included in the chains of equivalence and filled with sense. So the post-structural theory of discourse analysis raises the question about the responsibility of the subject – securitizing actor – for the choice of meanings, in other words, for the direction of discourse development – to greater aggressiveness or higher tolerance. The article considers the textual interpretation of securitization (socially produced speech act which empowers politicians with legitimacy and the right to take urgent measures to neutralize the existing menaces in circumvention of the rules or contrary to the law) and the contextual interpretation (taking into account the specificity of the menace).*

KEYWORDS: security; speech act; discursive practice; political identity; tolerance.

ABOUT THE AUTHOR: Morozova Natalia Nikolaevna, Associate Professor of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Faculty of the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.

REFERENCES

1. Programma partii «Spravedlivaya Rossiya». M., 2015. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_13.html (data obrashcheniya: 14.11.2015).

2. Programma KPRF. 2015. URL: <http://kprf.ru/party/program> (data obrashcheniya: 09.11.2015).

3. Morozov V. E. Rossiya i Drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.

4. Ostin Dzh. L. Slovo kak deystvie / per. s angl. A. A. Mednikovoy ; pod obshch. red. B. Yu. Gorodetskogo // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 22—130.

5. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov / per. s angl. A. A. Mednikovoy ; pod obshch. red. B. Yu. Gorodetskogo // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 170—195.

6. Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23.

7. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2009.

8. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2003.

9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — London : Lynne Rienner, 1998.

10. Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Neorealism and Its Critics / ed. by R. Keohane. — New York : Columbia Univ. Pr., 1986. P. 204—254.

11. Gregory D. Foreword / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York : Lexington Books, 1989. P. XIII—XXI.

12. Hansen L. Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War. — London ; New York : Routledge, 2006.

13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. — London : Verso, 1985.

14. McSweeney B. Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London: SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 121—134.

15. Shapiro M. J. Textualizing Global Politics / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York : Lexington Books, 1989. P. 11—23.

16. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13, no. 3.

17. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / ed. by D. Howarth, J. Torfing. — Houndmills ; New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 1—32.

18. Wæver O. Identity, communities and foreign policy: discourse analysis as foreign policy theory // European Integration and National Identity / ed. by L.Hansen, O. Wæver. — London : Routledge, 2002. P. 20—49.

19. Wæver O. Securitization and Desecuritization // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London : SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 66—98.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Романова.

Ю. С. Патисова
Москва, Россия

ОБРАЗ РОССИИ И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

АННОТАЦИЯ. Финансовое благополучие является одной из составляющих позитивного образа государства. Цель данной статьи заключается в выявлении тенденций представления финансового кризиса в публичных обращениях президентов РФ. Методом исследования является сопоставление трех посланий президента Федеральному собранию РФ (1999, 2008 и 2014 гг.) и выявление лингвистических особенностей представления ситуации финансового кризиса, нацеленных на формирование позитивного образа государства. Послание президента Федеральному собранию 1999 г. критикует текущую власть и в незначительном количестве содержит упоминание о традиционных ценностях, направленных на сплочение общества. В послании президента Федеральному собранию 2008 г. формируется образ оппонента России — США, ответственного за все происходящие финансовые трудности; образ России дополнен традиционными ценностями. Послание президента Федеральному собранию 2014 г. декларирует основные ценности, следование которым позволит преодолеть любые трудности, в том числе и финансовый кризис. В выводах прослеживается движение российской политической риторики от насущных текущих проблем к декларированию вечных ценностей и решению текущих задач исходя из этих ценностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: президентская риторика; образ России; финансовый кризис; послание Федеральному собранию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Патисова Юлия Сергеевна, аспирантка кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й ГУМ, к. 955; e-mail: yuliatomova@gmail.com.

Финансовое благополучие государства является одним из условий позитивного восприятия образа государства внутри страны. Этот тезис подтверждают данные социологического анализа. Согласно исследованиям ВЦИОМ, экономика и инфляция стали наиболее актуальными проблемами 2015 г. [ВЦИОМ, Пресс-выпуск].

Экономический кризис провоцирует ухудшение настроений в обществе, что можно наблюдать в Индексе положения дел в стране или в Индексе социальных ожиданий: резкое падение показателя, связанного с позитивным взглядом на будущее страны, мы видим именно в 1998 г., в первой половине 2009 г. и в первом квартале 2015 г. [ВЦИОМ, Индексы].

В политологических исследованиях среди составляющих позитивного имиджа России называется имидж российской экономики (наряду с имиджем власти, российской демократии, информационной политики и Вооруженных сил РФ) [Галумов 2004: 30].

В этой связи становится актуальным лингвистическое исследование политических текстов, нацеленных на формирование позитивного образа государства в обществе в условиях финансового кризиса.

Возможность воздействия комплекса лингвистических средств на восприятие образа государства обществом доказывается, в том числе и в исследованиях ученых-политологов. Специалисты определяют образ государства как динамичный и целенаправленно формируемый элемент политической коммуникации. [Федякин 2005: 35]. Образ государства — не просто набор стереотипных представлений, в той или иной степени соответствующих действительности; образ государства можно и должно це-

ленаправленно формировать. «Тот, кто завладел символами, в которых на данный момент сконцентрировалось общественное чувство, может контролировать подходы к общественной политике» [Липпман 2004: 204].

В начале 2000-х гг. в России практически не предпринималось попыток сформулировать в символической форме обобщенное «эго» страны. В политологических исследованиях имиджа России рубежа веков доказывается, что отсутствие позитивного образа России приводит к падению доверия широких слоев населения к власти, непониманию сути происходящего в стране [Галумов 2004: 30]. Это явление было обозначено как отсутствие постсоветского идентификационного кода [Богдан 2006: 3].

В качестве сопоставления обратим внимание на особенности американской модели формирования позитивного образа государства. Национальная информационно-коммуникационная структура США очень хорошо развита. Аппарат президента занимается формированием позитивного образа государства внутри страны, а единство интерпретации событий между государством и СМИ обеспечивает действие Патриотического акта («USA Patriot Act»). Поддержанием позитивного образа США занимается большое количество институтов. Это приводит к высокой степени интеграции содержания внутреннего и международного образов США [Федякин 2009: 78—126].

Последний пример не подразумевает необходимость копирования американского опыта построения позитивного образа государства Россией. Он должен продемонстрировать, насколько серьезно институционализирован может быть этот вопрос.

Исследователи политического дискурса неоднократно замечали, что власть и убеждение нации неразрывно связаны друг с другом, что заставляет институт президентства функционировать эффективно [Тазмина 2001: 9]. Однако нельзя сказать, что оценка образа государства обществом зависит исключительно от успешности его представления в политической коммуникации. На общественное мнение оказывают влияние и собственные ожидания, негативные образы государства, представляемые оппонентами власти, а также реальное окружение социума [Галумов 2004: 47]. Всё же исследователи СМИ справедливо отмечают преобладание информации, почерпнутой из массмедиа, над личным опытом в процессе концептуализации политического пространства [Шейгал 2012: 121]. Кроме того, позитивный образ государства способствует обозначению его интересов в информационной сфере, связанных с обеспечением национальной безопасности, сохранением суверенитета и территориальной целостности страны [Федякин 2009: 5].

Перечислив основные теоретические положения, обосновывающие целесообразность исследования лингвистического представления образа государства, обратимся непосредственно к анализу материалов.

Для исследования был выбран жанр послания президента РФ Федеральному собранию. Данный выбор определен следующими факторами.

1. Необходимость выступления президента перед парламентом регулируется основным законом — Конституцией РФ (статья 84). Как правило, любая президентская речь интерпретируется как политическое действие и обеспечивает функционирование государства [Рождественский 2006: 92], т. е. можно говорить о «перформатизации» высказываний президента [Гаврилова 2005: 25]. «Президентская речь создает эффект правления» [Тазмина 2001: 33]. Однако содержательно ежегодное послание президента не является нормативным правовым актом, т. е. не может рассматриваться как юридический документ. Послание Федеральному собранию относится к ориентационным жанрам, представляющим собой тексты информационно-прескриптивного характера [Шейгал 2004: 246].

2. Содержание и форма послания не регламентируются. Но при этом послание президента Федеральному собранию является программным документом, содержит анализ выполнения программы социально-экономического развития и адресовано широкой аудитории.

3. Широкий временной диапазон с 1998 г. по 2015 г. затрудняет поиск сопоставимых жанров. В риторической традиции новейшей истории России именно послание президента Федеральному собранию является жанром, имеющим корни в советской риторической традиции (сравнимым с отчетными докладами ЦК КПСС) и успешно приспособившимся к реалиям современных СМИ.

Таким образом, для сопоставительного анализа были выбраны послание президента Б. Н. Ельцина Федеральному собранию (1999), послание президента Д. А. Медведева Федеральному собранию (2008) и послание президента В. В. Путина Федеральному собранию (2014).

В ходе анализа мы выявляем ключевые понятия, повлиявшие на сложившуюся ситуацию экономического спада; наличие выражения субъективной модальности; ключевые ценности, консолидирующие общество для противостояния кризису.

Б. Н. Ельцин обозначил случившийся в 1998 г. финансовый кризис как неизбежный. Основными причинами кризиса называются *«тяжелый переход от плановой к рыночной экономике»*, *«уродливая переходная система»*, *«огромные экономические диспропорции, доставшиеся от советского времени»*. Однако не только наследие прошлого определяется причиной экономического спада, но и бездействие властей: *вторым фактором, приведшим к кризису, стала слабость самого государства. Она выразилась в неспособности ветвей власти принять согласованное решение даже под угрозой острейшего финансового кризиса.* Бездействие органов власти не только критикуется напрямую (*мы упустили шанс достойного выхода из сложившейся ситуации*), но и дополняется обилием лексем с префиксом *недо-* (*недореконструированность, недооценка, недоимки*) с семантикой неполноты действия. Все названные причины кризиса имеют внутривнутриполитическое происхождение. Ключевой идеей послания, способствующей интеграции общества, стала надежда на светлое будущее, связанная с темой рубежа тысячелетий: *«поколение, которому жить в XXI веке, уже родилось и подрастает»; «встречу третьего тысячелетия мы празднуем одновременно с 2000-летием Рождества Христова <...> мы вновь обращаемся к своим духовно-нравственным истокам»; «последнее десятилетие уходящего века стало для России <...> сложным идеологическим марафоном»*. Смена календарных дат несет сакральный смысл и должна вселять надежду на позитивные перемены.

Финансовый кризис 2008 г. Россия встретила самостоятельным участником внешнеполитического процесса. Сам кризис имел иной характер: он зародился в США и распространился на страны, вовлеченные в международную банковскую деятельность. В послании Федеральному собранию, озвученном 5 ноября 2008 г., тема финансового кризиса соотносится с темой конфликта в Южной Осетии. Оба события стали «серьезным испытанием» для России и развивались по схожему сценарию: «*локальная авантюра тбилисского режима обернулась ростом напряженности далеко за пределами региона, во всей Европе*»; «*Мировой финансовый кризис тоже начинался как „локальное ЧП“, экономика Соединенных Штатов потащила за собой вниз, на траекторию спада, финансовые рынки всей планеты*». Первопричиной проблем президент называет «*самонадеянный, не терпящий критики и предпочитающий односторонние решения курс американской экономики*». В дальнейшем по тексту можно наблюдать последовательное формирование образа оппонента России — США. На фоне представления Соединенных Штатов о собственном мнении как о *единственно верном и неоспоримом* обоснованность альтернативного мнения, предлагаемого властью России, подтверждается следующими ценностями: тысячелетняя история, огромная территория, неповторимая культура, мощный экономический и военный потенциал, верность традиционным ценностям. Тема финансового кризиса раскрывается с использованием метафорической модели «болезни»: *Надо прежде всего пробить образовавшиеся в экономике „финансовые тромбы“*. Стратегии преодоления кризиса называются *антикризисными лекарствами* и обозначены с использованием анафоры: институты, инвестиции, инфраструктура, инновации, интеллект.

2014 г. для России был богат на события: Олимпиада в Сочи, присоединения Крымского полуострова к России и последовавшие за этим экономические санкции. В послании президента Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. В. В. Путин нейтрально оценивает ситуацию экономического спада: *мы столкнулись с сокращением валютных поступлений и, как следствие, с ослаблением курса национальной валюты*. Само понятие «санкции» президент вводит в речь с использованием конструкции субъективной модальности «так называемые». Этот вводный оборот в данном случае сигнализирует о том, что говорящий не считает термин принадлежащим своему языку, т. е.

«так принято говорить, так говорят другие, я так не говорю» [Розина].

Истинной причиной введения ограничительных мер против России В. В. Путин называет проведение политики сдерживания: *Она проводится в отношении нашей страны многие-многие годы — всегда, можно сказать, десятилетиями, если не столетиями*. Текущая кризисная ситуация представляется результатом идеологического противоборства, а высшей государственной ценностью декларируется суверенитет: *Если для ряда европейских стран национальная гордость — давно забытое понятие, а суверенитет — слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие ее существования*. Президент предлагает рассматривать кризисный период как время новых возможностей, подчеркивает, что масштаб российской экономики должен соответствовать величию России, ее геополитической и исторической роли.

Краткий обзор трех посланий позволяет сделать следующие выводы.

1. Президент Б. Н. Ельцин представляет Россию жертвой исторического наследия. Она находится на верном пути, хотя и под недостаточно смелым руководством. Неизбежность положительных перемен (в том числе и экономических) доказывает грядущий рубеж тысячелетий.

2. В послании Д. А. Медведева экономический кризис, как и другие международные проблемы, оценивается как следствие самонадеянной политики США. Россия, наряду с другими странами, вовлечена в международные процессы и вынуждена принять последствия чужих ошибок на себя. «Болезнь» финансового кризиса излечима с помощью предложенных «антикризисных лекарств».

3. В послании 2014 г. президент В. В. Путин оценивает кризис как результат идеологического противостояния Западу. Россия вправе заявлять о собственном суверенитете и национальной гордости, отстаивать свою независимую позицию. Время финансового кризиса должно использоваться для поиска новых возможностей.

Безусловно, существуют объективные факторы, не позволяющие нам сделать однозначные выводы о динамике образа России в условиях финансового кризиса. Одним из таких факторов является значительный временной промежуток между анализируемыми выступлениями: за время с 1998 по 2014 г. произошли существенные изменения общественно-политической жизни. Вторым существенным фактором является то, что эти послания были озвучены разными президен-

тами: несмотря на провозглашаемую политическую преемственность, речь и видение ситуации имеют индивидуальные черты.

Однако полученные выводы все равно позволяют сделать некоторые обобщения. Ранее мы уже проводили аналогию между риторикой президента в условиях кризиса и бизнес-коммуникацией кризисного менеджмента [Томова 2013: 142]. Ключевым суждением кризисного менеджмента является мнение о том, что для имиджа компании равны по значимости действия по преодолению кризиса и умелое управление символами в выступлениях лидера [Boin 2005: 70].

Так, Б. Н. Ельцин в своем выступлении делает упор на те составляющие кризисной ситуации, которые можно вслед за Э. А. Галумовым обозначить как условно-динамические институциональные факторы имиджа государства [Галумов 2004: 40]: текущие экономические, социально-правовые, политические проблемы. В выступлении Д. А. Медведева условно-динамические составляющие (текущие финансовые и политические проблемы) дополнены устойчивыми символами (статическими факторами) — напоминанием об уникальной географии, истории, культуре. Выступление В. В. Путина организовано таким образом, что традиционные символы (геополитическая и историческая роль России, национальная гордость и суверенитет) доминируют по значимости над экономическими и политическими трудностями. Таким образом, наш обзор проиллюстрировал движение российской политической риторики от решения насущных текущих проблем к декларированию вечных ценностей и решению текущих задач исходя из этих ценностей.

ИСТОЧНИКИ

1. Послание президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». 1999. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/psl_prezident_rf_old/76-poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_s

Y. S. Patisova
Moscow, Russia

THE IMAGE OF RUSSIA AND THE FINANCIAL CRISIS

ABSTRACT. *Wealth of citizens is a component of a positive image of the state. The aim of the given article is to reveal the tendencies in presentations of the financial crisis in public speeches of Russian presidents. The article compares three addresses of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation (1999, 2008 and 2014). It identifies the linguistic peculiarities of the presentation of the financial crisis, aimed at the formation of a positive image of the state. The President's address to the Federal Assembly of 1999 criticizes the current government. It contains several appeals to traditional values aimed at consolidating the society. The President's address to the Federal Assembly of 2008 forms the image of the Russian opponent — the United States, responsible for the current financial difficulties; Russia's image is completed by traditional values. The 2014 President's address declares the core values, adherence to which will help overcome any difficulties, including the financial crisis. In conclusion, the author states that the Russian political rhetoric moves from important current problems to declaration of eternal values and solution of the current problems taking into account these values.*

KEYWORDS: *presidential rhetoric; the image of Russia; financial crisis; address to the Federal Assembly.*

ABOUT THE AUTHOR: *Patisova Yuliya Sergeevna, Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

obraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepokh_1999_god.html (дата обращения: 29.10.2015).

2. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2008. 5 нояб. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения: 29.10.2015).

3. Послание Президента Федеральному Собранию. 2014. 4 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 29.10.2015).

ЛИТЕРАТУРА

4. Богдан Е. Н. Медиа-образ России как фактор преодоления идентификационного кризиса (по материалам газет в моменты общественного напряжения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

5. ВЦИОМ. Индексы социального самочувствия. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 29.10.2015).

6. ВЦИОМ. Индекс социальных ожиданий. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidaniy/ (дата обращения: 29.10.2015).

7. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2941. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115408> (дата обращения: 29.10.2015).

8. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2005.

9. Галумов Э. А. Международный имидж современной России (политологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2004.

10. Липпман У. Общественное мнение. — М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004.

11. Рождественский Ю. В. Теория риторики : учеб. пособие / под ред. В. И. Аннушкина. 4-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2006.

12. Розина Р. А. Так называемый: семантика вводных мета-языковых оборотов. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm#_ftn1 (дата обращения: 29.10.2015).

13. Томова Ю. С. (Патисова Ю. С.). Судительные аргументы как способ формирования образа государства // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (45). С. 139—143.

14. Федякин А. В. Образ России: национальные интересы и приоритеты. — М. : Соц.-полит. мысль, 2005.

15. Федякин А. В. Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. — М. : МИИТ, 2009.

16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

17. Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 121—161.

18. Boin A., Hart P., Stern E., Sundelius B. The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2005.

REFERENCES

1. Poslanie prezidenta Rossii Borisa El'tsina Federal'nomu sobraniyu RF: «Rossiya na rubezhe epokh». 1999. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/psl_prezident_rf_old/76-poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepokh_1999_god.html (data obrashcheniya: 29.10.2015).
2. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii. 2008. 5 noyab. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (data obrashcheniya: 29.10.2015).
3. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 2014. 4 dek. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (data obrashcheniya: 29.10.2015).
4. Bogdan E. N. Media-obraz Rossii kak faktor preodoleniya indentifikatsionnogo krizisa (po materialam gazet v momenty obshchestvennogo napryazheniya) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2006.
5. VTsIOM. Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (data obrashcheniya: 29.10.2015).
6. VTsIOM. Indeks sotsial'nykh ozhidaniy. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidaniy/ (data obrashcheniya: 29.10.2015).
7. VTsIOM. Press-vypusk № 2941. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115408> (data obrashcheniya: 29.10.2015).
8. Gavrilova M. V. Lingvokognitivnyy analiz russkogo politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 2005.
9. Galumov E. A. Mezhdunarodnyy imidzh sovremennoy Rossii (politologicheskii analiz) : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. — M., 2004.
10. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. — M. : In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004.
11. Rozhdestvenskiy Yu. V. Teoriya ritoriki : ucheb. posobie / pod red. V. I. Annushkina. 4-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2006.
12. Rozina R. A. Tak nazyvaemyy: semantika vvodnykh metazykovykh oborotov. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm#_ftn1 (data obrashcheniya: 29.10.2015).
13. Tomova Yu. S. (Patisova Yu. S.). Suditel'nye argumenty kak sposob formirovaniya obraza gosudarstva // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (45). S. 139—143.
14. Fedyakin A. V. Obraz Rossii: natsional'nye interesy i priority. — M. : Sots.-polit. mysl', 2005.
15. Fedyakin A. V. Zarubezhnyy opyt politiki formirovaniya pozitivnogo obraza gosudarstva: sravnitel'nyy analiz teorii i praktiki. — M. : MIIT, 2009.
16. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004.
17. Sheygal E. I. Yazyk SMI i politika v semioticheskom aspekte // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2012. S. 121—161.
18. Boin A., Hart P., Stern E., Sundelius B. The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

О. А. Солопова
Челябинск, Россия

**ЗНАЧИМЫЙ «ДРУГОЙ»: РОССИЯ И АМЕРИКА
(ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА)**

АННОТАЦИЯ. Лингвополитическая прогностика — новое направление в исследовании политического дискурса, которое предполагает системное объединение положений прогностики, политологии и когнитивной лингвистики. Используя инструментарий прогностики, политологии и когнитивной лингвистики, лингвополитическая прогностика изучает модели и сценарии будущего, материалом для конструирования которых служат поисковые прогнозы авторов аналитических статей политического дискурса (прогностические политические тексты) различных хронологических срезов. Ключевой единицей познания является когнитивная метафора. В настоящей статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики на материале американского политического дискурса XIX века. Ретроспективная модель будущего представляет собой систему концептуальных допущений о положении дел в будущем России с точки зрения прошлого (1855—1881). Модель будущего не только позволяет представить альтернативы развития настоящей ситуации в развернутой форме, но и проникнуть в прошлое и изучить его, поскольку понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвополитическая прогностика; политический дискурс; будущее; категория прогностичности; прогностический политический текст; метафора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая лингвистика» Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета); адрес: 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

В последние десятилетия отношения между Вашингтоном и Москвой постоянно балансируют между дружбой и противостоянием: за «медовым месяцем» следуют скандалы и ссоры, на смену оттепелям приходят охлаждение и непонимание, что заставляет журналистов, политиков, политологов прогнозировать вероятные перспективы развития российско-американских отношений, поскольку отношения двух стран на протяжении столетий имеют ключевое значение не только непосредственно для России и США, но и для настоящего и будущего иных стран — участниц мировой политики.

Политическая деятельность, любое политическое действие, активные участники политических процессов ориентированы на перспективу, что выдвигает категорию прогностичности как содержательную категорию политического дискурса на первый план и обуславливает актуальность лингвополитической прогностики — нового направления в исследовании политического дискурса, возникшего на стыке прогностики, когнитивной лингвистики и лингвополитологии. Будущее как предмет общения и объект рефлексии оказывается востребованным и значимым для политического дискурса: результат любого политического действия (поскольку оно актуально и не завершено) с неизбежностью отсылает к будущему — к тому, чего еще нет. В этой перспективе видится любое настоящее событие.

Политическое предвидение «практически вовлечено в создание реальности того, о чем оно возвещает, тем, что предвидит его и позволяет предвидеть, делает его прием-

лемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести» [Бурдые 2003: 34]. Политическое настоящее предстает как поле возможностей, ориентиром для которого служит будущее: когда общества «проецируют себя в будущее <...> они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности» [Шмитт 2008: 132]. Как отмечают О. Ф. Русакова и Д. А. Максимов, дискурсы представляют собой «мощный властный ресурс, посредством которого государственные и общественные институты осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию» (настоящее), «конструируют и продвигают те или иные образы реальности» (будущее) [Современные теории дискурса 2006: 26].

Настоящее и будущее неразрывно связаны между собой. Процесс моделирования будущего по сути является процессом познания человеком и обществом настоящего: человек и общество не столько отражают окружающий мир, сколько строят его, организуют в соответствии с собственными установками, целями и желаниями, формулируют приоритеты будущего, конструируют его образ. «Политическое настоящее получает смысл, определяемый возможностями и ресурсами целенаправленного воздействия на развитие ситуаций в желательных направлениях» [Кара-Мурза 2011: 11], т. е. анализ событий политической действительности нацелен на определение важнейших факторов развития ситуации настоящего, возможностей их изменения для получения жела-

тельного результата, общего вектора развития и конкретных целей.

Однако правильное решение любой политической задачи требует знания методов, лучших путей ее решения, обращения к истории всего человечества и к истории государства, упомянутого в задаче. Поэтому перед прыжком в будущее носители нового мироощущения неизбежно отступают по-дальше в минувшее, выбирая траекторию для разбега: в прошлом заложены причины текущего состояния, оно позволяет понять настоящее, объяснить будущее: «Присутствие прошлого в настоящем делает возможным присутствие настоящего в будущем» [Bourdieu 1997: 251]. В политическом дискурсе прогнозирование грядущих событий опирается на анализ предыдущих состояний: «общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты» [Шмитт 2008: 132]. Прогностичность политического дискурса оказывается неразрывно связанной с ретроспективой.

Будущее синтезирует в себе «акт ретроспективного анализа как выявление тенденций развития из прошлого, акт логического суждения как попытку осмыслить настоящее и акт воображения и интуитивного выбора субъекта прогноза как вариант проспективного видения» [Асеева 2010: 13]. Рефлексия человечества в познании будущего в различных отраслях научного знания непременно отталкивается от полученного опыта и настоящих тенденций, то есть неизменно соотносится с прошлым и настоящим, которые придают будущему осмысленность, направленность, временную перспективу и ретроспективу.

Будущее встроено в политический контекст настоящего и определено прошлым. Артикуляция альтернативных политических установок предполагает моделирование общественно-политической ситуации настоящего, ревизию прошлого опыта, переструктурирование смыслов для создания политических возможностей и ожиданий будущего. Нераздельная связь будущего с настоящим и прошлым представляет собой хронологическую модель времени, на базе которой и строятся прогнозы будущих событий. Репрезентация общественно-политической ситуации осуществляется за счет моделирования образов определенного пласта реальности (прошлого, настоящего, будущего): либо в совокупности аксиологической значимости данных темпоральных концептов для социума, либо в моделировании отдельных фрагментов прошлого и настоящего и их влияния на формирование и концептуализацию мо-

дели будущей реальности, именно поэтому лингвополитическое прогностическое исследование включает ретроспективный анализ, который предполагает историческую репрезентацию моделей будущего.

В настоящей статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики на материале американского политического дискурса XIX века (1855—1881).

Материал исследования включает разнонаправленные по концептуальной и стилистической дифференциации прогностические тексты, в каждом из которых репрезентируются множественные образы будущего России, что позволяет представить разнополярные сценарии будущего (как мрачные, так и светлые), из множества индивидуальных образов собрать, как мозаику, представление о будущем России и избежать возможной «пристрастности» того или иного «эксперта» в случае выбора однотипных изданий. Кроме того, в исследованиях по истории и историографии отмечается, что в США собственные политические различия (демократы, республиканцы) в исследуемый период практически не влияли на отношение к России. К примеру, среди демократов, занимавших пост посланника США в Санкт-Петербурге, встречались «руссофоб» Дж. Рэндолф и «руссофил» Дж. Бьюкенен, среди посланников-вигов были невзлюбивший Россию Нейл С. Браун и завязавший обширные контакты и позднее пропагандировавший русские успехи Чарльз С. Тодд [Курилла 2005]. Ошибочным представляется также распространенное в историографии суждение о большей симпатии, которую якобы испытывали к Российской империи южане-рабовладельцы.

К важнейшим факторам, определявшим оценки американцами настоящего Российской империи и ее вероятного будущего, относят векторы ее внешней политики и отношение России к революционным движениям в Европе.

В XIX веке Российская империя является одним из главных мировых политических центров, где принимаются решения, касающиеся геополитических проблем. Россия обладает значительными возможностями для эффективного решения своих внешнеполитических задач по защите собственных границ и по расширению территории в соответствии с национальными, геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами страны. Россия является великой державой, которой следует держаться, именно поэтому в американском политическом дискурсе ретроспективного сре-

за будущее Российской империи и США часто моделируется в одном контексте: ***They are new nations, emerging like Minerva from the head of Jupiter, full armed and equipped from the civilization of the old world. They must run their career of growth and glory, and if left to run it freely I believe the grace of God will enable them to pursue that career for the profit and blessing of our common humanity. Russia and the United States of America can rule the world*** (The New York Times, 03.12.1861 (US)).

Обе страны являются «новыми» державами, примерно в одно и то же время начавшими принимать деятельное участие в делах Европы, но так и не ставшими Европой [Курилла 2015]. Осознавая собственную исключительность и миссию, Россия и США противопоставляют себя Европе; дистанцируясь от нее, создают новую «свою» реальность. Две молодые державы, словно Минерва, родившиеся из головы верховного бога, старой Европы, в полном облачении: в латах, шлеме, с мечом и щитом — готовы в будущем поделить между собой мир.

Интересно отметить, что в политическом дискурсе США для моделирования будущего двух стран (России и Америки) в одном контексте активно используются метафорические единицы фрейма «Небесные тела» (метафорическая модель «Неживая природа»): ***As we look into the future, with the past and the present for our guides, we see two great objects looming up conspicuously above all others, Russia and the United States, each one having double the population that is now possessed by all Europe*** (New York Advertiser, 15.03.1865 (US)). Единицы рассматриваемого фрейма репрезентируют будущее двух планет-гигантов — Российской империи и США, прогнозируя размах и масштабность будущих преобразований, удаленность двух держав от государств Старого Света.

Будущее России и США — это рост, экспансия, слава и триумф на благо всего человечества: ***The great republic and Russia undoubtedly mean to expand; it is their manifest destiny; but it is unlikely that in fulfilling their mission they will copy the selfish and unscrupulous policy of England and France*** (Sacramento Daily Union 18.10.1866 (US)). По мнению ряда исследователей, в XIX веке определяющими факторами в развитии двух стран являлись экспансия и колонизация (В. О. Ключевский, D. W. Treadgold, F. J. Turner). Обе страны являлись примерами долговременной и планомерной стратегии экспансии. Им предначертаны судьбой завоевание территорий и освоение земель, что, безусловно, окажет влияние на будущее всего мира.

Америка, магистральной линией развития с первых дней существования которой является экспансия в континентальной и колониальной формах (от первого территориального приобретения независимых Соединенных Штатов — покупки штата Луизианы у Франции (1803 г.) до фиксации основного массива американской территории в результате покупки территории у Мексики (1853 г.) [Миньяр-Белоручев, 2009]), считает территориальное расширение государства столбовой дорогой к мировому господству: ***If Russia and America were once closely allied, they must divide Europe and America between them and rule the world*** (Sacramento Daily Union, 20.10.1863 (US)). Америка отчасти видит в Российской империи себя, свои собственные амбициозные устремления, цель которых — доминировать на международной арене: ***The ultimate hope of the Russian is to rule the East, and so to make his nation mighty in Europe also*** (The Daily Journal, 22.04.1867 (US)). Исторически и географически Россия обладает рядом параметров великой державы: значительная по масштабам территория, большая численность населения, самобытность и самодостаточность культуры, однако достижение статуса сверхдержавы без экспансии невозможно.

Имперские амбиции и экспансионистская политика считаются благотворным для государства фактором, движущей силой, обеспечивающей движение страны по прогрессивному пути развития, поскольку таков путь самой Америки. В американском дискурсе в целом дается положительная оценка доминированию Российской империи на европейском пространстве, возможной территориальной экспансии страны и, следовательно, военным конфликтам: ***With Russia dominant at Constantinople, a Russian navy on the Black sea, there is a power, when once firmly established, that could dictate to Europe. England will not allow Russia to occupy Constantinople and it is equally transparent that Russia will not yield up the results of the late war. Whether the two powers can strike a line where their interests will not conflict remains to be seen. At present it looks decidedly war-like*** (Ogdensburg Advance and St. Lawrence Weekly Democrat, 18.04.1878 (US)).

При моделировании экспансионистских действий страны в настоящем и в будущем наиболее частотны лексические единицы *to absorb* (поглощать, всасывать), *to swallow* (поглощать, проглатывать): ***Russia is the progressive, ambitious and absorbing power of the East. In any event we shall see the aggrandizement of Russian influence in the***

East (Springfield Republican, 23.12.1876 (US)); *Our friend and ally, Russia, is fast swallowing the greater portion of the Asiatic Continent* (Sacramento Daily Union, 21.11.1877 (US)). Для рассматриваемых единиц характерен общий компонент «вбирать в себя, проглатывать с жадностью, быстро или в большом количестве», что позволяет смоделировать широкомасштабную экспансию Российской империи, скорость достижения поставленных результатов, включение присоединенных в настоящем и в будущем территорий и проживающих на них народов в зону ассимиляционного воздействия России.

В американском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза поглощение Российской империей иных территорий оценивается положительно, воспринимается как историческая данность, как проявление общемировой экспансии, намечается выход на новые исторические рубежи экспансии. Экстралингвистическими факторами, влияющими на формирование позитивной оценки территориального расширения Российской империи, являются активная экспансия самих США, длительный период союзнических отношений России и США, интенсивность русско-американских контактов в рассматриваемый исторический период. Лингвистическими средствами позитивной оценки экспансионистских устремлений России является включение в единый ряд следующих характеристик Российской империи, воспринимаемых как контекстуальные синонимы: «прогрессивная, амбициозная, всепоглощающая» (*progressive, ambitious and absorbing*), — предвосхищение новых перспектив экспансии (*we shall see the aggrandizement of Russian influence*), прямые номинации «друг», «союзник» (*our friend and ally*), транслирующие идею единообразного видения внешнеполитических устремлений государства.

Позитивно нагруженные компоненты «бережливости», «сохранности» собственности актуализирует метафора «прижимистость»: ***Russia is extensive but inexpensive. It is not the custom of Russia to retreat from an advance, and what she has gained she hardly ever relinquishes*** (Sacramento Daily Union, 22.12.1866 (US)). Прижимистость, нерасточительность как метафорические черты характера Российской империи, атрибутированные ей в американском политическом дискурсе, моделируют расчетливое, продуманное, экономное и бережливое отношение страны к территориальным ресурсам.

Востребована в моделировании будущего Российской империи физиологическая метафора, в рамках которой наиболее ак-

тивны единицы слота «Верхние конечности» (arm, hand): ***Russia is constantly spreading out her arms and her conquests toward the British Indian possessions, and some day they must be divided only by a boundary line*** (Daily Alta California, 02.11.1872 (US)). Российская империя «кладет, простирает руки, протягивает руки вперед, держится руками, опирается на них», стремясь захватить как можно больше территориального пространства и занять его собой. Активность метафорических единиц субсферы-донора «Руки» обусловлена спецификой моделирования будущего Российской империи (территориальная география России будущего), дискурсивными факторами (активная экспансия Российской империи в рассматриваемый период времени), функциями верхних конечностей, среди которых на первый план в моделировании воображаемой географии Российской империи выступают хватательная и опорная функции. Высокую активность проявляет метафора *hand* (*рука, кисть*), связанная с наиболее подвижной частью верхней конечности, соединяющей в себе силу и многостороннюю подвижность: ***With one hand she (Russia) reaches the ramparts of Constantinople; with the other, she leans upon the provinces of the Celestial Empire*** (Orleans Independent Standard, 11.01.1856 (US)). Частотное использование рассматриваемой метафорической единицы указывает на исключительную способность России выполнять многочисленные и разнообразные сложные движения в реализации внешнеполитической экспансии.

Напор и активность внешнеполитической деятельности Российской империи актуализируют единицы источниковой сферы «Животный мир». В рамках зооморфной метафоры востребованной является «медвежья» метафора: ***Just so soon as the great Northern Bear gets wind of this irritation on the part of his neighbor, he will simply turn over, give one considerable growl, make a sudden clutch and after that, all be at peace. The fact of the matter is, if Alexander wants Roumania and Servia sliced from the breast of the Turkey, his carving knife is ready for the work, and no other in Europe can stop him*** (The Benton Record, 10.11.1876 (US)). ***Both Turkey and China will one day become the Bear's prey; and, far richer and of wider extent than the old Roman Empire, Russia will spread over the two hemispheres; from the Caucasus to the Rhine, from Finland to India*** (Orleans Independent Standard, 11.01.1856 (US)). Образ северного медведя, одного из самых крупных хищников планеты, позволяет вербализовать представление о масштабности, ак-

тивности и силе Российской империи. В отличие от американского дискурса последующих столетий, где медвежья метафора имеет яркую негативную окраску (грубая сила, неотесанность, варварство, лень), в данном сегменте фрагментации на первый план при характеристике России-медведя выступают положительные качества: подвижность, энергичность, внезапность, выносливость, способность развивать большую скорость, проходить большие расстояния в поисках пищи. Подобный вектор концептуализации напрямую соотносится с характером российской экспансии в рассматриваемый исторический период, с отношением Соединенных Штатов к Российской империи, являющейся для Америки своего рода меркой, с которой последняя сравнивает собственное развитие. Медведь олицетворяет как само государство, так и его правителя, искусно отрезающего разделочным ножом куски от тел своей добычи. Авторы американских аналитических статей прогнозируют дальнейшее территориальное расширение Российской империи, акцентируя его позитивный результат: России суждено стать крупнее и богаче Римской империи, занимая территорию от Кавказа до Рейна, от Финляндии до Индии.

В политическом дискурсе США активны яркие авторские метафоры сфер-доноров неживой природы и пути, нацеленные на концептуализацию будущего российской державы, акцентирующие идею исторической обусловленности ее территориальной экспансии: *It not only was a natural tendency, but as natural as the descent of the glacier to the valleys, forging downward by a slow but irresistible pressure. Obstacles may retard the progress, but not arrest it; and Russia is but following the course of nature as well as history in pouring down nomad hordes and hardy Scythians on the more cultivated territories lying a more genial climate. Railroads and telegraphic wires supply her with means of transport and quick transit over vast spaces never enjoyed by her great predecessors in this line of march; let us hope, too, that more civilizing influences will follow her track, through regions never highly favored in this respect, than marked the passage of a Genghis Khan or a Timor* (The New York Times, 13.11.1873 (US)). Пространственная реальность Российской империи будущего, представленная в американском политическом дискурсе, интерпретируется в метафорах неживой природы. Наиболее частотной из них является метафора «ледника», медленно и уверенно спускающегося с северных вершин и погребаящего все на своем пути, метафора глыбы льда, которая вряд ли рас-

тает. Метафора медленного, неуклонного движения ледника подчеркивает целенаправленность, размах и всеохватность экспансии Российской империи. Препятствия, возникающие на ее пути, могут лишь притормозить преобразования, но не остановить их. Метафорическая форма высказывания позволяет повысить степень интенсивности и эксплицитности эмоций, оказывая требуемый воздействующий эффект на адресата при описании великого политического будущего империи, которая непременно должна двигаться вперед: территориальное расширение Российской империи является естественно-историческим процессом, реализацией ее исторической миссии, определяющей судьбу русского народа в его настоящем, прошлом и будущем.

Метафора «ледника» передает идею масштабности, значительности происходящих и вероятных маневров Российской империи: *There is, indeed, something awe-inspiring in the calm, persistent, passionless advance of the great Northern power. It is like the progress of a glacier, but of a glacier endowed with a purpose* (Sacramento Daily Union, 15.05.1875 (US)). Бескрайние массы льда, спускающиеся с вершин, способные остановить течение крупных и мелких рек, безмолвные, бесстрастные, постоянные в своем движении, наводят на мысль о серьезной опасности, которую могут представлять тем, кто встретится на пути.

Интересно отметить, что, несмотря на разницу сфер-доноров, нацеленных на моделирование будущего России, большинство прогностических контекстов пронизано концептуальными векторами масштабности, огромности, величия (*колосс, гигант, огромный северный медведь, глыба льда времен ледникового периода* и др.): *And now it is in the way of the onward sweep of the northern Colossus, and the wild Cossacks and the grey-coated Infantry of the Czar will, ere long, win this country for their master, and bring his realm down to the Persian border, which country may next offend, and suffer alike fate. That done, Russia has an outlet to the ocean through the Persian Gulf. Thus, steadily, the great Northern Bear moves on his way, as certain and relentless as fate itself* (Daily Alta California, 02.11.1872 (US)). Положительная оценочность, заложенная в образах, обусловлена сферой-мишенью — геополитическим положением России, территорией, занимаемой Российской империей в настоящем, ее интенсивным расширением, перспективами дальнейшей экспансии, которые являются глубинным основанием значимой роли России в мировой истории: в ее про-

шлом, настоящем и будущем. В прогностическом контексте превалирует позитивная оценочность, эксплицируемая также единицами метафорической модели пути (*the great Northern Bear moves on his way*): огромный северный медведь идет избранной им дорогой, уверенный и непреклонный как сама судьба (*as certain and relentless as fate itself*); выбором видо-временной формы глагола (*moves* — Present Simple) в значении факта, истины, подтвержденных историческим развитием государства, его прошлым, настоящей внешнеполитической активностью страны и новыми перспективами. Неизменность, поступательность движения Российской империи по выбранному пути акцентируется обособленным обстоятельством образа действия (*steadily* — *поступательно, неизменно, устойчиво*).

В американском политическом дискурсе ретроспективного хронологического среза (1855—1881) меняющийся геополитический ландшафт России становится ядром прогностических рассуждений о ее будущем, о будущем Европы и всего мира. Воображаемая география Российской империи является условием существования и прогресса имперской державы. Ответ на вопрос о геополитических очертаниях Российской империи в будущем очевиден: ее пространственное расширение существенно изменит географию мира в целом.

Футуральный компонент часто интегрирован в физиологическую метафору, представляющую модель естественного развития индивидуального организма — от младенчества до зрелости, возрастная градация (детство, юность, молодость) указывает на направленность в будущее: *Russia is the one youthful empire of the Old World. The Russian race grows and gathers silently and swiftly within its mighty cradle for the overshadowing, as every Russian in his heart devoutly believes in the absorption at the appointed day of all that now strives and struggles in Europe. The progress of Russia is the march of civilization. The world is benefitted by her great movements. The manifest destiny of Russia is sure to be in its ultimate domination over Europe and Asia* (Malone Palladium, 28.07.1870 (US)). Метафора «юной империи» (*the youthful empire*) представлена в сильной позиции текста (в начале абзаца), она открывает прогностический контекст, задает ему тональность и определяет его направленность: юность империи предполагает ее активность, деятельность, энергичность, жизненную силу (*youthful* — *молодой, юный, новый, активный, деятельный, живой, энергичный*). В юности страны состоит уникальность

Российской империи, ее отличительная особенность от иных европейских держав, что акцентируется введением в контекст прилагательного *one* (*the one youthful empire; one (adj)* — *единственный, уникальный, единственный в своем роде*). Противопоставленность юной Российской империи и Старого Света, являющаяся одним из дискурсивных факторов, способствовавших сближению России и США в рассматриваемый исторический период, моделирует развитие любого государства как жизненный процесс, который проходит через определенную последовательность стадий (рождение, детство, юность, молодость, зрелость, старость, смерть). Метафорические единицы, указывающие на молодость Российской империи (*the youthful empire, the cradle*), несут в себе позитивный эволюционный заряд, стремятся в будущее, к развитию и зрелости, в отличие от старушки Европы, которая доживает свой век: Российская империя имеет все шансы достичь заветных вершин, стать ведущей империей Старого Света.

Метафора юности России, ее устремленности в будущее, постепенного неуклонного развития поддерживается единицами, вербализующими рост и развитие государства (*to grow* — *расти, вырастить, увеличиваться, усиливаться, to gather* — *собирать, накапливать, набирать (скорость, ход)*), которые, в свою очередь, акцентирует выбор видо-временных форм глагола. Значение видо-временной формы Present Continuous (продолженного действия в широком настоящем, действия в развитии в настоящий период времени) передается формами Present Simple для акцентуации факта, а не процесса, непрерывного роста Российской империи (*The Russian race grows and gathers silently and swiftly*). Ситуация, обозначаемая презентными формами глагола, переосмысливается как занимающая непрерывный временной интервал независимо от ее фактического распределения во времени.

Процессы роста, накопления сил, собирания Российской империи определяются наречиями в функции обстоятельств образа действия: наречие *swiftly* (*быстро*) указывает на скорость становления страны, на ее стремительное движение из настоящего в будущее. Наречие *silently* (*тихо*) подчеркивает незаметное для европейских держав, увлеченных внутриевропейскими конфликтами и борьбой за приобретение новых колоний (*all that now strives and struggles in Europe*), превращение государства в великую сильную державу, которая своими действиями способна существенно затронуть их

интересы. Щедро отпущенные России огромная территория и природные богатства представляют собой «мощную колыбель» (*its mighty cradle*), в которой формируется и складывается империя, колыбель, определяющая место и значение страны в мире, ее роль, уникальную цивилизационную миссию, перспективы и возможности, которые она сможет реализовать в будущем.

Положительная оценочность, заложенная в физиологической метафоре «юная империя», объясняется субъектоцентричностью прогностического текста / контекста: сами США являются по меркам Старой Европы молодой державой, поэтому «юность / молодость» государственного организма трактуются в позитивном ключе. Цель и миссия Российской империи обусловлены самой природой государства, которое стремится выразить свои потенциальные возможности; они состоят в экспансии влияния и в доминировании как в Европе, так и в Азии (*the overshadowing, the absorption, its ultimate domination*). Собственные амбициозные устремления Америки, цель которой — доминировать на международной арене, предопределяют смыслы, транслируемые отглагольным существительным *overshadowing* (*to overshadow — теряться в тени, вытеснять, отбрасывать тень*), модифицируя и трансформируя его основное значение, нивелируя негативную эмоциональную окраску: Российская империя станет более влиятельной, перевесит и оставит в тени иные европейские державы.

Молодость страны воплощает стремление к самореализации и указывает путь, которого следует держаться, что актуализирует метафору пути (*the progress of Russia, the march of civilization, her great movements*), которая в прогностическом тексте получает особое значение благодаря тому, что, во-первых, является воплощением единства временной триады прошлого, настоящего и будущего, предопределяя моделирование будущего как движения страны по своей естественной траектории, во-вторых, в контексте политической реальности закладывает фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности движения государства. В политическом дискурсе США яркие авторские метафоры рассматриваемой источниковой сферы нацелены на концептуализацию не просто светлого, но величественного будущего державы, путь и развитие которой влияют на судьбы мира. Представленные метафорические единицы (*the progress of Russia* (*прогресс, развитие, движение вперед, продвижение*), *the march* (*путь, эволюция, развитие, прогресс*), *her great movements* (*великие движения*)) несут в

себе позитивный заряд, актуализируя смыслы движения вперед, эволюционного пути развития, продуцируя образ светлого будущего России, которая находится на пути превращения в великую и могущественную державу — Россию, как она должна быть.

Блестящее будущее России предопределено, доминирование Российской империи в Европе зависит непосредственно от ее желания, будущее наступит в назначенный, известный ей день (*at the appointed day*). Семантика предопределенного будущего, убежденность адресата в наступлении будущих событий заложена в футурально-модальной конструкции «to be sure» (*The manifest destiny of Russia is sure to be in its ultimate domination over Europe and Asia*), имеющей значение «предположения, граничащего с уверенностью», «будущего действия с большой степенью вероятности»: судьба России очевидна — окончательное доминирование в Европе и в Азии.

Проанализированный прогностический контекст в полной мере иллюстрирует основные тенденции, типичные для моделирования будущего Российской империи в позитивном ключе в американском политическом дискурсе ретроспективного среза: Россия, несмотря на свою молодость и благодаря ей, предстает как лидер, агент экспансии. Ее вес в международных делах огромен, она является носителем определенных ценностей и потому отлична от других. Уникальный внутренний потенциал России — географический, природно-ресурсный, интеллектуальный, духовный — обуславливает возможность быть системой, обращенной к будущему и устремленной в него, системой развития и самодостаточности, которой суждено быть великой империей будущего. Именно метафора определяет «крайнюю» альтернативу будущего, выстраивая единую смысловую нить прогностического текста / контекста, на которую «нанализуются» частные смыслы, формируемые иными лингвистическими средствами.

Анализ корпуса текстов американского политического дискурса показывает, что в ретроспективном хронологическом срезе Россия и Америка выступают как друзья и партнеры, внушающие друг другу большую степень доверия: *The friendship existing between the United States and Russia, the one a free Republic, and the other a complete autocracy, is none the less configured* (Daily Colorado Miner, 21.05.1873 (US)). В дискурсе США о будущем Российской империи указанная тенденция реализуется эксплицитно при помощи специальных маркеров — прямых номинаций «друг», «союзник» (a com-

mon friendship, a good friend, traditional relations of amity and friendship, our friend and ally, a sincere friend, and a steadfast foreign friend, some notable examples of a steadfast friendship, an ally of the American Union, a convincing proof of the sincerity of the friendship between Russia and the United States, our best friend in the European family, etc.), специализированных вербальных знаков интеграции: личных и притяжательных местоимений с семантикой единства (we, they, our, their), лексем совместности (both, together, common, mutual, etc.): *Between the great Empire of Russia and the United States the mutual friendship which has so long existed still continues to prevail, and, if possible, to increase. Indeed, our relations are all that both countries could desire* (The Journal and Republican, 12.12.1860 (US)).

Америка смотрит на Россию и оценивает ее будущее через призму либерально-демократических постулатов, таких как свобода, демократия, права человека, тогда как Россия строится и стоит на других идеях и ценностях, которые заданы ее историческим развитием: *Russia has been our good friend, never our enemy, and it is not in the American heart nor in the American Government to feel toward that nation anything opposite to friendship and a hope of her future prosperity, although we may not approve wholly of the Russian system of Government* (Daily Alta California, 18.05.1877 (US)). Культ личной свободы, отличающий Америку с момента ее основания, резко контрастирует с образом самодержавной России, страны с глубоко укорененными традициями доминирования государственных интересов над индивидуальными. Несмотря на разницу в системах государственного устройства, собственные внешнеполитические интересы, капризы и изменчивость международной дружбы, две страны, по мнению американских аналитиков, являются примером прочных дружеских отношений, которые в будущем станут еще надежней и крепче: *The cordial intercourse which exists between the representatives of the two Powers wherever they meet upon common ground, is but the expression of a great political fact, to which every year promises to impart a deeper and a wider significance* (The New York Times, 26.09.1860 (US)).

Лояльные отношения между Российской империей и США, взаимное доверие и тесное сотрудничество обеих держав в военной области, начавшиеся во время Крымской войны, продолжают и в последующие годы. Кульминацией сближения двух держав становятся 1860-е годы — время Польского восстания в 1861—1863 годах и Гражданской войны в

Америке. Америку и Россию объединяет единый взгляд на политику Великобритании. Российское правительство видит в Америке будущую союзницу в решении вопросов европейской и дальневосточной политики. США, в свою очередь, считают Россию державой, способной оказать поддержку в борьбе с Англией и Францией на территории США. Сказанное объясняет концептуализацию настоящего Российской империи и вероятного развития событий в будущем в позитивном ключе в американском политическом дискурсе анализируемой исторической эпохи.

Россия представляется как страна, обращенная в будущее (*the power of tomorrow*). Не ставится вопроса о цельности Российской империи, о том, быть ей или не быть; это нация будущего, народ, который сыграет главную роль в мировом развитии: *The entire history of Russia seems to favor the supposition that at some future time it has a destiny to fulfill. Almost every year adds new strength to her powerful arm, new wealth to her vast resources. Other nations have grown to maturity, decayed and passed away within the period of her history, but Russia remains, still growing* (Colorado Transcript, 09.03.1878 (US)). Употребление презентных форм английских глаголов в трактовке грядущих событий эксплицирует «прочность» будущего, «неизменность» настоящего в будущем, что соответствует концепции «беспризнаковости, неопределенности форм настоящего времени» [Виноградов 1947; Исаченко 1960; Якобсон 1985; Comrie 2000]. Формы настоящего времени обозначают «действие при всяких условиях, обычное, постоянное, и вследствие этого как бы присутствующее, свойственное субъекту» [Виноградов 1947: 571]. Будущее утрачивает свои специфические черты, обращается в настоящее. Ситуация, обозначаемая формами настоящего времени глагола, осмысливается как занимающая непрерывный временной интервал: иные уходят в историческое небытие, Россия остается, растет и развивается и всегда останется на мировой арене.

Романовский период сближения двух систем, совпадение, а если точнее, непересекаемость интересов Российской империи и США в рассматриваемый исторический период позволяет заложить фундамент для формирования позитивного образа будущих отношений двух стран и будущего России в американском политическом дискурсе.

Однако сходство двух стран, склонных к территориальной экспансии, могущественных, амбициозных и устремленных в будущее, может повлечь их неизбежное геополитическое столкновение: *Russia's strength is*

America's weakness, and the final struggle, if there shall be a final one, at least the never-ending one between the two principles of authority and liberty, of concentration and expansion, of centralization and decentralization, must be one day between Russia and the United States, if no country interferes (The New York Times, 28.08.1863 (US)). Идеологически Россия и США представляют собой антитепы. Американцы, придерживаясь представления о собственной исключительности, считают свою страну идеальным образцом общественно-политического устройства. Аналитики XIX века прогнозируют, что последняя решающая битва между автократией и либерализмом состоится именно между Россией, представляющей первый режим, и Америкой, олицетворяющей свободомыслие. В ином случае это будет постоянная непрекращающаяся борьба двух систем.

Следует отметить, что в корпусе текстов ретроспективного среза, ориентированных на моделирование будущих отношений Российской империи и США в американском политическом дискурсе, лишь в пяти контекстах ставится под сомнение их «будущая дружба» и прогнозируется вероятное геополитическое столкновение.

В целом в рамках ретроспективной синхронной модели Россия для США выступает как «Значимый Другой», потребность в соотношении с которым задана множеством факторов — «исторических, географических, политических, экономических, культурных» [Малинова, 2009: 185]. Российская империя для США — равный по силе друг и партнер, которого следует уважать и остерегаться. США выступают на стороне Российской империи, их многое объединяет: обе страны представляют собой расширяющиеся империи, занимающие лидерские позиции, обе определяют настоящее и будущее не только свое, но и всего мира. Россия является «Значимым Другим», существенным ориентиром для США: в XIX веке ее будущее оказывает влияние на будущее Америки и других стран мирового сообщества, что выражается в прогнозируемом качественном изменении их внешнеполитической активности; значимость образа России определяется авторитетом роли России на международной арене, отношениями между двумя странами, которые в существенной мере опосредованы содержанием, целями и задачами деятельности каждой из сторон.

Таким образом, экстралингвистические факторы настоящего того или иного государства обуславливают концептуализацию будущего страны, и, наоборот, предвосхищение будущих событий влияет на поведе-

ние индивида и общества в целом: формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а «отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изменения будущего» [Сабурова 2010: 325].

Воздействуя на внеязыковую ситуацию и существующую в сознании социума картину мира, образы будущего имеют возможность вносить коррективы в политическое настоящее, в результате чего созданный образ может стать причиной события. Экстралингвистические факторы влияют на восприятие и интерпретацию образов будущего, и наоборот — конструкты будущих реальностей воздействуют на внеязыковую ситуацию и существующую в сознании социума картину мира, меняя настоящее для изменения будущего, что доказывает самоцентричность и субъектоцентричность политического дискурса: собственные внутриполитические цели и внешнеполитические устремления выступают в нем на первый план, иные агенты внешнеполитической деятельности, их настоящее и будущее рассматриваются прежде всего в связи с интересами того государства, которому принадлежит дискурс.

США, охотно признававшие сходство своей страны с Россией, общность устремлений и сходство будущего стран в дискурсе XIX века (1855—1881), в начале XXI века в процессе конструирования образов настоящей и будущей российской реальности видят в России либо тот вариант «мрачного» будущего своей страны, который им удалось либо удастся предотвратить, либо кривое зеркало собственных проблем, проецируя на предполагаемого / действительного противника негативные стереотипы, чаще всего описывающие собственные черты: позитивная значимость, типичная для ретроспективного среза XIX века (1855—1881), сменилась негативной. Тем не менее следует признать, что будущее России до сих пор представляет для Запада некое знаковое явление, нечто большее, чем просто развитие одной из стран мирового сообщества, Россия остается для США «Значимым Другим»: ее нельзя не принимать во внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеева И. А. Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / Асеева Ирина Александровна ; Ин-т философии РАН. — М., 2010. 44 с.
2. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действенности / пер. с франц. А. Бикбова // Логос. 2003. № 4—5. С. 34.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. 784 с.
4. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. — Братислава : Изд-во Словацк. Акад. наук, 1960. 570 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Управление развитием: предвидение и проектирование будущего // Управление развитием: от прогнозирования будущего к его конструированию (идеи,

методы, институты) : материалы науч. семинара. — М. : Научный эксперт, 2011. Вып. 9. С. 5—11.

6. Ключевский В. О. Специальные курсы: собр. соч. В 9 т. Т. 6. — М. : Мысль, 1989. 457 с.

7. Курилла И. И. США и Российская империя в 30—50-е годы XIX века: политические, экономические и социокультурные аспекты взаимодействия : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Курилла Иван Иванович. — М., 2005. 488 с.

8. Курилла И. И. 12 тезисов по истории российско-американских отношений. 2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2064407> (дата обращения: 21.02.2016).

9. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 190 с. (Россия. В поисках себя...).

10. Миньяр-Белоручев К. В. Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 2009. № 41 (179), вып. 38. С. 123—132.

11. Сабурова Т. А. «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // Образы времени и

исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Круг, 2010. С. 302—331. (Образы истории).

12. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. 177 с. (Сер. «Дискурсология»).

13. Шмитт Ж. К. Овладение будущим // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Круг, 2008. С. 127—148.

14. Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Избр. работы / Р. О. Якобсон. — М. : Прогресс, 1985. 460 с.

15. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. — Paris : Editions du Seuil, 1997. 391 p.

16. Comrie B. Tense. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. 151 p.

17. Treadgold D. W. Christianity's Encounters with Non-Western Cultures // Journ. of Religious History. 1993. Vol. 17. P. 383—392.

18. Turner F. J. Rise of the New West: 1819—1829. — Gloucester : Peter Smith, 1961. 177 p.

O. A. Solopova

Chelyabinsk, Russia

**“THE DIFFERENT” THAT MATTERS: RUSSIA AND AMERICA
(LINGUISTIC POLITICAL ANALYSIS BASED ON THE MATERIAL
OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE SIXTH CENTURY)**

ABSTRACT. *Linguistic political prognostics is a new synthesis of theories and conceptions of future proposed in future studies, political science and cognitive linguistics. Using tools of future studies, political science and cognitive linguistics, linguistic political prognostics studies models and scenarios of future based upon exploratory forecasts made by authors of political texts (prognosticating political text). Thus, the basic constituents of the methods are models of future and scenarios of future in the political discourse of different chronological periods. The central tool in any model and scenario is a cognitive metaphor. Models and scenarios are constructed for each historical period analyzed, they are used to get an idea of possible options for future development of society, helping to better understand the present and the past, the driving forces shaping the future. Models are based on the data obtained from a particular discourse of a certain chronological period. The article presents a piece of the author's approach to studying retrospective models of Russia's future with the help of methods and tools of linguistic political prognostics. The material for the analysis is American political discourse of the XIXth century (1855—1881). The retrospective model analyzed in the article represents a system of conceptual assumptions concerning a hypothetic situation in Russia's future from the standpoint of the past. To interpret this or that political discourse is to know its background, to understand expectations of the author and the audience, their hidden motives, plot schemes and favorite logic transitions typical of a particular historic era.*

KEYWORDS: *linguistic political prognostics; political discourse; future, category of prognostication; prognosticating political text; metaphor.*

ABOUT THE AUTHOR: *Solopova Olga Alexandrovna, candidate degree in philology, associate professor; General Linguistics Chair, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Aseeva I. A. Obrazy prognosticheskogo opyta v nauke i kul'ture: na puti k integrativnoy modeli : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.08 / Aseeva Irina Aleksandrovna ; In-t filosofii RAN. — М., 2010. 44 s.

2. Burd'e P. Opisivat' i predpisivat'. Zametki ob usloviyakh vozmozhnosti i granitsakh politicheskoy deystvennosti / per. s frants. A. Bikbova // Logos. 2003. № 4—5. S. 34.

3. Vinogradov V. V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). — М. ; L. : Uchpedgiz, 1947. 784 с.

4. Isachenko A. V. Grammaticheskii stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. — Bratislava : Izd-vo Slovatsk. Akad. nauk, 1960. 570 s.

5. Kara-Murza S. G. Upravlenie razvitiem: predvidenie i proektirovanie budushchego // Upravlenie razvitiem: ot prognozirovaniya budushchego k ego konstruirovaniyu (idei, metody, instituty) : materialy nauch. seminarov. — М. : Nauchnyy ekspert, 2011. Vyp. 9. S. 5—11.

6. Klyuchevskiy V. O. Spetsial'nye kursy: sobr. soch. V 9 t. T. 6. — М. : Mysl', 1989. 457 s.

7. Kurilla I. I. SShA i Rossiyskaya imperiya v 30—50-e gody XIX veka: politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty vzaimodeystviya : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.03 / Kurilla Ivan Ivanovich. — М., 2005. 488 s.

8. Kurilla I. I. 12 tezisev po istorii rossiysko-amerikanskikh otnosheniy. 2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2064407> (data obrashcheniya: 21.02.2016).

9. Malinova O. Yu. Rossiya i «Zapad» v XX veke: transformatsiya diskursa o kollektivnoy identichnosti. — М. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009. 190 s. (Rossiya. V poiskakh sebya...).

10. Min'yar-Beloruhev K. V. Territorial'naya ekspansiya i razvitie SShA v XIX veke // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Istoriya. 2009. № 41 (179), vyp. 38. S. 123—132.

11. Saburova T. A. «Svyaz' vremeni» i «gorizonty ozhidaniy» russkikh intellektualov XIX veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya — Vostok — Zapad / pod red. L. P. Repinoy. — М. : Krug", 2010. S. 302—331. (Obrazy istorii).

12. Sovremennye teorii diskursa: mul'tidistsiplinarnyy analiz. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2006. 177 s. (Ser. «Diskursologiya»).

13. Shmitt Zh. K. Ovladenie budushchim // Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / pod red. L. P. Repinoy. — М. : Krug", 2008. S. 127—148.

14. Yakobson R. O. O strukture russkogo glagola // Izbr. raboty / R. O. Yakobson. — М. : Progress, 1985. 460 s.

15. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. — Paris : Editions du Seuil, 1997. 391 p.

16. Comrie B. Tense. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. 151 p.

17. Treadgold D. W. Christianity's Encounters with Non-Western Cultures // Journ. of Religious History. 1993. Vol. 17. P. 383—392.

18. Turner F. J. Rise of the New West: 1819—1829. — Gloucester : Peter Smith, 1961. 177 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2'38:811.112.2:39
ББК ШП43.24-55+ШП43.24-006.35

ГСНТИ 16.41.21

Код ВАК 10.02.04

М. Е. Акулова
Каменоломня, Россия

Г. Г. Матвеева
Ростов-на-Дону, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНОГО МУЛЬТИЭТНОЛЕКТА KIEZDEUTSCH (ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ прагмалингвистических особенностей речевого поведения носителей молодежного мультиэтнолекта Kiezdeutsch в немецкоязычной среде на основании выявления специфики их речевой деятельности по коммуникативным стратегиям «самопрезентации» и «манипулятивного воздействия на адресата». В основе каждой стратегии обозначены основные иллокуции, а также выделены тактики и описаны маркеры их реализации на трех языковых уровнях — лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и фонетико-фонологическом. В статье дается определение термина «Kiezdeutsch», обозначаются предпосылки к возникновению и распространению этого явления. На материале речи носителей Kiezdeutsch выделены пять тактик, лежащих в основе стратегии «самопрезентации»: тактика «субъективной характеристики себя», тактика «демонстрации отношения к окружающей действительности», тактика «отождествления себя с кем-либо/чем-либо», тактика «выражения принадлежности к группе», тактика «выражения престижности». Основу стратегии «манипулятивного воздействия на адресата» составляют три коммуникативные тактики: тактика «создания положительной тональности общения», тактика «призыва», тактика «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации». Кроме того, в статье с позиций прагмалингвистического подхода раскрывается сущность релевантных для исследования понятий — мультиэтнолект, коммуникативная стратегия, самопрезентация, манипулятивное воздействие, иллокуция.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; иллокуция; маркер; мультиэтнолект; Kiezdeutsch.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Акулова Мария Евгеньевна, преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; 259007, Симферополь, бульв. Ленина, 5/7, корп. 2, 3 эт.; e-mail: mascha_akulova@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матвеева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; 344006, Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93; e-mail: gegemat2337633@rambler.ru.

Целью данной статьи является анализ прагмалингвистических особенностей речевого поведения носителей молодежного мультиэтнолекта Kiezdeutsch в немецкоязычной среде на основании выявления специфики их речевой деятельности по коммуникативным стратегиям «самопрезентации» и «манипулятивного воздействия на адресата».

Актуальность рассматриваемой в работе проблемы анализа речевого поведения носителей молодежного мультиэтнолекта Kiezdeutsch обусловлена активным интересом лингвистической общественности к изучению этнолектов и мультиэтнолектов, а также вопросов межкультурного и лингвистического взаимодействия.

Под мультиэтнолектом понимается вариант языка, возникший в мультиэтнических районах и включающий говорящих различного этнического происхождения, а также говорящих из коренного населения страны [Wiese 2006: 58]. Kiezdeutsch как продукт социокультурных изменений в немецкоязычном пространстве представляет собой молодежный мультиэтнолект, который используют подростки турецкого происхождения (а частично и выходцы из других стран) второго и третьего поколения, а также коренные немцы, проживающие как в крупных городах,

так и в сельской местности Германии. Главной предпосылкой к зарождению и распространению Kiezdeutsch является высокая концентрация населения с миграционным фоном на определенной территории.

Известно и научно обосновано, что язык в процессе коммуникации призван выполнять воздействующую функцию. Речевое воздействие неотъемлемо связано с целью, которую преследует говорящий. Воздействовать на получателя текста, побудить его к совершению какого-либо действия или изменить его представление о чем-либо отправитель текста может путем реализации определенных коммуникативных стратегий. С позиций прагмалингвистического подхода под коммуникативной стратегией понимают цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств для реализации своих коммуникативных намерений [Макаров 2003: 25]. Коммуникативные стратегии реализуются через тактики, а тактики — через выбор определенных иллокуций. Под иллокуцией (иными словами — иллокутивной силой высказывания) понимается смысл, вкладываемый говорящим в произнесение им высказывания, воспринимаемый и осознаваемый слушающим [Матвеева 2009: 52].

В ходе анализа речевого поведения носителей мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch было выделено две ярко выраженные коммуникативные стратегии — коммуникативная стратегия «самопрезентации» и коммуникативная стратегия «манипулятивного воздействия на адресата».

Под самопрезентацией понимается процесс представления себя путем создания определенного образа у адресата, способствующий реализации цели субъекта в прагматической ситуации общения [Дубских 2008: 51]. В основе коммуникативной стратегии «самопрезентации» были выделены следующие 5 тактик: тактика «субъективной характеристики себя», тактика «демонстрации отношения к окружающей действительности», тактика «отождествления себя с кем-либо/чем-либо», тактика «выражения принадлежности к группе» и тактика «выражения престижности».

Стратегия «манипулятивного воздействия на адресата» связана с неречевыми целями, которые преследует отправитель текста и тем самым оказывает воздействие на получателя текста в процессе общения. Под манипулятивным воздействием понимается оказание влияния на деятельность и сознание получателя текста в процессе коммуникации выгодным для отправителя текста образом. Получатель текста при этом может не осознавать этого воздействия и сохранять уверенность, что самостоятельно принимает решение. Было выявлено, что коммуникативная стратегия «манипулятивного воздействия на адресата» реализуется носителями Kiezdeutsch при выборе 3 тактик: тактики «создания положительной тональности общения», тактики «призыва», тактики «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации».

В ходе тщательного анализа исследуемого материала были выявлены так называемые маркеры реализации исследуемых коммуникативных тактик на основных языковых уровнях: лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и фонетико-фонологическом.

Анализ тактик, реализуемых носителями Kiezdeutsch в рамках коммуникативной стратегии «самопрезентации», позволил сделать следующие выводы:

1. **Тактика «субъективной характеристики себя»** выбирается отправителем текста с целью расположить к себе получателя текста при демонстрации своих индивидуальных качеств. Данная тактика реализуется через выбор иллюстрации репрезентации.

На лексико-семантическом уровне средствами выражения тактики «субъективной

характеристики себя» выступает выбор лингвистических единиц, в основном с положительной оценкой, используемых говорящим для демонстрации своих индивидуальных качеств с целью проинформировать получателя текста, понравиться ему. Данные лингвистические единицы можно классифицировать по частям речи следующим образом:

– существительные (Kanacke, Araber, Pakistaner, Türkei-Experte, Jugendlicher). Например:

Isch bin nicht nur Araber, sondern vor allem ein Jugendlicher. Ich würde mich freuen, wenn ich mal einen Deutschen spielen dürfte, aber dann würde die Authentizität fehlen [Qantara]. В данном фрагменте 25-летний молодой человек, занимающийся актерской деятельностью, позиционирует себя не только как араба, но и прежде всего как подростка. С этой целью автор выбирает лексические единицы *Araber, Jugendlicher*. Он противопоставляет себя немцу, когда говорит о том, что хотел бы сыграть этнического немца, но понимает, что это невозможно из-за вопросов национальной аутентичности;

– прилагательные (в том числе субстантивированные прилагательные) и наречия (*stolz, neugierig, offen, sportlich, glücklich, etwas Besonderes*). Например: *Ich bin ein Junge mit Herz und Charakter. Ich bin schüchtern, verrückt und stolz drauf. Männer die ihre frauen schlagen sind keine Männer und haben keinen stolz und keine ehre* [Facebook]. В данном фрагменте молодой человек демонстрирует свои положительные качества, называя себя человеком с добрым сердцем, застенчивым, неординарным. Автор использует лексему *stolz* в составе именного сказуемого с целью показать, что обладает качествами, достойными уважения и гордости;

– глаголы и глагольные словосочетания (*anderssein, andersleben, aussehen, nigger sein, integrieren/nicht integrieren*): *Wir sind hier allesamt nigger, wir haben unser ghetto, wir schleppen's überall hin, wir dampfen fremdländisch, ... und dabei kapiere wir, daß zum nigger nicht die olle pechhaut gehört, aber zum nigger gehört ne ganze menge anderssein und andres leben* [Wikipedia]. В этом фрагменте автор отделяет, дистанцирует себя и своих соотечественников от коренных жителей Германии. Автор выбирает глаголы *anderssein* и *andersleben*, тем самым указывая на различия в образе жизни и мышлении иммигрантов и коренных жителей страны. Кроме того, для самохарактеристики подросток использует лексему *nigger*, сравнивая себя с темнокожими жителями

африканского происхождения в США. Можно предположить, что ее использование обусловлено предвзятым отношением коренных жителей США к темнокожим иммигрантам, которое также наблюдается по отношению к иммигрантам в Германии.

На грамматико-синтаксическом уровне тактика «субъективной характеристики себя» реализуется использованием конструкций *ich bin + Substantiv*, *ich komme aus + Substantiv*, *ich habe + Substantiv*, *etwas (Substantiv) ist ein Teil von mir*, *ich (isch) hab Bock/hab net Bock*, *ich habe mit j-m kein Problem*, *(ich) bin mit... aufgewachsen*, с помощью которых авторы передают информацию о себе или выражают свое отношение к чему-либо и, как следствие, косвенно характеризуют себя. Например: *Also ich bin Mirko komme aus Hessen... Höre jeden tag music... bin leider seit 2 Jahren Single* [Kwick]. В этом примере автор текста употребил конструкции *(ich) bin + Substantiv*, *ich komme aus + Substantiv* с целью предоставить получателю текста биографическую информацию: имя, родной город, семейное положение.

Фонетические средства реализации тактики «субъективной характеристики себя» в рамках коммуникативной стратегии «самопрезентации» представлены повтором согласных и/или гласных звуков в тех словах, на которые автор хочет обратить внимание получателя текста. Наряду с фонетическими авторы используют также графические средства выразительности, такие как шрифтовые средства (использование прописных букв), знаки препинания, смайлы. Например: *EYYY ICH BIN 1,73m UND SEHR SEHR SPORTLICH* [Wittenberg]. В данном высказывании автор для характеристики себя использует прописные буквы.

2. Тактика «демонстрации отношения к окружающей действительности» позволяет автору текста косвенно предоставить адресату информацию о себе, своих предпочтениях, о том, что для него допустимо, а что нет. Эта тактика реализована через выбор иллокуций одобрения/неодобрения.

К лексико-семантическим средствам реализации данных иллокуций можно отнести выбор лингвистических единиц, выражающих: 1) одобрение/неодобрение отправителем текста чьих-либо действий, поступков; 2) восхищение чем-либо/кем-либо (при помощи лексем *toll*, *total schön*, *cool*, *sehr aufregend*) или выражение отрицательного отношения по отношению к кому-либо/чему-либо (при выборе лексем *komisch*, *behämtert*, *blöd*, *doof*, *schrecklich*, *Pennern*, *Vogel*, *Bullen*); 3) «мое / не мое» как выражение

близкого/чуждого автору (при помощи притяжательного местоимения *mein*).

Демонстрируя свое одобрение/неодобрение по отношению к реалиям окружающей действительности, к действиям окружающих (*akzeptieren/nicht akzeptieren*, *j-m etwas zugestehen*, *sauer sein*, *agressiv werden*, *schlimm/nicht schlimm sein*), авторы текста косвенно характеризуют себя. Рассмотрим пример демонстрации одобрения/неодобрения отправителем текста, сообщаящим факты: *Ich akzeptiere alle Hautfarben, Religionen und Kulturen und gestehe jedem Menschen zu, sie nach seiner persönlichen Überzeugung auszuleben. Ich finde es beispielsweise nicht akzeptabel, dass ein Kind, das in Deutschland zur Schule geht, nicht vernünftigt Deutsch spricht und scheinbar auch in der Familie kein Wert darauf gelegt wird. Man sollte sich bemühen, Ausländern die Integration zu erleichtern, aber diese sollten die Möglichkeiten dann auch annehmen* [Buffed]. В этом фрагменте автор текста с помощью глагола *akzeptieren* демонстрирует свое положительное отношение к представителям разных народностей и культур, т. е. характеризует себя как человека без каких-либо расовых и религиозных предрассудков. Однако автор выражает свое неодобрение к тому факту, что в семьях иммигрантов мало значения придается вопросу интеграции в немецкое сообщество, изучению немецкого языка.

На грамматико-синтаксическом уровне реализация иллокуций тактики «демонстрации отношения к окружающей действительности» происходит с помощью таких конструкций, как *ich finde etwas + Adjektiv*, *etwas ist voll + Adjektiv*, *das ist + Substantiv*, *ich bin + Adverb*, *es ist sehr + Adverb*, *ich freue mich auf etwas...*, *etwas macht Spaß*, *etwas ist der Horror*, *ich habe etwas/nichts gegen...*, *ich glaube, dass...* Например: *Isch habe viele ausländische Freunde und eigentlich mit Ausländern an sich überhaupt kein Problem. Ich finde es sogar toll, dass auf diesem Wege viele verschiedene kulturelle Einflüsse ins Land kommen* [Buffed]. В этом фрагменте автор выражает свое положительное отношение к иностранцам и считает замечательным, что иностранцы обогащают немецкую культуру своими традициями и культурными веяниями.

Примеров с использованием фонетических средств реализации тактики «демонстрации отношения к окружающей действительности» выявлено не было.

3. Суть тактики «отождествления себя с кем-либо» состоит в упоминании или использовании информации о людях, предметах и явлениях, с которыми отправитель текста себя ассоциирует по разным причи-

нам. Причинами выбора этой тактики являются желание продемонстрировать принадлежность к определенной группе, показать свое отношение к ситуации, подчеркнуть свои положительные качества. Эта тактика реализована через выбор иллокуций сравнения, отождествления.

В основном тактика «отождествления себя с кем-либо» эксплицируется на грамматико-синтаксическом уровне с помощью сравнительной конструкции с союзом *wie*: *Die karten waren fürm arsch xD der vogel hat mich voll verarscht ich stand vorm kino wie ein vogel mit gefälschten karten* [ISIS]. В этом фрагменте автор рассказывает, как его обманули во время лотереи, и недоумевает, как он мог оказаться в такой глупой ситуации. Автор злится на себя и называет себя странным, недалеким, используя сравнительную конструкцию *ich stand vorm kino wie ein vogel*. Лексема *Vogel* используется в разговорной речи в значении «странный, легкомысленный человек».

4. **Тактика «выражения принадлежности к группе»** направлена на демонстрацию солидаризации отправителя текста с получателем текста. Автор акцентирует внимание на общности мировоззрения, интересов, устремлений. Эта тактика реализована через выбор иллокуций единения, консолидации, идентичности.

На лексико-семантическом уровне можно выделить следующие речевые приемы реализации этой тактики:

1) типичные обращения (для мужчин — *Alder, Alter, Digga, Dicker, Bruder, Diggerrich, Kurzer*, для женщин — *Maus, Süße, Schöne*): *Hay bruder... heute is mir was passiert* [ISIS] (в данном фрагменте автор использует при обращении лексему *Bruder* в значении «брат»); *Hii Süße soll ich schreiben was ich heute gemacht hab!* [Kwick]. Автор этого высказывания, обращаясь к адресату, использует лексему *Süße* в значении «сладкая, «милая»;

2) неформальные фразы приветствия и прощания (приветствие выражено при помощи лексем *hi, hey, huhu, jo*, прощание — лексемами *bye, canel/canne, hade/hade ciao, hadi tschüss*, устойчивыми выражениями *bis spädder, hau rein, bleib sauber, bleib cool, ti voglio bene*): *Man sieht sich neee ok hade bye* [ISIS]. В этом высказывании автор использует в качестве прощания турецкую лексему *hade* в значении «*tschüss*», а затем дублирует информацию при помощи английской лексемы *bye*;

3) специфическую для данной социальной группы лексику, создающую образ «своего» человека, который говорит на понятном

собеседнику языке. Так как *Kiezdeutsch* представляет собой молодежный мультиэтнолект, то речь идет о лексике, типичной для молодежного сленга. Например: *Aber eines der größeren Dinge bei denen ich wirklich geflennt hab und ne Nacht aufm Boden gepennt hab war als ich mal mit ner Freundin zusammen in nem Bett gepennt hab (wegen Angst undso)* [Meet-teens]. Используемые в данном фрагменте глаголы *pennen* «спать», *flennen* «плакать, кричать» являются типичными примерами молодежного сленга;

4) заимствования из родных языков коммуникантов (например, тур. *wallah*, араб. *yallah*). *Wallah* является арабским выражением со значением «*ich schwöre bei Gott*» (рус. «*клянусь перед Богом*») [Wehr 1985: 1224]. Однако значение и способы употребления этого заимствования в молодежной коммуникации могут варьироваться. В *Kiezdeutsch* лексема *wallah* (или ее вариант *wallah*) чаще всего используется при обещаниях или с целью подчеркнуть достоверность высказывания, придать речи эмоционально-экспрессивную окраску: *Der mann an der kasse sagt das die karten gefälscht sind wir so schockkk wallah ich war geschockt irgendwie wallah* [ISIS]. В данном высказывании *wallah* может рассматриваться как пауза хезитации и свидетельствовать о привычке говорящего использовать эту лексему в потоке речи или о его эмоциональном возбуждении;

5) использование инклюзивного «*wir*»: *Die Liebe die wir (= die Menschen, die Jugendlichen) geben kriegen wir leider nur selten zurück* [Kwick]. Автор этого высказывания говорит о безответной любви, которая, вероятнее всего, имела место в его жизни. Используя инклюзивное «*wir*», автор демонстрирует, что данная проблема близка всем молодым людям.

5. Целью выбора **тактики «выражения престижности»** является попытка демонстрации собственной «крутости», а также стремление сделать свою речь более выразительной. Иллокуции, при помощи которых реализуется рассматриваемая тактика, могут быть разными в зависимости от целей, преследуемых отправителем текста. К ним относятся иллокуции выражения чувств и настроений (любви, негодования, испуга, одобрения), поздравлений, пожеланий. Языковым маркером реализации данной тактики является активное использование англицизмов. На лексико-семантическом уровне английские заимствования как средство реализации тактики выражения престижности можно классифицировать по частям речи следующим образом:

1) существительные (*baby, kids, modus, style, trance, teens, friends, love, jackpot*): *Heike Wiese sagt, die Kids können auch umschalten. Und dann reden sie ganz normales Hochdeutsch, in der Schule etwa. Nur unter unsergleichen vermischten sich die Slangs, verknüpft sich das Vokabular, entsteht ein neuer Dialekt* [Das Tagesspiegel]. В этом фрагменте автор говорит о том, что представители Кiezdeutsch, называя их *die Kids*, могут говорить как на литературном немецком, так и на Кiezdeutsch, в зависимости от ситуации и окружения;

2) прилагательные (*cool, smart, clever, best, soft*): *Man meint, wie ein Türke zu reden wäre cool* [Dunkles Leben];

3) наречия (*tight, safe, fake, forever, much*): *Ey fett krass alde, ich schwör! dem geschichten sind voll tight, und so* [Giga Forum]. Автор данного фрагмента для характеристики историй, рассказанных адресатом, использует английскую лексику *tight* в значении «klasse», «gut»;

4) глаголы (*love, miss, down sein, off sein*): *Soya muffin sry das ich gestrem einfach off bin weil mein chat ging nicht war glaub bei allen so* [Parchim]. Англицизм *off* используется автором в выражении *off sein*, что в немецком языке соответствует глаголу *einschlafen*.

Характерные особенности тактик, реализуемых в рамках коммуникативной стратегии «манипулятивного воздействия на адресата», сводятся к следующим.

1. **Тактика «создания положительной тональности общения»** предполагает стремление отправителя текста установить и поддержать доброжелательные отношения с получателем текста, создать позитивный эмоциональный фон коммуникации. Эта тактика реализуется через выбор иллокуций похвалы, благодарности, симпатии.

На лексико-семантическом уровне можно выделить следующие речевые приемы реализации этой тактики:

1) признание в симпатии / выражение чувств (при помощи выбора лингвистических единиц *lieben, vermissen, gern haben, lieber sein*). Например: *Mir ist ein höflicher, intelligenter Ausländer tausend mal lieber als ein stumpfsinniger und fauler Deutscher* [Buffed]. В этом высказывании автор выражает свою симпатию к иностранцам, которые, по его мнению, могут быть вежливыми и интеллигентными. Автор противопоставляет таким иммигрантам ленивых и глупых немцев. С целью демонстрации симпатии по отношению к адресату автор выбирает конструкцию *mir ist jemand ... lieber als...*;

2) этикетные формулы (реализуемые в речи при помощи лингвистических единиц

выражения благодарности — *danke, Dank, sich bedanken*, пожеланий — *wünschen*, приветствий — *liebe Grüße, grüßen, Grüße erbiten*, приглашений — *herzlich willkommen*, извинений — *tut mir leid, sorry* и др.), например: *Ich fühle mich als trotzdem etwas Besonderes und bin stolz auf meinen Namen. Ich hoffe das sind alle :)) Sehr liebe Grüße :)* [Vorname] — автор данного примера в завершение сообщения использует этикетную формулу *liebe Grüße* с усилительным наречием *sehr*; *Hi schatzi! sorry, das ich mich nicht eher bei dir gemeldet habe, aber ging echt nicht!* — в этом фрагменте с целью извиниться за свое отсутствие в Сети автор использует английскую лексику *sorry*;

3) некатегоричные высказывания, выраженные при помощи модальных слов со значением возможности, предположения, ослабляющих наречий, литоты. Например: *Hier in Europa vieles ein bisschen anders dargestellt wird als es in Wirklichkeit wahrscheinlich ist* [Facebook]. Автор допускает, что западноевропейские страны могут в ином свете представлять политические события, происходящие в Восточной Европе. С целью смягчения неприятной истины автор использует модальное слово со значением предположения *wahrscheinlich*.

На фонетическом уровне маркерами реализации тактики «создания положительной тональности общения» выступают междометия *hehe, haha*, которые могут занимать любое место в высказывании и придают шуточный, непринужденный тон высказыванию: *Jetzt hab ich noch so einen komischen brief von der polizei bekommen und ich hab voll angst das die denken das ich die karten gefelst habe hmmm egaal hahaha ruf mich mal einfach an* [ISIS]. В данном фрагменте автор рассказывает о ситуации с фальшивыми билетами в кино, о письме из полиции по этому поводу, но при этом дает адресату понять несерьезность и незначительность ситуации (*egal*), используя междометие *hahaha*.

2. Суть **тактики «призыва»** заключается в намерении адресанта побудить адресата к совершению определенных действий. Данная тактика реализуется через выбор иллокуций приказа, совета, просьбы.

На лексико-семантическом уровне тактика «призыва» представлена выбором модальных глаголов со значением долженствования *sollen/müssen* и разрешения *dürfen*. Например: *Man muss seine frau oder freundin so ehren bis es nicht mehr geht* [Facebook]. В этом высказывании автор использует модальный глагол *müssen* с целью призвать адресата относиться к женщинам с большим уважением. Использование авто-

ром неопределенно-личного местоимения *man* в данном высказывании предполагает обращение не к определенному лицу, а ко всем лицам.

На грамматико-синтаксическом уровне тактика «призыва» представлена выбором представителями Kiezdeutsch побудительных конструкций: *Also liebe Alishas da draußen seid stolz auf euren Namen!* [Vorname]. Автор этого высказывания при помощи конструкции в Imperativ призывает всех гордиться своими именами.

На фонетическом уровне тактика «призыва» реализуется выбором междометий *eu, jo, hö, heu*. Данные междометия используются с целью обратить внимание собеседника на то, что следует далее в высказывании и/или побудить его к действию. Например: *Joo diggerich muss dir was erzähl'n... Ey ich würde heute richtig vearscht.. man .. bin richtig sauer* [ISIS]. Междометия *joo* и *eu* в данном высказывании используются с целью побудить получателя текста внимательно слушать, что произошло с автором.

3. Выбор **тактики «акцентирования внимания на особо важной для автора информации»** имеет целью обратить внимание получателя текста на наиболее существенные моменты речи отправителя текста. Данная тактика реализуется через выбор иллокуции выделения важного, значимого. Акцентирование значимой информации осуществляется представителями Kiezdeutsch на лексико-семантическом уровне с помощью:

1) интенсификаторов, передаваемых наречиями меры и степени [см. Викторова 2014]: *krass, total, voll, unglaublich, extrem, sehr*. Например: *Ich bin schon ganz gespannt darauf, dich ein bisschen kennen zu lernen!* [Facebook]. В этом высказывании с целью показать, насколько сильно отправитель ждет знакомства с получателем текста, используется усилительное наречие *ganz* в выражении *ganz gespannt sein auf (etwas)*;

2) дискурсивных слов, таких как *vor allem, besonders / insbesondere, nämlich*: *Ich freue mich schon sehr auf die Reise nach Kreisau, vor allem aber auf euch!* [Facebook]. В этом высказывании автор при помощи дискурсивного слова *vor allem* акцентирует внимание на том, что с нетерпением ждет встречи с адресатом;

3) усилительной частицы «so». Например: *Ich würde mich so freuen, dich irgendwann mal wieder zu sehen!!!* [Facebook]. В этом высказывании автор при помощи частицы *so* подчеркивает, что был бы очень рад увидеться с адресатом снова.

Усиление выразительности речи и актуализация определенных компонентов со-

держания высказывания на синтаксическом уровне происходит при выборе следующих синтаксических маркеров:

1) риторических вопросов: *Warum ich dich so anguck? Will dich in meinen Traum nehmn. Ich will dich bei mir haben. Ich will dich in jedem Traum sehn* [Kwick]. В этом фрагменте автор при помощи риторического вопроса стремится обратить внимание адресата на последующую информацию. Кроме того, акцентирование важной информации достигается посредством повтора конструкции *ich will* в начале каждого предложения, что помогает автору акцентировать внимание получателя текста на серьезности своих слов и намерений;

2) конструкции «war so»: *Jedenfalls fing ich an unbewusst zu rennen und fiel über iwelche Wurzeln und dachte dieses Gestrüpp würde mich festhalten war so Alder dabei bekam ich richtig Panik* [Meet-teens]. Автор данного фрагмента использует конструкцию *war so* с целью убедить получателя текста в том, что он говорит правду;

3) конструкции в Konjunktiv. Прагматическими функциями конструкций в Konjunktiv в речи носителей Kiezdeutsch являются придание высказыванию говорящего «смягчающего» характера, т.е. снижение степени категоричности; выражение желания говорящего, окрашенного вежливой интонацией; привлечение внимания адресата к сообщаемой информации. Например: *Bin leider seit 2 Jahren Single würd wirklich jemanden an meine Seite haben mit ihr reden, kuscheln, jemanden Vertrauen* [Kwick]. В этом высказывании автор использует конструкцию в Konjunktiv *ich würde* + Verb с целью в вежливой форме выразить свое желание;

4) конструкций «weiß(t) du» в различных вариантах «weissu / weisstu», которые довольно часто используются носителями Kieudeutsch, могут занимать любое место в высказывании и служат, как правило, для акцентирования внимания на сообщаемой информации.

Man kann über alles spreschen, aber wenn man spreschen will, muss einer ers mal Meinung haben, weissu! Wenn du keine Meinug hast, und isch hab keine Meinung, dann sitzen wir da und sagen nichts und nichts passiert! [Die Welt]. В данном фрагменте автор делает акцент на мысли, что каждый должен иметь собственное мнение. В противном случае, если люди не будут иметь своего мнения и выражать его, то ничего не будет меняться.

Таким образом, носители молодежного мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch прибегают в процессе коммуникации к использованию коммуникативных стратегий «самопрезента-

ции» и «манипулятивного воздействия на адресата», реализуемых при помощи набора тактик. Маркеры реализации исследуемых коммуникативных тактик эксплицируются на основных языковых уровнях: лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и фонетико-фонологическом.

ИСТОЧНИКИ

1. Buffed : Community Forum. URL: <http://forum.buffed.de/index.php/topic/47629-auslaender-kein-rassismus-erwünscht/page-6> (date of access: 10.03.2015).
2. Das Tagesspiegel : E-Paper. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/jugendsprache-so-voll-krass/6121766.html>. Die Welt : Elektronische Tageszeitung. URL: <http://www.welt.de/vermischtes/article129589372/Gehst-du-Bus-Kiezdeutsch-gibts-bald-ohne-Kiez.html> (date of access: 12.03.2015).
3. Dunkles Leben : Die freundlich-schwarze Community. URL: <http://www.dunkles-leben.de/forum/viewtopic.php?t=28223&start=10&sid=f3d2b8593aa779eefd363d6266d51543> (date of access: 16.03.2015).
4. Facebook : Social Networking Service. URL: <https://www.facebook.com/pages/Türken-Style-Wallah-Geil/153483274731793> (date of access: 13.03.2015).
5. Giga Forum. URL: <http://forum.giga.de/fun-stuff-witzesatiren/673102-m%E4rchenstunde-aus%B4m-ghetto-alder.html> (date of access: 13.03.2015).
6. ISIS // Information structure in different variants of written German. Interdisciplinary Studies on Information Structure. № 14. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/4712/isis14.pdf> (date of access: 12.03.2015).
7. Kwick : Social Networking Service. URL: http://www.kwick.de/Mirkos_xo/portrait (date of access: 10.03.2015).
8. Meet-teens : Chat service. URL: <http://www.meet-teens.de/small-talk/71164-unheimlichste-je-erlebt-habt.html> (date of access: 10.03.2015).
9. Parchim // Regionales Berufliches Bildungszentrum des Landkreises Ludwigslust-Parchim. URL: <http://www.bs-parchim.net/Gaestebuch.107+M5a5ec78696f.0> (date of access: 16.03.2015).
10. Vorname : Namenslexikon. URL: <http://www.vorname.com/name,Alisha.html> (date of access: 17.03.2015).
11. Wikipedia : Die freie Enzyklopädie. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Kanak_Sprak_-_24_Mißtöne_vom_Rande_der_Gesellschaft (date of access: 13.03.2015).
12. Wittenberg : Personelle Profilseite. URL: <http://wittenberg>

M. Y. Akulova
Simferopol, Russia

G. G. Matveyeva
Rostov-on-Don, Russia

PECILIARITIES OF VERBAL BEHAVIOR OF KIEZDEUTSCH SPEAKERS (PRAGMALINGUISTIC ASPECT)

ABSTRACT. *The article analyzes pragmalinguistic features of speech behavior of Kiezdeutsch speakers in the German-speaking community on the basis of revealing specificity of their speech according to the communicative strategies of “self-presentation” and “manipulative influence on the addressee”. Each strategy involves basic illocutions; the article also singles out a set of communicative tactics and describes the markers of their realization on three linguistic levels: lexico-semantic, grammatical-syntactic and phonetic-phonological ones. The article provides the definition of the term “Kiezdeutsch” and outlines the conditions of its emergence and spread. Using the speech material of Kiezdeutsch speakers the authors distinguish five communicative tactics within the strategy of “self-presentation”: the tactic of “subjective self characteristic”, the tactic of “demonstration of attitude to the surrounding reality”, the tactic of “self identification with sb/smith”, the tactic of “expressing belonging to a group”, the tactic of “expressing prestige” and three communicative tactics within the strategy of “manipulative influence on the addressee”: the tactic of “creating the positive tone of communication”, the tactic of “appeal” and the tactic of “accentuating attention on the information being of special importance for the author”. Furthermore, the article reveals the essence of notions relevant for the research: multiethnolect, communicative strategy, illocution, self-presentation, and manipulative influence.*

KEYWORDS: *communicative strategy; communicative tactic; illocution; marker; multiethnolect; Kiezdeutsch.*

ABOUT THE AUTHOR: *Akulova Mariya Evgen'evna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages № 4, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, Crimea Federal University named after V. I. Venadski, Simferopol, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Matveyeva Galina Grigor'evna, Doctor of Pedagogy, Professor of Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism And Cross-Cultural Communication, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

kuypers.de/i/publications_files/Wittenberg%26Paul.pdf (date of access: 13.03.2015).

13. Qantara : The Internet portal. URL: <https://de.qantara.de/inhalt/interview-mit-dem-schauspieler-hueseyin-ekici-wallah-ich-kenn-den> (date of access: 13.03.2015).

ЛИТЕРАТУРА

14. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 412—413.
15. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Наука, 1987. 120 с.
16. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Изв. Саратов. ун-та. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 10—15.
17. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, вып. 4. С. 368—377.
18. Дубских А. И. Средства реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности в массово-информационном дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 30 (131). Сер. «Филология. Искусствоведение». Вып. 26. С. 50—54.
19. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
20. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие. — Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
21. Кильмухаметова Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 4. С. 77—82.
22. Ленец А. В., Матвеева Г. Г. Зарубежная прагмалингвистика. — Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 97 с.
23. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
24. Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1984. 132 с.
25. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2009. Вып. 1, ч. 2. С. 50—57.
26. Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. 152 с.
27. Wiese H. Ein neuer Dialekt entsteht. — München : CH Beck Verlag, 2006. 280 S.
28. Wehr H. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart: Arabisch-Deutsch Gebundene Ausgabe. — Berlin : Ungedürzte Ausgabe, 1985. 1452 S.

REFERENCES

1. Buffed : Community Forum. URL: <http://forum.buffed.de/index.php/topic/47629-auslaender-kein-rassismus-erwunscht/page-6> (date of access: 10.03.2015).
2. Das Tagesspiegel : E-Paper. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/jugendsprache-so-voll-krass/6121766.html>. Die Welt : Elektronische Tageszeitung. URL: <http://www.welt.de/vermischtes/article129589372/Gehst-du-Bus-Kiezdeutsch-gibts-bald-ohne-Kiez.html> (date of access: 12.03.2015).
3. Dunkles Leben : Die freundlich-schwarze Community. URL: <http://www.dunkles-leben.de/forum/viewtopic.php?t=28223&start=10&sid=f3d2b8593aa779eefd363d6266d51543> (date of access: 16.03.2015).
4. Facebook : Social Networking Service. URL: <https://www.facebook.com/pages/Türken-Style-Wallah-Geil/153483274731793> (date of access: 13.03.2015).
5. Giga Forum. URL: <http://forum.giga.de/fun-stuff-witze-satiren/673102-m%E4rchenstunde-aus%B4m-ghetto-alder.html> (date of access: 13.03.2015).
6. ISIS // Information structure in different variants of written German. Interdisciplinary Studies on Information Structure. № 14. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/4712/isis14.pdf> (date of access: 12.03.2015).
7. Kwick : Social Networking Service. URL: http://www.kwick.de/Mirkos_xo/portrait (date of access: 10.03.2015).
8. Meet-teens : Chat service. URL: <http://www.meet-teens.de/small-talk/71164-unheimlichste-je-erlebt-habt.html> (date of access: 10.03.2015).
9. Parchim // Regionales Berufliches Bildungszentrum des Landkreises Ludwigslust-Parchim. URL: <http://www.bs-parchim.net/Gaestebuch.107+M5a5ec78696f.0> (date of access: 16.03.2015).
10. Vorname : Namenslexikon. URL: <http://www.vorname.com/name,Alisha.html> (date of access: 17.03.2015).
11. Wikipedia : Die freie Enzyklopädie. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Kanak_Sprak___24_Mißtöne_vom_Rande_der_Gesellschaft (date of access: 13.03.2015).
12. Wittenberg : Personelle Profilsseite. URL: http://wittenberg.kuypers.de/i/publications_files/Wittenberg%26Paul.pdf (date of access: 13.03.2015).
13. Qantara : The Internet portal. URL: <https://de.qantara.de/inhalt/interview-mit-dem-schauspieler-hueseyin-ekici-wallah-ich-kenn-den> (date of access: 13.03.2015).
14. Arutyunova N. D. Rechevoy akt // Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. 2-e izd. — M. : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2000. S. 412—413.
15. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Nauka, 1987. 120 s.
16. Viktorova E. Yu. Sinkretizm diskursivnykh slov // Izv. Saratov. un-ta. 2014. T. 14, vyp. 3. S. 10—15.
17. Dem'yankov V. Z. Pragmatische osnovy interpretatsii vyskazyvaniya // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1981. T. 40, vyp. 4. S. 368—377.
18. Dubsikh A. I. Sredstva realizatsii kommunikativnoy strategii samoprezentatsii lichnosti v massovo-informatsionnom diskurse // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2008. № 30 (131). Ser. «Filologiya. Iskusstvovedenie». Vyp. 26. S. 50—54.
19. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : Editorial URSS, 2003. 284 s.
20. Kashkin V. B. Vvedenie v teoriyu kommunikatsii : ucheb. posobie. — Voronezh : Izd-vo VGTU, 2000. 175 s.
21. Kil'mukhametova E. Yu. Ritoricheskie voprosy kak kosvennye rechevye akty (na materiale frantsuzskogo yazyka) // Vestn. Tomsk. gos. ped. un-ta. 2006. Vyp. 4. S. 77—82.
22. Lenets A. V., Matveeva G. G. Zarubezhnaya pragmalingvistika. — Rostov n/D : IPO PI YuFU, 2008. 97 s.
23. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. — M. : ITDGG «Gnozis», 2003. 280 s.
24. Matveeva G. G. Aktualizatsiya pragmaticheskogo aspekta nauchnogo teksta. — Rostov n/D : Izd-vo Rostov. un-ta, 1984. 132 s.
25. Matveeva G. G., Samarina I. V., Seliverstova L. N. Dva napravleniya v sovremennoy pragmalingvistike // Vestn. S.-Peterb. un-ta. 2009. Vyp. 1, ch. 2. C. 50—57.
26. Sevortyan E. V. Fonetika turetskogo literaturnogo yazyka. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. 152 s.
27. Wiese H. Ein neuer Dialekt entsteht. — München : CH Beck Verlag, 2006. 280 S.
28. Wehr H. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart: Arabisch-Deutsch Gebundene Ausgabe. — Berlin : Ungekürzte Ausgabe, 1985. 1452 S.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. В. Григоровская
Тюмень, Россия

**ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РОМАН О СОВЕТСКОЙ РОССИИ: «ЖИВОЕ» И «МЕРТВОЕ»
В РОМАНЕ АЙН РЭНД «МЫ ЖИВЫЕ»**

АННОТАЦИЯ. Роман американской писательницы русского происхождения Айн Рэнд «Мы живые» — первый американский роман о Советской России, в котором находят свое отражение социальные и политические реалии того времени. Предметом статьи являются бытовые, социальные и политические аспекты жизни послереволюционной России. Тема статьи — анализ оппозиции «живое — мертвое» в романе на всех уровнях поэтики (система персонажей, предметно-вещный мир, авторская позиция, психологизм и т. д.). При анализе используются следующие методы: системно-целостный, историко-сравнительный, типологический, а также элементы биографического и мифологического методов. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что анализируемая оппозиция используется Айн Рэнд для демонстрации пагубности любой этактической системы. Данный анализ значительно углубляет понимание малоисследованного романа, а также помогает уточнить основания для критического отношения писательницы к социализму как политической системе. Данные результаты могут быть использованы в практике преподавания зарубежной литературы в вузах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Айн Рэнд; «Мы живые»; оппозиция «живое — мертвое»; американская литература; русская эмигрантская проза; этактизм; социализм; утопия; антиутопия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Григоровская Анастасия Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Государственный аграрный университет Северного Зауралья (Тюмень); 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 7; e-mail: feministka86@mail.ru.

«Мы живые» (1936) — первый опубликованный роман американского философа и писательницы русского происхождения Айн Рэнд (Алисы Розенбаум). Он посвящен нелегкой эпохе в жизни России, свидетельницей которой была сама писательница. Роман поэтому во многом автобиографичен, и это первое изданное за рубежом художественное произведение, демонстрирующее реальное положение дел в постреволюционной России. Однако сама Айн Рэнд настаивала, что цель романа — не столько критика советской власти, сколько показ последствий подавления личности государством. Биограф Айн Рэнд Anne C. Heller цитирует ее собственные слова: «“We the living” is not a story about Soviet Russia in 1925. It is a story about Dictatorship, any dictatorship, whether it be Soviet Russia, Nazy Germany, or — which this novel might do its share in helping to prevent — a socialist America» [Heller 2010: 32]. Также, по верному замечанию Н. Г. Юзефович, тоталитаризм и его производные у Айн Рэнд «представлены не как национально-специфические, но как универсальные феномены» [Юзефович 2012: 243].

Критика Айн Рэнд как философа была направлена на тоталитарную систему в целом. Для описания такой системы философ использует известный политологический термин «этактизм» (от фр. *état* — «государство»): «„Этактизм“ означает любую систему, концентрирующую власть государства за счет индивидуальных прав. Среди других вариантов термин включает теократию, абсолютную монархию, нацизм, фашизм, коммунизм, демократический социализм и откровенную, неприкрашенную диктатуру» [Гейкофф 2012: 449]. Таким образом, мы

видим, что Айн Рэнд критикует любую систему, подавляющую личность человека.

Среди других терминов, активно используемых философом для описания такого рода политических конструкций, в ее работах часто встречается термин «коллективизм», который она противопоставляет «индивидуализму» [Рэнд 2015а, б]. Но в конечном счете Айн Рэнд всегда выступает против социализма как системы, наиболее ей понятной и знакомой. В своих работах она так описывает свое понимание социализма: «Важнейшая характеристика социализма — отрицание права на частную собственность; в социалистическом обществе право на собственность (то есть право использовать и распоряжаться ею) отдано „обществу в целом“, то есть коллективу; производство и распределение продукции контролируется государством, то есть правительством» [Рэнд 2015а: 111]. Характерно то, что Айн Рэнд называет социализмом также немецкий фашизм, т. е. она, по сути, отождествляет понятие «тоталитарная система» и «социализм». Даже строительство египетских пирамид, на котором эксплуатировался труд рабов, для нее является равноценным тому, что происходило в России начала XX в.

Мотив, который движет всеми идеологами социализма, по мнению Айн Рэнд, — жажда власти. А возвыситься над толпой и возвести свою «пирамиду» можно только одним способом — отобрав у человека свободу воли, обесценив тем самым его жизнь. Поэтому основной конфликт, который переживают герои романа «Мы живые» — даже не между государством и человеком, а между индивидуальным разумом и его подавлением: «Когда реальности предписано, под

дулом пистолета, выйти из рамок, рациональный разум не может функционировать» [Пейкофф 2012: 379] (подобную ситуацию позже хорошо покажет Дж. Оруэлл в своей антиутопии «1984», когда человека силой заставляют поверить в тот факт, что дважды два — не четыре).

Леонард Пейкофф, последователь философии Айн Рэнд, описывает три альтернативы, которые ожидают индивида при таком конфликте: попытаться покинуть страну (как Кира), покончить жизнь самоубийством (как Андрей) и приспособиться к системе, «притупляя рассудок развратом, наркотиками, алкоголем и их эквивалентами» (как Лео) [Пейкофф 2012: 385]. Каждый из героев романа переживает свою личную трагедию. Кира Аргунова теряет место в техникуме, а вместе с ним — и мечту стать инженером. Лео Коваленский медленно скатывается в цинизм, хороня в себе остатки человека после тщетных попыток вырваться из страны. Андрей Таганов вынужден скрывать свои отношения с Кирой из-за ее «непролетарского» происхождения. Сестра Киры, Ира, уходит в религию, не в силах вынести окружающую ее реальность.

В романе прослеживается оппозиция «живое — мертвое», отраженная в заглавии. Здесь, на наш взгляд, ярко проявились русские корни писательницы, ведь эта оппозиция, очевидно, происходит из гоголевской школы. Потеря человеком свободы личности в романе «Мы живые» созвучна многим мотивам поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Ю. Манн отмечает, что «Мертвые души» — это путешествие по аду российской действительности, а герои в поэме расположены по принципу усиления «омертвления» их душ [Манн 1978]. Роман Айн Рэнд ничуть не уступает по inferнальности изображения родной для нее страны поэме русского классика.

Что такое «жизнь» для Айн Рэнд? Квинт-эссенцию своего миропонимания она выразила словами Киры Аргуновой: «Представлять себе рай небесный, но не мечтать о нем, а стремиться к нему, требовать!» [Рэнд 2011: 115]. Эскапизм самой Айн Рэнд, стремление «переделать карту звездного неба» отразились в мироощущении ее любимой героини. Anne C. Heller, биограф писательницы, отмечала: «Rand wanted to be the architect of an American utopia that looked backward to the gilded age of American industrial titans» [Heller 2010: 3]. Америка Айн Рэнд была ее личной утопией, она стремилась к ней всю свою жизнь, а главное отличие своей индивидуалистической утопии от советской она видела в том, что ее рай — не вы-

думка, а цель, к которой человек деятельно стремится.

Слово «живой» в романе много раз обыгрывается, обрастая разнообразными значениями. Что такое быть живым для героев? «Раньше она всегда знала, что она живая, особо не задумываясь над этим. Но теперь она вдруг обнаружила, что простое выживание превратилось в проблему... Нужно было очень стараться, чтобы всего лишь оставаться живыми. <...> Она была готова все свое время отдавать этой борьбе за жизнь, если бы только сама жизнь <...> оставалась чистой и нетронутой» [Рэнд 2011: 133]. «Выживание» и «жизнь» становятся для Киры Аргуновой нетождественными понятиями. Первое описывает ее жалкое существование в Советской России, второе же в ней невозможно в принципе.

Советская Россия постреволюционных лет видится Айн Рэнд в завязке романа одной большой пустыней, «бесплодной пустыней, протянувшейся на многие версты» [Рэнд 2011: 17]. «Пустота» — ключевое слово, которое она использует при описании родной страны: «Пустое пространство неба висело над пустым пространством земли...» [Рэнд 2011: 17]. С одной стороны, пустота — это отсутствие чего бы то ни было, но именно с пустоты и начинаются все вещи. С пустотой традиционно соотносится космос. Пустыня — вместилище этого космоса, «библейские пророки считали ее самым подходящим местом для божественного откровения» [Кирло 2007: 358].

Главная героиня романа, Кира Аргунова, мечтает возвести в этой пустыне свое здание: она учится на инженера, собираясь «построить дома из стали и стекла, а из белого алюминия — мост через голубую реку» [Рэнд 2011: 43]. Образы стеклянного дома и алюминиевого моста вовсе не случайны: они восходят к утопическим «хрустальным и алюминиевым дворцам» Н. Г. Чернышевского, знаменуя собой мечту Киры о лучшей жизни, а также являются символом прекрасного нового мира, который можно создать заново в полной пустоте Советской России. Героиня живет мечтой об этом мире: «Хотя бы один короткий час, несмотря на то что ее желудок трепетал от голода, она смогла подарить мечтам о том, что станет когда-нибудь инженером и будет строить алюминиевые мосты и башни из стали и стекла, и о том, что перед ней есть какое-то будущее» [Рэнд 2011: 201].

Когда Кира делится с Лео Коваленским своими мечтами, он говорит о том, что Кира поспешила родиться (или опоздала, что для него одно и то же): «Ведь это проклятие —

уметь заглянуть дальше, чем позволено. Безопаснее в наши дни смотреть вниз — и чем глубже, тем надежнее» [Рэнд 2011: 79]. Предрекая ей поражение в борьбе против «вшей», он называет его напрасным, упрекая ее в том, что она принимает «вшей» за «львов». Здесь прослеживается очевидный символизм: лев как символ героического в человеке и имя любовника Киры совпадают. В финале романа Кира, когда последний предаст ее, придет к выводу, что некоторые «львы» могут стать «вшами», если их лишит ощущения реальности (чем и занимаются советские идеологи).

Жизнь в Советской России становится синонимом бесконечной череды страданий, причем страдания эти имеют плутоническую (Плутон в мифологии связан не только со смертью, но и с возрождением и трансформацией всего сущего) природу — их надо трансформировать в счастье: «Мы несем в себе страдания не только всех прошлых, но и будущих поколений. Каждая минута наших нынешних страданий превратится в десятилетия счастья для будущих поколений» [Рэнд 2011: 189].

А счастье нужно построить. Строительство — ключевая тема романа. В то время как героиня мечтает построить свое, «хрустальное» и «алюминиевое», в Советской России полным ходом идет стройка социализма, и такие обороты, как гражданин — «кирпичик, бесполезный сам по себе, пока он намертво не скреплен раствором с другими кирпичами, такими же, как и он сам» [Рэнд 2011: 42], отсылают нас к советским производственным романам начала прошлого века («Время, вперед!» А. Катаева, «Цемент» В. Гладкова и т. п.). В то же время метафоры «строительство светлого будущего» и «рождение „нового человека“» низводятся писательницей до низменных бытовых потребностей: «Мы построили затхлую кухню с одной старой печкой!» [Рэнд 2011: 381]. Из этой печки вышли «извивающиеся ничтожества»: «Этих тщедушных людишек даже не нужно наказывать. Они покорно берут кнут в руки и секут сами себя» [Рэнд 2011: 381].

«Извивающиеся ничтожества» — все, кто в романе приспособился к новой власти, смирился и обрек себя на медленное разложение посреди пустоты страны победившего коммунизма, «мертвенно-бледные, замерзшие тени» [Рэнд 2011: 94]. Холод, смерть, разложение, пустота — всеми этими образами полны описания советского Ленинграда. Закатное солнце, символизирующее Советскую Россию, описывается зловещим и холодным, «как мертвая кровь» [Рэнд 2011: 96]. Дома, словно «мертвые... смотрели на

пустынную улицу» [Рэнд 2011: 124]. Улицы напоминали «длинный серый тоннель, в котором стояла мертвая тишина» [Рэнд 2011: 157]. «В парадном подъезде царил мертвый сырой холод мавзолея» [Рэнд 2011: 364]. Те, кто создает видимость жизни в этой стране, полностью теряют человеческий облик. Наряду с безликими образами партийных служащих (Павел Серов, товарищ Соня, Тимошенко, Морозов и другие), взбалмошной Мариши, по-своему приспособившейся к советскому быту, а также аристократствующей Платошкиной, в романе есть и достаточно яркие образы коммунистов.

Виктор Аргунов и Андрей Таганцев — два образа-антипода. Виктор умирает как человек при жизни, обрекая жениха своей сестры Ирины (а вместе с тем и ее саму) на верную гибель и произнося при этом расхожую советскую фразу: «Наш общественный долг превышает всех личных интересов» [Рэнд 2011: 362]. Андрей, напротив, демонстрирует лучшие человеческие качества, спасая Лео Коваленского от властей ради Киры, которую любит больше жизни. Смерть при жизни первого оттеняется самоубийством второго. Похороны Таганцева нарисованы в романе в inferнальных красках: «Стоял пронизывающий до костей холод, который, под стать густому туману, проникал в дома сквозь стены и щели в замазанных окнах. Небо было разорвано на серые лоскуты, и облака, казалось, были замазаны бледными голубоватыми чернилами, по низу которых еще нанесли слой мутной воды с мыльными хлопьями, окончательно размывшей голубой цвет» [Рэнд 2011: 440]. Эти похороны достигают масштабов похорон целой страны. Ужас происходящего усилен случайно вырванными репликами горожан, насильно согнанных на похороны «павшего борца революции». Происходящее напоминает пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад», где каждый говорит о своем, где каждый диалог похож на монолог отдельно взятого одиночества:

« — Вот черт! Я оставила суп на примусе. Растечется по всей комнате.

— Товарищ, перестаньте чесаться.

За жи-и-изнь его, че-е-есть и сво-о-ободу...

— Товарищ, перестаньте щелкать семечки. Это неприлично.

— Делается это так, Прасковья: чистишь лук и добавляешь щепотку любой муки, какой сможешь достать, после чего выливаешь немного льняного масла и...

— А этим-то с какой стати стреляться?» [Рэнд 2011: 443].

Образ героя, тесно связанный с темой «воскрешения из мертвых», — Лео Ковален-

ский. Кира спасает его от смерти за счет связи с Андреем Таганцевым, отправляя его на лечение в Крым. Едва не умерев физически, в финале романа Лео умирает духовно, предав свою мечту уехать из страны и бросив Киру ради денег Платошкиной. Лео заявляет Кире: «Как ты считаешь, был ли Лазарь признателен Иисусу за то, что тот, как говорится в Библии, воскресил его из мертвых? Мне кажется, что не более, чем я тебе» [Рэнд 2011: 430]. Именно после того, как Кира потеряла Лео как личность, она поняла окончательно, что более ее ничто в этой стране не держит.

Кроме пустыни, Советская Россия обозначена рядом других интересных образов. В начале романа представлен весьма характерный для Айн Рэнд образ поезда (который затем появится в ее последнем произведении — «Атлант расправил плечи»), в котором едут домой все выброшенные революцией из родного Петрограда люди. Второй образ — яблоко, которое катится вдаль, — тесно связан с первым. Образ яблока возникает в известной народной песне, переделанной большевиками, которая возвещает у Айн Рэнд о судьбе русского народа, ставшего большим и необъятным «мы», и которую «пели миллионы глоток» [Рэнд 2011: 16]. Слова песни заключают один из ключевых конфликтов, в который вовлечена вся Советская Россия: «Я-то в красные пошел, а милка в белые...» [Рэнд 2011: 16]. Разделенность людей, вызванная революцией, вмешательство государства в личную жизнь людей — лейтмотивы романа Айн Рэнд — заявлены в этих строчках.

Советская Россия также представлена в романе с помощью очень яркого образа тюрьмы. Из нее нет выхода: «Вы живете здесь, в Советской России. Можете ненавидеть ее, можете задыхаться здесь, но не пытайтесь отсюда сбежать» [Рэнд 2011: 126]. Другой образ, возникающий в связи с родной писательницы, — кладбище. Герои «погребены живо на этом советском кладбище» [Рэнд 2011: 259]. Еще один образ — армия — парадоксально сочетается с религиозными мотивами: «Раньше этот зал был дворцом, сегодня он походил на храм; присутствующие напоминали армию, которая с напряжением и вниманием ожидает приказов от своих командиров» [Рэнд 2011: 313]. Портреты вождей революции сравниваются с иконами: в этом заключается иронизирование Айн Рэнд над режимом, преклоняющимся перед кучкой людей. Посвящение в пионеры сопоставляется с таинством церковного крещения: «Мы устроим настоящие красные крестины. Никаких попов,

только наши партийные товарищи» [Рэнд 2011: 419].

Советский режим, как уже говорилось, ассоциируется у Айн Рэнд с победой вши. Этот образ выбран ею в качестве выражающего авторскую оценку наиболее полно, наряду с такой постоянно упоминаемой деталью, как примус. При этом примус появляется в романе как контекстуальный антоним Божьему гневу и войне: «Когда-то людьми правили ниспосылаемые Богом с небес гром и молния. Затем ими стал править меч. Сегодня людьми правит примус» [Рэнд 2011: 381]. Выживание — та грань, на которой стоят герои романа, желающие не выживать, но жить.

Примус — это вообще одна из ключевых деталей, с помощью которых характеризуется быт советского человека, что отмечается в работе К. Н. Салимовой [Салимова 2014]. Перед ним преклоняются, как перед языческим богом, его считают «первым знаменем новой жизни», невзирая на то, что «сделано в Швеции». Другой подобный образ — буржуйка, которая имела «у тех, кому не по карману было топить настоящими поленьями печи в своих когда-то роскошных домах» [Рэнд 2011: 133]. Бытовые сцены романа крутятся вокруг примуса: на нем готовят, о нем говорят, его дарят наряду с «полным собранием сочинений Ленина в красном бумажном переплете» [Рэнд 2011: 303]. Примус не только полезен, но и опасен: «У Веры Бородиной взорвался примус прямо в руках. Она ослепла, а ее лицо — это что-то ужасное, словно она была на войне» [Рэнд 2011: 153].

Примус (а шире — выживание) — то, ради чего люди ежедневно отдают свою настоящую жизнь: «Почему я должна выучивать наизусть газеты, словно стихи? Конечно, мне нужен керосин для примуса. Но значит ли это, что для того, чтобы иметь керосин и готовить кашу из проса, я должна знать имя каждого вонючего рабочего на каждом вонючем месторождении, где добывают керосин? Два часа ежедневного чтения новостей государственного строительства ради пятнадцати минут стряпни над примусом?» [Рэнд 2011: 334]. Так Айн Рэнд исподволь продвигает идею: легче умереть физически, чем так существовать.

Говоря о быте советских людей, Айн Рэнд неизменно употребляет слово «советский» в негативном смысле: «все некачественные отечественные изделия назывались „советскими“: были „советские“ спички, которые нельзя было зажечь, „советские“ платки, которые рвались, как только их надевали, „советские“ ботинки с картонными подметками» [Рэнд 2011: 193—194]. В Советском Союзе также была своя помада, только она

отличалась от заграничной: «На Кузнецком рынке... продают новую помаду, советскую, к тому же дешевую. Только говорят, что ею нельзя пользоваться, потому что ее делают на жире лошадей, умерших от сапа» [Рэнд 2011: 198].

Что же находится вне «советской пустоты»? «Там, за границей, начиналась жизнь» [Рэнд 2011: 118]. Она «просачивается» в Советскую Россию по каплям. В романе эта заграничная «настоящая жизнь» воссоздается по деталям. Самое популярное слово, которое используется при упоминании Запада — «говорят». «Но говорят, что там, за границей, красят <губы> — и это совершенно нормально» [Рэнд 2011: 75]; «За границей... я слышала... нет продовольственных карточек, кооперативов и всего такого. Просто идешь в магазин и, когда хочешь, покупаешь хлеб, картошку и даже сахар» [Рэнд 2011: 152]; «Говорят также, что там и одежду покупают без всяких профсоюзных заказов» [Рэнд 2011: 152]. Кроме губной помады, доступных продуктов и одежды, множество других вполне бытовых деталей живописует «иную» жизнь — например, черное нижнее белье: «Вот что носят за границей. Там не боятся восхитительных глупостей. Там считают, что если вещь мила, зачем от нее отказываться» [Рэнд 2011: 365]. Еще одно «окно» в заграничную жизнь — это кинематограф: «На экране... веселые, счастливо улыбающиеся люди танцевали в сияющих залах, бегали по песчаным пляжам — с развевающимися по ветру волосами, люди с крепкими, эластичными, чудовищно здоровыми мускулами» [Рэнд 2011: 175]. Какой контраст с мрачными пейзажами родины!

Кира Аргунова видит знаки «иной» жизни во всем. В этих знаках зачастую узнается Америка, которую сама Айн Рэнд, будучи в возрасте Киры, «намечтала» себе: «America, she decided, was the place on earth where she would find real people and the country in which she wanted live and work» [Heller 2010: 15]. Викинг, герой книги, прочитанной в детстве, представляется Кире держащим хрустальный кубок: «Он сверкал, словно зажженный факел» [Рэнд 2011: 42]. Вся его фигура, держащая над городом поднятый вверх кубок, отсылает читателя к статуе Свободы (в первоначальном варианте романа Айн Рэнд приводила сказку о викинге, которая явно раскрывала ее философскую позицию: ненависть к коллективизму и прославление индивидуализма). Другое упоминание Америки в романе — изображение американского небоскреба над детской кроватью Киры. В романе оно является антитезой иконе над кроватью ее сестры Иры: таким образом уже

в завязке романа задается противопоставление двух сестер друг другу (что выражено и через имена героинь: Кира в переводе с древнегреческого «госпожа», тогда как Ирина — «мир, покой»; таким образом, в семантике двух имен выражен разный импульс к жизни: активное и пассивное действие).

Страницы прощания Киры Аргуновой с Родиной, пожалуй, одни из самых удачных в художественном отношении в романе «Мы живые». После разрыва с Лео Коваленским героиня решает во что бы то ни стало покинуть Советскую Россию, покупает билет до латвийской границы, продает все свои заграничные платья и тщательно готовится к побегу. Символика белого цвета, в который облачается Кира, помогает писательнице передать важность этого решения для Киры. Кроме чисто утилитарного значения (белая одежда будет незаметна на снегу, а значит, пограничники не смогут ее увидеть), белый цвет — символ чистоты. Надевая свадебное платье матери, Кира символически готовится к новому рождению — там, за границей: «Кира не была мертва. Она просто ждала своего рождения» [Рэнд 2011: 462].

Однако белый — символ смерти [Кирло 2007: 468] во многих культурах мира. Недаром покойников заворачивают в белый саван. Позднее, после выхода романа в свет, Айн Рэнд писала: «Я показываю, какое зло диктатура, что она делает с лучшими людьми. Если бы я дала Кире выжить, то оставила бы у читателя ощущение, что государственный централизм — плохая штука, но вы всегда можете убежать, а значит, у вас есть надежда <...> Да, люди бегут, но мы никогда не узнаем, сколько их погибло, пытаюсь убежать. Спасение Киры сделало бы роман бессмысленным. Тема „Мы живые“ такова, что ей пришлось умереть» [Рэнд 2012: 221].

Белый цвет имплицитно появляется еще до того, как Кира садится в поезд: она покупает сахарин у дяди Василия. Покупка становится для героини актом прощания с родной землей. Интересно, что Кира дает дяде деньги, хотя он предлагает ей просто взять сахарин: «Ни в коем случае... Или я не подхожу вам в покупатели? Это может принести вам удачу» [Рэнд 2011: 460]. Дальнейшее творчество Айн Рэнд и ее философские работы объясняют этот эпизод: деньги являются мерилем ценности в системе объективизма, и любой труд должен быть оплачен. Вспомним слова автора в романе «Атлант расправил плечи»: «Деньги — барометр общественной добродетели» [Рэнд 2009: 94—95]. Затем в поезде Кира замечает «женщину, прижимающую холодную белую грудь к устам младенца» [Рэнд 2011: 462]. Символ

жизни — женская грудь — совмещается с белым цветом, цветом смерти, и наделяется эпитетом «холодная», чем подчеркивается невозможность жизни в Советской России.

Финал романа переключается с его началом: Айн Рэнд вновь возвращается к образу поезда, а затем — пустыни, пустого, ничем не заполненного пространства, мертвого и ожидающего жизни. Чтобы пересечь границу, героиня должна пройти через огромное заснеженное поле: «Позади у нее ничего не оставалось. Она словно выбиралась из белой, нереальной пустоты <...> Она жива, жива, находясь в одиночестве посреди мертвой пустыни. Она еще не умерла, и поэтому ей нужно идти. Она должна выбрать» [Рэнд 2011: 465].

Фанатичная устремленность Киры туда, за край горизонта, метафорически выраженная в романе и достигающая своей кульминации в его финальной сцене, снова вынуждает нас обратиться к символике цветописи: «Большинство слов, содержащих корень „бел“ (alb) — Альберих, король-эльф, река Эльба, Альпы (а в России — Эльбрус, у северного подножия которого располагался, как считают, славяно-ведический рай Ирий), указывают на эту связь с сверхъестественным. Согласно Генону, белый цвет представляет собой духовный центр. Туле, как и „белый остров“, „Беловодье“ и арийская гора Меру... в индусской и других арийских культурах отождествлялась с „земным раем“» [Кирло 2007: 468]. К. В. Чистов отмечает: «Итак, Беловодье — не определенное географическое название, а поэтический образ вольной земли, образное воплощение мечты о ней. Это подтверждается и составом слова „Беловодье“. Первая часть его *бело* несомненно воспринималась не как название цвета, а связывалось с другим значением прилагательного *белый*, хорошо известным и в старом русском языке, и в диалектах, и отчасти сохранившимся в современном литературном языке — „чистый, свободный от чего-либо, вольный“» [Чистов 2011: 291—292]. Хотя роман «Мы живые» написан на английском языке (в оригинале анализируемый отрывок звучит следующим образом: «She had left nothing behind. She was walking out of a void, a void white and unreal as that earth around her» [Rand 1959: 308]), такие глубинные связи с русской национальной концептосферой лишней раз подчеркивают, что Айн Рэнд была русской не только по происхождению, но отчасти и по образу мышления, несмотря на то, что сама она это отрицала.

Итак, героиня умирает, не достигнув границы, не добравшись до своей мечты, причем погибает она достаточно глупо: от вы-

стрела в воздух пограничника, которому было лень спуститься и проверить, а есть ли там кто-то внизу. Айн Рэнд приводит подробную биографию этого пограничника с обобщенным именем Иван Иванов, используя типично гоголевский прием генерализации персонажа и детализации жизни второстепенных для сюжета героев. Подчеркивая полную никчемность этого пограничника, абсолютную бесцельность его жизни («Гражданин Иван Иванов так и не научился читать» [Рэнд 2011: 468]), Айн Рэнд тем самым подчеркивает ужасающий контраст между живым и мертвым; между рвущейся из страны полной жизни и планов Киры и бесполезным, тупым, равнодушным и мертвым внутри пограничником.

В финальной сцене, на рассвете, героиня видит последнее живое существо перед собой. И это — дерево: «Посреди равнины одиноко стояло маленькое деревцо. Хрупкие редкие веточки его не удерживали снега. В напряженном ожидании будущей весны и жизни оно тянулось своими тонкими черными ветками к заре, занимающейся над необъятной землей» [Рэнд 2011: 472]. «Дерево символизирует нескончаемую жизнь и, следовательно, бессмертие» [Рэнд 2011: 142]. В последние минуты своей жизни Кира понимает, что с ее смертью жизнь не прекратится: «Непобежденная жизнь существует и будет существовать» [Рэнд 2011: 472].

Конечно, самой Айн Рэнд удалось вырваться из Советской России в страну своей мечты, которую она во многом себе придумала: «Потом, в Америке, <она> была шокирована, увидев, что те же самые противоречивые идеи, которые разрушили ее родину, были на подъеме и здесь» [Вильгоцкий 2015: 50]. «Живое» и «мертвое» в ее первом романе служат цели, которую писательница ставила перед собой: рассказать миру правду о социализме как системе, калечащей личность человека, и, в конечном счете, распространить свои собственные взгляды в США, что ей, надо признать, удалось. Первоначальное название романа «Спертый воздух: роман о красной России» не зря показалось автору неудачным: заголовок «Мы живые» отразил поэтику романа как нельзя лучше, утвердив оптимизм Айн Рэнд и ее веру в величие человеческого разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильгоцкий А. Кто такая Айн Рэнд? — М. : АСТ, 2015.
2. Кирло Х. Словарь символов / пер.с англ. — М. : Центрполиграф, 2007.
3. Манн Ю. Поэтика Гоголя. — М. : Художественная литература, 1978.
4. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд / пер.с англ. — М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012.
5. Рэнд А. Атлас расправил плечи : пер.с англ. В 3 ч. Ч. 2. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009б.

6. Рэнд А. Мы живые. — М. : Альпина Паблишер, 2011.
7. Рэнд А. Ответы: об этике, искусстве, политике и экономике : пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2012.
8. Рэнд А. Строители монументов // Добродетель эгоизма / А. Рэнд. — М. : Альпина Паблишер, 2015а. С. 111—118.
9. Рэнд А. Этика коллективизма // Добродетель эгоизма / А. Рэнд. — М. : Альпина Паблишер, 2015б. С. 103—110.
10. Салимова К. Н. «Мы живые» Айн Рэнд как роман о Советской России // Филология и культура. 2014. № 3. С. 56—59.

11. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). — СПб. : Дмитрий Буланин, 2011.

12. Юзэфович Н. Г. Субстрат «идеология коллективизма» в произведениях Айн Рэнд // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 242—248.

13. Heller Anne C. Ayn Rand and the world she made. — New York : Doubleday, 2010.

A. V. Grigorovskaya
Tyumen, Russia

THE FIRST AMERICAN NOVEL ABOUT SOVIET RUSSIA: «THE LIVING» AND «THE DEAD» IN AYN RAND'S NOVEL «WE THE LIVING»

ABSTRACT. *The novel of the American writer from Russia Ayn Rand «We the Living» is the first American novel about Soviet Russia, in which social and political realities of those times are reflected. The article studies everyday home, social and political life aspects of post-revolutionary Russia. The topic of the article is the analysis of the opposition «the living-the dead» in the novel on all levels of the poetic (system of characters, real objects world, author's position, psychologism, etc.). The author uses the following methods for analysis: systemic-holistic, the historic-comparative, typological as well as the elements of biographical and mythological methods. In the result of analysis the author comes to the conclusion that the analyzed opposition is used by Ayn Rand to demonstrate malignancy of any ethatical system. The analysis significantly enhances the readers' comprehension of the little-studied novel as well as helps to specify the origins of Ayn Rand's critical relation to socialism as a political system. These results may be used in practical foreign literature teaching at universities.*

KEYWORDS: *Ayn Rand; «We the living»; opposition «the living — the dead»; American literature; Russian emigrant prose; ethatism; socialism; utopia; anti-utopia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Grigorovskaya Anastasiya Vasil'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages; State Agrarian University of Northen Transurals, Tyumen, Russia.*

REFERENCES

1. Vil'got'skiy A. Kto takaya Ayn Rend? — М. : AST, 2015.
2. Kirlo Kh. Slovar' simbolov / per.s angl. — М. : Tsentrpoligraf, 2007.
3. Mann Yu. Poetika Gogolya. — М. : Khudozhestvennaya literatura, 1978.
4. Peykoff L. Ob"ektivizm: filosofiya Ayn Rend / per.s angl. — М. : Astrel' : Poligrafizdat, 2012.
5. Rend A. Atlas raspravil plechi : per.s angl. V 3 ch. Ch. 2. — М. : Al'pina Biznes Buks, 2009b.
6. Rend A. My zhivye. — М. : Al'pina Pablisher, 2011.
7. Rend A. Otveti: ob etike, iskusstve, politike i ekonomike : per. s angl. — М. : Al'pina Pablisher, 2012.

8. Rend A. Stroiteli monumentov // Dobrodetel' egoizma / A. Rend. — М. : Al'pina Pablisher, 2015а. S. 111—118.

9. Rend A. Etika kollektivizma // Dobrodetel' egoizma / A. Rend. — М. : Al'pina Pablisher, 2015b. S. 103—110.

10. Salimova K. N. «My zhivye» Ayn Rend kak roman o Sovetskoy Rossii // Filologiya i kul'tura. 2014. № 3. S. 56—59.

11. Chistov K. V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend). — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2011.

12. Yuzefovich N. G. Substrat «ideologiya kollektivizma» v proizvedeniyakh Ayn Rend // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 242—248.

13. Heller Anne C. Ayn Rand and the world she made. — New York : Doubleday, 2010.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Г. Новикова.

К. А. Мележик
Симферополь, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье определяются факторы, характеризующие политику интернационализации высшего образования, которая представляет собой его интеграцию в международную экономику и инфраструктуру с помощью английского языка как универсального контактного инструмента этого процесса. Интеграция российского университетского образования в международные образовательные сети, сопровождаемая целенаправленным внедрением английского языка, рассматривается как интернационализация «сверху», а интернационализация «снизу» охватывает всех членов университетского сообщества, использующих английский язык в организационной и профессиональной сфере. Для обозначения английского языка специализированной межнациональной коммуникации предлагается термин «предметно-ориентированный английский лингва франка». Исследование предметно-ориентированного лингва франка университетского сообщества проводится на материале, полученном в ходе наблюдений над использованием английского языка тремя группами студентов и преподавателей неязыковых специальностей Крымского федерального университета. Эксперимент по самооценке их коммуникативной компетенции дает представление о вариативности уровней владения предметно-ориентированным английским лингва франка; групповые особенности произношения и грамматического оформления предметно-ориентированного английского лингва франка раскрываются путем исследования ядерных и периферийных социофонетических и морфосинтаксических переменных в сопоставлении с нормами британского варианта английского языка. Наибольшие отклонения от стандартного английского языка фиксируются в тех категориях предметно-ориентированного лингва франка, которые отличаются от соответствующих категорий русского языка и имеют более выраженную семантическую маркированность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: университетское сообщество; интернационализация «сверху» и «снизу»; предметно-ориентированный английский лингва франка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мележик Карина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4, e-mail: melezhhik.karina@yandex.ru.

Интернационализация высшего образования — это процесс перехода от традиционного высшего образования, в системе которого вузы обеспечивали потребности национальной экономики и инфраструктуры, к обеспечению потребностей интернациональной экономики и инфраструктуры. Этот процесс заключается в интеграции международного, межкультурного или глобального измерения в цели, функции и способах предоставления высшего образования [Knight 2003]. В ходе интернационализации английский язык (АЯ) используется как прагматический инструмент становления глобальной сети высшего образования и международной академической коммуникации.

АЯ не только служит основным иностранным языком высшего образования в странах Европы, но, по мнению немецкого исследователя У. Аммона, он активно завоевывает позиции доминирующего языка преподавания — *English-medium teaching* [Ammon, McConnell 2002: 7]. Подтверждение этому мы находим в исследованиях Европейской ассоциации академического сотрудничества — *Academic Cooperation Association*, представленных на европейском семинаре «Болонья-2020» [Seminar Bologna 2008]. В докладе, подготовленном к открытию семинара, директор Ассоциации Б. Вехтер выделил шесть групп факторов, характеризующих политику интернационализации европейского высшего образования [Wächter 2008: 2—5]. Ее наиболее важным проявлением Б. Вехтер считает постоянно растущую

мобильность студентов, выезжающих за пределы своей страны для обучения в зарубежном университете, и, в меньшей степени, мобильность преподавателей и научных работников. Форма студенческой мобильности определяется либо обучением в течение одного-двух семестров без получения диплома, либо более длительным обучением с целью получения диплома. Горизонтальная мобильность может реализоваться путем естественного перераспределения студентов по интересам между европейскими странами, имеющими одинаково развитые системы высшего образования, а вертикальная мобильность — путем выезда студентов из стран с менее развитой системой образования в страны с более развитой системой. Пример горизонтальной мобильности — европейская программа «Эразмус Мундус», а пример вертикальной мобильности — выезд студентов из развивающихся стран на учебу в ведущие европейские университеты.

Мобильность студентов, преподавателей и научных работников требует признания на государственном уровне дипломов, степеней, продолжительности обучения, квалификационных критериев, курсов, модулей и т. п. Взаимное признание, предусматриваемое Болонским процессом, дает международный статус системам образования разных стран и тем самым поощряет мобильность студентов при движении между ними [Graddol 2006: 72].

Присутствие иностранных студентов, преподавателей и научных работников не-

возможно без **реформирования учебных программ** с целью включения в их содержание интернационального компонента и внедрения новых способов и инструментов обучения, что составляет третью группу факторов интернационализации. Наряду с преподаванием на АЯ, политика реформирования инструментов организации обучения реализуется посредством различных международных и региональных программ, представляющих собой так называемую «интернационализацию дома» — *internationalisation at home*, т. е. интегрированные курсы и взаимно признанные обмены студентами, распределенными между сотрудничающими университетами [Joint/double/multiple degrees 2013].

Еще одно широко распространенное направление транснационального образования представлено разнообразными формами зарубежных филиалов, представительств, факультетов так называемых **офшорных высших учебных заведений**, осуществляющих обучение в соответствии с программами головного вуза путем получения лицензии третьего уровня в данной стране. Здесь присутствует особая форма мобильности, когда не студенты выезжают за пределы своей страны, а зарубежный вуз предлагает им свою программу на месте.

Указанным формам интернационализации способствуют такие факторы, как **маркетинг и продвижение за рубежом** предложений высших учебных заведений, их специальностей, программ и т. п. Образование становится предметом экспорта, а конкурентоспособность университета часто оценивается количеством иностранных студентов, которых он может привлечь, и количеством международных партнерских программ, которые он может организовать [Hagers 2009].

Координация взаимодействия всех факторов осуществляется посредством целенаправленной **межгосударственной политики интернационализации**, осуществляемой органами ЕС — *The agenda of the European Higher Education Area (EHEA)*, которая предусматривает принятие общих критериев аккредитации на основе Европейского регистра высших учебных заведений, внедрение трехступенчатой структуры ученых степеней (*the Bachelor-Master-PhD degree architecture*) и другие мероприятия [Wächter 2008: 2—5].

Совершенно очевидно, что интеграция международного измерения в европейское высшее образование требует всеобъемлющего внедрения АЯ в качестве универсального контактного инструмента высшего образования [Paag 2014; Rigg 2013], и, хотя этот процесс проходит весьма активно, он еще далек от завершения. На июнь 2013 г. общее

количество англоязычных программ европейских университетов достигло 6407, увеличившись на 38 % по сравнению с 2011 г. В том числе количество программ, преподаваемых полностью на АЯ, возросло на 42 % (с 3701 до 5258), а количество программ, преподаваемых частично на АЯ, возросло на 19 % (с 963 до 1149) [Brenn-White 2013].

Использование АЯ в учебных целях не только способствует количественному и качественному развитию европейских университетов за счет привлечения иностранных студентов, но и отвечает актуальной потребности остановить утечку отечественных мозгов в США, Австралию, Канаду и другие страны [Faber 2010: 24]. Ключевая роль АЯ определяется тем, что он усиливает тенденции мобильности, дает возможность студентам конкурировать на глобальном рынке труда, сглаживает культурные и языковые различия и побуждает администрацию университетов расширять программы обмена, вводить двойные дипломы и содействовать участию своих ученых в зарубежных исследованиях [Rigg 2013]. Таким образом, дальнейшее внедрение АЯ обеспечивает интернационализацию высшего образования и науки как путем координации в рамках Болонского процесса, так и благодаря международному характеру производства и потребления научной информации.

В сфере интернационализации российского высшего образования АЯ применяется не только благодаря мобильности многочисленного студенческого и научного сообщества, но и в силу обязательной регламентации образовательной деятельности. Российская государственная высшая школа — это целостная система, состоящая из более чем 650 государственных университетов, в которых обучается около 9 млн человек, в том числе более 210 тыс. иностранных граждан из почти 200 стран мира. Обучение на английском языке осуществляется по 20 специальностям как в рамках программ подготовки бакалавра, специалиста, магистра, так и по программам последипломного образования [Обучение в России. Организация «РАКУС» 2011].

В процессе интернационализации российского высшего образования наблюдаются те же тенденции, что и в ведущих университетах других регионов мира. Наиболее распространенным направлением интернационализации является деятельность по привлечению иностранных студентов для обучения в высших учебных заведениях Российской Федерации. Перспективы расширения других аспектов этого процесса заключаются прежде всего в преодолении недостаточной мобильности российских студентов, преподавателей

и исследователей, которая отчасти связана с низким уровнем владения английским языком — основным инструментом профессионального общения в интернациональной академической среде [Еникеева 2011].

Разнообразие мнений и подходов к решению задачи внедрения АЯ в университетский учебный процесс свидетельствует, что ведущие деятели российского высшего образования еще не определились с тем, как научить своих студентов и преподавателей эффективно пользоваться этим инструментом интернационализации. Так, например, проректор МГУ им. М. В. Ломоносова А. Р. Хохлов считает нецелесообразным переводить все курсы на АЯ, когда преподаватели и студенты «говорят по-русски гораздо лучше, чем по-английски, а лекции тем не менее читаются на английском языке». А. Р. Хохлов предлагает вводить АЯ с таких более продвинутых этапов образования, как аспирантура и магистратура, приглашать зарубежных ученых для научной работы и чтения лекций, организовывать семестровые стажировки на основе заключенных с рядом зарубежных университетов соглашений об обмене студентами старших курсов [Быкова 2012].

Если судить по содержанию образовательной деятельности многих российских университетов, обучение на АЯ постепенно охватывает различные направления и специальности. Так, в Санкт-Петербургской медицинской академии им. И. И. Мечникова разрешена додипломная подготовка студентов на английском языке [Мишин, Павлова 2001]. Инженерная подготовка в области высоких технологий в Таганрогском технологическом институте Южного федерального университета (ТТИ ЮФУ) проводится как на русском, так и на английском языке [Южный федеральный университет. ТТИ ЮФУ 2015].

Ректор Университета МИСИС (Московский институт стали и сплавов) Д. В. Ливанов утверждает, что в его университете не только изменили подход к обучению английскому языку, но и пересмотрели понимание того, что такое современное техническое образование: «Основным предметом с точки зрения затрат времени у нас будет не математика, не физика, не химия, а английский язык» [Еникеева 2011]. Международный финансовый факультет Финансовой академии при Правительстве РФ осуществляет подготовку на АЯ бакалавров и магистров по специальности «Международные финансы», предоставляя своим студентам возможность, наряду с российским дипломом, получить диплом одного из престижных западных университетов-партнеров [Быкова 2012]. Российский экономический университет им. Г. В. Пле-

ханова предлагает магистерскую программу «Международный маркетинг», где преподавание всех дисциплин и выполнение всех работ ведется на английском языке и сопровождается возможностью пройти включенное обучение за рубежом, в том числе по программе двойного диплома. Вместе с российскими студентами на АЯ обучаются и иностранные студенты, приехавшие в РЭУ им. Г. В. Плеханова с целью получения двойного и тройного диплома [Plekhanov Russian University 2015].

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) предлагает совместные англоязычные программы, направленные на получение двух дипломов по экономике и менеджменту, при академической поддержке Лондонской школы экономики и политических наук и многих других университетов Великобритании, Германии, Италии, Испании, Люксембурга, Франции и других государств [HSE University 2015].

Таким образом, проводится политика внедрения АЯ как инструмента процесса, который мы назовем интернационализацией «сверху». Интернационализация «сверху» — это интеграция российского университетского образования в международные образовательные сети, участие в международных проектах и программах, использование их потенциала для расширения академической мобильности российских студентов, преподавателей и научных работников.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что интернационализация «сверху» невозможна без интернационализации «снизу». Интернационализация российского университетского образования осуществляется «сверху» путем его целенаправленной интеграции в международную систему высшего образования, а интернационализация «снизу» охватывает всех членов университетского сообщества, овладевающих основным инструментом этого процесса — английским языком. Фактически АЯ университетского сообщества представляет собой контактный язык, английский лингва франка (АЛФ), ориентированный на определенную предметную область. Он предназначен для выполнения функций, связанных с обменом информацией в организационной и профессиональной сфере.

Для обозначения контактного АЛФ межнациональной коммуникации, отражающей любые специализированные домены социально-культурного разнообразия современного общества, мы предлагаем использовать номинацию «предметно-ориентированный английский лингва франка (ПОАЛФ)». В нашем исследовании мы выдвигаем положение о том, что ПОАЛФ — это контактный АЯ межнациональной коммуни-

кации любого сообщества, предметная ориентация которого может определяться как специализированная область политического, социально-культурного, экономического и иного разнообразия современного общества.

ПОАЛФ первоначально формируется в сообществах, включающих представителей одного исходного языка, где он выполняет функцию потенциального инструмента интернационализации, **ПОАЛФ интернационализации**, предназначенного для использования в ситуациях возможных контактов с представителями других исходных языков. Он выполняет двойственную функцию, являясь инструментом языковой политики интернационализации высшего образования «сверху» и инструментом языковой реальности для членов университетского сообщества, участвующих в процессе интернационализации «снизу».

Письменный и устный дискурс на ПОАЛФ представляет одну из форм социальной практики в конкретных социокультурных контекстах, которые определяются фактом принадлежности коммуникантов к данному сообществу, социальными ролями, общими и частными целями отдельных участников, их лингвокультурными знаниями, нормами поведения и ценностями данной социокультурной системы.

Участники коммуникации вовлечены в дискурс не как индивидуумы, а как члены университетского сообщества. Изучение дискурса на ПОАЛФ предполагает учет особенностей речевого взаимодействия, происходящего а) в официальной, институциональной среде или б) в более свободном, неформальном общении. ПОАЛФ выступает как один из факторов коллективной идентификации для членов университетского сообщества, и его пользователи потенциально являются русско-английскими/ПОАЛФ билингвами. В университетской социальной среде такой билингвизм осознается как особое преимущество, повышающее статус личности и открывающее дорогу к тем сферам профессиональной деятельности, которые недоступны для монолингвов.

Одна из задач, которые мы решаем, анализируя наблюдения над различными группами, составляющими университетское сообщество, — как изменяется уровень владения ПОАЛФ от одного университетского поколения к другому в процессе интернационализации «снизу».

Эти особенности изучались на материале, полученном в ходе ряда экспериментов, в которых приняли участие около трехсот студентов и преподавателей неязыковых специальностей, представляющих основные социально-возрастные страты сообщества

Крымского федерального университета. В **первую группу** информантов, использующих АЯ в профессиональной коммуникации, были включены 50 преподавателей в возрастном интервале 28—50 лет, имеющих от 5 до 20 лет стажа педагогической и научной деятельности. Во **вторую группу** вошли 100 молодых преподавателей, аспирантов и соискателей в возрасте от 23 до 30 лет, которые начинают педагогическую карьеру и работают в различных областях вузовской науки в течение 1—4 лет. **Третью группу** составили 150 студентов 4—5-х курсов в возрастном интервале 21—24 года. Опрос информантов проводился в ходе анкетирования и полуструктурированных интервью, проходивших с сентября 2013 г. по май 2015 г. Интервью проводились на условиях анонимности, с тем чтобы в режиме свободной беседы информанты могли продемонстрировать реальный уровень владения АЯ, не опасаясь какой-либо критики и оценки интервьюера. Информантам сообщалось, что все ссылки на их высказывания будут маркироваться только теми инициалами, которые они сочтут нужным указать.

В качестве вводного этапа эксперимента информантам было предложено самостоятельно оценить свою языковую компетенцию в АЯ, опираясь на модифицированные критерии Европейской системы уровней владения иностранным языком. Перечень предъявленных информантам критериев самооценки уровней владения АЯ был составлен в соответствии с банком **иллюстративных дескрипторов**, шкалы которых основываются на системе **категорий, разработанных** для описания общеевропейских компетенций владения иностранным языком [Европейская система уровней владения иностранным языком 2014; Common European Framework 2013]. Описание компетенции владения АЯ распространяется на **виды речевой деятельности, в которых** информант реализует **общую и предметно-ориентированную языковую компетенцию**, т. е. выполняет конкретную коммуникативную задачу в процессе восприятия (аудирование, чтение) и порождения (говорение, письмо) устных и письменных текстов.

Сопоставление величин самооценки членов группы 1 и группы 2 свидетельствует, что в бытовой коммуникации преподаватели старшей возрастной категории уступают своим младшим коллегам по всем видам коммуникативной компетенции, за исключением письменной речи, где их показатели несколько выше. Еще более значительное расхождение в пользу молодых преподавателей, аспирантов и соискателей наблюда-

ется в профессиональной коммуникации, за исключением уровня владения специальной терминологией. Указанные расхождения величин самооценки коммуникативной компетенции подтверждают выдвигаемый в университетском сообществе тезис о необходимости смены преподавательских поколений для успешной интернационализации высшего образования.

Сопоставление величин самооценки членов группы 2 и группы 3 свидетельствует, что в течение нескольких лет после окончания вуза активность молодых преподавателей в бытовой англоязычной коммуникации снижается, и, соответственно, их бытовая коммуникативная компетенция не только практически не развивается, но даже по некоторым показателям становится ниже показателей студентов. В противоположность этому их компетенция в профессиональной коммуникации возрастает и превосходит профессиональную коммуникативную компетенцию студентов по всем видам, за исключением диалогической речи.

Методика самооценки видов коммуникативной компетенции дает возможность составить достаточно реальное общее представление о вариативности уровней владения ПОАЛФ и подводит нас к исследованию собственно языковых средств реализации предметно-ориентированного АЛФ в университетском сообществе.

Сравнивая результаты опроса, прежде всего, отметим, что в среднем 39 % всех респондентов считают, что обучать следует нормам британского варианта; 30 % склоняются к европейскому варианту АЯ; всего лишь 17 % — к американскому, а у 14 % мнение не сложилось. Также преобладает выбор британской модели произношения (61 %), тогда как другие опции набирают всего 10—15 % предпочтений. В представлении большинства респондентов выбор британского варианта как идеальной модели АЯ безусловно соответствует традиционному статусу его норм в учебных программах.

Групповые особенности произношения членов университетского сообщества представляют собой отклонения от норм стандартного британского произношения вследствие естественного влияния русского языка. Они раскрываются путем исследования социофонетических переменных (СФП) в ПОАЛФ на материале, полученном в ходе второго этапа эксперимента, в котором приняли участие около трехсот информантов описанных выше трех групп.

Ядро корпуса социофонетических переменных ПОАЛФ университетского сообщества составляют: для гласных — сокращение

долгих гласных и общий сдвиг к более передней артикуляции; для согласных — оглушение конечных звонких, дентализация альвеолярных, палатализация перед узкими, передними гласными, велярный сдвиг и усиление спиранта [h]. Эти социофонетические переменные встречаются в произношении всех без исключения информантов.

Среднюю зону корпуса социофонетических переменных ПОАЛФ университетского сообщества составляют: для гласных — упрощение системы вокализма путем совмещения артикуляции по аналогии с русскими [e/æ] > [э], [i:/i] > [и], [u:/u] > [у], [ʌ/a/o] > [а], [ɔ] > [о]; переход дифтонгов в бифонемные сочетания; переход [ə:] в [ĕ]. Для согласных — переход велярного [ŋ] > [n] и сдвиг межзубных [θ, ð] > [t, d] или [s, z]. Эти СФП встречаются в произношении 50—80 % информантов.

Периферию корпуса СФП ПОАЛФ университетского сообщества составляют: сдвиги, связанные с аффрикатизацией [tj/dj], потерей [j], переходом [dʒ] в бифонемное сочетание; появлением вибрирующего качества сонанта [r]; переходом билабиального в лабиодентальный [w] > [v]; размыканием смычки [g] как в украинском или южнорусском произношении.

Эти СФП встречаются в произношении 3—22 % информантов. Обращение к опросным листам самооценки информантов, в произношении которых наблюдаются периферийные СФП, свидетельствует, что они встречаются у сравнительно небольшого числа респондентов (8—9 %), оценивших свой уровень владения АЯ как недостаточный.

Незначительные расхождения в использовании СФП средней зоны не дают оснований утверждать об их зависимости от принадлежности к той или иной группе информантов. Небольшое сокращение числа реализаций таких СФП от третьей группы к первой, возможно, связано с увеличением периода англоязычной коммуникативной практики: с накоплением опыта учебной и научной деятельности, требующей использования АЯ, в произношении информантов усиливаются стандартные нормы.

Наиболее маркированные СФП вызывают трудности воспроизведения для носителей русского языка, которые трансформируют английские СФП в менее маркированные структуры по сходству артикуляции в русском языке, как, например, при сокращении долгих гласных и общем сдвиге гласных к передней артикуляции. Из этого следует, что СФП, отмеченные семантической маркированностью, должны вызывать трудности воспроизведения для пользователей ПОАЛФ, и степень трудности непосредственно зависит от степени семантической маркированности.

Носители русского языка, в котором конечные согласные стабильно глухие, будут иметь проблемы воспроизведения английских конечных звонких, так как в АЯ наличие/отсутствие голоса служит семантическим маркером для пар звонких/глухих согласных в трех позициях — начальной, средней и конечной. В русском произношении наличие/отсутствие голоса служит семантическим маркером для пар звонких/глухих согласных только в двух позициях — начальной и средней.

Вследствие этого, встречая внешне аналогичную, но более маркированную структуру в АЯ, информанты естественно пытаются трансформировать ее в менее маркированную структуру по сходству артикуляции в русском языке. Оппозиция звонких/глухих конечных согласных [g] — [k], [d] — [t], [b] — [p], [z] — [s], [v] — [f] и т. д., семантически маркированная в АЯ, отсутствует в русском языке, что ведет к неразличению таких пар, как, например, *rib* : *rip*, *god* : *got*, *love* : *laugh* и т. д.

Можно с уверенностью предположить, что так происходит во всех случаях, когда пользователь ПОАЛФ должен реализовать структуру целевого языка, более семантически маркированную, чем средняя аналогичная структура в родном языке, и он будет пытаться упростить ее и изменить в соответствии с более привычной нормой. Это, в частности, имеет место, когда информанты подменяют маркированные элементы системы консонантизма АЯ, отсутствующие в русском языке, смежными, менее маркированными элементами путем сдвига артикуляции, например: [θ, ð] > [t/d], [s/z]; [ŋ] > [n], [ŋg]; [dʒ] > [d + ʒ] и т. д.

Работа с информантами убеждает, что существует прямая связь между диапазоном трансферации семантических маркеров социофонетических переменных и уровнем владения АЯ. Чем выше уровень владения АЯ, полученный в результате обучения, в том числе и фонетическим нормам и стандартам, тем меньше семантических маркеров русского языка переносится в ПОАЛФ.

ПОАЛФ характеризуется определенными типами морфосинтаксических переменных (МСП), вариативность которых раскрывается на материале высказываний информантов в сопоставлении с грамматическими нормами АЯ. Наибольшую трудность представляют те области АЯ, которые отличаются от соответствующих областей русского языка и имеют более выраженную семантическую маркированность, как, например, категория артикля (30—89 %), МСП предложных словосочетаний (20—74 %) и МСП глагольных категорий вида, времени и перфекта (10—64 %), отклонения от стандартного порядка слов

(40—62 %) и т. п. Аналогическое перенесение грамматических отношений из русского языка в ПОАЛФ, вызывающее изменения структуры предложения и словосочетания (10—52 %), является наиболее типичным видом грамматической интерференции. Грамматическое калькирование (30—47 %) регулярно используется в условиях интернализации АЯ и служит признаком развивающегося двуязычия информантов.

Реализуя маркированные морфосинтаксические структуры АЯ, отсутствующие в русском языке, информанты подменяют их смежными, менее маркированными структурами, как это имеет место с МСП порядка слов и структуры сложных предложений. Информанты трансформируют маркированные грамматические структуры АЯ по сходству или смежности семантики в русском языке, что приводит к появлению НМСФ грамматико-семантического калькирования и МСП замен по морфосемантической смежности. В тех случаях, когда пользователь ПОАЛФ реализует грамматическую категорию АЯ, иначе семантически маркированную, чем аналогичная категория в русском языке, он упрощает ее и изменяет в соответствии с более привычной нормой, как это имеет место с МСП числа и отрицания. Используемые информантами МСП следует признать легитимным фактором развития русского/ПОАЛФ билингвизма и рассматривать их как проявления лингвокультурной специфики коммуникации на ПОАЛФ.

Анализируя языковые средства, мы должны учитывать, что коммуникация на ПОАЛФ определяется не формальными лингвистическими критериями, а такими факторами, как мотивация, лингвокультурные знания, аккомодация, открытость перед лингвистическими инновациями. Члены университетского сообщества — это полноправные пользователи, имеющие возможность не только адаптировать язык применительно к своим потребностям и изменять его, но и формировать свои представления и убеждения, связанные с интернализацией высшего образования. Их ПОАЛФ характеризуется определенными типами фонетических и морфосинтаксических переменных, которые позволяют сделать следующие выводы.

1. Социолингвистическая роль ПОАЛФ заключается в том, что он является одним из способов интеграции членов определенного социально-культурного и языкового сообщества в социально-культурное и языковое пространство интернализации российского высшего образования.

2. Информанты представляют социокультурную стратификацию университетского

сообщества и идентифицируются с ее референтными группами, реализующими устойчивый выбор социально значимых языковых средств.

3. Специфические особенности выбора и использования языковых средств речевой коммуникации, осуществляемой информантами, дают основание рассматривать их ПОАЛФ как самостоятельный вариант контактного АЛФ.

4. Вариативность нестандартных фонетических и морфосинтаксических единиц обнаруживается в устойчивых моделях коммуникативных ситуаций, и языковые факты позволяют с достаточной достоверностью установить особенности функционирования ПОАЛФ в университетском сообществе.

Интерференция русского языка наблюдается в дискурсе информантов, представляющих разные типы национальной и локальной культурной идентичности, которые могут дополнять его индивидуальными особенностями своего произношения и лексико-грамматической системы. Культурные и национально-специфические характеристики ПОАЛФ не имеют определяющего значения, так как это язык коммуникации, а не идентификации говорящих на нем людей. Будучи потенциальным инструментом межнациональной и межкультурной коммуникации, он выступает как один из нескольких языковых кодов, которыми владеют коммуниканты, и, соответственно, уже используется или будет использоваться ими в характерном для межкультурных коммуникативных ситуаций переключении кодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова Н. Обучение в вузе на английском: за и против // Наука и технологии России. 2012. 5 июня. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?catalogid=221&d_no=47139#.u9dwetlpln (дата обращения: 12.06.2015).
2. Европейская система уровней владения иностранным языком. — М.: МФТИ, 2014. URL: http://mipt.ru/education/chair/foreign_languages/articles/european_levels.php (дата обращения: 25.12.2014).
3. Еникеева А. Английский язык инженера до IELTS'a доведет // Наука и технологии России. 2011. 29 марта. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?catalogid=221&d_no=38304#.vcqrt9jxld4 (дата обращения: 25.12.2014).
4. Мишин Е. С., Павлова Г. В. Обучение на английском языке: новый этап в преподавании судебной медицины // Альманах судебной медицины. — СПб., 2001. № 1. С. 43—44.

5. Обучение в России. Организация «ПАКУС». 2011. URL: <http://www.racus.ru/ru/about/about-edu-in-russia/> (дата обращения: 06.05.2015).
6. Южный федеральный университет. ТТИ ЮФУ. 2015. URL: <http://www.russia.edu.ru/vuz/4681/> (дата обращения: 06.05.2015).
7. Ammon U., McConnell G. English as an Academic Language in Europe. — Frankfurt : Peter Lang, 2002. 204 p.
8. Brenn-White M., Faethe E. English-taught master's programs in Europe: A 2013 update. — New York : Institute of International Education, 2013. URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Publications-and-Reports/IE-Bookstore/English-Language-Masters-Briefing-Paper-2013-Update> (date of access: 30.08.2015).
9. Common European Framework of reference for language learning, teaching and assessment. — Council of Europe. Version 16.08.2013. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf (date of access: 25.12.2014).
10. Faber P. English as an Academic Lingua Franca // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 2010. № 23. P. 19—32. URL: http://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/17421/1/RAEI_23_02.pdf (date of access: 30.08.2015).
11. Graddol D. English Next: Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language'. — London : British Council, 2006. 128 p.
12. Hagers M. The Globalization of College: English Becomes Lingua Franca at Dutch Universities // Spiegel Online International. 2009. 20 March. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/the-globalization-of-college-english-becomes-lingua-franca-at-dutch-universities-a-614572.html> (date of access: 21.10.2015).
13. HSE University. 2015. URL: <http://www.hse.ru/en/org/hse/info/> (date of access: 06.05.2015).
14. Joint/double /multiple degrees in European countries // Education, audiovisual and culture executive agency. 2013. URL: http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/beneficiaries/documents/action1/jointdegreeprogrammes_may2013.pdf (date of access: 25.12.2014).
15. Knight J. Updated Definition of Internationalization // International Higher Education newsletter. — The Boston College Center for International Higher Education. 2003. № 33. URL: http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/IHEpdfs/ihe33.pdf (date of access: 21.10.2015).
16. Parr Chr. English language use 'most significant internationalisation trend for HE' // Times Higher Education. 2014. 30 Apr. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/news/> (date of access: 22.10.2015).
17. Plekhanov Russian University of Economics. 2015. URL: <http://business.rea.ru/english/admission-procedure.htm> (date of access: 06.05.2015).
18. Rigg P. English as the lingua franca of higher education? // University World News. 2013. Iss. No 297, 22 Nov. URL: <http://www.universityworldnews.com/> (date of access: 22.10.2015).
19. Seminar Bologna 2020: Unlocking Europe's Potential — Contributing to a Better World. — Ghent, Belgium : Ghent Univ., May 2008. URL: <http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/BolognaSeminars/Ghent2008.htm> (date of access: 09.02.2015).
20. Wächter B. Internationalisation and the European Higher Education Area. — Ghent, Belgium : Academic Cooperation Association (ACA), May 2008. 31 p.

К. А. Melezhih
Simferopol, Russia

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE REALITY OF INTERNATIONALISATION IN THE UNIVERSITY COMMUNITY

ABSTRACT. *The article discusses factors pertaining to the policy of internationalisation of higher education and its integration into the international economy and infrastructure through the universal medium of the contact – the English language (EL). It is argued that the Russian university education is integrated into the international higher education network by the task-oriented implementation of EL, which works as internationalisation “from above” while internationalisation “from below” involves individual members of the university community who are engaged in specialised academic and organisational communication. The new term “domain-oriented English lingua franca (DOELF)” is offered to denote the university communion in the EL as a contact tool for specialised international communication. The research of university DOELF is based on the material collected in a series of experiments with three groups of students and teachers of Crimean federal university. Self-evaluation of their communicative competence demonstrated stable variability in their DOELF levels. Pronun-*

ciation and grammar distinctions of their DOELF discourse are distributed in kernel and peripheral zones of phonetic and morphosyntactic variables, more significant deviations claimed to be in EL categories with more expressed semantic markedness than those in the Russian language.

KEYWORDS: university community; internationalisation "from above" and "from below"; domain-oriented English lingua franca.

ABOUT THE AUTHOR: Melezhik Karina Alekseyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Institute of Foreign Languages, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia.

REFERENCES

1. Bykova N. Obuchenie v vuze na angliyskom: za i protiv // Nauka i tekhnologii Rossii. 2012. 5 iyunya. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?catalogid=221&d_no=47139#u9dwtellpln (data obrashcheniya: 12.06.2015).
2. Evropeyskaya sistema urovney vladeniya inostrannym yazykom. — M.: MFTI, 2014. URL: http://mipt.ru/education/chair/foreign_languages/articles/european_levels.php (data obrashcheniya: 25.12.2014).
3. Enikeeva A. Angliyskiy yazyk inzhenera do IELTS'a dovedet // Nauka i tekhnologii Rossii. 2011. 29 marta. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?catalogid=221&d_no=38304#vcqr9jxld4 (data obrashcheniya: 25.12.2014).
4. Mishin E. S., Pavlova G. V. Obuchenie na angliyskom yazyke: novyy etap v prepodavanii sudebnoy meditsiny // Al'manakh sudebnoy meditsiny. — SPb., 2001. № 1. S. 43—44.
5. Obuchenie v Rossii. Organizatsiya «RAKUS». 2011. URL: <http://www.racus.ru/ru/about/about-edu-in-russia/> (data obrashcheniya: 06.05.2015).
6. Yuzhnyy federal'nyy universitet. TTI YuFU. 2015. URL: <http://www.russia.edu.ru/vuz/4681/> (data obrashcheniya: 06.05.2015).
7. Ammon U., McConnell G. English as an Academic Language in Europe. — Frankfurt: Peter Lang, 2002. 204 p.
8. Brenn-White M., Faethe E. English-taught master's programs in Europe: A 2013 update. — New York: Institute of International Education, 2013. URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Publications-and-Reports/IIIE-Books-tore/English-Language-Masters-Briefing-Paper-2013-Update> (date of access: 30.08.2015).
9. Common European Framework of reference for language learning, teaching and assessment. — Council of Europe. Version 16.08.2013. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf (date of access: 25.12.2014).
10. Faber P. English as an Academic Lingua Franca // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 2010. № 23. P. 19—32. URL: http://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/17421/1/RAEI_23_02.pdf (date of access: 30.08.2015).
11. Graddol D. English Next: Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language'. — London: British Council, 2006. 128 p.
12. Hagers M. The Globalization of College: English Becomes Lingua Franca at Dutch Universities // Spiegel Online International. 2009. 20 March. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/the-globalization-of-college-english-becomes-lingua-franca-at-dutch-universities-a-614572.html> (date of access: 21.10.2015).
13. HSE University. 2015. URL: <http://www.hse.ru/en/org/hse/info/> (date of access: 06.05.2015).
14. Joint/double/multiple degrees in European countries // Education, audiovisual and culture executive agency. 2013. URL: http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/beneficiaries/documents/action1/jointdegreeprogrammes_may2013.pdf (date of access: 25.12.2014).
15. Knight J. Updated Definition of Internationalization // International Higher Education newsletter. — The Boston College Center for International Higher Education. 2003. № 33. URL: http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/IHEpdfs/ihe33.pdf (date of access: 21.10.2015).
16. Parr Chr. English language use 'most significant internationalisation trend for HE' // Times Higher Education. 2014. 30 Apr. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/news/> (date of access: 22.10.2015).
17. Plekhanov Russian University of Economics. 2015. URL: <http://business.rea.ru/english/admission-procedure.htm> (date of access: 06.05.2015).
18. Rigg P. English as the lingua franca of higher education? // University World News. 2013. Iss. No 297, 22 Nov. URL: <http://www.universityworldnews.com/> (date of access: 22.10.2015).
19. Seminar Bologna 2020: Unlocking Europe's Potential — Contributing to a Better World. — Ghent, Belgium: Ghent Univ., May 2008. URL: <http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/BolognaSeminars/Ghent2008.htm> (date of access: 09.02.2015).
20. Wächter B. Internationalisation and the European Higher Education Area. — Ghent, Belgium: Academic Cooperation Association (ACA), May 2008. 31 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. Д. Петренко.

Д. В. Питолин, Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США НА ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА СПАНГЛИШЕ И АФРОАМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено выявлению и описанию способов языкового оформления оппозиции «свой — чужой» в современной художественной литературе на спанглише и афроамериканском английском. Параллельно описан ряд внешне- и внутрисполитических факторов, оказывающих влияние на восприятие своего и чужого внутри соответствующих двух диаспор США.

Для исследования литературы на спанглише нами были отобраны романы и сборники рассказов Дж. Диаса, Дж. О. Кофер, Х. Эрнандеса, С. Чавез-Сильверман, О. Ихуэлоса, К. Энрикез, Дж. Торреса и Х. Альварес. Афроамериканская литература в нашем исследовании представлена художественными произведениями Sapphire, К. Уайтхэда, Э. П. Джонса, З. Пакер, Х. Дарроу, Д. Эванс, Т. Коула, Д. Менджесту.

В качестве основной была применена методика метафорического моделирования с элементами структурно-семантического подхода и теории когнитивной семантики. В нашем исследовании проведен анализ контекстуальных и дискурсивных факторов, определяющих специфику концептуальных метафорических моделей.

В исследовании были выявлены, систематизированы и классифицированы концептуальные метафорические модели в дискурсах художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском применительно к диаде «свой — чужой». Было установлено, что в современной художественной литературе на спанглише при введении образа «свой» доминируют следующие сферы: «семья», «социальное положение», «этническое происхождение», «сверхъестественное» и «животное». В современной афроамериканской литературе основными при описании «своего» становятся сферы «семья», «животное», «раса», «сверхъестественное», «первобытный мир». При введении образа «чужой» в современной художественной литературе на спанглише доминируют сферы «сверхъестественное», «раса», «социальное положение», «животное», «история» и «язык». При введении образа «чужой» в современной афроамериканской художественной литературе доминируют сферы «животное» и «раса».

В исследовании был проведен анализ метафорических словоупотреблений в дискурсе художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском, определены закономерности метафорического представления «своего» и «чужого», охарактеризованы общие и специфические черты метафорического моделирования «своего» и «чужого» в этих дискурсах.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем метафорологии, в том числе политической. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная компетенция; спанглиш; афроамериканский английский; современная художественная литература на спанглише и афроамериканском английском; языковой контакт; межкультурная коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Питолин Данил Викторович, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: danilpitolin@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Наше исследование посвящено выявлению и описанию способов языкового оформления одной из ключевых оппозиций в художественной литературе вынужденных или добровольных переселенцев. Это оппозиция «свой — чужой», которая не может не отображать особенности внешней и внутренней политики принимающей страны. В нашем случае это Соединенные Штаты Америки и две широко представленные диаспоры — афроамериканская и латиноамериканская.

Первые переселенцы из Африки появились в Америке уже в 1619 г., однако порядок вещей, который так сильно культурно и социально повлиял на формирование афроамериканского английского, установился двумя десятилетиями позже: в 1641 г. британская колония Массачусетс легализовала рабство. Позднее, во время Войны за независимость США, некоторые афроамериканцы пытались собрать петиции и проводить кампании за отмену рабства, помимо этого, за время работы Второго Континентального

Материалы подготовлены в рамках гранта РФНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

прогресса (1775—1781) этот вопрос был включен в обсуждение, рассмотрен и отклонен. Как отмечают некоторые современные историки [Cohen 2011; Finkelman 2006; Onuf 2006], автор Декларации независимости США, которая стала манифестом не только американской революции, но и прав и свобод человека, Томас Джефферсон на момент составления и подписания документа имел в собственности порядка 200 рабов. Тем не менее активное участие афроамериканцев в Войне за независимость укрепило большинство северных штатов во мнении, что рабство всё-таки не является благом и должно быть постепенно отменено. Настроения в обществе несколько изменились после Войны за независимость, после завершения которой белое население США, правда, в основной своей части севера страны, пришло к выводу, что рабство — это скорее зло, чем благо, и хорошо бы его постепенно отменить. Южане подобного мнения не придерживались и оставались весьма

консервативны в вопросе отмены рабства. Это разногласие стало одной из причин гражданской войны, произошедшей менее века спустя обретения США независимости. Начиная с 1784 г. в течение 15 лет все штаты к северу от Делавэра отменили рабство на своих территориях [Horton 2005: 49].

После победы Севера в Гражданской войне и формальной отмены рабства сложно говорить о действительно кардинальном изменении ситуации в Конфедеративных Штатах Америки. Во-первых, тринадцатую поправку к Конституции США, отменяющую рабство, приняли лишь $\frac{3}{4}$ существовавших тогда штатов, штаты Юга сначала отказывались принимать эту поправку, но приняли ее значительно позже. Так, в штате Кентукки поправка была ратифицирована лишь в 1976 г., а в Миссисипи — в 1995. Однако документ, подтверждающий это, не был направлен архивариусу США до 2013 г., таким образом, она вступила в силу лишь в феврале 2013 г. [Mississippi fixes oversight, formally ratifies 13th amendment on slavery].

С конца XIX в. в южных штатах были приняты так называемые «законы Джима Кроу», которые предписывали расовую сегрегацию в общественных местах. Было введено раздельное обучение, места для «белых» и «цветных» появились в общественном транспорте, отелях, ресторанах и больницах. Большинство этих ограничений были отменены только в середине XX в., каждое с огромным противодействием законодательных и исполнительных органов штата, в котором оно было принято [Bankston 2006: 476].

После окончания Второй мировой войны среди афроамериканского населения США активно развивались идеи равноправия. Расовое противостояние достигло кульминации в середине шестидесятых годов, тогда состоялся поход Мартина Лютера Кинга и еще более 200 000 афроамериканцев с требованием равноправия. Считается, что именно после него власти были вынуждены принять ряд законов, отменявших сегрегацию и уравнивавших всех граждан независимо от расы в правах. Тем не менее многочисленные общественные акции, судебные процессы и единичные акции проходили как до, так и после известного похода. Рост самосознания привел к возникновению так называемого «черного расизма» и появлению радикальных организаций, например «Черные пантеры» [Bankston 2000: 92]. Сегодня результатом этой борьбы можно считать успехи афроамериканцев во всех сферах общественной жизни. Особенно ярко в последние годы внешнему наблюдателю они оче-

видны в политике, однако в культуре, образовании, спорте и бизнесе они ничуть не меньше.

Что касается языковой составляющей, то в афроамериканской диаспоре, наряду со стандартным американским вариантом английского языка, активно используется афроамериканский английский (далее — ААЕ). В зависимости от социального и образовательного уровня может использоваться либо вариант ААЕ, приближенный к стандарту, но с отдельными интонационными и семантическими особенностями, либо менее модифицированный вариант, отличающийся от стандарта на всех уровнях языковой системы. Помимо иных, выбор используемого варианта часто может определяться территориальным фактором и этническим составом языкового коллектива в конкретный момент речи: в кругу семьи или близких знакомых даже образованные афроамериканцы часто используют переключение языкового кода, что недопустимо в смешанной аудитории или кругу с доминированием белых.

За свою долгую историю афроамериканский вариант английского языка получил много различных наименований, зачастую крайне нелестных для его носителей: Negro Dialect, Substandard Negro English, Nonstandard Negro English, Ebonics, Black English, Vernacular English, Spoken Soul и некоторые другие [Wolfram, Thomas 2002: 3]. Лингвистический статус этого явления носит дискуссионный характер. На сегодняшний момент существует два основных подхода к проблеме происхождения ААЕ. Один из них постулирует родство ААЕ с креольскими языками некоторых Карибских островов, таких как Ямайка, Тринидад, Гаити, а также Гвиане и Сьерра-Леоне. По этой версии, африканские рабы, попадая на территорию современных США, вынуждены были общаться не только со своими соплеменниками, но и с «белым» населением, а также носителями других африканских языков. Так формируется пиджин с нормативным английским языком в роли языка-источника и различными языками народов Африки в роли языков-субстратов. Далее этот пиджин становится основным языком общения для первого поколения африканцев, прибывших в Новый Свет, а для поколения их детей становится первым языком. Таким образом, он проходит стадию креолизации, а затем развивается в то, что мы сейчас знаем как афроамериканский английский. По другой версии, ААЕ миновал стадии пиджинизации и креолизации и был создан на основе английских диалектов. Необходимо отметить, что в современных исследованиях при изучении ААЕ оба под-

хода применяются комплексно, с преобладанием, однако, первого.

Если история афроамериканской диаспоры начинается с начала XVI в., то история литературного наследия, сложившегося непосредственно на территории США, насчитывает чуть более двух столетий. Подобно афроамериканскому английскому, часто принимаемому либо за искажение стандарта, либо за язык, доступный только представителям диаспоры, афроамериканская литература считается или полным подражанием западной культуре, или чем-то уникальным, понятным только афроамериканцам. Мы считаем, что ни тот ни другой подходы не дадут нам ясного представления о предмете. Афроамериканская литература есть не что иное, как культурная и лингвистическая реалья, характеризующаяся наличием определенных черт, которая может и должна быть изучена с позиций лингвистического анализа. Исходя из смены стилистических и концептуальных составляющих, общих для писателей того или иного периода, считаем, что афроамериканское литературное наследие и изменения в системе концептуальных метафор в афроамериканских литературных произведениях могут быть представлены как ряд этапов, среди которых наиболее отчетливо выделяются следующие:

- 1) первый этап развития афроамериканской литературы (1760—1890) — дискурс бывших рабов, Ф. Дугласа и Ф. Уитли;
- 2) второй этап развития афроамериканской литературы (1890—1920) — дискурс П. Данбара и др.;
- 3) третий этап развития афроамериканской литературы (1920—1940) — дискурс течений «переселенцев» и Гарлемского ренессанса;
- 4) четвертый этап развития афроамериканской литературы (1940—1960) — дискурс течений реализма, натурализма, модернизма;
- 5) пятый этап развития афроамериканской литературы (1960—1980) — дискурс течения «Черное искусство»;
- 6) шестой этап развития афроамериканской литературы (1980—2015) — современный афроамериканский художественный дискурс.

Похожие споры по поводу статуса изучаемого явления ведутся и в связи с так называемым «спанглишем» — креолизованной разновидностью английского и испанского языков (параллельно употребляются термины «пиджин» и «интеръязык»). Еще недавно описываемое явление не обладало даже устоявшимся названием: *casteyanqui*, *inglañol*, *argot sajón*, *español bastardo*, *papiamen-*

to gringo, *caló pachuco* — это лишь неполный список номинаций этого феномена [Stavans 2003: 4]. Хотя внимание лингвистов спанглиш привлек относительно недавно, некоторые исследователи оценивают «возраст» этого интеръязыка приблизительно в 150 лет (по менее скромным оценкам — 400 лет) [Carter 2005]. Первая из оценок связана с событиями Американо-мексиканской войны, когда по мирному договору Гваделупе-Идальго США аннексировали почти половину территории тогдашней Мексики (современные штаты Аризона, Нью-Мексико, Юта, Калифорния и Невада). Большинство жителей этих территорий не уехали в Мексику после войны и стали гражданами Соединенных Штатов. Таким образом, языковой контакт перестал быть исключительно пограничным и стал намного сильнее влиять на оба языка. Эти события стали первым, но не единственным фактором, подтолкнувшим оба языка к активному контакту и обмену. Так, в 1917 г. был принят так называемый «акт Джонсона», по которому жителям Пуэрто-Рико было дано американское гражданство. Это не только формально увеличило количество граждан США — носителей испанского языка, но и упростило их передвижение по стране, что впоследствии привело к образованию центров иммиграции в крупных северных городах, таких как Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, а также в штате Нью-Джерси. Помимо благоприятной для латиноамериканцев иммиграционной политики американского правительства первых трех четвертей двадцатого века, необходимо выделить программу «брасеро», которая сильно повлияла на этнический состав населения южных штатов, а следовательно, и на языковую ситуацию в США. Название этой программы происходит от испанского слова «*bracero*», которое можно перевести как «работник ручного труда». Во время Второй мировой войны и после нее в США возник определенный недостаток рабочей силы, поэтому для участия в сельскохозяйственных и железнодорожных работах были привлечены мексиканские наемные рабочие, которые затем возвращались на родину. Во время действия программы (1942—1964 гг.) рабочие из Мексики пересекли границу с США около 4,5 миллионов раз, а в пиковые периоды количество «брасерос» на территории Соединенных Штатов доходило почти до полумиллиона человек [Cohen 2011: 22]. Эта программа оказала значительное влияние на формирование текущей иммиграционной ситуации, так как работодатели в США нашли источник дешевой рабочей силы, а рабочие осознали, насколько хорошим, по мексиканским стан-

дартам, может быть заработок в Штатах. Благодаря этому более интенсивными стали процессы языкового обмена и смешения. Рассматривая динамику иммиграции из Латинской Америки на север, необходимо отметить ее постоянный и устойчивый рост. После каждого этнического конфликта, революции, экономического потрясения главным пунктом назначения переселенцев оставались Соединенные Штаты. Это привело к тому, что в настоящее время порядка 17 % населения этой страны (53 миллиона человек) называют родным языком испанский [U.S. Census Bureau 2012]. Также закрепленный в федеральном законе запрет на установление единственного государственного языка, несмотря на многочисленные попытки изменить эту правовую норму, не позволяет проводить политику защиты английского языка. Все инициативы по этому вопросу, особенно активные в штатах «старого Юга», упираются в этот запрет.

Сегодня, вопреки устоявшемуся стереотипу, испаноязычное население США не состоит исключительно из неграмотных разнорабочих. Среди представителей этого сообщества много людей, преуспевших в престижных профессиях, требующих высокой квалификации: Джунот Диаз — лауреат Пулитцеровской премии по литературе и профессор Массачусетского технологического института, Эд Моралес — журналист, писатель, профессор Колумбийского университета, Сюзанна Мартинез — губернатор штата Нью-Мексико, Брайан Сандоваль — судья, губернатор штата Невада, Марио Молина — лауреат Нобелевской премии по химии 1995 г. и многие другие.

Первые дошедшие до нас памятники испаноязычной литературы, написанной в США, датируются второй половиной XIX в., когда после войны 1846—1848 гг. обширная территория, населенная носителями испанского языка, перешла под контроль США. Литература на испанском языке всегда являлась литературой этнического меньшинства [Kanellios 2003: 8]. Исследователи выделяют два типа такой литературы: местная и литература иммиграции [Faltis 2007: 260].

Тексты первого типа сосредоточены на социальном положении и быте латиноамериканцев, считающих США своей родиной. В отличие от литературы двух остальных типов, здесь отсутствует рефлексия по потерянному дому. Фокус внимания здесь сосредоточен на доколумбовой истории южных штатов, а именно на мифическом Ацтлане, прародине ацтеков, который мог находиться на юго-западе США. Характерной особенностью литературы иммиграции на спанглише

стало то, что она формировалась волнообразно, концентрируясь в крупных городах, куда прибывали иммигранты из Латинской Америки. Первым крупным событием, повлиявшим на развитие данного вида литературы, стала Мексиканская революция 1910 г., когда более миллиона мексиканцев бежали от войны на север. С тех пор любой крупный вооруженный конфликт в Новом Свете порождал волну иммиграции, а с ней волну литературных и этнических влияний. Прибыв в Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Антонио или другой мегаполис, беженцы старались наладить связь со своей родиной, в то же самое время пытаясь приспособиться к местным условиям жизни. Так формировалась литература, которая рассматривает одновременно прошлое и настоящее, родину и новую страну, и именно эти противоречия находят отклик у читателя [Fornet 1994: 51]. К писателям этой категории можно отнести В. Суареса, К. Гарсию, Д. Диаза, Г. Перес Фирмата.

Испаноязычная литература оставалась достаточно немногочисленной до шестидесятых — семидесятых гг. XX в., когда вместе с подъемом самосознания граждан США, говорящих по-испански, появились культурные движения в северных городах страны. Гражданские движения за права латиноамериканцев чикано (в юго-западных штатах) и ньюйоркано (в Нью-Йорке) породили поколение писателей, ставивших под вопрос все привычные истины «белого» общества. Поэтому в первую очередь работы писателей того времени Р. Гонзалеза, А. Дельгадо, Р. Санчеса и Алуриста (А. Б. Уриста) характеризуются социальными и политическими мотивами. Манифестом того времени стала опубликованная в 1967 г. поэма Р. Гонзалеза «Я — Хоакин» (*I am Joaquín*), написанная на спанглише. В этом произведении мексикано-американская история рассказывается от лица революционера XIX в. Х. Муриета. Автор обращает внимание на страдания и несправедливости, которые претерпевали латиноамериканцы, многие потомки индейцев, от англоязычных европейцев. Новое поколение авторов, пишущих на спанглише, пришло в американскую литературу уже не с улиц, а из университетских аудиторий и редакций литературных журналов. Среди современных писателей необходимо выделить Дж. Альварез, Д. Чавез, С. Цисернос, Дж. Орtiz Кофер, Д. Чакона, О. Ихуэлоса, Б. Санца и других. Литература этих авторов стала известна широкому кругу критиков и читателей в США и по всему миру.

В связи с этими процессами применительно к современной литературе некоторые

литературоведы призывают отказаться от разделения на «местную» и «иммигрантскую» литературу, обращая внимание на то, что в современном мире, подвергающемся глобализации, такая дифференциация перестала быть релевантной. Испытывая взаимное влияние, разные литературные традиции Нового Света всё больше походят на одну. Поэтому современных писателей Д. Аларкона, Дж. Диаза, К. Энрикес и других можно назвать писателями «без границ» [Ramírez 2008: 308]. Учитывая то, как неуклонно увеличивается количество носителей спанглиша на территории США и влияние латиноамериканской культуры на североамериканскую, а также литературные успехи носителей спанглиша, стоит ожидать, что не только англоязычные публикации американских авторов будут определять лицо американской литературы и культуры завтра.

В качестве материала исследования нами были отобраны работы наиболее известных и признанных авторов, пишущих на спанглише. Все книги были написаны в промежутке между 1991 и 2015 г. Именно в этот период у широкой публики и критиков получила признание литература на спанглише. Впервые художественные произведения на спанглише перестали рассматриваться как малоценная литература, посвященная исключительно проблемам латиноамериканцев в США. Для исследования нами были отобраны романы и сборники рассказов «Drown» [Díaz 2009], «The brief wondrous life of Oscar Wao» [Díaz 2007], «This is how you lose her» [Díaz 2012] Джунота Диаза; «Call me María» [Cofer 2004] Джулии Ортиз Кофер; «Cuban, That's All! An Exile in Three Acts: Candid Voices of a Spanglish Existence» [Hernandez 2002] Хуана Эрнандеса; «Killer Crónicas: Bilingual Memories (Writing in Latinidad)» [Chavez-Silverman 2004] Сюзаны Чавез-Сильверман; «Beautiful María of My Soul» [Hijuelos 2010] Оскара Ихуэлоса; «The Book of Unknown Americans» [Henriquez 2014] Кристины Энрикес; «We the Animals» [Torres 2012] Джастина Торреса и «How the Garcia Girls Lost Their Accents» [Alvarez 1991] Хулии Альварес.

Рассматриваемые в данном исследовании работы принадлежат перу латиноамериканских писателей США разного национального происхождения: пуэрто-риканского, доминиканского, панамского и кубинского. Несмотря на это, все авторы произведений творчески сформировались в испаноязычной общине США, говорящей на спанглише. Общим для них, помимо метафорических моделей, становится активное использование спанглиша в своих произведениях и признание их работы литературным миром.

Афроамериканская литература в нашем исследовании представлена художественными произведениями наиболее заметных афроамериканских писателей с 1995 по 2015 г. Это романы и сборники рассказов: «Push» [Sapphire 1997], «The Kid» [Sapphire 2011] Sapphire (настоящее имя Рамона Лофтон); «Intuitionist» [Whitehead 2012] и «Sag Harbor» [Whitehead 2010] Колсона Уайтхэда; «All Aunt Hagar's Children» [Jones 2006] Эдварда П. Джонса; «Drinking Coffee Elsewhere» [Packer 2000] Зуэне „Зизи“ Пакер; «The Girl Who Fell From the Sky» [Durrow 2010] Хайди Дарроу; «Before You Suffocate Your Own Fool Self» [Evans 2010] Даниэль Эванс; «Open City» [Cole 2011] Теджу Коула; «The Beautiful Things that Heaven Bears» [Mengestu 2007] и «How to Read the Air» [Mengestu 2010] Дино Менджесту.

В качестве основной, наиболее удобной и результативной в анализе нашего материала, была применена методика метафорического моделирования с элементами структурно-семантического подхода и когнитивной семантики. В нашем исследовании проведен анализ контекстуальных и дискурсивных факторов, определяющих специфику концептуальных метафорических моделей. Как результат, установлено, что в художественной литературе на спанглише одним из поворотных моментов становится переезд главных героев в США, изменение социального и бытового окружения персонажа, культурный сдвиг, включающий и изменения языкового фона. Еще одной значительной особенностью можно считать более частое обращение к ресурсам испаноязычных диалектов Латинской Америки в литературе на спанглише, в отличие от афроамериканской литературы, практически не дающей примеров использования исходных африканских диалектов и языков.

Для современной афроамериканской художественной литературы в гораздо большей степени, нежели для художественной литературы на спанглише, характерно использование постоянных аллюзий на более ранние произведения афроамериканских писателей. Одним из важных факторов, определяющих специфику дискурса, становится продолжительность его существования. Поскольку афроамериканская литература складывается гораздо раньше, чем литература на спанглише, у афроамериканских писателей уже сформировался определенный круг произведений, требующих постоянных отсылок, возвращений к ним. В качестве таких обязательных текстов выступают работы Дж. Тумера, Р. Райта, У. Дюбуа, Р. Эллисона, З. Н. Херстон, Дж. Болдуина, Э. Уор-

кер. Кроме того, это определенный набор библейских притч Ветхого и Нового Заветов. Для литературы на спанглише таким объединяющим началом становится не столько использование аллюзий и авторская интерпретация уже сложившихся моделей, характерные для афроамериканской литературы и позволяющие легко увидеть в ней традиции афроамериканской церковной службы и музыкальных течений, сколько популярность определенных тем, основными из которых становятся: тема политической диктатуры и репрессий у себя на родине; тема постепенной утраты связи со своей исторической родиной и приобретение нового ориентира для национальной самоидентификации; тема потери или трансформаций языковой среды, ощущаемые как болезненный процесс; тема постепенного отхода молодого поколения от ценностей иммигрантов первой волны; тема осознанного выбора чужой англоговорящей страны в качестве источника спасения, улучшения материального и социального положения, своеобразной земли обетованной, которая на деле нередко превращается в «империю зла», приносит крушение надежд, обман, разочарования. В современной афроамериканской литературе к ключевым темам можно отнести тему выживания в неблагоприятной социальной среде, преимущественно большого города; тему поиска социальной и расовой самоидентичности; тему обретения Бога и прощения; тему поисков своих предков и истории. При этом никогда не наблюдается тема осознанного выбора США и политических репрессий в странах Африки как причина смены места жительства. Напротив, нередко Африка выступает символом земли обетованной, потерянной матери. Отсутствует и тема грусти в связи с потерей первого языка. Все это продиктовано иными историческими реалиями и дискурсивными факторами, отличными от тех, которые сопровождают формирование художественной литературы на спанглише.

В исследовании были выявлены, систематизированы и классифицированы концептуальные метафорические модели в дискурсах художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском применительно к диаде «свой — чужой». Было установлено, что в современной художественной литературе на спанглише при введении образа «свой» доминируют следующие сферы: «семья» (20,4 %), «социальное положение» (12,7 %), «этническое происхождение» (10,8 %), «сверхъестественное» (6,6 %) и «животное» (6,6 %). В современной афроамериканской литературе основными при описании «своего» становятся сферы «се-

мья» (27,9 %), «животное» (25,1 %), «раса» (14,7 %), «сверхъестественное» (7,6 %), «первобытный мир» (4,4 %). При введении образа «чужой» в современной художественной литературе на спанглише доминируют сферы «сверхъестественное» (21,3 %) «раса» (20 %), «социальное положение» (12 %), «животное» (9,3 %), «история» (4,4 %) и «язык» (4,4 %). При введении образа «чужой» в современной афроамериканской художественной литературе доминируют сферы «животное» (26,5 %), «сверхъестественное» (17,8 %), «раса» (12,4 %), «болезнь» (6,5 %) и «история» (5,9 %). За 100 % принято 1608 метафорических словоупотреблений, зафиксированных в художественных текстах на спанглише, и 1552 метафорических словоупотребления в афроамериканской литературе, полученных путем сплошной и репрезентативной выборки.

В исследовании был проведен анализ метафорических словоупотреблений в дискурсе художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском, определены закономерности метафорического представления «своего» и «чужого», охарактеризованы общие и специфические черты метафорического моделирования «своего» и «чужого» в этих дискурсах.

В качестве общих черт в современной художественной литературе на спанглише и афроамериканском английском нами выделены и подробно описаны следующие элементы. При описании «своего» для всех авторов, пишущих на спанглише, характерно расширение круга ближайших родственников за счет включения в состав семьи крестных, хороших знакомых, людей, с которыми собираются породниться, частотно отсутствие разграничений между внуками, племянниками и собственными детьми. При этом обозначение родственников, как правило, оформляется только на испанском (*abuela, hija, madrina, novia, tío* и др.). Стандартный английский обычно вводится только как показатель неуспеха в роли родителя или другого близкого родственника, неспособность соответствовать ожиданиям семьи.

В современной афроамериканской литературе, как и в более ранние периоды, наблюдается ставшее уже традиционным введение в круг близких родственников членов общины, которая включает соседей, прихожан одной церкви. Нередко для ощущения близкого кровного родства, семейных уз достаточно территориального признака в виде достаточно широких понятий Юг США и Африка. При введении образа Земли, Неба и Оплодотворяющего Дождя как общих родителей или Африки в роли единой Праматери частотно и традиционно обращение

одновременно и к языческим, и к христианским притчам. В этом отличие сравниваемых литератур и лингвокультур, потому что в литературе на спанглише нет таких частотных обращений к одним и тем же образам христианства и язычества, которые присутствовали бы и в практике религиозных служб, и в музыкальных произведениях, и в литературных работах разных жанров и периодов, что, напротив, характерно для афроамериканской литературы. При языковом оформлении понятия родственных отношений в афроамериканской литературе используются только лексемы, совпадающие с обозначением родственников в стандартном английском (*aunt, brother, daddy, father, grandmother, grandma, grandpa, mother, sister, uncle* и т. д.). Это обусловлено тем, что в афроамериканском английском даже на словарном уровне нет лексем африканского происхождения для обозначения семейных уз. Особенностью афроамериканского английского в этом случае становится трансформация исходной семантики и дальнейшее словопроизводство на основе стандартных морфем. Так, применительно к членам семьи наблюдается расширение исходного лексического значения (ср., например, *aunt, grandma, uncle*). С помощью соположения основ получено новое *brotherman*, вводящее семантические компоненты мужественности, надежности, взрослого восприятия проблем. Через усечение основ получены очень популярные *bro* и *sista (sistah)*, также расширившие исходную семантику за счет компонентов «член общины», «расовая принадлежность».

Еще одной отличительной чертой афроамериканской литературы становится введение стандартных английских лексем, изначально описывающих родоплеменные или криминальные отношения и не употребляющихся в стандартном американском английском применительно к современной семье, если только это не шутка. Такими лексемами, не предполагающими никакой шутиливой коннотации в афроамериканском дискурсе, становятся *breed, gang, tribe*. Найти свое «племя», которое может стать гораздо ближе изначальных кровных уз, — вот что часто становится главной задачей персонажей афроамериканской литературы. Такой процесс нехарактерен для литературы на спанглише. Интересно и то, что, если в литературе на спанглише появляются лексемы, явно заимствованные в своей расширенной семантике из афроамериканского дискурса, то в обратную сторону этот процесс не идет. Сближения с выходцами из стран Латинской Америки и ассоциирования себя с ними в афроамериканской среде явно не ощущается.

И мужчин, и женщин в современной художественной литературе на спанглише отличает способность много и тяжело работать, природное трудолюбие, часто связанное с крестьянским трудом и бытом, требование уважения к себе и, в свою очередь, уважительное отношение к другим, особенно людям старшего поколения. Крестьянское происхождение изначально не считается чем-то низменным и постыдным, тем, от чего надо отвернуться. Здесь есть заметное отличие от афроамериканской лингвокультуры в целом, поскольку у афроамериканцев труд в полях часто был традиционно связан с унижениями, лишениями, так называемым ниггеризмом, отказом в культуре и грамотности. Тростник в полях в афроамериканских произведениях, повествующих о времени после Гражданской войны между Севером и Югом, часто ассоциировался с линчеванием, становясь символом смерти, бесправия, те же самые смыслы сопровождали фруктовые сады, плантации кукурузы, что частично переносилось и на восприятие в литературе всего ведения фермерского хозяйства. Не приходилось говорить и об уважительном отношении к себе со стороны белого населения. Если у героев художественной литературы на спанглише есть периоды, когда общество их воспринимает вполне уважительно, что обусловлено либо пребыванием в своей родной стране, либо достижением определенной позиции в США, нередко благодаря своей южной красоте и трудолюбию, то у персонажей афроамериканской литературы вся жизнь проходит в ожесточенном желании и попытках отстоять свое право не столько на уважение, сколько просто на жизнь. Возврат в страны Африки в афроамериканской литературе практически не присутствует, что обуславливает отсутствие частотных описаний попадания в исконно «свою» среду и обретения уважения на исторической родине. Напротив, в качестве относительно новой тенденции в афроамериканской литературе можно отметить тему переезда из Либерии в США. Но, в отличие от литературы на спанглише, это не вынужденное изгнание, а скорее романтическое возвращение в дом близкого родственника, которое — и в этом проявляется сходство с литературой на спанглише — оборачивается презрением белой Америки, социальной неустроенностью, ощущениями изгоя. Черта, которая роднит два дискурса, — это ощущение собственной бедности и желание вырваться из этой среды, что-то изменить. Но если в литературе на спанглише такой выход ищут в трудолюбии, цепкости, противостоянии неблагоприятной среде, то в афро-

американской литературе, при том что есть и описания приобретения состояния и собственности легальным путем, обычным способом решения проблем нередко становятся бродяжничество, криминал, включая и самые тяжелые преступления, и непостоянный доход от выступлений на сцене, перемежающимися с противозаконной деятельностью, часто неотделимой от сценической жизни. При этом преступник не становится «чужим».

Очень важным становится описание внешности. В литературе на спанглише все авторы при описании персонажей часто вводят привлекательные черты, темный оттенок кожи, хорошее, часто спортивное, пропорциональное сложение. Часто подчеркивается смешение кровей, дающее разные цветовые оттенки кожи, для обозначения которых употребляются специальные испанские лексемы (*blanquito, blanquita, mulatto, mulatta, gallego, gallega, negrito, negrita*). Более светлый оттенок кожи, в отличие от афроамериканцев, воспринимается не как расовое, а как социальное превосходство. У афроамериканцев первичной в этом случае становится близость к белой расе, что, в свою очередь, может дать иной социальный и материальный статус, но одновременно обычно приносит неприятие в афроамериканской среде. В афроамериканской литературе описание внешности тоже дает интересные повороты. Никогда близость к мулатам или белым не считается признаком «своего», хотя может ассоциироваться с внешней привлекательностью и желанностью. Не случайно обычное использование в своей среде лексемы *nigga*, табуизированной для белого по отношению к афроамериканцу. Для того чтобы быть «своим», часто вводятся черты, которые в стереотипном европейском восприятии можно принять за непривлекательные. Это темный, часто угольный или иссиня-черный оттенок кожи, крупные губы, негроидный нос, курчавая шевелюра. У юношей и мужчин нередко подчеркивается строение, напоминающее обезьяну. Если вспомнить, что *gorilla* в афроамериканском английском применительно к молодому мужчине — это желанный комплимент, подчеркивающий мужественность и маскулинность, то особенности расовых стереотипов красоты станут еще более очевидны. У девушек и молодых женщин часто акцентируется особое строение таза. Одновременно с такими противоречивыми с европейской точки зрения чертами в современной афроамериканской литературе вводятся и черты, признающиеся привлекательными и в «белом» восприятии, — рост, удлиненное строение тела,

внутреннее чувство достоинства, которое проявляется внешне.

От настоящего мужчины-латиноамериканца ожидаются сексуальность, уверенность в своей маскулинности, умение танцевать, музыкальные способности, успех в бизнесе, нередко мелкой торговле или контрабанде, убедительность речи, уважительное обращение с женщиной. Последнее имеет специальное название и ассоциируется только с образом настоящего *caballero*. Женщина-латиноамериканка должна быть привлекательна, полна собственного достоинства. Она достаточно шумная, смешливая, заботливая, ценящая и поддерживающая авторитет мужчины и старших. Особо ценится отсутствие границы между рациональной и эмоциональной составляющей психики, поведение «от души», открытость сердца. Простые, понятные отношения становятся тем, чего очень не хватает иммигрантам, попадающим в гораздо более дистанцированную культуру.

От литературного афроамериканца, претендующего на успех у женщин, требуется примерно тот же набор, кроме успеха в бизнесе и особого уважительного отношения к самой женщине или ее родне. Про род занятий можно (и лучше) вообще не говорить, а в личных отношениях, даже в очень интимные моменты, не предполагается никаких особых откровений. Напротив, чем больше личного пространства оставляет за собой мужчина, чем он непонятнее для женщины, тем привлекательнее он будет. При этом для обоих полов неизменно подчеркивается либидо. Очень уважительные описания этой стороны жизни легко соседствуют с гротескными, почти карикатурными, зарисовками. Нередко афроамериканские авторы обращаются и к теме инцеста с малолетними, что не превращает автоматически такого родственника в «чужого». Он по-прежнему «свой», но со странностями. Такие черты нехарактерны для литературы на спанглише. Афроамериканка в современной литературе нередко становится матерью-одиночкой, живущей на пособие или непостоянный заработок. Примечательно, что внешняя неухоженность и нечистоплотность в современной афроамериканской литературе перестали автоматически исключать человека из круга «своих».

В отличие от литературы на спанглише, в афроамериканской литературе и культуре исторически невозможно положительное отношение к доминированию чувств над рассудком: урок усваивался очень быстро и очень страшно. В отношении воспитания выдержки, не проявления своих чувств в быту, сдержанности афроамериканцы гораздо

ближе к общеамериканской культуре, нежели испанцы или латиноамериканцы. Последних, кстати, за это часто недолюбливают. Но афроамериканская культура — и литература тоже это отражает — предполагает больший физический контакт, относится к более «контактным» культурам, нежели культура и литература «белой» Америки. В этом случае афроамериканцы находятся в промежуточном положении между латиноамериканцами и европеоидными американцами при условии, что персонаж находится в этнически однородной среде «своих».

В литературе на спанглише все персонажи «своего» круга так или иначе исповедуют католицизм, достаточно активно обращаются к Богу, но при этом официальная религия смешивается с оккультными практиками, местными мифами и поверьями, вудуизмом. Бог выступает активной силой. При этом имя высшего Божества, Бога Отца, звучит по-испански, но может сопровождаться английским определенным артиклем (*the Todopoderoso*). Религиозному обращению нередко присуща вхождение в экстаз, особый стиль молитвы, который может привести к состоянию *шумаата* — эмоционального сгорания, опустошения. Примечательно, что это состояние называется по-испански с параллельным объяснением по-английски (*shetaat (spiritual burnout)*). В афроамериканской литературе последних десятилетий путь к Богу совершается параллельно с поисками своего «я» и обращением к природе. Персонажи либо не принадлежат к какой-либо точно идентифицируемой конфессии, либо исповедуют одно из направлений христианства. Частотны и обращение к первобытным верованиям наряду с оккультизмом в виде вуду и худу. Параллельно происходит возврат к исламу, который для большинства афроамериканского населения связан с Африкой, где он действительно распространен. Из современной афроамериканской литературы практически исчезли описания активного коллективного вхождения в религиозный экстаз во время христианских церковных служб. Таким образом, афроамериканская религиозная трактовка «своего» гораздо шире и терпимее, чем латиноамериканская, что тоже продиктовано историческими условиями, многократным притоком разных религиозных течений в афроамериканскую среду. Стоит отметить, что африканцы-язычники, попадавшие в Северную Америку, изначально легко меняли веру, охотно принимая христианство. Также в афроамериканской среде XX в. был нередок переход из христианства в ислам и обратно с параллельным исповеданием оккультизма и большим интересом к

африканским традиционным верованиям. При этом такой переход и смешение религий не воспринимались как предосудительный поступок, отношение к смене веры в афроамериканской диаспоре спокойное, это считается личным делом. Напротив, испанцы считали делом чести обратить тех, кого они не истребляли сразу, в том числе и по религиозному признаку, в единственно правильную веру — католицизм. Такая историческая память объясняет гораздо более трепетное отношение латиноамериканцев к вопросам выбора веры и следования ее формальным ритуалам.

Общим при характеристике своего в обоих изучаемых дискурсах можно считать обращение к образу животного, при этом нередко выбирается один и тот же зверь. Одно из главных отличий в том, что в афроамериканской литературе такое обращение происходит почти в четыре раза чаще. Общими при обозначении своего становятся образы собаки/пса. При этом для описания настоящего мужчины, черт мачо в литературе на спанглише используется испанское *perrito*; английская лексема *dog*, даже описывая своих, вносит семантику беспорядка. В афроамериканском английском *dog/dawg* используется для введения как положительных, так и отрицательных коннотаций. Еще одной общей лексемой становится *cat*, но в спанглише это заимствование из афроамериканского английского, где обозначение этого животного обрело новые смыслы живучести, пронырливости, существования вопреки всему, приятной сексуальности, соотнесенности с настоящим мужчиной и именно с этой новой семантикой вошло и в общеамериканский сленг, и в спанглиш.

В качестве отличий при описании «своего» отмечаем преобладание в современной художественной литературе на спанглише обобщенного образа животного, причем часто небольшого, испуганного, огрызающегося, старающегося зацепиться за что-нибудь когтями, или загнанного зверя (*little animals, frightened, vengeful, clawing, hunted*). В современной афроамериканской литературе одним из самых популярных становится обобщенный образ птицы (*bird*), вводящий компоненты свободы, полета, раскрепощения. Это хорошо согласуется с общими традициями афроамериканской литературы, где орнитологическая метафора всегда имела большое значение, изображая приближение человека к Богу, давая надежду на исход, но одновременно подчеркивая черты хрупкости, незащищенности, уязвимости. Другой популярный образ связан с обезьяной, как крупной (*ape*), так и меньших размеров

(*monkey*). Такие сопоставления в афроамериканском тексте часто не являются оскорбительными. В них находят отсылки к африканским традициям, богам Езу и Ифа, образу Обезьяны-оракула (*Signifyin' Monkey*). Хотя в некоторых контекстах может появляться и оскорбительная семантика, традиционная для таких лексем в качестве зоометафор в стандартном английском, обычно она не исключает человека из круга «своих», скорее подчеркивает расовые отличия, проводя барьер между такими, но своими и чужими белыми. Общими для афроамериканской художественной литературы при описании своих становятся лексемы *rabbit* — «кролик», *coon* — «енот», которые изначально пейоративно использовались белыми по отношению к афроамериканцам, а затем в афроамериканском английском прошли процесс нейтрализации и могут вводить либо нейтральную, либо ласковую семантику. Образ кролика также используется в качестве аллюзий на другие афроамериканские произведения, давая семантические компоненты проницательности, плутовства, милых шалостей и одновременно унижений, обобранности, обреченности на нищету.

Суммируем основные индивидуально-авторские особенности трактовки «своего». Максимальное число индивидуально-авторских особенностей проявляется при использовании зоонимов. У Дж. Диаза присутствует обращение к образу голубя, который оформлен лексемой испанского происхождения *palomo* и, в отличие и от стандартного американского английского и от афроамериканского английского, вводит семы глупости, простоватости, недалекости, незрелости, отсутствия маскулинности. У Дж. Торреса вводится понятие стаи и вожака, гусей, енота. Описание матери как испуганной гусыни (*this confused goose of a woman*), детей как гусят (*baby geese*), все из которых стремятся к лидерству, роли вожака, дают и положительные коннотации, связанные с семантикой сплоченности, активности, лидерства, ответственности, ласки, заботы, и отрицательные компоненты глупости, слабости, уязвимости, бесформенности (в отношении женщины). Образ енота по отношению к матери (*She looked like a raccoon caught digging in the trash: surprised, dangerous*) сближает изучаемый текст с устойчивыми пейоративными образами енота в афроамериканской лингвокультуре, вводит смыслы разобщенности в семье, презрительного отношения к родителям, что согласуется с появляющимся у этого автора конфликтом поколений, темой разобщенности между старшими и младшими.

В современной афроамериканской литературе максимальное число индивидуально-авторских смыслов при введении зооморфизмов использует К. Уайтхэд, хотя его образы нельзя считать уникальными — они просто не встречаются у других авторов, работы которых мы исследуем, но либо используются в афроамериканском английском, либо есть в афроамериканской литературе более ранних периодов. Один из таких зооморфизмов — это *hyena* — «гиена», которая соотносится не только с жадностью и агрессивностью, но и с определенными законами выживания в диаспоре. Есть еще по меньшей мере три фактора, объясняющие такую ассоциацию для «своего»: гиены напоминают собак, а лексема *dog* уже стала привычна в отношении афроамериканца; ареал распространения этих животных включает практически всю Африку; окраска животных (у всех четырех видов) обычно предполагает наличие контрастных полосок и пятен. Если вспомнить, что многие пятнистые и полосатые животные Африки, включая зебру и жирафа, в афроамериканском английском и на уровне словаря, и на уровне текста нередко дают ассоциативные связи с афроамериканцем в силу перемешивания кровей, то продолжение этой тенденции станет очевидно. Другой зооморфизм, *mule* — «мул», тоже нельзя считать до конца индивидуально-авторским. Однако он интересен тем, что, с одной стороны, подчеркивает выносливость, как в стандартном английском, но теряет семантику упрямства. С другой стороны, автор эксплицирует семантику упорства, трудолюбия и гибридности, что соответствует афроамериканской трактовке. Применение образа бактерий, невидимых и опасных (*...the extravagant bacteria metropolis that will thrive in his stomach. Invisible and insidious.*), вводит семантику никчемности, ненужности, мелочности существования, характерную для образа простейших или насекомых в афроамериканском художественном тексте. В то же время этот образ, особенно применительно к женщине, всегда давал смыслы опасности, смерти, всеразрушающей силы маленьких существ, о которых самоуверенная жертва и не догадывается. Употребление лексемы *invisible* — «невидимый» становится аллюзией на образы романа Р. Эллисона «Человек-невидимка».

Авторское расширение лексемы *lizard* — «ящерица, ящер» и развертывание этого образа по отношению к желанному кавалеру представлено у Х. Дарроу. В афроамериканском английском эта лексема была популярна в 1920—1930-х гг. в качестве синекдохального обозначения щегольской обуви,

у которой выделка кожи имитировала кожу ящерицы. То же самое наблюдалось в отношении лексемы *alligator* — «аллигатор». Автор расширяет исходную семантику, вводит новые смыслы ухоженности, требовательности по отношению к предполагаемой подруге, вкус, определенный достаток, желанность такого мужчины.

Д. Менджесту расширяет уже упомянутый орнитологический образ, вводя описания птицы, застрявшей между двух ветвей и получающей удары судьбы и справа и слева (*A bird stuck between two branches gets bitten on both wings.*).

При введении образа чужого в современной художественной литературе на спанглише доминирует сфера демоноидов. Поскольку католицизм в Латинской Америке испытывает определенное влияние местных поверий, то помимо традиционного образа дьявола присутствуют демоны язычества и привидения. Достаточно частотно обращение к инфернальной сфере в целом как воплощению всего чужого, враждебного. При этом используются и испанские, и английские лексемы (*demon, diablo, fukú, hell, inferno*). Образ колдуна, зомби и язычника резко противопоставлен образу католика, что обусловлено историей религиозных течений в современных странах Латинской Америки. При этом индивидуально-авторских отличий нет даже на уровне лексем. У всех писателей присутствует один и тот же ряд (*brujo, bruja, witch, zombie*) с практически идентичной семантикой даже на уровне конкретных узких контекстов. В современной афроамериканской литературе эта сфера, будучи тоже затронута при введении образа «чужого», не выходит на первый план. Даже число лексем гораздо меньше. В основном повторяются одни и те же (*devil, witch*). Что касается *devil*, то эта лексема уже давно прошла в афроамериканском английском стадию расширения значения и применяется не столько к демоноидам, сколько к «белой» сфере вообще и агрессивному белому, занимающему высокое социальное положение. Свяzano это еще с рабовладельческими временами, а сам образ белого дьявола впервые появляется в афроамериканской литературе еще в первых хрониках бывших африканских рабов в конце XVIII в. (ср. автобиографии Б. Хэммона, Дж. Гронниосо, Дж. Морранта, Дж. Стьюарта, О. Эквиано, Дж. Джи). Показательно, что в этих хрониках белыми, грязными, распущенными, сквернословящими исчадиями ада становились испанцы или португальцы — т. е. одна из этнических составляющих современных латиноамериканцев. Позже от называния опреде-

ленной национальности в сложившейся диаспоре перешли к детерминированию при помощи этой лексемы белой расы вообще и определенного социального статуса белого. Такое положение сохраняется и сейчас. Лексема *witch* тоже подвергается расширению значения, теряя семантику колдовства и приобретая семы «неприятный», «злобный», «неопрятный». В отличие от спанглиша, в афроамериканском английском лексема *witch* употребляется по отношению к людям в целом, вне зависимости от пола. Хотя изначально это только существо женского пола, что сохраняется в спанглише, эта узкая семантика уже утрачена в общеамериканском английском, что отражается и в афроамериканской литературе. В афроамериканской культуре всегда существовало много поверий, связанных с самыми разными злыми духами и привидениями — наследие Африки. Это обуславливает сохранение данных представлений и достаточно частотное обращение к образам злого существа (*boogeyman*) и привидения (*ghost*). При этом в индивидуально-авторском восприятии своего «я» как привидения легко находят отражение образы многочисленных афроамериканских сказок, притч; уничижительное обращение к афроамериканцу; образы афроамериканской литературы 1920—1930-х гг., когда «невидимость», «прозрачность» афроамериканца для белой Америки стали новыми расово и социально маркированными чертами в литературе.

Актуальным для обоих дискурсов становится противопоставление по национальному и расовому признаку. К этой сфере очень тесно примыкают и другие сферы, связанные с социальным положением, образом животного. Для литературы на спанглише это еще сфера «язык», в отличие от афроамериканской литературы.

Для обозначения чуждой «белой» расы, и в первую очередь белых американцев, в литературе на спанглише чаще всего используется лексема *gringo (gringa)*. Она вносит семантику чужеродной культуры, презрительного отношения к латиноамериканцам, незнания испанского или спанглиша, претенциозного поведения, отсутствия вкуса. Другая лексема, *blanquito (blanquita)*, больше связана с цветом кожи и, соответственно, исконным этническим происхождением, поскольку англосаксонское население обычно гораздо светлее даже континентальных испанцев. Параллельно появляется контекстуальная семантика свободных взглядов на вопросы межполовых отношений, неэмоциональной речи, доминирования рационального над эмоциональным. Третья лек-

сема, *pariguayo*, популярная в литературе доминиканских выходцев, вводит семантику глупого, нелепого, несоответствующего ситуации поведения, отсутствия обаяния, нарушения традиционной лингвокультурной линии. Она тоже проходит процесс генерализации и расширительно обозначает любого человека, не соответствующего стереотипам нормального с точки зрения латиноамериканца поведения. Параллельно с лексемами, восходящими к разным романским формам, в литературе на спанглише активно используются сложные слова и устойчивые словосочетания, которые уже давно существуют и в общеамериканском английском, и в афроамериканском варианте для презрительного обозначения белого, обычно из деревни, необразованного, бедного (*red-haired, red-neck, white trash*). Афроамериканцы в таких случаях не забывают еще и о лексемах рабовладельческих времен (*cracker, Massa, master*). При этом в афроамериканской среде по-прежнему частотно автоматическое отнесение афроамериканца к классу «чужих», если он исповедует принципы «белой» Америки, чего не наблюдается в такой обостренной степени в литературе на спанглише. Доказательством этому служит восприятие этой области в качестве лексической лакуны в спанглише, в то время как в афроамериканском английском есть ряд лексем с указанной семантикой, которые присутствовали и в нашей выборке (*Oreo, Uncle Tom*). Интересно, что в литературе на спанглише представлено отчужденное отношение к богатым выходцам из Азии и, напротив, попытки ассоциировать себя с афроамериканцами. В афроамериканской среде этого не происходит. Степень среднестатистического восприятия любой другой культуры, кроме афроамериканской и африканской, в качестве чужой здесь весьма высока: слишком дорого обошелся долгий исторический опыт попыток сближения.

Отчужденное восприятие «белой» Америки хорошо проявляется в афроамериканской литературе и при обращении к сфере «животное». Даже когда основным является профессиональное или социальное положение, зооморфизм потенциально вводит семантику «евроамериканец». Наиболее частотными становятся зооморфизмы *pig* — «свинья, боров», *fly* — «муха», *pigeon* — «голубь», *mouse* — «мышь». У двух последних обыгрывание образа происходит через семы слабости и серого цвета. Дело в том, что в афроамериканском английском лексема *gray* служит для уничижительного обозначения белого, что на уровне словаря дает новые смыслы лексемам, обозначающим

животных с преобладанием серой масти, а в случае с голубем — окраской оперенья. Для обозначения голубя в стандартном английском активно используются две лексемы: *dove, pigeon*, — но только последняя имеет метафорические переносы «предатель», «доносчик», «полицейский в штатском». Индивидуально-авторский образ З. Пакер *baby pigeons* — «птены голубей» при обозначении белых, имея авторские смыслы ранимости, неприспособленности, беспомощности и неприятности, демонстрирует и общеязыковую афроамериканскую семантику маленьких потенциальных предателей, людей, поступающих низко, обманщиков, которые, несмотря на свою внешнюю уязвимость, готовы принести немало бед. Для этого же автора характерен образ комнатной собачки, чихуахуа. Помимо семантики беспомощности, требования постоянного ухода и нервозности, в образе использован и доминирующий цвет масти — белый и золотистый.

В литературе на спанглише образ неприятного животного не имеет такой однозначной проекции только на евроамериканца. Испанские и английские слова *bruto* — «скотина», *cochino* — «свинья», *zángano* — «трутень», *animal* — «животное, скотина», *locust* — «саранча», *pest* — «насекомое» одинаково легко звучат в адрес и европеоидных американцев, и людей своего этноса.

В современной афроамериканской литературе семантика отчуждения в отношении человека одной крови нередко передается через соотнесенность с беспозвоночными: тараканами, гусеницами, червями и рептилиями (в частности змеями) (*cockroach, caterpillar, worm (wurm), hairless reptilian creature, snake*), что подчеркивает семантику никчемности, неприспособленности, вредительства, подлости, неповоротливости, неприятности. Нужно сказать, что здесь тоже проявляется связь с предыдущими этапами развития афроамериканской литературы, где образ пресмыкающегося и насекомого с самыми разными коннотациями обычно связан с человеком своей национальной принадлежности.

Очень важной сферой при восприятии своего и чужого в литературе на спанглише становится язык. Противопоставление креолизованных форм испанского и американского английского, необходимость изучения трудного, немелодичного иностранного языка, ощущение потери исходного языкового сознания и национальной идентичности, воспринимаемое как трагедия, — вот основные направления метафорического моделирования в этой области. Английский описывается как чудовищный, уродливый, грубый,

лживый, закрытый, напоминающий стену, тесный (*ugly, coarse, un monstruoso idioma, dense, tight language, hard letters like miniature walls, closed sounds, cannot rely on their voices*). Родной язык, напротив, дает ощущение свободы, исхода в землю обетованную, родственных чувств, единения, открытости (*proudly monolingual, the safety of the first tongue, speaking the same language, is like a song, open Spanish, open heart, open soul*). Показательно, что четыре из десяти основных произведений на спанглише в своем названии содержат прямое упоминание языка, голоса, обращения, языковой памяти («**Call me Maria**»; «**Candid Voices of a Spanglish Existence**»; «**How the Garcia Girls Lost Their Accents**»; «**Bilingual Memories**»). Особое место занимает восприятие спанглиша и его статуса лингва франка. Родной язык, будь то испанский или спанглиш, воспринимается как возможность обрести свой голос, песню, ритм, танец, отделяющий свою и чужую зоны. Последнее сближает этот дискурс с афроамериканской художественной литературой, где обретение своего голоса, танца, ритма, песни, Слова как Бога всегда было одним из главных направлений при описании своего и чужого. Это тоже часто включалось в названия произведений (ср., например: «**The Weary Blues**» Л. Хьюза, «**Praisesong for the Widow**» П. Маршалла, «**Look What They Done to My Song**», «**Mr. America's Last ... Blues**» Дж. Мак-Класки, «**The Man Who Cried I Am**», «**Click Song**» Дж. Уильямса, «**If Beale Street Could Talk**», «**Blues for Mister Charlie**», «**Jimmy's Blues**», «**Go Tell It on the Mountain**» Дж. Болдуина, «**The Song of Solomon**» Т. Моррисон, «**I Know Why the Caged Bird Sings**», «**Shaker, Why Don't You Sing**» М. Анджело, «**Your Blues Ain't Like Mine**» Б. Кемпбелл, «**Heavy Daughter Blues**» У. Колмана, «**Blues People**» Р. Эллисона, «**De Mojo Blues**» А. Флауерса, «**Homesick Blues**» У. Келли, «**Another Good Loving Blues**», «**I Heard a Crazy Woman Speak**» С. Флауерс, «**Just Talking Jazz**» Ф. Шейк и мн. др.).

Различие между двумя дискурсами состоит в том, что в афроамериканской литературе стандартный английский в целом никогда не воспринимался как злое, неудобное начало. Хотя следование стандарту в речевом поведении может давать смыслы отчужденности, обычно это сопровождается целым рядом других характеристик в образе персонажа для позиционирования его как чужого. Учитывая историю формирования афроамериканского английского, в афроамериканской литературе будет сложно найти активное использование африканских языков или грусть по поводу их утраты. В этом

еще одно существенное отличие двух лингвокультур и, как следствие, литератур — переключение языкового кода в литературе на спанглише не зависит от социального положения, в афроамериканской литературе использование менее модифицированных афроамериканских форм часто становится именно социальным маркером.

В целом в обоих исследуемых дискурсах индивидуально-авторские отличия при описании сферы «чужой» фрагментарны. В основном наблюдается единый взгляд на вещи. В качестве отдельных элементов можно отметить акцентирование неприветливости больших городов США и тяжелого климата новой страны у О. Ихуэлоса, уход от себя и неприход в новую культуру, попытки вернуться к истории как объединяющему началу у С. Чавез-Сильверман. Обращение к теме психического и физического заболевания, а также системе неравных общественных отношений присуще афроамериканской литературе и в открытой форме наблюдается в работах Р. Лофтон (Sapphire), Э. Джонса, З. Пакер. Т. Коул вводит фрагментарные описания сферы «чужой», концентрируясь на одиночестве протагониста. В этом случае чужими оказываются разные эмоциональные состояния, предпосылки чего можно найти в работах Р. Райта и Р. Эллисона.

Подводя итог, отметим, что в качестве определенной динамики в литературе на спанглише нами выявлено появление новых поворотов в сюжете, возникших в последнее десятилетие. Это осознание существования новых стереотипов, которым противопоставлены латиноамериканцы в США. Сами латиноамериканцы начинают чаще идентифицировать отличия между разными этническими группами в своей среде (доминиканцы, никарагуанцы, пуэрториканцы, мексиканцы, кубинцы), с одной стороны, объединяясь через национальные стереотипы, а с другой — начиная проводить границу (К. Энрикез, С. Чавез-Сильверман, Х. Эрнандес), начинает упоминаться противопоставление города и деревни (Дж. Торрес). Поиски новой национальной идентичности, обращение к индейской и негроидной составляющим тоже находят отражение в работах последних лет (С. Чавез-Сильверман, Х. Эрнандес). Другой поворот — это понимание, что язык состоит из многих подъязыков, в том числе и профессионального общения, которыми можно по-разному владеть, что тоже определяет зоны отчуждения; введение билингвального конфликта поколений, замена устойчивых латиноамериканских вариантов испанского спанглишем и ассоциирование себя с ним (К. Энрикез, Х. Эрнандес). В современной

афроамериканской литературе сохраняются основные линии, присутствовавшие на предыдущих этапах, с усилением настроений тревожности, агрессии, частым употреблением бранной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bankston C. L. Immigration in U. S. History. — N. Y. : Salem Pr., 2006.
2. Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. — N. Y. : Knopf, 1997.
3. Carter P. M. American varieties: ¡Spanglish! — URL: [http://www.pbs.org/speak/seatosea/americanvarieties/spanglish/usa/#carter_\(date_of_access:10.12.15\)](http://www.pbs.org/speak/seatosea/americanvarieties/spanglish/usa/#carter_(date_of_access:10.12.15)).
4. Cohen D. Braceros: Migrant Citizens and Transnational Subjects in the Postwar United States and Mexico. — N. Y. : The Univ. of North Carolina Pr., 2011.
5. Faltis C. Spanglish, Bilingualism, Culture and Identity in Latino Children's Literature // Children's Literature in Education. — Springer Science+Business Media, 2007. №38. P. 253—262.
6. Finkelman P. Encyclopedia of African American History, 1619—1895: From the Colonial Period to the Age of Frederick Douglass. In 3 vols. Vol. 3. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2006.
7. Fornet J. Reescrituras de la memoria: Novela femenina y revolucion en Mexico (Pinos nuevos). — Editorial Letras Cubanas, 1994.
8. Horton J. O. The Landmarks of African American History. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2005.
9. Kanellos N. H. The Anthology of Hispanic Literature of the United States (Recovering the U.S. Hispanic Literary Heritage). — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2003.
10. Mississippi fixes oversight, formally ratifies 13th amendment on slavery // foxnews.com. — URL: <http://www.foxnews.com/politics/2013/02/18/mississippi-fixes-oversight-formally-ratifies-13th-amendment-on-slavery/>_(date_of_access:10.12.2015).
11. Onuf P. S. Nations, Markets, and War: Modern History and the American Civil War. — Charlottesville : Univ. of Virginia Pr., 2006.
12. Ramirez L. Voices of Diversity: Stories, Activities, and Resources for the Multicultural Classroom. — Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall, 2006.

D. V. Pitolin, E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

US DOMESTIC POLICY INFLUENCE ON ONE'S OWN —VS. ALIEN OPPOSITION IN MODERN SPANGLISH AND AFRICAN AMERICAN FICTION

ABSTRACT. *The paper investigates a variety of linguistic means applied when Spanglish and African American modern authors introduce phenomena that are considered to form the daily life of the diasporas in question or on the contrary are thought to be alien, to belong to some other spheres. Thus the basic opposition ONE'S OWN —VS. ALIEN is formed. The authors also dwell upon a number of factors that build up the basis for such worldview of the two diasporas and are dependent upon US international and domestic policies.*

The Spanglish data under analysis includes novels and collections of stories by D. Díaz, J. Cofer, J. H. Hernandez, S. Chávez-Silverman, O. Hijuelos, C. Henríquez, J. Torres, J. Alvarez. African American fiction is represented by such modern authors as Sapphire, C. Whitehead, E. P. Jones, ZZ Packer, H. W. Darrow, D. Evans, T. Cole, D. Mengestu.

The methods of investigation are formed on the basis of traditional comparative and descriptive linguistic studies and cognitive approach, including conceptual metaphoric models' building, and structural and cognitive semantics. As a result the authors describe contextual and discourse factors that determine particular linguo-cultural features of conceptual metaphoric models in the given texts.

The article singles out conceptual metaphoric models of the Spanglish and African American modern authors when they introduce ONE'S OWN —VS. ALIEN opposition. These models are classified and described at length as far as their lexical, semantic, and image-bearing peculiarities are concerned. Yet another line of investigation is formed by the tracing of the models' possible interconnection in the authorial interpretation.

It has been found that when describing their own environment, modern Spanglish authors prefer such source domains as: family, social position, ethnic origin, supernatural phenomena, and animal. African American writers of today turn to the family, animal, race, supernatural, and primitive society source domains. When the alien sphere is introduced, the supernatural, race, social position, animal, history and language source domains are more frequent in Spanglish fiction. African American fiction favours animalistic, supernatural and race metaphoric direction in such a case.

The authors describe transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions in modern Spanglish and African American fiction, and analyzed images that are deeply rooted in culture. The research has allowed determining certain conformities that characterize general interpretation of one's own and alien zones in the modern national fiction of the two diasporas. We've also singled out authorial individual understanding of the ONE'S OWN —VS. ALIEN opposition.

The results of the research in question contribute to the investigations of metaphors, including their political and social aspects. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

KEYWORDS: cross-cultural competence, Spanglish, African American English, Spanglish and African American modern fiction, languages in contact, cross-cultural communication.

13. Stavans I. Spanglish: The Making of a New American Language. — N. Y. : Harper Perennia, 2004.

14. Wolfram W., Thomas E. The Development of African American English. — N. Y. : Harper Perennia, 2002.

15. U.S. CENSUS BUREAU. Hispanic Americans by the numbers. URL: [http://www.infoplease.com/spot/hhmcensus1.html_\(date_of_access:10.04.2014\)](http://www.infoplease.com/spot/hhmcensus1.html_(date_of_access:10.04.2014)).

16. ИСТОЧНИКИ

17. Alvarez J. How the Garcia girls lost their accent. — Algonquin Books, 1991.

18. Chávez-Silverman S. Killer Crónicas: Bilingual Memoirs. — Univ. of Wisconsin Pr., 2004.

19. Cofer J. O. Call me Maria. — Scholastic Inc., 2004.

20. Cole T. Open City. — N. Y. : Random House Trade Paperbacks, 2011.

21. Díaz J. Drown. — N. Y. : Faber & Faber Fiction, 2009.

22. Díaz J. The brief wondrous life of Oscar Wao. — N. Y. : Riverhead books, 2007.

23. Díaz J. This is how you lose her. — N. Y. : Faber and Faber, 2012.

24. Darrow H. W. The Girl Who Fell from the Sky. — Algonquin books, 2010.

25. Evans D. Before You Suffocate Your Own Fool Self. — Riverhead Books, 2010.

26. Jones E. P. All Aunt Hagar's Children: Stories. — Amistad, 2006.

27. Henríquez C. The Book of Unknown Americans. — Canongate Books, 2014.

28. Hernandez J. G. Cuban, that's all! An exile in three acts. — Writers Club Press, 2002.

29. Hijuelos O. Beautiful Maria of My Soul. — Hachette Books, 2010.

30. Mengestu D. How to Read the Air. — Riverhead Books, 2010.

31. Mengestu D. The Beautiful Things That Heaven Bears. — Riverhead Books, 2007.

32. Packer ZZ. Drinking Coffee Elsewhere. — Oxford, 2000.

33. Sapphire Push. — N. Y. : Vintage, 1997.

34. Sapphire The Kid — N. Y. : Penguin books, 2011.

35. Torres J. We the Animals. — Mariner books, 2012.

36. Whitehead C Sag Harbor. — N. Y. : Anchor, 2010.

37. Whitehead C. The Intuitionist. — NY: Anchor, 2012.

ABOUT THE AUTHOR: *Pitolin Danil Viktorovich, Post-graduate Student of Department of English, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Alvarez J. How the Garcia girls lost their accent. — Algonquin Books, 1991.
2. Chávez-Silverman S. Killer Crónicas: Bilingual Memories. — Univ. of Wisconsin Pr., 2004.
3. Cofer J. O. Call me Maria. — Scholastic Inc., 2004.
4. Cole T. Open City. — N. Y. : Random House Trade Paperbacks, 2011.
5. Díaz J. Drown. — N. Y. : Faber & Faber Fiction, 2009.
6. Diaz J. The brief wondrous life of Oscar Wao. — N. Y. : Riverhead books, 2007.
7. Diaz J. This is how you lose her. — N. Y. : Faber and Faber, 2012.
8. Durrow H. W. The Girl Who Fell from the Sky. — Algonquin books, 2010.
9. Evans D. Before You Suffocate Your Own Fool Self. — Riverhead Books, 2010.
10. Jones E. P. All Aunt Hagar's Children: Stories. — Amistad, 2006.
11. Henriquez C. The Book of Unknown Americans. — Canongate Books, 2014.
12. Hernandez J. G. Cuban, that's all! An exile in three acts. — Writers Club Press, 2002.
13. Hijuelos O. Beautiful Maria of My Soul. — Hachette Books, 2010.
14. Mengestu D. How to Read the Air. — Riverhead Books, 2010.
15. Mengestu D. The Beautiful Things That Heaven Bears. — Riverhead Books, 2007.
16. Packer ZZ. Drinking Coffee Elsewhere. — Oxford, 2000.
17. Sapphire Push. — N. Y. : Vintage, 1997.
18. Sapphire The Kid — N. Y. : Penguin books, 2011.
19. Torres J. We the Animals. — Mariner books, 2012.
20. Whitehead C Sag Harbor. — N. Y. : Anchor, 2010.
21. Whitehead C. The Intuitionist. — NY: Anchor, 2012.
22. Bankston C. L. Immigration in U. S. History. — N. Y. : Salem Pr., 2006.
23. Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. — N. Y. : Knopf, 1997.
24. Carter P. M. American varieties: ¡Spanglish! — URL: http://www.pbs.org/speak/seatosea/americanvarieties/spanglish/usa/#carter_ (date of access: 10.12.15).
25. Cohen D. Braceros: Migrant Citizens and Transnational Subjects in the Postwar United States and Mexico. — N. Y. : The Univ. of North Carolina Pr., 2011.
26. Faltis C. Spanglish, Bilingualism, Culture and Identity in Latino Children's Literature // Children's Literature in Education. — Springer Science+Business Media, 2007. №38. P. 253—262.
27. Finkelman P. Encyclopedia of African American History, 1619—1895: From the Colonial Period to the Age of Frederick Douglass. In 3 vols. Vol. 3. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2006.
28. Fornet J. Reescrituras de la memoria: Novela femenina y revolucion en Mexico (Pinos nuevos). — Editorial Letras Cubanas, 1994.
29. Horton J. O. The Landmarks of African American History. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2005.
30. Kanellos N. H. The Anthology of Hispanic Literature of the United States (Recovering the U.S. Hispanic Literary Heritage). — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2003.
31. Mississippi fixes oversight, formally ratifies 13th amendment on slavery // foxnews.com. — URL: <http://www.foxnews.com/politics/2013/02/18/mississippi-fixes-oversight-formally-ratifies-13th-amendment-on-slavery/> (date of access: 10.12.2015).
32. Onuf P. S. Nations, Markets, and War: Modern History and the American Civil War. — Charlottesville : Univ. of Virginia Pr., 2006.
33. Ramirez L. Voices of Diversity: Stories, Activities, and Resources for the Multicultural Classroom. — Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall, 2006.
34. Stavans I. Spanglish: The Making of a New American Language. — N. Y. : Harper Perennia, 2004.
35. Wolfram W., Thomas E. The Development of African American English. — N. Y. : Harper Perennia, 2002.
36. U.S. CENSUS BUREAU. Hispanic Americans by the numbers. URL: <http://www.infoplease.com/spot/hhmcensus1.html> (date of access: 10.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Ю. А. Позднякова
Верхняя Пышма, Россия

В. М. Амиров
Екатеринбург, Россия

**СТРАТЕГИЯ СОБЛЮДЕНИЯ БАЛАНСА МНЕНИЙ В ПУБЛИКАЦИЯХ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КОММЕРСАНТ-УРАЛ»)**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются приемы реализации в публикациях деловой прессы стратегии баланса мнений. Стратегия необходима для обеспечения объективности средства массовой информации при рассмотрении важных вопросов экономики и политики.

Под стратегией баланса мнений понимается система приемов работы журналиста, обеспечивающая максимально объективный подход к фактам и событиям, подвергаемым анализу и интерпретации в публикациях СМИ, а также предоставляющая возможность читателю самому сформировать точку зрения на проблему на основе полно и разносторонне изложенной информации.

В статье рассматриваются предложенные ведущими российскими исследователями определения понятия «деловая журналистика».

Анализ практики реализации стратегии баланса мнений осуществляется на основе материалов, опубликованных в газете «Коммерсант-Урал» в 2015 году. Подробно разбираются элементы стратегии баланса мнений и применение стратегии в материалах экономической, политической и судебной тематики, подготовленных и опубликованных в газете.

Статья будет полезна исследователям СМИ, журналистам, работающим в деловой журналистике, преподавателям и студентам филологических факультетов и факультетов журналистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: массмедиа; экономика; стратегия; баланс; СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Позднякова Юлия Андреевна, корреспондент газеты «Коммерсант-Урал», студентка департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета; 620151, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ul_po@inbox.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Амиров Валерий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; 620151, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vestnik-va@mail.ru.

Несмотря на постоянно возникающие сложности, связанные с тем, что российская бизнес-журналистика развивалась после возвращения страны на рыночные рельсы фактически с нуля, деловые СМИ сумели сформировать ряд принципов и стандартов своей работы, которые отличают их от общественно-политической печати. Часто эти стандарты существуют в виде комплексного документа, содержащего четкие требования к форматам и качеству материалов. Одним из наиболее ярких примеров таких документов является «Информационный стандарт» информагентства «Интерфакс», где проработаны многие десятки деталей интерпретации и оформления журналистского материала по экономической или политико-экономической проблематике [Информационный стандарт «Интерфакс»].

Иным путем пошел другой лидер рынка деловых печатных СМИ — газета «Коммерсантъ» («Ъ»).

В начале 90-х гг. прошлого века «Ъ» стал первопроходцем новой журналистики. Издание наотрез отказалось от морализаторства, лирических вступлений и философствования. Простая формула «только факты», которую сегодня мы видим в слоганах многих изданий, стала основой журналистской школы «Коммерсанта».

Принцип «перевернутой пирамиды», жесткое деление на рубрики, ссылки на источники информации, краткость, осторожность в

оценках, холодноватый отстраненный тон, ирония (в первую очередь через заголовки). Все это — черты, присущие уникальному стилю «Коммерсанта», способствующие причислению СМИ к категории качественных изданий.

«Коммерсанту» как деловому изданию присуще внимательное и очень ответственное отношение к источникам информации. Ввиду того, что предметом публикаций становятся явления, которые могут оказать влияние на ход крупных экономических, политических, социальных процессов, журналист не может и не должен выражать собственные оценки и предположения, он обращается к компетентным в той или иной сфере спикерам. При этом именно максимально полный баланс мнений является основой объективного освещения темы, событий или проблемы, а сама объективность — едва ли не главным фактором устойчивости СМИ на конкурентном рынке. Деловое СМИ покупают, читают, размещают в нем рекламу до того времени, пока оно в своих материалах является гарантом объективного рассмотрения поставленных на повестку дня вопросов.

В теории СМИ не существует однозначного мнения относительно того, какими являются функции деловой журналистики. А. Афанасьева определяет деловую журналистику как «тип качественной журналистики, предоставляющей информацию, необходимую читателю для выработки и принятия

наиболее эффективных решений в финансовой, корпоративной (управленческой) либо профессиональной сфере деятельности» [Афанасьева 2012: 13]. Похожее определение предлагает Г. Мельник, называя деловые издания «влиятельной группой СМИ, четко ориентированной на аудиторию, которая располагает значительными финансовыми возможностями и является в основном профессиональной» [Мельник 2010: 19].

В общем виде цель деловой прессы формулирует А. Грабельников: «Цель деловой прессы — формирование информационной инфраструктуры, обеспечивающей потребности предпринимателей, пропаганду идей и принципов рыночной экономики, распространение законодательной и нормативной информации, создание положительного имиджа отечественного бизнесмена, широкое информирование читателей о мире бизнеса» [Грабельников 1999: 8].

В. Сергачев считает деловую прессу типом СМИ, «обеспечивающим информационные потребности предпринимательства посредством публикации тех или иных материалов» [Сергачев 2000а: 3], особо выделяя важность развития региональных деловых СМИ [Сергачев 2000б: 8]. А. Еременко, наряду с вышеизложенным, подчеркивает важность такой функции деловых СМИ, как «формирование положительного имиджа предпринимательства в сознании массовой аудитории» [Еременко 2007: 12]. Ю. Чемякин указывает на «экономический ракурс рассмотрения событий, проблем и явлений» как на ключевую отличительную черту деловых СМИ [Чемякин 2008: 129]. На этот же аспект обращают внимание М. Шкондина и Л. Реснянская, определяя место деловых СМИ в общей типологии СМИ [Шкондина, Реснянская 2009: 31].

Предложенные определения четко ограничивают аудиторию деловых изданий: читателями становятся люди, занятые в бизнесе, «делом» в узком смысле этого слова.

Впрочем, не все исследователи считают, что деловые СМИ заняты только тематикой бизнеса. А. Санаев, например, пишет: «... неверно полагать, что публикации в таких СМИ ограничены исключительно предпринимательской или финансовой тематикой» [Санаев: 4].

Нам тоже представляется неправильным полагать, что деловые издания — это периодика для ограниченного круга лиц, сосредотачивающаяся на бизнес-сводках и игнорирующая происходящие в мире события. Под деловой прессой мы будем понимать такой тип издания, который рассматривает события через особую «деловую» па-

радигму мышления, так как большая часть происходящего в остальных трех сферах жизни общества так или иначе влияет на экономическую сферу.

В нашем представлении, «деловая журналистика — далеко не всегда специализированная информация, но всегда особый, „экономический“ взгляд на любую проблематику, даже если она кажется весьма далекой от экономики» [Амиров 2013а: 7].

Принадлежность газеты «Коммерсантъ» к сегменту деловой прессы неоспорима. На это указывает самопозиционирование издания как «ежедневной общенациональной деловой газеты» [О «Коммерсанте»], а также тот факт, что большинство исследователей деловой прессы зачастую приводят примеры, связанные с материалами именно этой газеты.

«16 полос качественной и оперативной информации о мировом и российском бизнесе, финансовые и деловые новости, политика и перестановки в органах власти, главные события в обществе, культуре и спорте», — именно так издание определяет свой формат и содержательное наполнение [Письменная 2004].

«Ъ» как деловому изданию присущи все стандарты журналистской деятельности, обозначенные выше. Но помимо этого, внутри редакции существуют отдельные, написанные специально для сотрудников ИД «Коммерсантъ», правила работы при подготовке журналистского произведения.

Документ с этими правилами называется «прописи». Процитируем фрагменты, которые важны для понимания профессиональных стандартов «Ъ», связанных с обеспечением баланса мнений.

В первом разделе обозначена технология сбора материала, в частности: «Выслушиваются две стороны ситуации — обвиняющий и обвиняемый, протестующий и тот, против кого протестуют и т. п. Если вторая сторона явно не представлена (например, протестуют против власти, а она плевать на это хотела), то изучается позиция второй стороны».

Необходимо отметить, что представление в материалах двух противоположных точек зрения (возможно большее количество) на описываемую проблему — один из основных стандартов работы журналиста «Коммерсанта».

В следующем разделе «прописей» конкретизируется процесс написания текста, так как журналистское произведение в сегменте деловой прессы, как мы отмечали ранее, строится по стандартизированной схеме.

«Пишется текст, то есть: *заголовок*, который полностью соответствует смыслу за-

метки; *подзаголовок*, который кратко описывает событие; *вводка*, которая кратко — не более 10 % общего объема заметки — излагает сюжет; *первый абзац*, который рассказывает событие более подробно; *второй абзац*, в котором официальный представитель объясняет происшедшее; *третий абзац*, в котором представляется точка зрения сторон; *четвертый абзац*, в котором описывается реакция общественности; *пятый абзац* с прогнозом эксперта „Ъ“; *шестой абзац* с неявно выраженным отношением корреспондента автора (впрочем, наводит на размышления...; интересно, что...).

Разумеется, в представленной схеме допустимы вариации в зависимости от темы, которой посвящен журналистский материал, однако такие вариации так или иначе вписываются в политику издания — представлять весь возможный спектр мнений по разрабатываемой проблеме.

В одном из последних разделов «прописей» рассматривается работа с источниками информации. «Запрещается, под угрозой штрафа шеф-редактора и гендиректора, выдвигать любые прямые и косвенные обвинения без ссылки на источник сведений или (если источник анонимный, например, украденный документ) на „эксперта Ъ“ или „источника Ъ“. Приводить любые сведения, полагаясь на память или на приблизительное знание (например, названия должностей, организаций, профессий и тому подобное)».

Следует отметить, что обозначенные правила носят несколько идеализированный характер. На страницах газеты «Коммерсантъ» нередко можно встретить ссылки на неназванные источники, которые обозначаются как «высокопоставленный источник в Кремле» или «близкий к группе расследования» и проч. Зачастую такие нарушения стандартов — вынужденная мера. Об этом, в частности, говорит исследователь профессиональной этики в деловой прессе Евгения Письменная, приводя в пример другое деловое издание — газету «Ведомости», но, на наш взгляд, это имеет отношение и к газете «Коммерсантъ»: «Не работает в журналистской практике „Ведомостей“ еще один стандарт — требование ссылаться на источник. Практически каждый номер „Ведомостей“ наполнен разного рода неназванными источниками, причем практически никогда не объясняется, по какой причине этот неназванный источник решил остаться неназванным. Из бесед с корреспондентами „Ведомостей“ можно сделать вывод, что этот принцип часто не соблюдается, потому что руководство газеты больше всего в материале ценит эксклюзивность и интригу, чего

не добьешься в открытом разговоре с источниками информации» [Там же]. Декан факультета журналистики Б. Лозовский указывает на первостепенное значение того, что журналистика «должна стать дискуссионной площадкой для общественной критики» [Лозовский 2007: 13]. То есть любые стандарты в деловой газете, конечно, могут иметь исключения, оставаясь тем не менее стандартами.

Итак, что же мы понимаем под стратегией баланса мнений? ***Систему приемов работы журналиста, обеспечивающую максимально объективный подход к фактам и событиям, подвергаемым анализу и интерпретации в публикациях СМИ, а также предоставляющую возможность читателю самому сформировать точку зрения на проблему на основе полно и разносторонне изложенной информации.***

Разумеется, объективной журналистики в абсолютном понимании не существует, так как субъективность проявляется уже на этапе отбора фактов. Но журналист имеет возможность представить несколько точек зрения на проблему, тем самым обозначив свое намерение к воспроизведению максимально объективной картины обсуждаемого. Сотрудникам издательского дома «Коммерсантъ» строго запрещается приведение собственных оценок и личной позиции, кроме как неявно — оборотами «интересно, что...», «впрочем, отметим...» и т. д. Только факты и мнение экспертов. На наш взгляд, такая позиция является оптимальным следованием концепции объективной журналистики. Журналист предлагает читателю ряд мнений, а картину адресат формирует самостоятельно, так как ему предложено большое количество комментариев.

Соблюдение баланса мнений в публикуемых материалах — один из самых важных пунктов работы журналиста газеты «Коммерсантъ-Урал». В случае подготовки публикации на политическую тему основными компонентами баланса станут заявления пресс-службы, высказывание политика или группы политиков, позиция власти, мнение оппозиции, комментарий политолога (нескольких политологов, так как нередко такой эксперт может быть лояльным к той или иной политической силе).

Если публикация посвящена судебному производству, то обязательны пресс-релиз суда, краткая характеристика дела (анализ материалов дела, предоставленных судом), комментарий пресс-службы субъекта или позиция истца, позиция ответчика, экспертный комментарий, комментарии адвокатов обеих сторон, позиция прокурора, комментарии следователей.

Для экономического материала обязательно готовятся мнения всех сторон-участниц, комментарии экспертов, комментарии игроков рынка, аналитическая составляющая (анализ документов, картотек, баз данных).

Рассмотрим публикацию А. Трониной «УФАС шьет дело по форме». Информационным поводом для публикации послужило начало разбирательства Управления Федеральной антимонопольной службы (УФАС) по Челябинской области по поводу организации картеля челябинскими производителями. «Комиссия УФАС по Челябинской области приступила к рассмотрению дела в отношении местных производителей школьной формы „Пеплос“, „Красса“ и Миасской швейной фабрикой, которых подозревают в картельном сговоре» [Тронина 2015а]. Иными словами, крупные игроки соответствующей ниши рынка заподозрены в недобросовестных экономических действиях — картельном сговоре.

Задача журналиста в данной ситуации состоит в том, чтобы сохранить равновесие и не обвинить (случайно или умышленно) участников ситуации. С целью сохранения баланса публикация строится следующим образом:

- разъяснение информационного повода с пояснением пресс-службы УФАС;
- позиция участника конфликта — фирмы «Пеплос»;
- позиция участника конфликта — директора фирмы «Красса»;
- статистические данные: количество школ, количество учеников, стоимость пошива школьной формы;
- комментарий эксперта — организации «Союзформа».

После прочтения этой заметки у читателя формируется если не положительное, то уравновешенно-нейтральное мнение, так как каждой стороне дали возможность обосновать свои действия, что было заключено комментарием эксперта, который поясняет, что вопиющей противозаконности в действиях компаний нет.

Публикация Т. Дрогаевой и Д. Комарова «Корпорация саморазвития» относится к категории публикаций, посвященных процессам на финансовом рынке. Информационный повод следующий: «Корпорация развития Среднего Урала (КРСУ) готова выступить соакционером новых производств стоимостью не более 300 млн руб. на существующих предприятиях региона» [Дрогаева, Комаров 2015]. Иными словами, крупный представитель бизнеса намерен заняться вложением инвестиций в областную про-

мышленность с целью вывода производств на качественно новый уровень развития и получения прибыли непосредственно самой корпорацией. Если для обычного человека смысловое наполнение заметки мало значимо в силу ряда объективных причин, то для представителей бизнеса и экономической элиты это появление новых конкурентов/партнеров. Поэтому структура публикации следующая:

- подробное изложение намерений КРСУ, объяснение причин предпринятых действий;
- комментарий основного участника — гендиректора КРСУ;
- комментарий финансового аналитика;
- комментарий эксперта агентства стратегических инициатив.

Такая структура призвана объяснить миру бизнеса и экономики действия того или иного игрока, помочь сформировать соответствующее мнение и выработать приблизительный план будущих контактов с основным «героем» публикации.

Материал М. Полоус «Бакал зацементируют» относится к категории публикаций о промышленности. Отметим, что тяжелой промышленностью в газете «Коммерсантъ-Урал» занимается выделенный корреспондент. В его ведении всегда достаточно сложные для восприятия факты, которые нуждаются в большом количестве пояснений, что объясняет обилие источников информации в подобных публикациях. Информационный повод заметки следующий: «Как стало известно „Ъ“, правительство Челябинской области планирует подать заявку на получение статуса территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) для моногорода Бакал Саткинского района» [Полоус 2015].

Структура публикации в полном объеме соответствует принципам стратегии баланса мнений:

- комментарий пресс-службы Саткинского района;
- комментарий заместителя главы Саткинского района по строительству;
- «сведения „Ъ“»;
- комментарий заместителя гендиректора Научно-производственного регионального объединения (НПРО) Нетте Ким;
- комментарий Министерства экономического развития Челябинской области;
- комментарий аналитика «IFC Markets»;
- комментарий эксперта — президента ГК «Энергия».

Читая подобные публикации, бизнесмен экономит свои временные ресурсы, так как основной «умственный процесс» за него уже

проделан журналистом, который выкладывает на страницах газеты готовые точки зрения и обработанные факты.

Интересно в качестве обратного примера рассмотреть публикацию А. Трониной «Автономия от СМИ» [Трoнина 2015б], посвященную сокращению правительством ХМАО числа поддерживаемых из бюджета медиаресурсов. Здесь стратегия реализована не в полной мере — нет мнений руководителей закрываемых СМИ. Данная заметка строится следующим образом:

- расшифровка информационного повода: перечень закрываемых изданий и перечисление изданий, открывающихся вместо них;
- позиция губернатора ХМАО (через пресс-секретаря): оптимизация медиарынка — экономия огромных средств бюджета;
- позиция законодательной власти (дума ХМАО), одобряющей преобразования;
- позиция экспертного совета консультационного совета «Департамент политики»: многие СМИ дублируют свои функции, поэтому рынок давно нуждался в очищении.

Широко известной в узких кругах теме посвящена заметка Д. Комарова «Школьникам не до перемен» [Комаров 2015], в которой говорится о конфликте в екатеринбургской гимназии № 9 по поводу смены директора учреждения. Ученики и выпускники элитарной гимназии незадолго до публикации запустили интернет-петицию по сбору подписей, требующих оставить директором гимназии действующего на тот момент руководителя Александра Кулагина. Среди общественности было много разговоров о том, что готовящиеся преобразования — результат действий главы Управления образования Екатеринбурга Евгении Умниковой. Структура публикации следующая:

- позиция учеников;
- официальное отсутствие заявлений Управления образования о претендентах на должность директора гимназии;
- отсутствие комментария городской администрации;
- сдержанный комментарий действующего (на тот момент) директора;
- комментарий депутата думы Екатеринбурга, неоднократно выступавшего с критикой работы управления образования муниципалитета.

Несмотря на негативный характер публикации, баланс мнений все-таки соблюден. Журналистом предоставлено слово обеим сторонам конфликта, однако «власть» от комментариев отказалась (что тоже, по сути,

является комментарием, только с априори негативной окраской). Важно понимать, что стратегия соблюдения баланса мнений не всегда должна формировать нейтральную или позитивную оценку. Если разворачивающаяся ситуация является негативной, и это подтверждено рядом комментариев, то читатель вправе сформировать отрицательную оценку.

В завершение анализа рассмотрим такой тип заметки, который можно назвать аналитическим, так как он посвящен не конкретному событию, а скорее его последствиям и анализу сложившейся ситуации. Таковой нам представляется публикация А. Трониной «Все потоки попутали», посвященная анализу ситуации в туристическом бизнесе в связи с прекращением авиасообщения между Россией и Египтом. Структура публикации следующая:

- анализируемый факт: «...из-за отказа от египетского направления уральский туристический рынок может сократиться в два раза, считают эксперты» [Трoнина 2015в];
- комментарий директора екатеринбургского представительства компании «Натали Турс»;
- комментарий директора Уральской ассоциации туризма (УАТ);
- данные федерального реестра Федерального агентства по туризму;
- комментарий президента турфирмы «Vista».

Поскольку материал носит аналитический характер, здесь нет ярко выраженных сторон, потому что нет конфликта как такового. Ценность такого материала заключается в том, что он способствует формированию мнения по определенной «громкой» ситуации и основан не на громких заявлениях, а на позициях основных участников сложившейся ситуации. На наш взгляд, здесь так же можно говорить о соблюдении стратегии баланса мнений, диктуемой рамками аналитического жанра.

Одна из основных и наиболее серьезных проблем, с которой сегодня сталкиваются средства массовой информации в России — это обвинения в ангажированности и пропаганде. Зачастую это происходит из-за игнорирования журналистом определенных фактов, противоречащих той позиции, которую необходимо сформировать, или из-за игнорирования любой другой точки зрения, или из-за отсутствия права голоса у остальных участников конфликта. Между тем «журналист, претендующий на статус профессионала, должен стать частью бизнес-сообщества» [Амиров 2013б: 138].

Ответственная и качественная работа с источниками информации в рамках реализации стратегии баланса мнений снимает эту проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров В. М. Деловая журналистика. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013а. 99 с.
2. Амиров В. М. Стандарты и особенности анализа информации в работе бизнес-СМИ // Политическая лингвистика. 2013б. № 2.
3. Афанасьева А. Деловая журналистика. — М., 2012. 654 с.
4. Грabel'nikov А. Виды деловой прессы России // Деловая пресса России: настоящее и будущее. — М., 1999. URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/delov-prensa/1-grabelnikov.html> (дата обращения: 5.11.2015).
5. Дрогаева Т., Комаров Д. Корпорация саморазвития // Коммерсант Урал Екатеринбург. 2015. 4 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2802253>.
6. Еременко А. В. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ростов. гос. ун-т. — Ростов н/Д, 2007.
7. Информационный стандарт «Интерфакс».
8. Комаров Д. Школьникам не до перемен // Коммерсант Урал Екатеринбург. 2015. 6 нояб. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2847278>.
9. Лозовский Б. Н. Журналистика: профессиональные стандарты. — Екатеринбург, 2007. 93 с.
10. Мельник Г. С. Деловая журналистика. — СПб. : Питер, 2010. 304 с.

Y. A. Pozdnyakova
Ekaterinburg, Russia

V. M. Amirov
Ekaterinburg, Russia

STRATEGY OF BALANCE OF OPINIONS IN BUSINESS PRESS PUBLICATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE "KOMMERSANT-URAL" NEWSPAPER)

ABSTRACT. *The article analyzes some techniques of realization of the strategy of balance of opinions in publications of business newspapers. The strategy is necessary for ensuring objectivity of mass media while considering important questions of economy and policy.*

The strategy of balance of opinions is understood as a system of working techniques of a journalist providing him the most objective approach to the facts and events analyzed and interpreted in mass media publications and giving an opportunity to the reader to create their own point of view on a problem on the basis of complete and detailed information.

The article regards the definitions of the concept "business journalism" given by the leading Russian researchers in the field.

The analysis of practical realization of the strategy of balance of opinions is carried out on the basis of materials published in the Kommersant-Ural newspaper in 2015. The authors analyze the elements of the strategy of balance of opinions and the application of the strategy in materials on economic, political and judicial subjects prepared and published in the newspaper.

The article may be useful to researchers of mass media, business reporters, teachers and students of philological faculties and faculties of journalism.

KEYWORDS: *mass media; economy; strategy; balance; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pozdnyakova Yuliya Andreevna, Undergraduate Student of Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Kommersant-Ural Reporter, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Amirov Valeriy Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Periodical Press, Institute of the Humanities and Arts, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Kommersant-Ural Reporter, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Amirov V. M. Delovaya zhurnalistika. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2013a. 99 s.
2. Amirov V. M. Standarty i osobennosti analiza informatsii v rabote biznes-SMI // Politicheskaya lingvistika. 2013b. № 2.
3. Afanas'eva A. Delovaya zhurnalistika. — M., 2012. 654 s.
4. Grabel'nikov A. Vidy delovoy pressy Rossii // Delovaya pressa Rossii: nastoyashchee i budushchee. — M., 1999. URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/delov-prensa/1-grabelnikov.html> (data obrashcheniya: 5.11.2015).
5. Drogaeva T., Komarov D. Korporatsiya samorazvitiya // Kommersant Ural Ekaterinburg. 2015. 4 sent. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2802253>.
6. Eremenko A. V. Delovaya pressa v Rossii: istoriya, tipologiya, modelirovanie izdaniy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Rostov. gos. un-t. — Rostov n/D, 2007.

11. О «Коммерсанте» // Сайт АО «Коммерсант». URL: <http://www.kommersant.ru/about> (дата обращения : 5.11.2015).

12. Письменная Е. В. Профессиональная этика в деловой прессе. — М. : Хроникер, 2004. — 176 с.

13. Полоус М. Бакал зацементируют // Коммерсант Урал Екатеринбург. 2015. 1 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2800366>.

14. Сергачев В. Деловая пресса: состояние и перспективы развития. — СПб., 2000а. 89 с.

15. Сергачев В. Деловая пресса региона: состояние и перспективы развития : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2000б.

16. Санаев А. А. Деловые СМИ: между бизнесом и пиаром. URL: http://www.elitarium.ru/2005/12/09/delovye_smi_mezhdu_biznesom_i_pirom.html (дата обращения: 11.03.2013).

17. Тронина А. УФАС шьет дело по форме // Коммерсант Урал Екатеринбург. 2015а. 2 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2801155>.

18. Тронина А. Автономия от СМИ // Коммерсант Урал Екатеринбург. 2015б. 3 нояб. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2846085>.

19. Тронина А. Все потоки запутали // Коммерсант Урал Екатеринбург. 2015в. 11 нояб. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2850901>.

20. Чемякин Ю. Соотношение понятий «деловая пресса» и «корпоративная пресса» // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Вып. 24 (№ 60). С. 126—132.

21. Шкондина М., Реснянская Л. Типология периодической печати. — М. : Аспект-Пресс, 2009.

7. Информационный стандарт «Интерфакс».

8. Комаров Д. Школьникам не до перемен // Kommersant Ural Ekaterinburg. 2015. 6 нояб. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2847278>.

9. Lozovskiy B. N. Zhurnalistika: professional'nye standarty. — Ekaterinburg, 2007. 93 s.

10. Mel'nik G. S. Delovaya zhurnalistika. — SPb. : Piter, 2010. 304 s.

11. «Kommersant» // Sayt AO «Kommersant». URL: <http://www.kommersant.ru/about> (data obrashcheniya : 5.11.2015).

12. Pis'mennaya E. V. Professional'naya etika v delovoy presse. — M. : Khroniker, 2004. — 176 s.

13. Polous M. Bakal zatsementiruyut // Kommersant Ural Ekaterinburg. 2015. 1 sent. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2800366>.

14. Sergachev V. Delovaya pressa: sostoyanie i perspektivy razvitiya. — SPb., 2000a. 89 s.

15. Sergachev V. Delovaya pressa regiona: sostoyanie i perspektivy razvitiya : dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2000b.

16. Sanaev A. A. Delovye SMI: mezhdru biznesom i piarom. URL: http://www.elitarium.ru/2005/12/09/delovye_smi_mezhdru_biznesom_i_piarom.html (data obrashcheniya: 11.03.2013).

17. Tronina A. UFAS sh'et delo po forme // Kommersant Ural Ekaterinburg. 2015a. 2 sent. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2801155>.

18. Tronina A. Avtonomiya ot SMI // Kommersant Ural Ekaterinburg. 2015b. 3 noyab. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2846085>.

19. Tronina A. Vse potoki poputali // Kommersant Ural Ekaterinburg. 2015v. 11 noyab. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2850901>.

20. Chemyakin Yu. Sootnoshenie ponyatiy «delovaya pressa» i «korporativnaya pressa» // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2008. Vyp. 24 (№ 60). S. 126—132.

21. Shkondina M., Resnyanskaya L. Tipologiya periodicheskoy pechati. — M. : Aspekt-Press, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

И. П. Рябкова
Ижевск, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА: КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается возможность изучения политической коммуникации с позиций лингвоконцептологии, приводится обзор работ российских исследователей, посвященных типологии концептов и концептосфере политического дискурса (ПД). Подчеркивается важность сопоставительного изучения политически нейтральных концептов (таких, например, как «Путь») наряду с институционально маркированными концептами ПД («Власть», «Политик», «Политика», «Народ»). Это связано, во-первых, с недостаточной изученностью политически нейтральных концептов в ПД на разных языках, хотя именно они позволяют описывать политическую жизнь через знакомые единицы мышления, обеспечивают понимание между политиками и всеми слоями населения, а также служат основой для успешной межъязыковой и межкультурной коммуникации. Кроме того, изучение политически нейтральных концептов на материале ПД дополняет уже имеющиеся исследования по лингвоконцептологии, позволяя выявить новые репрезентанты и признаки концептов, которые не высвечиваются при обращении к более традиционному языковому материалу (лексикографическим источникам и художественной литературе). В свою очередь, интеграция достижений лингвоконцептологии и политической лингвистики позволяет перейти от описания концептов к их межъязыковому сопоставлению и на этой основе по-новому рассматривать некоторые практические и теоретические проблемы перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная политическая коммуникация; политический дискурс; перевод; концептосфера; концепт; концепт «Путь»; президентская речь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябкова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет; 426000, г. Ижевск, Университетская, 1, корп. 2, каб. 309; e-mail: irina-ryabkova@bk.ru.

Политическая коммуникация, ставшая предметом лингвистических исследований относительно недавно, сегодня привлекает внимание все большего числа ученых. Центральное место в области изучения политической коммуникации в России занимают работы представителей екатеринбургской школы, возглавляемой профессором А. П. Чудиновым, который определяет *политическую коммуникацию* (ПК) как «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11].

Наряду с данным термином широко используется также термин «*политический дискурс*» (ПД), который в широком смысле может включать как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения [Шейгал 2004: 14, 32]. Возможен и узкий подход, при котором ПД ограничивается лишь институциональными формами коммуникации и понимается как речевой акт, сопровождающий речевое действие в определенной институциональной обстановке [Гаврилова 2005: 6].

В современной российской и зарубежной лингвистике отчетливо прослеживаются традиционный риторический, дискурсивный, а также когнитивный подходы к изучению ПК [Будаев 2008: 42]. Ведущая роль в становлении когнитивного подхода, при котором ПК

описывается как отражение существующей в сознании людей картины мира, принадлежит Дж. Лакоффу и М. Джонсону, разработавшим теорию концептуальной метафоры. Ученые доказывают, что вся концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры, и утверждают, что политические идеологии также формируются на основе метафор [Лакофф 2008]. Сегодня метафорическое моделирование является одним из наиболее разработанных и продуктивных методов когнитивного анализа ПД, активно применяемого в работах российских и зарубежных лингвистов.

Еще одно направление в рамках когнитивного подхода к изучению ПК в российской лингвистике, которое привлекает особое внимание представителей уральской школы политической лингвистики — это анализ концептуальной системы политического дискурса. Лингвоконцептуальный анализ дискурса может реализовываться через дискурсоцентрический (моделирование когнитивной структуры концептосферы конкретного вида дискурса) и концептоцентрический (анализ реализации конкретного концепта в разных типах дискурса) подход [Приходько 2009: 128]. Дискурсоцентрический подход к исследованию ПД реализуется, в частности, в статье М. В. Пименовой, где автор достаточно подробно описывает основные концепты, формирующие политическую концептуальную систему [Пименова 2010: 47].

Пытаясь выстроить типологию концептов ПД, лингвисты говорят о его базовых концептах [Гаврилова 2005; Невинская 2006; Шейгал 2004], хотя критерии, в соответствии с которыми можно было бы уверенно отне-

сти тот или иной концепт к числу базовых, на наш взгляд, не разработаны. Тем не менее в качестве базовых концептов политического дискурса на русском языке рассматривались такие концепты, как «Власть» [Гаврилова 2005; Невинская 2006; Шейгал 2004], «Политик» [Шейгал 2004], «Политика» [Пименова 2005, 2010], «Народ» [Гаврилова 2005; Невинская 2006], «Россия» [Гаврилова 2005].

Некоторые авторы выделяют *ключевые* концепты политического дискурса. Например, в работах М. В. Гавриловой в разных аспектах рассматриваются такие ключевые концепты современного русского политического дискурса, как «Единство», «Справедливость» [Гаврилова 2006, 2010]. В работах других исследователей используется также термин *доминирующие* концепты [Спиридовский 2006].

По-видимому, все три термина — базовые, ключевые и доминирующие концепты — призваны подчеркнуть значимость концепта для ПД в целом либо конкретного национального ПД. Однако их использование в лингвистических работах и, главное, критерии отнесения того или иного концепта к числу базовых, ключевых или доминирующих нуждаются в уточнении.

В то же время нельзя не заметить, что, наряду с *политически маркированными концептами* [Карасик 2009: 58], в ПД активно эксплуатируются *политически нейтральные* когнитивные концепты, т. е. концепты, не свойственные исключительно ПД, которые на сегодняшний день изучены недостаточно. Многие из политически нейтральных концептов являются универсальными и существуют в сознании человечества на протяжении многих веков. Нередко именно апелляция к ним обеспечивает понимание, в том числе и в межкультурной политической коммуникации, несмотря на политические, социальные, языковые и прочие различия. Примером подобных концептов может служить, по нашему мнению, концепт «Путь».

Можно было бы предположить, что межъязыковая передача такого концепта не должна представлять особой сложности именно в силу его универсальности и наличия, на первый взгляд, очевидных межъязыковых соответствий для его репрезентантов.

Иногда это действительно так, о чем свидетельствует практически полное совпадение переводов, выполненных разными переводчиками, нередко в разных условиях. Приведем пример из выступления Дж. Буш-младшего на совместной пресс-конференции с В. В. Путиным в Сочи в апреле 2008 г.

Оригинал: *I've been very much involved with this issue and know how far it's come.*

Перевод 1: *И я действительно очень много занимался этим вопросом, знаю, как далеко мы продвинулись в этой области* (перевод опубликован на официальном сайте Президента РФ).

Перевод 2: *...я очень много занимался этим вопросом и знаю, насколько далеко мы продвинулись* (перевод опубликован на сайте Посольства США в Москве).

Перевод, размещенный на официальном сайте Президента РФ, цитирует текст устного перевода, о чем свидетельствует пометка «как переведено». Перевод, опубликованный на сайте Посольства США в Москве, является в целом более точным и, по всей видимости, выполнялся с опорой на стенограмму или аудиозапись пресс-конференции. Несмотря на то, что в отношении некоторых других фрагментов текста эти два перевода могут существенно расходиться, переводы фрагментов, в которых репрезентируется исследуемый концепт, в значительной степени совпадают.

Однако очень часто текстовые фрагменты переводов, в которых актуализируется концепт «Путь», сразу воспринимаются именно как переводной текст, а не как естественное высказывание на русском (для переводов с английского) или английском (для переводов с русского) языке. Приведем пример, отобранный методом случайного выбора, из первой инаугурационной речи Дж. Буш-младшего.

Оригинал: *It is the story ... of a power that went into the world to protect but not possess, to defend but not to conquer.*

Перевод 1: *Это история... державы, которая пришла в мир для того, чтобы защищать, а не обладать, оберегать, а не завоевывать*» (перевод опубликован на сайте газеты «Взгляд»).

Перевод 2: *Это история о том... как держава вышла в мир, чтобы защищать, а не владеть или завоевывать* [Инаугурационные речи... 2001: 506].

Более глубокий анализ оригиналов и переводов выступлений российских и американских лидеров подтвердил, что передача текстовых фрагментов, в которых актуализируется концепт «Путь», нередко вызывает у переводчиков ощутимые трудности. Это проявляется в наличии в переводах искажений или неточной передачи содержания оригинала, немотивированных опущений, добавлений или замены информации, а также нарушении узуса языка перевода. Нам показалось весьма интересным попытаться понять, почему перевод текстовых фрагментов, не содержащих ни безэквивалентной лексики, ни других традиционно выделяемых

трудностей перевода, может оказаться весьма сложным.

Анализ переводов с учетом результатов сопоставительного исследования репрезентаций концепта «Путь» в российской и американской политической речи позволил выявить две основные причины, лежащие в основе возникающих переводческих проблем:

1) асимметрия номинативных полей концепта «Путь», которая проявляется на двух уровнях — уровне отдельных репрезентантов концепта и уровне его когнитивных признаков;

2) различия в репрезентации когнитивных составляющих концепта «Путь».

Рассмотрим данные причины более подробно. Как показало наше сопоставительное исследование [Рябкова 2014], несмотря на универсальность самого рассматриваемого концепта, его номинативные поля [Попова 2007: 66], вербализуемые в политических речах на русском и английском языках, симметричны лишь частично (например, рус. «вперед» — англ. “forward”, рус. «мирный путь» — англ. “peaceful way”). Значительный же объем номинативных полей оказывается несимметричным. При этом под *асимметрией* мы понимаем лакунарность, частичное или полное несовпадение или разную значимость элементов номинативного поля концепта (как отдельных репрезентантов, так и когнитивных признаков), вербализуемого средствами одного языка, при сопоставлении их с соответствующими элементами номинативного поля одноименного концепта, объективированного средствами другого языка.

На уровне репрезентантов концепта «Путь» наблюдается, во-первых, асимметрия его основных вербализаторов — «путь» и “way”, — связанная с различиями в смысловом объеме русской и английской лексем. Аналогично несимметричными являются некоторые другие его частотные вербализаторы (например, «идти» — “to go”). Такого рода асимметрия хорошо известна и достаточно подробно освещается во многих работах. Однако возможно и другое проявление асимметрии номинативных полей концепта. Так, в анализируемых речах российских и американских политиков наблюдается разная значимость наиболее частотных средств вербализации концепта «Путь»: «направление», «шаг», «пройти», «подход» — “to come”, “to lead”, “to bring”, “to move”, “to ward(s)”.

Не имеют однословных соответствий следующие частотные индивидуальные репрезентанты концепта «Путь»:

– рус.: войти, вступить, выйти, выход, импульс, направленный, *наступающий*, *пе-*

рейти, *переход*, *переходный*, *поворот*, *подход*, *подъем*, пойти, проведение, сталкиваться, съезд, ход;

– *амер.*: away, back, door, down, engine, far, journey, leadership, progress, pursuit, run, to bring, to direct, to drive, toward, to welcome.

Отметим, что речь идет не об отсутствии соответствий в другом языке, а об отсутствии соответствий среди *частотных* средств репрезентации концепта «Путь» в президентских речах на другом языке.

Асимметрия номинативных полей концепта «Путь» прослеживается также на уровне когнитивных признаков. Признак, актуальный для изучаемого концепта в речах российских президентов, а именно «путь — это процесс, имеющий начало и конец» (реализуемый следующими коллокациями и их контекстуальными синонимами: «встать на путь» — «идти по пути» — «пройти путь»), практически не актуализирован в речах американских президентов.

Глагольная сочетаемость, представляющая путь в качестве процесса, также менее значима для американской президентской речи, по сравнению с президентской речью на русском языке. В то же время в речах американских президентов более разнообразна сочетаемость с прилагательными, часто такие коллокации не находят соответствий в президентской речи на русском языке (например, “friendly way”, “bipartisan way”, “limited way”).

Для американской президентской речи, по сравнению с речами российских президентов, неактуален мотив препятствий и выбора пути. Мотив поиска имеет меньшее значение для американской президентской речи, чем для русской президентской речи: в русских речах путь чаще «ищут», в американских — «находят» (“to find a way/ways”).

Интересно также отметить, что в этом случае в американской президентской речи присутствует идея существования нескольких путей, что проявляется в использовании неопределенного артикля или множественного числа существительного. В речах американских президентов путь иногда можно изменить (“to change ways”), в речах российских президентов выбранный путь, как правило, неизменен («не свернуть с пути»).

Обычно в основе переводческих проблем, обусловленных асимметрией на уровне отдельных репрезентантов исследуемого концепта, лежит невозможность использования стандартных словарных соответствий, нарушающих узус языка перевода в конкретной речевой ситуации. С другой стороны, привычные репрезентанты, использующиеся для описания аналогичных ситуаций в

политических речах на языке перевода, также не могут быть выбраны в качестве переводческих соответствий, поскольку они являются своеобразными «маркерами» другого национального политического языка. Объективно трудности перевода проявляются в наличии в переводах искажений или неточной передачи содержания оригинала, немотивированных опущений, добавлений или замены информации, а также нарушении узуса языка перевода. Приведем пример из инаугурационного выступления Дж. Буша-младшего:

Оригинал: *And though our nation has sometimes **halted**, and sometimes **delayed**, we must **follow no other course**.*

Перевод 1: *И хотя наша страна иногда останавливалась и порой запаздывала, мы обязаны следовать только этим курсом* (перевод опубликован на сайте газеты «Взгляд»).

Перевод 2: *...и, хотя наша страна, случалось, останавливалась или медлила, у нас нет другого пути* [Инаугурационные речи ... 2001: 506].

Дж. Буш в своей речи опирается на когнитивную модель «история страны — это путь». Иногда в процессе пути демонстрируется отрицательная динамика, которая проявляется либо в виде полной остановки (“halted”), либо в виде замедления скорости движения (“delayed”). Приведем примеры текстовой репрезентации той же когнитивной модели, эксплицирующие при этом ту же составляющую — «отрицательная динамика» в привычных «терминах» политической речи на русском языке:

Ведь почему происходило, по сути, чуть ли не восемь лет топтание на месте в этой сфере, в сфере экономических преобразований? (В. В. Путин).

Те, кто был тогда у руководства страны, знали, что на самом деле с нею [страной] происходит, и что мы потом назвали труднопереводимым термином „застой“ (М. С. Горбачев).

Тем не менее типичные для русской политической речи средства вербализации составляющей «отрицательная динамика»: «топтаться / топтание на месте», «застой», «отставать / отставание» — при переводе выступления Дж. Буша использоваться не могут, поскольку являются «маркерами» иного политического языка. Использование же словарных соответствий порождает нарушение узуса.

Далее приведем пример переводческих трудностей, обусловленных асимметрией на уровне когнитивных признаков концепта «Путь»:

Оригинал: *...an idea infused with the conviction that **America's long, heroic journey must go forever upward*** (У. Клинтон, первая инаугурационная речь).

Перевод: *Эту идею воспламеняет уверенность в том, что в долгом героическом путешествии **Америка вечно должна идти вверх — все выше и выше*** [Инаугурационные речи... 2001: 495].

В данном фрагменте концепт «Путь» актуализируется посредством ориентационной метафоры “GOOD IS UP”, описанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф 2008: 35—45]. Однако наше исследование показало, что для президентской речи на русском языке когнитивный признак исследуемого концепта «движение по вертикальной оси» гораздо менее актуален, чем для американской президентской речи. Свидетельством того, что переводчик испытывал определенные сложности, является добавление в переводе фразы «все выше и выше», которая, вероятно, должна прояснить реципиенту, что именно имеется в виду. Полагаем, что в данном случае вполне можно было объективировать в переводе когнитивный признак, более актуальный для политической речи на русском языке, а именно «движение вперед — это хорошо». Например, данный фрагмент мог бы быть переведен как «...Америка должна всегда идти вперед».

Можно привести другие примеры, где переводческие решения, хотя и не абсолютно неприемлемые, могут быть, на наш взгляд, усовершенствованы благодаря учету различий в наборе когнитивных признаков концепта. Как говорилось ранее, нами было установлено, что российские политики чаще говорят о необходимости «поиска» пути, в то время как американские политики говорят о необходимости его «найти». Рассмотрим пример из выступления М. С. Горбачева и перевод, опубликованный на сайте новостного агентства Сиэн-эн.

Оригинал: *...надо искать, причем **совместно искать, подходы к оздоровлению международной ситуации, к строительству нового мира*** (М. С. Горбачев).

Перевод: *...it is **necessary to seek — and to seek jointly — an approach toward improving the international situation and building a new world*** (перевод опубликован на сайте Си-эн-эн).

С учетом вышесказанного полагаем, что данный фрагмент можно было бы перевести следующим образом:

...together we must find ways to improve the global situation and build a new world.

Вторая группа переводческих проблем связана с различиями в репрезентации от-

дельных когнитивных составляющих концепта «Путь». При анализе концепта «Путь» нами были выделены следующие его составляющие: субъект движения, конечная цель движения (локус), направление движения, траектория движения (трасса), начало движения, характер движения, динамика (скорость), движимый объект, движущая сила, багаж, расстояние, средство перемещения (транспорт).

Приведем пример из выступления Р. Рейгана, иллюстрирующий различия в репрезентации когнитивной составляющей «субъект движения». В отличие от политической речи на русском языке, в американской политической речи движущийся субъект может быть представлен абстрактным существительным, называющим политическую или духовную ценность. В то же время типичный для русской политической речи тип «субъекта движения» — «деятельность» не представлен в анализируемых выступлениях американских президентов. Эти различия могут стать источником искаженного понимания смысла оригинала.

Оригинал: *The business of our nation goes forward* (Р. Рейган).

Перевод: *Деловая жизнь нашей страны развивается* [Инаугурационные речи... 2001: 466].

Такой перевод предложения вызывает недоумение, поскольку сразу после этого президент говорит об экономических трудностях, с которыми сталкивается страна:

These United States are confronted with an economic affliction of great proportions. We suffer from the longest and one of the worst sustained inflations in our national history...

Как говорилось выше, сопоставительный анализ показал, что в английском языке существительное в значении «деятельность» (а в данном переводе “*business*” понимается как деятельность — “*commercial activity*” [Collins Coincide English Dictionary 2008: 228]) обычно не используется в качестве субъекта движения. По-видимому, “*business*” используется здесь как абстрактное существительное в другом своем значении — “*proper or rightful concern or responsibility*” [Collins Coincide English Dictionary 2008: 228]. И действительно, предыдущий контекст подтверждает, что речь идет именно об обязанности американского народа беречь политическую систему, гарантирующую свободу личности:

Mr. President, I want our fellow citizens to know how much you did to carry on this tradition. By your gracious cooperation in the transition process you have shown a watching world that we are a united people pledged to maintaining a political system which guarantees in-

dividual liberty to a greater degree than any other. And I thank you and your people for all your help in maintaining the continuity which is the bulwark of our republic.

Вероятно, переводчик воспринял фразу “*The business of our nation goes forward*” в отрыве от предшествующего контекста, так как в скрипте выступления она вынесена в отдельный абзац. Однако если прослушать аудиозапись выступления, можно понять, что эта фраза оформлена в отдельный абзац, так как отделена от предыдущего отрезка текста продолжительными аплодисментами, но интонационно она составляет единое целое с предыдущей, а не последующей частью.

Учитывая контекст, интонационное оформление и типичное для английского языка использование абстрактного существительного в качестве субъекта движения, можно сделать вывод, что смысл данного высказывания в том, что начатое прежним президентом дело будет продолжено.

Итак, концептологический подход к изучению межкультурной ПК и проблем перевода политических текстов, при котором анализу подвергались бы в том числе и политически нейтральные концепты, открывает, на наш взгляд, интересные перспективы для политической лингвистики, сопоставительной лингвоконцептологии и переводоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. 248 с.
2. Гаврилова М. В. Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 17. С. 77—87.
3. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2005. 468 с.
4. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 13—19.
5. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша : (1789—2001 г.) с ист. коммент. / общ. ред. и коммент. Э. И. Иваняна. — М. : Стратегия, 2001. 526 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. — М. : Гнозис, 2009. 406 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — 2-е изд. — М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
8. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ — власть» в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2006. 20 с.
9. Пименова М. В. Концепт политика и способы его репрезентации // Изв. УрГПУ. Лингвистика. 2005. Вып. 15. С. 32—39.
10. Пименова М. В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 47—55.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007. 314, [6] с.
12. Приходько А. Н. Концепт в дискурсах vs концепты в дискурсе // Дискурс, концепт, жанр : коллективная моногр. / отв. ред. М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил, 2009. С. 125—139.
13. Рябкова И. П. Репрезентация концепта «Путь» в речах российских и американских президентов конца XX — начала XXI в.: сопоставительно-переводческий аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Ижевск, 2014. 204 с.

14. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2006. 24 с.

15. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.

I. P. Ryabkova

Izhevsk, Russia

INTERCULTURAL POLITICAL COMMUNICATION AND TRANSLATION PROBLEMS: A CONCEPTOLOGICAL APPROACH

ABSTRACT. *The paper discusses a concept-based approach to studying intercultural political communication and its translation. The author reviews Russian publications on the types and range of concepts in political discourse. The author suggests that, along with studying institutionally marked concepts of political discourse ('Power', 'Politician', 'Politics', 'People'), more attention should be paid to politically neutral concepts (such as 'Way'). Their descriptions in theoretical literature are limited, yet these are the concepts that enable us to describe political life through familiar units of thinking, ensure effective communication between politicians and all sorts of people, as well as provide the basis for successful communication between languages and cultures. Besides, studying politically neutral concepts in political discourse adds up to the existing research in the field of linguistic conceptology, highlighting new representations and characteristics of concepts that cannot be detected by studying more traditional linguistic material (dictionaries and fiction). Thus, integration of linguistic conceptology and political linguistics allows moving from the description of concepts to their comparison in different languages and therefore looking at some theoretical and practical problems of translation from a new perspective.*

KEYWORDS: *intercultural political communication; political discourse; translation; sphere of concepts; concept, "WAY"; presidential speech.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabkova Irina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation and Applied Linguistics (English and German languages), Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2008. 248 s.

2. Gavrilova M. V. Kontsept «spravedlivost'» v noveyshem russkom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2006. Vyp. 17. S. 77—87.

3. Gavrilova M. V. Lingvokognitivnyy analiz russkogo politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 2005. 468 s.

4. Gavrilova M. V. Razvitie sodержatel'nykh form kontsepta «edinstvo» v russkom politicheskom diskurse XX—XXI vekov // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4. S. 13—19.

5. Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha : (1789—2001 g.) s ist. komment. / obshch. red. i komment. E. I. Ivanyana. — M. : Strategiya, 2001. 526 s.

6. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. — M. : Gnozis, 2009. 406 s.

7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem. — 2-e izd. — M. : URSS : Izd-vo LKI, 2008. 256 s.

8. Nevinskaya M. D. Kontseptual'naya oppozitsiya «narod — vlast'» v politicheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2006. 20 s.

16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. 326 с.

17. Collins Concise English Dictionary. 7th ed. — New York : Harper Collins Publishers, 2008. 1953 p.

9. Pimenova M. V. Kontsept politika i sposoby ego reprezentatsii // Izv. UrGPU. Lingvistika. 2005. Vyp. 15. S. 32—39.

10. Pimenova M. V. Politicheskaya kontseptual'naya sistema // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2. S. 47—55.

11. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. — M. : AST : Vostok — Zapad, 2007. 314, [6] s.

12. Prihod'ko A. N. Kontsept v diskursakh vs kontsepty v diskurse // Diskurs, kontsept, zhanr : kollektivnaya monogr. / otv. red. M. Yu. Oleshkov. — Nizhniy Tagil, 2009. S. 125—139.

13. Ryabkova I. P. Reprezentatsiya kontsepta «Put'» v rechakh rossiyskikh i amerikanskikh prezidentov kontsa XX — nachala XXI v.: сопоставител'но-переводческий аспект : dis. ... kand. filol. nauk. — Izhevsk, 2014. 204 s.

14. Spiridovskiy O. V. Lingvokul'turnye kharakteristiki amerikanskoy prezidentskoy ritoriki kak vida politicheskogo diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2006. 24 s.

15. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.

16. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.

17. Collins Concise English Dictionary. 7th ed. — New York : Harper Collins Publishers, 2008. 1953 p.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

С. В. Франц, В. А. Франц
Екатеринбург, Россия

МЕТАМОРФОЗЫ ВОЙНЫ: МОЛЧАЛИВЫЙ ЯЗЫК «ЧИСТЫХ» СОБЫТИЙ

АННОТАЦИЯ. В свете последних трагических событий, связанных с эскалацией террористического насилия, авторы статьи актуализируют ряд политико-философских идей французского философа Жана Бодрийяра. Стремительное увеличение количества террористических актов во всем мире полностью соответствует предсказаниям философа относительно будущего западной цивилизации и ее взаимоотношений с мусульманским миром. При этом Ж. Бодрийяр в своей философии высказывает оригинальный взгляд на причины такого положения вещей и возможный способ его изменения. Существование общества в состоянии «Символического обмена» философом называемым социальным пактом, представляющим собой естественное взаимодействие «иных», еще не регулируемое какими-либо властными предписаниями, имеющее характер состязания, игры и взаимного вызова. На этой стадии власть еще разыгрывается прямо и открыто. Эта социальная игра обратимости прекращается с формированием диалектики господина и раба, где обратимость власти уступает место диалектике ее воспроизводства. Единственным способом изменения текущей геополитической ситуации и противодействия терроризму Ж. Бодрийяр считал как минимум использование против террористов ироничных и реверсивных по своей сути символических стратегий, аналогичных тем, которые используют они сами, а как максимум — перестройку всего западного общества в соответствии с логикой «Символического обмена». Это означало бы пересмотр ряда базисных конструктов, на которых в настоящий момент нанизана «плоть» западной культуры, в частности, отношения к агрессии, толерантности, силе, безопасности, риску и многим другим феноменам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: симуляция; «символический обмен»; терроризм; «Другой»; «чистое» событие; псевдособытие; зло; принцип всеобщности; власть; «отличие».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Франц Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lanakazakova2009@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Франц Валерия Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина; 620151, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: val-franc@yandex.ru.

В свете последних трагических событий, произошедших во Франции, Турции, на Мали и во многих других местах планеты, актуализируются политико-философские идеи французского философа Жана Бодрийяра. Эскалация террористического насилия во всем мире полностью соответствует предсказаниям философа относительно будущего западной цивилизации и ее взаимоотношений с исламским миром.

Еще после теракта 11 сентября 2001 г. в США Ж. Бодрийяр предсказал, что в дальнейшем уровень терроризма в мире будет неуклонно расти и что террористическое насилие станет для представителей экстремального ислама основным средством войны с западным миром.

Наиболее очевидным и приземленным ответом на вопрос о причине такого положения вещей, на первый взгляд, является тот факт, что подобный способ ведения военных действий — единственно эффективный для экстремистов в ситуации отсутствия у них военной мощи, которую можно было бы противопоставить военным силам Запада.

Однако Ж. Бодрийяр считает, что корни происходящего лежат не в сфере прагматики, а в области метафизики. Философ характеризует терроризм как своеобразный язык, посредством которого представители иной по своей сути цивилизации общаются со странами Запада и отвечают на меры, аутистичные его геополитической стратегии.

Террористический акт, по Бодрийяру, — это своеобразное послание, правильно расшифровать и понять которое способны немногие.

Философ предлагает не только неординарный ответ на вопрос о причинах роста террористического насилия, но и возможный выход из ситуации. Предлагаемое Бодрийяром решение выглядит весьма радикальным и трудно реализуемым, тем не менее оно может оказаться достаточно эффективным.

Чтобы продемонстрировать культурный механизм, активирующий террористическую агрессию, а также ее суть в целом, ее скрытое послание, Бодрийяр сравнивает два противоположных культурных алгоритма: так называемую симуляцию и «символический обмен»^[1]. Концепция симуляции^[2] отражает специфику европейской и американской культурной модели в представлении философа, а «символического обмена» — более архаичных культур. При этом мыслитель считает культурный алгоритм «символического обмена» базовым для любой культуры, более правильным и более жизнеспособным.

Чтобы понять принципы существования современной западной культуры, философ предлагает начать, как может показаться на первый взгляд, издалека — обратиться к анализу феномена ценности. Проблему ценности Ж. Бодрийяр освещает в лучших традициях постструктурализма и постмодернизма, опираясь на идеи К. Леви-Стросса,

Ф. де Соссюра, М. Фуко и др. Следуя логике данных философских течений, мыслитель связывает генезис ценностей с феноменом власти и проблематикой «Другого».

Ценности, согласно Ж. Бодрийяру, формируются в результате структурирования и кристаллизации властных отношений. Чтобы понять, как это происходит, необходимо учитывать, что базовой характеристикой ценности является ее всеобщность. На эту ее особенность указывали в своих трудах еще Г. В. Ф. Гегель и И. Кант. Концепт всеобщности же связан с властью следующим образом. Сущность власти заключается в противодействии, соперничестве и борьбе, т. е. в отрицании «Другого». В этом свете ценность может формироваться двояко. С одной стороны, получая власть, доминирующая сторона навязывает властвуемому выгодный ей общеобязательный образ мысли и действия. Однако это открытый антагонизм и открытое подавление, делающие власть шаткой, так как всегда могут возникнуть несогласные, желающие оспорить право на власть.

С другой стороны, механизм власти может быть реализован на порядок более тонко. При этом он может быть настолько неочевиден, что сами акторы власти будут убеждены, что действуют из соображений всеобщего блага. Механизм, о котором идет речь, базируется на том, что в мире, состоящем из уникальных и отличных друг от друга объектов и индивидуумов, единственное, что делает последних равными — это отличие. Все равны между собой в своей непохожести. Ценности же возникают в результате формирования идеи о принципиальной одинаковости всех людей (по ряду базовых параметров) и, как следствие, общих для всех пределах допустимого, картины мира, базовых алгоритмов мышления и действия и т. п. Однако всеобщее равенство, постулируемое и проектируемое некоторыми религиями, идеологиями и концепциями, в реальности недостижимо, потому формируется следующая структура действительности: представители власти формируют и внедряют в сознание масс ценности на свое усмотрение, при этом всеобщее равенство симулируется. Термин «симуляция» Ж. Бодрийяр понимает как создание своеобразной виртуальной реальности. Это не осознанный обман, призванный скрыть истину, это скорее сокрытие того факта, что истины не существует, но существует множество возможных равноценных вариантов виртуальной реальности, а если пользоваться терминологией Бодрийяра — игры. Истинные различия философ называет в рамках своей философской концепции «от-

личиями», а симулированные — «различиями». В ходе описываемого процесса всё, что подчеркивает виртуальную одинаковость, объявляется благом, а всё, что выявляет фундаментальную отличность индивидов друг от друга и антагонизм, лежащий в основе взаимоотношений индивидуума с «Другим», признается злом.

Таким образом, в своей политической философии Ж. Бодрийяр постулирует и изучает взаимосвязь проблемы зла с феноменом «Другого». По его мнению, в рамках диалектического понимания взаимодействия добра и зла именно «Другое» наделяется статусом Зла. В отличие от ситуации открытого антагонизма, этого «Другого» не избегают, не игнорируют и не уничтожают, его пытаются обратить на сторону добра. Согласно Ж. Бодрийяру, данная стратегия также представляет собой стратегию уничтожения, только в более тонкой форме. Однако после окончательного искоренения зла добром вступает в силу закон отрицания отрицания. Уничтожив зло, добро и само исчезает, поскольку существует только за счет природной амбивалентности. «Система, которая исключает любую инаковость, — утверждает мыслитель, — пожирает сама себя» [Baudrillard 1999: 80].

Однако, согласно Ж. Бодрийяру, этот процесс протекает лишь в виртуальном пространстве, в области идеального. Поэтому на практике зло всегда может взять реванш. Фактически разделение на добро и зло является абстракцией: мир делится на два «региона», один из которых объявляется менее полноценным и подчиненным в отношении ко второму. Целью же отныне становится достижение такого состояния, когда второй регион полностью исчезнет. Однако в реальности с тем, что объявляется злом, ничего не происходит. Кроме того, поскольку в действительности интересы индивидуумов, составляющих общество, различны и зачастую противоречат друг другу (следовательно, одновременно не могут быть удовлетворены), многие достаточно быстро теряют веру в добро либо начинают сомневаться в соответствии действующей системы принципам добра или даже стремиться ко злу.

Согласно Ж. Бодрийяру, для современной западной культуры характерно полное исчезновение «отличия» и замена его «различием», т. е. симуляцией инаковости, направленной в действительности на увеличение сходства. «Оказалось, — заключает Ж. Бодрийяр, — что Другой создан не для того, чтобы быть уничтоженным, отброшенным, совращенным, но для того, чтобы быть понятым, освобожденным, признанным. По-

сле прав Человека следовало бы учредить права Другого. Впрочем, это уже сделано: существует Всеобщее Право на Различие. В этой искусственной драматургии отличие исчезло отовсюду, но сам субъект стал малопомалу индифферентен к собственной субъективности, к собственному отчуждению, совсем как современное политическое существо становится безразличным к собственному мнению. Это тот другой, что появляется после гибели Другого» [Бодрийяр 2000а: 105].

В работе «Прозрачность Зла» (1990 г.) Ж. Бодрийяр показывает, как фактическое противоборство Запада, в особенности США, с рядом стран третьего мира вуалируется посредством риторики «различия»: создается симулированная реальность, в которой в качестве целей военной экспансии в данных странах провозглашается распространение демократических ценностей и свободы или защита граждан западных стран от несуществующей агрессии.

Со временем представители «Других» цивилизаций выработали беспощадный и циничный и вместе с тем эффективный метод разрушения симулированной реальности — терроризм. Ж. Бодрийяр называет терроризм зеркалом системы ценностей западной цивилизации. Он отражает ее слабые места и обнажает основную проблему — невозможность воплощения идеала равенства на практике. Тотальная симуляция в рамках социально-политических процессов, характерная для современного западного общества, приводит к формированию полной невосприимчивости и равнодушию масс к любым сообщениям и смыслам и, как следствие, невозможности социально значимых событий. Терроризм, напротив, представляет собой Событие в чистом виде, еще не охваченное симуляцией и системой интерпретаций, которое не может пройти незамеченным.

Именно с точки зрения уязвимости системы в отношении терроризма Ж. Бодрийяр критикует концепцию «прав человека» — как одно из ее слабых мест. По мнению философа, из права на жизнь логически следует право на смерть, что делает это право абсурдным. Смерть и жизнь, согласно Ж. Бодрийяру, — это судьба, фатальность, поэтому они не могут быть объектом права. Специфику права он видит в том, что если нечто само собой разумеется, то всякое право становится излишним, но если в отношении той или иной вещи возникает необходимость установления права, то это означает, что сама эта вещь приближается к своей гибели. Таким образом, право имеет симулятивную природу.

Результатом возникновения прав человека, и в первую очередь права на свободу

слова, стало бурное развитие СМИ, которые являются, по мнению исследователя, настоящим магнитом для террористов. Эффективность терактов предопределена самой структурой массовой коммуникации, так как трансляция в СМИ увеличивает эмоционально-психологическое воздействие террористических актов в несколько раз.

Таким образом, терроризм является стратегией противодействия «зла» (как метафизического феномена) политике глобализации, которая является, как и все остальные специфически западные культурные феномены, воплощением принципа универсальности, стремлением к уничтожению «отличий» и насаждению «различий». Он также является «злым» зеркалом для СМИ, которые представляют собой аналогичное порождение принципа универсальности: информация должна быть доступна для всех. Кроме того, терроризм играет на демократических политических принципах, согласно которым политика должна быть прозрачной и доступной для влияния каждого. Таким образом, согласно идеалу демократии, она должна стать делом каждого, следовательно, каждый должен нести ответственность за любое политическое действие. Согласно этой логике, заложник является воплощением всей системы и вынужден искупать ее грехи. Кроме того, взятие заложников — это игра на принципе максимальной ценности жизни любого представителя западной цивилизации. Неспособность защитить эту высшую ценность демократического общества дискредитирует власть в глазах граждан.

Фактически терроризм можно назвать сравнительно новым способом ведения войны, вызванным к жизни метаморфозами самой западной цивилизации. Еще в 2001 г. Ж. Бодрийяр предсказал серьезные последствия возникновения подобного инструмента противостояния, способного повлечь за собой кардинальные изменения миропорядка, что мы и наблюдаем сейчас. Так, по мнению Ж. Бодрийяра, война США с Ираком, тоже представляющая собой симулякр, предварительно сконструированный с расчетом на медиа, замышлялась как противовес террористическому акту 11 сентября 2001 г. Она была до такой степени предсказуема, запрограммирована, придумана заранее, что не было необходимости вести ее на самом деле. Эта война была так называемым «ghostevent», псевдособытием. Формально она позиционировалась как выступление союзников для борьбы с общим врагом, однако на самом деле в ее основе лежало стремление аннулировать, затушевать произошедший теракт. Именно это стремление и придает войне с Ираком ее фантастический характер, поскольку

ку у нее нет цели, она не вызвана какой-либо необходимостью и не направлена против настоящего противника (Саддам Хуссейн в данном случае — не более чем фантом). Эта война, по прогнозу Ж. Бодрийяра, не будет иметь конца и места. Причина в том, что данный теракт создал атмосферу постоянной тревоги, поскольку был направлен против оснований современной демократии. И если она не будет вести эту превентивную виртуальную войну, призванную симулировать абсолютную безопасность, являющуюся неотъемлемой частью парадигмы системы, то рискует дискредитировать себя и погибнуть. Поэтому принцип «нулевых потерь», предохранения, устрашения, даже в ситуации отсутствия явной угрозы, т. е. особого рода террор, по мнению Ж. Бодрийяра, является стратегией, которая ожидает в ближайшем будущем всю планету. Мыслитель считал теракт в США 11 сентября 2001 г. моментом начала четвертой мировой войны, в которой глобализм был противопоставлен самому себе, что также во многом оказалось следствием наступившей медиакратии.

Можно спорить с Ж. Бодрийяром относительно отсутствия у данной войны прагматических целей, однако его предсказание дальнейшего роста глобалистских тенденций и разрастания экспансии Запада можно назвать пророческими. Предвидел исследователь и сопутствующую эскалацию террористического насилия.

В своих трудах Ж. Бодрийяр предлагает оригинальный и вместе с тем радикальный способ минимизации описанных выше тенденций. Собственно, терроризм является примером той стратегии, которая, по мнению философа, могла бы оказаться эффективной в противодействии ему самому. В чем же состоит эта стратегия? Террористический акт осуществляется, по мнению Ж. Бодрийяра, в соответствии с логикой «символического обмена» и открытого вызова.

«Символический обмен», согласно философу, — это антагонизм, уходящий в бесконечность, который не может быть ограничен с помощью властного дискурса добра, управляющего «Другим» посредством запрета на все негативное. Ж. Бодрийяр неоднократно заявлял в своих работах о ответственности и желательности логики «символического обмена» для любого социума, подчеркивая, что большинство первобытных общностей существовало именно в соответствии с этим алгоритмом.

В работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр характеризует такие первобытные общности «тотальностью» — полноценной включенностью всех и всего в общинную жизнь, которая оказалась воз-

можной благодаря неразличности бытия, отсутствию задаваемых структурой власти оппозиций. В таких обществах, безусловно, уже существовали некоторые оппозиции, как минимум — оппозиция мужское/женское или оппозиции родов, члены которых не могут вступать в брачные отношения, однако такая оппозиционность, по мнению Ж. Бодрийяра, исчезала во взаимной обратимости элементов оппозиции. «Обратимость дара, — утверждает Ж. Бодрийяр, — проявляется в отдаривании, обратимость обмена — в жертвоприношении, обратимость времени — в цикле, обратимость производства — в разрушении, обратимость жизни — в смерти, обратимость каждого языкового элемента и смысла — в анаграмме; всюду, во всех областях — одна и та же общая форма, форма обратимости, циклического обращения, отмены; всюду она кладет конец линейному характеру времени, речи, экономических обменов и накопления, власти. Всяду она принимает для нас форму истребления и смерти. Это и есть форма символического. Она не мистична и не структурна — она просто неизбежна» [Бодрийяр 2000б: 44].

Таким образом, в рамках логики «символического обмена» ничто не может закрепиться в определенном статус-кво, задержаться во времени и возвыситься надо всем остальным. Даже предки и женщины принимают участие в обмене. Это происходит в специально предназначенное время — время особых праздников или ритуалов, которые в антропологии называют ритуалами перехода или лиминальными состояниями. Суть «символического обмена», по Ж. Бодрийяру, состоит в возможности для любого человека вернуть символический долг, уклоняясь тем самым от попадания в поле действия власти. На стадии символического обмена еще нет власти и нет феномена ценности.

Существование общества в состоянии «символического обмена» философ называет социальным пактом, представляющим собой естественное взаимодействие «иных», еще не регулируемое какими-либо властными предписаниями, имеющее характер состязания, игры и взаимного вызова. На этой стадии власть еще разыгрывается прямо и открыто. Эта социальная игра обратимости прекращается с формированием диалектики господина и раба, где обратимость власти уступает место диалектике ее воспроизводства.

Единственным способом изменения текущей геополитической ситуации и противодействия терроризму Ж. Бодрийяр считал как минимум использование против террористов ироничных и реверсивных по своей сути символических стратегий, аналогичных

тем, которые используют они сами, а как максимум — перестройку всего западного общества в соответствии с логикой «символического обмена». Это означало бы переосмотр ряда базисных конструктов, на которые в настоящий момент нанизана «плоть» западной культуры, в частности, отношения к агрессии, толерантности, силе, безопасности, риску и многим другим феноменам.

На основе идей Ж. Бодрийяра ряд современных исследователей предложили варианты эффективной реакции на теракты и иные подобные символические действия. Так, по мнению С. Смита, их необходимо игнорировать (что означает, в том числе отказ от трансляции посредством СМИ), только тогда они станут бессмысленными. Очевидно, что данный вывод ученый сделал под влиянием концепции терроризма Ж. Бодрийяра, которой утверждает, что современные теракты рассчитаны на эффект СМИ. Г. Геноско же, напротив, считает, что необходимо изыскивать методы превосходящего по силе символического унижения и отвечать на каждый совершенный символический акт.

Точка зрения Ж. Бодрийяра на сущность террористического насилия как проявления логики символического обмена вызывает ряд вопросов. В частности, тот факт, что представители экстремальных течений исламизма действуют в рамках логики «символического обмена», выглядит весьма сомнительным, поскольку очевидно, что в основании данной религии лежит тот же императив всеобщности, что и в основании христианских конфессий. Другой вопрос, что, вероятно, для террористических организаций и их представителей религия является лишь ширмой, однако подобное камуфлирование своих истинных намерений еще больше сближает политику террористов с политикой государств Запада. Другое дело, что такое положение вещей еще больше располагает к противодействию терроризму в рамках логики символического обмена.

В свете вышесказанного антитеррористическая и геополитическая политика России выглядит достаточно удачной и эффективной, поскольку страна не скрывает истинных целей противостояния и не ослабляет себя имитацией гуманистических ценностей, которые в любом случае не реализуются в действительности. Можно сказать, что страна говорит с террористами на доступном им языке, тогда как ряду государств Запада еще только предстоит этому научиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. См.: [Бодрийяр 2000б]. В середине своей исследовательской деятельности Ж. Бодрийяр ввел в научный оборот понятие «сим-

волический обмен» (работа «Символический обмен и смерть»). Вслед за понятием «символический обмен» возникает целый ряд категорий, характеризующих процесс противостояния симуляции. Это «символический обмен», «соблазн», «зло», «другой», «фатальные стратегии», «экстремальные явления», «радикальное мышление». Суть «символического обмена» заключается в том, что существуют определенные принципы, силы, явления, способные эффективно противодействовать симуляции с разных сторон. Согласно теории символического обмена, любая система, в которой власть главенствующего элемента основана на невозможности для остальных элементов вернуть символический долг за получаемое от обладателя власти, рано или поздно будет уничтожена силами Зла и Соблазна, согласно принципу обратимости. Одним из ярчайших современных примеров средства такого уничтожения является терроризм.

[2]. Выявлено, что на формирование концепции симуляции Ж. Бодрийяра наибольшее влияние оказала идея симулякра Ж. Делеза. Ж. Бодрийяр, вслед за Ж. Делезом, определяет симулякр как копию, не имеющую оригинала, однако он углубляет концепцию Ж. Делеза, исследуя историческое и историко-политическое измерение феномена симуляции. В частности, Ж. Бодрийяр описал в терминах симуляции историческую эволюцию социально-политических систем и процессов, а для обозначения и характеристики ее этапов создал идею четырех порядков симулякров.

Собственно, симулякр, в понимании Ж. Бодрийяра, — это реальная, осязаемая модель существования целой эпохи. Так, симулякр первого порядка — это подделка вещи, которая ранее была абсолютно уникальна и могла иметь лишь одного обладателя; он возникает в эпоху Возрождения. Индустриальной эпохе соответствует симулякр второго порядка, или серийная вещь: в ней степень всеобщности и одинаковости возрастает. Симулякр третьего порядка — это знак без зафиксированного за ним означаемого, взаимодействующий с другими знаками соответственно предписаниям кода властных структур. Симулякр четвертого порядка — это также знак без референта, однако уже представляющий собой абсолютную сингулярность и совершенно неуправляемый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. — М.: Научный мир, 2003. 372 с.
2. Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
3. Бауман З. Социологическая теория постмодерна // Человек и общество: хрестоматия. — Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. С. 255—267.

4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конечность социального. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 96 с.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. — М. : Добросвет, 2000а. 257 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000б. 387 с.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М. : Рудомино, 1995. 184 с.
8. Бодрийяр Ж. Соблазн. — М. : AdMarginem, 2000в. 318 с.
9. Делез Ж. Различие и повторение. — СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
10. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. URL: http://www.highbook.narod.ru/philos/zizek_bomb.htm.
11. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. — М. : Интрада, 1998. 255 с.
12. Кутырев В. А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 3—19.
13. Лайт С. Радикализм Бодрийяра и политическая ставка нашей современности / пер. с англ. М. Е. Богдановой // Хора : журн. современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 2 (8). С. 109—122.
14. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М. : Советское радио, 1973. 159 с.
15. Baudrillard J. A la recherche du Mal absolu // Libération, Rebonds. — 17 février 2005a. P. 35.

S. V. Frants, V. A. Frants
Ekaterinburg, Russia

METAMORPHOSIS OF WAR: THE SILENT LANGUAGE OF “PURE” EVENTS

ABSTRACT. *In the light of recent tragic events connected with escalation of terroristic violence, the authors of the article dwell on some politico-philosophical ideas of the French philosopher Jean Baudrillard. Rapid growth of the number of terrorist attacks in the whole world fully corresponds to the predictions of the philosopher about the future of the Western civilization and its relationship with the Muslim world. In his philosophy, J. Baudrillard expresses an original point of view on the reasons of such state of things and possible ways of changing it. The existence of society in the state of “symbolic exchange” called by the philosopher a social pact representing natural interaction of “others” and not regulated yet by any legal regulations has the nature of contest, game and mutual challenge. At this stage power is contested for openly and directly. This reverse social game stops with the formation of dialectics of master and slave, where the reversion of power gives place to dialectics of its reproduction. According to J. Baudrillard, the only way to change the current geopolitical situation and to counteract terrorism is, at least, the use against terrorists of ironic and reverse symbolic strategies, which would be similar to those they use themselves and, at most, reconstruction of the whole Western society in correspondence with the logic of “symbolic exchange”. This would mean reconsideration of a number of basic constructs which now support the “flesh” of the Western culture, and in particular of relation to aggression, tolerance, power, security, risk and many other phenomena.*

KEYWORDS: *simulation; «Symbolic exchange»; terrorism; «other»; pure event; pseudo-event; evil; universality principle; authority; «the difference».*

ABOUT THE AUTHOR: *Frants Svetlana Viktorovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Sociology and Political Science, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Frants Valeriya Andreevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Institute of State Government and Business, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Adorno T. V. Negativnaya dialektika. — М. : Nauchnyy mir, 2003. 372 s.
2. Bart R. Mifologii. — М. : Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2000. 320 s.
3. Bauman Z. Sotsiologicheskaya teoriya postmoderna // Chelovek i obshchestvo : khrestomatiya. — Kiev : In-t sotsiologii NAN Ukrainy, 1999. S. 255—267.
4. Bodriyyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 96 с.
5. Bodriyyar Zh. Prozrachnost' Zla. — М. : Dobrosvet, 2000a. 257 с.
6. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. — М. : Dobrosvet, 2000b. 387 с.
7. Bodriyyar Zh. Sistema veshchey. — М. : Rudomino, 1995. 184 с.
8. Bodriyyar Zh. Soblazn. — М. : AdMarginem, 2000в. 318 с.
9. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. — SPb. : Petropolis, 1998. 384 с.
10. Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynyu real'nogo. URL: http://www.highbook.narod.ru/philos/zizek_bomb.htm.
11. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya. Evolyutsiya nauchnogo mifa. — М. : Intrada, 1998. 255 с.

16. Baudrillard J. Entretien sur la dualité des mondes // Rue Descartes. — 2005b. № 49 (3). P. 68—81.
17. Baudrillard J. L'intelligence du Mal // Internet Journal of Baudrillard Studies. 2005c. Vol. 2, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol2_2/mal.htm.
18. Baudrillard J. La violence de mondialisation // Le Monde diplomatique. 2002. Nov. P. 18.
19. Baudrillard J. L'Autre par lui-meme. — Paris : Galilée, 1987. 98 p.
20. Baudrillard J. Le masque de la guerre // Libération. — 2003. Lundi, 10 mars. P. 8.
21. Baudrillard J. Le Paroxyste indifférent. — Paris : Grasset, 1997. 203 p.
22. Baudrillard J. L'Échange impossible. — Paris : Éditions Galilée, 1999. 189 p.
23. Genosko G. Baudrillard and Signs: Signification Ablaze. — London : Routledge, 1994. 197 p.
24. Genosko G. The Spirit of Symbolic Exchange: Jean Baudrillard's 9/11 // IJBS. 2006. Vol. 3, N. 1. URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol3_1/genosko.htm.
25. Smith J. The Gnostic Baudrillard: A Philosophy of Terrorism Seeking Pure Appearance // IJBS. 2004. Vol. 1, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol1_2/smith.htm.
26. Smith S. «Furious Envy»: Baudrillard and the Looting of Baghdad // IJBS. 2006. Vol. 3, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol3_2/smith.htm.

21. Baudrillard J. Le Paroxyste indifferent. — Paris : Grasset, 1997. 203 p.

22. Baudrillard J. L'Échange impossible. — Paris : ÉditionsGalilée, 1999. 189 p.

23. Genosko G. Baudrillard and Signs: Signification Ablaze. — London : Routledge, 1994. 197 p.

24. Genosko G. The Spirit of Symbolic Exchange: Jean Baudrillard's 9/11 // IJBS. 2006. Vol. 3, N. 1. URL: http://www.ubishops.ca/audrillardstudies/vol3_1/genosko.htm.

25. Smith J. The Gnostic Baudrillard: A Philosophy of Terrorism Seeking Pure Appearance // IJBS. 2004. Vol. 1, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/audrillardstudies/vol1_2/smith.htm.

26. Smith S. «Furious Envy»: Baudrillard and the Looting of Baghdad // IJBS. 2006. Vol. 3, N. 2. URL: http://www.ubishops.ca/audrillardstudies/vol3_2/smith.htm.

Статью рекомендует к публикации д-р социол. наук Е. В. Прямикова.

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:659.1
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Харрис А. С.
США

Перевод с английского К. С. Мещерякова

ПРОДАВАЙ! ПОКУПАЙ! ПРИМЕНЕНИЕ СЕМИОЛИНГВИСТИКИ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ

АННОТАЦИЯ. Алан С. Харрис — автор ряда работ: «Манипуляция в семиолингвистике», «Американские „комиксы“», «Коммуникация в культуре», «Символические ссылки на одежду», «Манипуляция лингвистической формой и структурой». Предлагаем перевод отрывка из книги «Манипуляция в семиолингвистике».

Реклама может рассматриваться как построение семиотических миров для риторических целей, чтобы подталкивать потребителей покупать именно то, что рекламируется. Печатная реклама часто включает в себя манипулирование языковыми структурами и формами для достижения убеждения. В предложенном отрывке проводится лингвистический и коммуникативный семиотический анализ рекламы данного типа. Создатели большинства печатных рекламных текстов сочетают визуальный материал с языковым материалом. Этот метод лучше подходит для риторического использования языка. Необходимо рассматривать манипулирование лингвистическими образованиями как тип актуализации. Актуализация — это лингвистический процесс, при котором некоторые элементы, такие как слова, фразы, предложения, ударение, интонация и тому подобные, намеренно выделены. Для интерпретации рекламы необходимо использовать лингвистические концепции, связанные с актуализацией: фоновая информация, известная реципиенту, часто служит средством передачи информации в рекламном дискурсе (печатной рекламе). Таким образом, в прикладной семиотике исследуются знаки и язык как знаковая система в трех аспектах — семантическом, синтаксическом, прагматическом, т. е. семиотические (например, лингвистические и коммуникативные) методы используются для анализа некоторого фрагмента реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рекламный дискурс; печатная реклама; семиотика; фоновая информация; языковая манипуляция; трансформация языковых единиц.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алан С. Харрис, доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации, Калифорнийский университет в Нортридже (США).

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Мещеряков Кирилл Сергеевич, Ощепковская средняя общеобразовательная школа (Пышма); студент, Уральский государственный педагогический университет; 623500, рабочий поселок Пышма, ул. Бабкина, 3а.

Реклама может рассматриваться как построение семиотических миров для риторических целей, чтобы подталкивать потребителей покупать именно то, что рекламируется. Печатная реклама часто включает в себя манипулирование языковыми структурами и формами для достижения убеждения. Ниже проводится лингвистический и коммуникативный семиотический анализ рекламы данного типа. В работе рассматриваются, систематизируются и классифицируются некоторые образцы печатной рекламы и случаи языковой манипуляции. Результаты исследования могут использоваться и интерпретироваться «эвристически» семиотического анализа языковых феноменов в рекламном жанре.

Рекламодатели, с целью расширить круг покупателей устраивают различные презентации и выставки товара или услуги, таким образом, убеждают и принуждают потенциального потребителя приобрести тот или иной товар. Иными словами, рекламодатели используют все возможные средства, для побуждения потребителя покупать тот или иной рекламируемый товар или услугу. Кроме того, рекламодатели хотят, чтобы потенциальные потребители выбирали из множества товаров или услуг именно рекламируемый товар или услугу. Поэтому рекламода-

тели пытаются создать такую рекламу, которая будет в полной мере привлекать внимание потенциального потребителя и оказывать эффект убеждения. Рекламодатели, таким образом, создают семиотический мир для убеждения своей аудитории в «правильности» приобретения рекламируемых товаров или услуг.

Печатная реклама предлагает особенно богатую теоретическую базу для понимания того, как рекламодатели пытаются достичь убеждения в рекламе и мотивировать потенциальных потребителей к активным действиям. Иногда, печатная реклама в большей степени является визуальной, «картинкой» в сочетании с минимальным языковым материалом. Подобным примером являются успешные и известные сигареты Мальборо, на пачке которых размещался только лингвистический материал — призыв поехать в «страну Мальборо».

Иногда бывает, что визуальный материал практически отсутствует, используется лишь лингвистический материал. Многочисленные объяснительные письма табачной компании «Р. Дж. Рейнольдс Табакко Компани» гласят, якобы компания на публике объясняет свою позицию от лица всей табачной промышленности. О чем свидетельствует политика, направленная на борьбу с курени-

© Харрис А. С., 1989

© Мещеряков К. С., перевод на русский язык, 2016

ем и проводимая на протяжении последних десяти лет.

Однако создатели большинства печатных рекламных текстов сочетают визуальный материал с языковым материалом. Как правило, данный лингвистический материал лучше справляется с риторическим использованием языка. Здесь подразумевается, что рекламодатели будут использовать язык в качестве умного, жесткого и стилизованного средства, с помощью которого потенциальному потребителю будет внушаться пойти и купить тот или иной рекламируемый товар и услугу.

Однако часто возникает вопрос о том, что сама структура и форма языка дополнительно ловко используется в рекламных целях — мы можем сказать, что правила языка намеренно и систематически нарушаются, предположительно для достижения более актуального, более масштабного, и, в конечном счете, более убедительного воздействия на зрителя/читателя. Рассмотрим данный тип использования языка.

Манипулирование формой и структурой языка предполагает вынужденные изменения и трансформации лингвистического материала, начиная с самых малых, самых дискретных сегментов и форм языка, заканчивая крупными лингвистическими объектами. Подобные изменения могут стать неожиданными для зрителя/читателя. Целью вышеуказанных изменений является предоставление другого средства направления внимания зрителя / читателя на предмет и содержание конкретного дискурса, в котором происходит языковая манипуляция.

В печатной рекламе это выражается манипулированием некоторых языковых элементов — нарушение правил стало модным — таким образом, максимальный эффект от внушения рекламируемого товара или услуг, достигается за счет рекламы. Кажется тривиальным утверждать, что создатель рекламы может прибегнуть к все большему и большему применению средств для получения внимания потенциального потребителя рекламируемых товаров или услуг. Но очевидно, что эти средства оказывают воздействие внушения на получателя рекламы. Потенциальный потребитель перед покупкой тщательно просматривает и изучает товар или услугу, исключая любые другие варианты. Успешный результат от продажи рекламируемого товара или услуги прямо пропорционален покупательской способности населения.

Суть высказывания заключается в том, что чрезмерное манипулирование структурой и формой языка, а именно использование риторических приемов языка в сочетании с визуальным материалом в печатной рекламе, увеличит вероятность того, что реклама окажет на потребителя благоприятный эффект.

Необходимо рассматривать манипулирование лингвистическими образованиями как тип актуализации. Актуализация — это лингвистический процесс, при котором некоторые элементы, такие как слова, фразы, предложения, ударение, интонация и тому подобные, намеренно выделены, сделаны более содержательными и значимыми носителем языка. Основываясь на работе Эмили Харрис (1981) для того, чтобы изучить и объяснить несколько рекламных текстов (см. в приложении ниже), автор использует концептуальные лингвистические объектные структуры — синтез концептов и суть актуализации, связанные с актуализацией. Здесь автор пытается объяснить знание формальных процессов (в данном случае, «актуализация / фоновая информация» и, как следствие, «содержание высказывания»), которые часто используются в качестве передающего механизма в дискурсе (печатная реклама). Мы располагаем достаточно необходимым количеством информации, чтобы адекватно интерпретировать и передать символы каждого высказывания, как лексического, так и фразового, а так же высказывания на уровне предложения или пропозиционального высказывания в дискурсе. Эта информация позволяет нам определять и различать возможные смыслы, которые передает личность в определенной обстановке.

Только когда смысл или чувство придается слову, чтобы указать на его признаки, мы имеем дело с семиотической концепцией смысла: языковому выражению, предложению, тексту, признаку, симптому, синдрому, сигналу или символу в краткой форме.

Таким образом, в прикладной семиотике исследуются знаки и язык, как знаковая система в трех аспектах — семантическом, синтаксическом, прагматическом, т. е. семиотические (здесь лингвистические и коммуникативные) методы используются для анализа некоторого фрагмента реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Harris A. C. Sell! Buy! Semiolinguistic manipulation in print advertising. URL: <http://www.csun.edu/~vcspc005/advertis.html>.

Harris A. C.

USA

Translated by K. Meshcheryakov

SELL! BUY! SEMIOLINGUISTIC MANIPULATION IN PRINT ADVERTISING

ABSTRACT. *Alan C. Harris is the author of such works as «Semiolinguistic Manipulation», «American “Comics”», «Communication in Culture», «Symbolic References to Dress», «Manipulation of Linguistic Form and Structure». Here is the translation of the abstract from the book «Semiolinguistic Manipulation».*

Advertising may be treated as a process of construction of semiotic worlds for rethoric purposes to persuade the consumers to buy the advertised products. Print advertisement often includes manipulation by means of language structures and forms to achieve the goal. The given abstract presents linguistic and communicative semiotic analysis of the advertisement of this type. The authors of the most print ads combine visual and verbal elements. This method is the best for rethoric use of the language. It is necessary to treat manipulation by means of linguistic images as a type of actualization. Actualization is a linguistic process, when some elements, such as words, phrases and sentences, stress, intonation etc. are intentionally emphasized. It is necessary to use linguistic concepts connected with actualization for interpretation of advertisements, among which background information of the recipient, which is often the means of communicating information in advertising discourse (print ads). Thus applied semiotics studies the signs and language as a system of signs in three aspects: semantic, syntactic and pragmatic, in other words semiotic (for example linguistic and communicative) methods are used for the analysis of a certain fragment of reality.

KEYWORDS: *advertising discourse; print advertisement; semiotics; background information; language manipulation; transformation of language units.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alan C. Harris, Ph.D., Associate Professor, California State University, Northridge Speech Communication Department.*

ABOUT THE TRANSLATOR: *Meshcheryakov Kirill Sergeevich, Oshchepkovo Secondary School (Industrial Community Pyshma); Student, Ural State Pedagogical University.*

REFERENCES

1. Harris A. C. Sell! Buy! Semiolinguistic manipulation in print advertising. URL: <http://www.csun.edu/~vcspc005/advertis.html>.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42:81"27:94(44).05(049.32)
ББК Ш105.51+Ш100.621+ТЗ(4Фра)521.2

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.20

В. Н. Земцов
Екатеринбург, Россия

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАМЯТИ ДВУХ СТРАН

АННОТАЦИЯ. *Объектом предлагаемой рецензии является монография «Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции». Работа состоит из введения, двух глав, списка источников и литературы и приложения. Автором первой главы является лингвист Е. А. Нахимова, автором второй — историк А. А. Постникова. Главной проблемой, исследуемой в монографии, является характер и степень воздействия властных структур и общественных дискуссий на трансформацию образов прошлого. Основным материалом, ставшим основой для ее решения, явились события наполеоновской эпохи, которые не только навечно «связали» Россию и Францию, но и неизменно на протяжении двух столетий были неиссякаемым источником аллюзий, реминисценций, семантических и в целом семиотических «прецедентов» в самых разнообразных сферах жизни, прежде всего в политике. В первой главе, озаглавленной «Наполеоновская эпоха в зеркале современных российских СМИ», Е. А. Нахимова, ориентируясь на теорию прецедентности, сосредоточилась на анализе использования прецедентных имен, ситуаций и прецедентных высказываний, связанных с Наполеоном и войнами конца XVIII — начала XIX в. в современной российской массовой коммуникации. Вторая глава, названная «Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти Франции», демонстрирует обширный спектр возможностей репрезентации и использования образов прошлого в современном политическом, социальном, культурном и интеллектуальном дискурсе. При этом А. А. Постникова активно задействовала методы изучения исторической памяти, исторической политики и исторического политдискурса. Прделанная авторами работа может претендовать на то, чтобы стать началом дальнейшего и плодотворного сотрудничества представителей двух гуманитарных наук — лингвистов и историков.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прецедент; прецедентный мир; места памяти; Наполеон; наполеоновская эпоха; историческая политика; политдискурс.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 451; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.*

Эпоха постмодерна остро поставила вопрос о междисциплинарности, а то и интердисциплинарности многих наук. Сегодня стало уже почти аксиоматичным, что какие-либо прорывы в науке и даже простое приращение знаний возможны только на взаимодействии различных научных дисциплин. В этой связи появление монографии, посвященной проблемам коммуникативной памяти, авторами которой стали лингвист (Е. А. Нахимова) и историк (А. А. Постникова), может быть воспринято чуть ли не как явление «запрограммированное». Но это только на первый взгляд. Для того чтобы «нащупать» общую тему, сопоставить терминологические и проблемные поля, попытаться соединить их и при этом остаться в рамках своей научной дисциплины, нужно было проявить немалую толику научной дерзости и профессионального мастерства. Это тем более очевидно, что один из исследователей (лингвист) работает на российском материале, а другой (историк) — с материалами и сюжетами истории и исторической памяти Франции. Как и ожидалось, результат такого симбиоза оказался более чем любопытным.

Главная проблема, которую обозначили авторы исследования, — вопрос о характере и степени воздействия властных структур и общественных дискуссий на трансформацию образов прошлого. Основным материалом, на котором решалась эта проблема, явились события наполеоновской эпохи, которые не

только навечно «связали» Россию и Францию, но и неизменно на протяжении двух столетий были неиссякаемым источником аллюзий, реминисценций, семантических и в целом семиотических «прецедентов» в самых разнообразных сферах жизни, прежде всего в политике.

В первой главе, озаглавленной «Наполеоновская эпоха в зеркале современных российских СМИ», Е. А. Нахимова, ориентируясь на теорию прецедентности, сосредоточилась на анализе использования прецедентных имен, ситуаций и прецедентных высказываний, связанных с Наполеоном и войнами конца XVIII — начала XIX в. в современной российской массовой коммуникации. Реализации этой непростой цели автор предпослала обширный теоретический раздел, в котором постаралась решить ряд сложных теоретических вопросов, неизбежно возникающих в ходе работы над материалом «прецедентного» характера. В частности, автору удалось определиться с критериями и признаками прецедентных имен, обосновать корпусную методику в исследовании прецедентных онимов, выявить круг массовых источников, используемых в исследовании, дать классификацию прецедентных онимов, а также выяснить место прецедентного имени «Наполеон» среди имен зарубежных лидеров (оно оказалось на втором месте после «Гитлер») в рамках современной российской массовой коммуникации. По мнению автора, все прецедентные

феномены (прецедентные имена соратников и противников Наполеона; прецедентные ситуации и события, ставшие основой для прецедентных топонимов, антропонимов и хрононимов; собственно прецеденты, высказывания и тексты Наполеона, а также прецедентные высказывания других людей, создававших и создающих образ французского императора) образуют так называемый прецедентный мир [Нахимова, Постникова 2015: 73]. Важно, что Е. А. Нахимовой удалось выявить и доказать существование значительной разницы в национальном восприятии ряда онимов. В частности, она показала, что для российского восприятия *Бородино* является символом победы, что предопределяется социальными и национальными стереотипами. Но в то же время «сочетание *Бородинская битва* воспринимается как идеологема — когнитивная единица, использование и понимание которой зависит от идеологии коммуникантов, от их взглядов на историю наполеоновских войн и представлений о том, что такое победа в битве» [Нахимова, Постникова 2015: 53]. Любопытно, что почти зеркальный вариант восприятия характерен и для французской коммуникативной системы, но только в отношении онима *Березина*, что было выявлено другим автором проекта — А. А. Постниковой [Нахимова, Постникова 2015: 95—97, 161—162 и др.].

В целом можно согласиться с утверждением Е. А. Нахимовой о том, что предложенная ею когнитивная методика, основанная на теории прецедентности, «существенно расширяет глубину понимания прецедентных феноменов, функционирующих в современных российских СМИ» и может стать составной частью комплексного многомерного описания «конкретных прецедентных феноменов и их объединений» [Нахимова, Постникова: 73], функционирующих в постсоветской массовой коммуникации.

Вторая глава, названная «Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти Франции», демонстрирует обширный спектр возможностей репрезентации и использования образов прошлого в современном политическом, социальном, культурном и интеллектуальном дискурсе. В своем стремлении постичь специфику воздействия современных реалий на образы наполеоновской эпохи, а параллельно и выявляя «ловушки аналогий», А. А. Постникова активно задействовала методы изучения того, что сегодня принято называть исторической памятью, исторической политикой и историческим политдискурсом.

Начав со сферы французского политического дискурса, автор последовательно

анализирует «прецеденты» наполеоновской эпохи в культурной памяти Франции, в репрезентации ее в архитектуре, в традициях изобразительного искусства, театра и мультимедийном пространстве, выявляет специфику государственного и общественного дискурса, характерного для Франции на протяжении двух веков. Весьма плодотворной представляется идея автора о том, что государственная политика в сфере истории нередко вызывает во Франции такое явление, как «общественный контрдискурс», возникающий в случае чрезмерного вмешательства политического руководства в сферу исторической памяти. Яркими примерами этого является появление и деятельность общественного движения «За свободу истории», созданного в 2005 г. П. Нора, а также результативность воздействия исторического сообщества на чрезмерно авторитарный стиль поведения президента Н. Саркози.

А. А. Постникова убедительно выявляет виды «коммуникативных» прецедентов, генерированных наполеоновским временем: крупные сражения (не только выигранные французами, но в не меньшей степени и проигранные ими, как, например, Ватерлоо), ставшие прецедентными онимы (бистро, казак и др.), архитектурные сооружения, театральные постановки и многочисленные фильмы. При этом, будучи историком, она значительно расширяет круг анализируемых источников, включая туда фактически всё, что может быть отнесено к объектам семиотического исследования, начиная от стереотипизированных исторических символов и заканчивая символами иносказательными. В этом плане последний параграф 2-й главы, посвященный современной французской историографии, выглядит вполне оправданным, поскольку автор не только стремится увидеть весь спектр «прецедентов», вобравших в себя память об эпохе Наполеона, но и выявить возможности воздействия академической науки на массовое историческое сознание, впрочем, никогда при этом не забывая о серьезных различиях, существующих в *modus vivendi* историков Франции и России. В череде впечатляющих воображение российского ученого примеров воздействия академических французских изданий на позицию государственных мужей особенно выделяется история с публикацией книги К. Рибба «Преступление Наполеона», поднявшей вопрос о роли последнего в восстановлении рабства на островах Карибского моря. «Ожесточенные споры, — пишет А. А. Постникова, — спровоцированные этой книгой, в конечном итоге заставили президента Ж. Ширака дистанцироваться от празднования 200-летнего

юбилея битвы под Аустерлицем» [Нахимова, Постникова 2015: 137].

Мы не можем не отметить еще одного важного положительного момента, отличающего 2-ю главу книги: ее автор последовательно пытается увидеть связь между обстоятельствами, породившими историческое событие, и самим процессом появления «коммуникативного прецедента». Подобный подход помогает увидеть не только факт прецедентного феномена, но и вскрыть закономерности, его создающие. Не может не быть отмеченным и общий вывод, сделанный автором второй главы. А. А. Постникова, в частности, пишет: «Образ Наполеона занимает знаковое место в политическом дискурсе Франции, являя собой некий символический поиск образца совершенной властной модели. Однако трансформация режима V республики демонстрирует, что использование в интересах власти образа исторического лица или исторического события может привести к совершенно непредсказуемым результатам. Так, исторические мифы о Наполеоне в политическом поле современной Франции способствуют пробуждению в обществе чувства патриотизма лишь применительно к сфере международных отношений». И далее: «Когда власть с помощью категорий прошлого пытается обосновать авторитарные методы управления, это оборачивается появлением общественного контрдискурса» [Нахимова, Постникова 2015: 170].

Несмотря на очевидные достоинства рецензируемого исследования, а может и благодаря им, оно не лишено недостатков. Совершенно очевидно, что столь неожиданное

совмещение предметных и методологических полей двух наук должно было сопровождаться более продуманными и более унифицированными репрезентационными формами, прежде всего единым научно-справочным аппаратом. Обращает на себя внимание и отсутствие в монографии общего заключения. Авторы ограничились выводами по главам, что не дало возможности в полном объеме представить результаты оригинального научного синтеза.

В тексте встречаются повторы [см., например: Нахимова, Постникова 2015: 87, 142—143], имеются технические сбои в ссылках [Нахимова, Постникова 2015: 117—118, 157], не всегда хорошо вычитан текст [Нахимова, Постникова 2015: 13, 155].

Впрочем, все эти частные замечания нисколько не умаляют проделанной авторами работы, которая, без сомнения, станет началом дальнейшего и плодотворного сотрудничества представителей двух гуманитарных наук — лингвистов и историков. Риснем даже поставить перед ними провоцирующий на будущие исследования вопрос: всегда ли сегодняшняя власть и общественные настроения определяют характер интерпретации прошлого? Может быть, есть и обратная, не менее прочная, связь: прошлое и его образы определяют действия ныне существующих властных структур и общественные интересы?

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахимова Е. А., Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. — 197 с.

V. N. Zemtsov
Ekaterinburg, Russia

RUSSIA AND FRANCE OF THE EPOCH OF NAPOLEONIC WARS IN THE COMMUNICATIVE MEMORY OF THE TWO NATIONS

ABSTRACT. *The object of the given review is the monograph "Napoleonic Epoch in the Communicative Memory of Russia and France". The monograph consists of an introduction, two chapters, list of sources and literature and an appendix. Chapter 1 is written by the linguist E.A. Nakhimova, the author of Chapter 2 is the historian A.A. Postnikova. The main problem investigated in the monograph is the character and degree of influence of various authorities and social discussions on the transformation of past images. The problem is considered mainly on the material of events of the Napoleonic Epoch which not only tied Russia and France for ever but for two centuries have been an inexhaustible source of allusions, reminiscences, semantic and semiotic "precedents" in all kinds of spheres of life, and first and foremost – in politics. In Chapter 1 titled "Napoleonic Epoch in the Mirror of Modern Russian Mass Media" E.A. Nakhimova concentrates on the analysis of usage of precedent names, situations and precedent utterances connected with Napoleon and the wars of the late 18th – early 19th centuries in the modern Russian mass communication. Chapter 2 titled "Napoleonic Epoch in the Communicative Memory of France" demonstrates a vast specter of possibilities of representation and usage of past images in modern political, social, cultural and intellectual discourse. A.A. Postnikova actively involves the methods of investigation of historical memory, historical politics and historical political discourse. The work carried out by the authors may serve as a beginning of further fruitful cooperation of representatives of two humanities – linguists and historians.*

KEYWORDS: *precedent; precedent world; memorable places; Napoleon; Napoleonic Epoch; historical politics; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zemtsov Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Head of Department of General History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Nakhimova E. A., Postnikova A. A. Napoleonovskaya epokha v kommunikativnoy pamyati Rossii i Frantsii / Ural. gos. ped. un-t. — Екатеринбург, 2015. — 197 с.

З. И. Комарова
Екатеринбург, Россия

ТЕРМИНЫ-ЭПОНИМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на словарь Е. М. Какзановой «Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: Название и происхождение. От А до Z». — М. : Галлея-Принт, 2015. — 307 с.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термин-эпоним; интернациональный эпоним; типы эпонимов; лингвокультурология; терминология эпонимов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: zikomarova@bk.ru.

Осенью 2015 г. произошло знаменательное событие: с небольшим разрывом во времени в одном и том же издательстве вышел рецензируемый словарь (далее — «Словарь») [Какзанова 2015в] и монография «Имя собственное в термине» [Какзанова 2015а]. Это событие могло состояться только потому, что автор указанных работ счастливо сочетает в себе талант исследователя языка [Какзанова 2011] с одаренностью лексикографа-терминографа [Какзанова 2009, 2013, 2015а].

Для Евгении Михайловны Какзановой выбор объекта исследования и терминографирования — **интернациональные термины-эпонимы** — не является случайным^[1]. Этот выбор хорошо «предугадан»: он продиктован, по словам П. Л. Капицы, как запросами фундаментальной мировой науки и культуры, особенно в условиях глобализации [Комарова 2013б], так и запросами прикладных аспектов исследований, и в частности лексикографии и терминографии.

В конце XX в., говоря словами Р. М. Фрумкиной, «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект — **культуре**» [Фрумкина 1995: 104]. Именно то, что в это время Человек Говорящий был поставлен в центр мироздания и центр языка, способствовало осознанию этого «тупика» и выдвижению проблемы **язык и культура** в центр лингвистических исследований, а стало быть, и формированию **лингвокультурологии**^[2] и переносе исследовательских акцентов на такие культурологически «заряженные» объекты, какими являются интернациональные термины-эпонимы, содержащие в своем составе имя собственное (от греч. *εponυτος* — «дающий свое имя»), которое делает термин хранилищем культуры и истории, «чтобы прошлое продолжалось в будущем, чтобы не было допущено обеднение нас великими богатствами прошлого» [Бердяев 1990: 59], и тем самым одновременно обогащает и язык, и его единицы, поскольку «именно культура

определяет магистраль языкового развития» [Верещагин 2013: 22].

К этому времени в мировой и отечественной лексикографии/терминографии было осознано понимание того, что словарь является самой удобной формой фиксации любых человеческих знаний: высказывание крупного французского лексикографа А. Рея «современная цивилизация есть цивилизация словаря» стало крылатым.

Осознав востребованность словаря интернациональных терминов-эпонимов, Е. М. Какзанова изучила вопрос их лексикографической фиксации, во-первых, в словарях иностранных слов, фиксирующих интернационализмы, и, во-вторых, в существующих словарях эпонимов. Авторы словарей иностранных слов сознательно или бессознательно включают в свои словари эпонимы-словосочетания (типа *болезнь Паркинсона*, *теория Бельтрами...*) и лишь эпизодически однословные эпонимы — известные единицы измерения: *ампер*, *вольт*, *ватт*, *ом*, *рентген* и др. [Какзанова 2015б : 150].

Первые словари эпонимов появились лишь в середине XX в. Это были одноязычные словари, чаще всего медицинских эпонимов-словосочетаний, а затем и терминов других областей знания, но однословных эпонимов в них не было совсем или они встречались лишь эпизодически. А главное то, что авторы этих словарей в предисловии откровенно указывают, что «они не претендуют на научный подход к исследованию терминов-эпонимов, ставя своей основной целью создание занимательной литературы для широкого пользователя» [Какзанова 2015б: 152]. И только в текущем веке были созданы одноязычные эпонимические словари систематизирующего типа с научными этимологиями терминов-словосочетаний. К примеру, словарь М. Г. Блау «Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий: словарь-справочник» (М. : ЭНАС, 2010. 272 с.).

На этой базе Е. М. Какзанова создала и опубликовала в 2013 г. сравнительно небольшой словарь однословных эпонимов,

а в 2015 г. вышел переработанный и значительно дополненный (объем «Словаря» увеличен втрое!) рецензируемый «Словарь», представляющий значительный интерес в научном и прикладном аспектах и прежде всего как богатейший источник по лингвокультурологии.

«Словарь» этот оригинален во многих отношениях. Остановимся лишь на его культурологической значимости, воплощенной в словарную форму.

Во-первых, это первый эпонимический словарь, в котором четко определены критерии отбора эпонимов:

- это только однословные эпонимы, образованные безаффиксным способом (точнее — с нулевым аффиксом) от имени собственного (*ампер, ангстрем, марафон, вюрм, эхо...*) или аффиксальные производные (*агнеизм, рентгений, углесит, якобиан...*);
- это интернациональные эпонимы, встречающиеся как минимум в трех языках (английском, русском и немецком);
- это интернациональные однословные эпонимы, бытующие не только в словарях, но главное — в научных текстах и художественных текстах;
- частично учитывался критерий частотности.

Благодаря этому «Словарь» выполняет **регистрирующую, систематизирующую, предписывающую и учебную** функции.

Мегаструктура, т. е. рамочная структура «Словаря», обусловлена типом этого оригинального словаря: 1) краткое предисловие и аннотация, дающие общую характеристику «Словаря»; 2) сам корпус словаря, включающий 297 эпонимов; 3) заключающий текст, состоящий из трех списков эпонимов, образованных а) от антропонимов (180 вокабул); б) от мифонимов (30) и в) от топонимов (87), и списка источников (97 названий), из которых 28 являются электронными.

В макроструктуре «Словаря», по традиции многоязычной лексикографии, словарные статьи располагаются в алфавитном порядке, но в этом трехязычном словаре по алфавиту первого рассматриваемого языка — английского. При этом каждая словарная статья, в отличие от словарей других типов, является одновременно и базовой (объяснительной), и **отсылочной** (эпоним соотносится с производящим именем собственным).

Микроструктура «Словаря» состоит из трех зон: 1 — зона вокабул на трех языках; 2 — зона интерпретации эпонима и 3 — зона иллюстративного материала, которая не является обязательной, а дается на наиболее

яркие эпонимы (*агат, боливар, кесарь, иезуит, манихейство, нониус, ямб...*).

С лингвокультурологической позиции нас интересует прежде всего зона интерпретации эпонимов. Это, как правило, двучастное **энциклопедическое определение** эпонима, состоящее из 1) **семантического определения** (чаще всего это первое предложение) и 2) **энциклопедического описания** (объектная часть), структура которого определяется в целом типом эпонима.

В этой объектной части для описания объема и распределения ономастической информации Е. М. Какзанова, руководствуясь принципом **градуальности**, вводит понятие **уровневой системы информации** [Какзанова 2015б: 33], которым мы воспользуемся при анализе объектной части энциклопедического определения эпонимов.

Первый уровень (низший) — **этимологический**, обусловленный производящей основой эпонимического термина, — является обязательным, ядерным (неустрашимым), на базе чего описываются три типа эпонимов: 1) антропонимические; 2) топонимические и 3) мифологические.

1. **Агнеизм**, russ. — **Agnewism**, engl. — **Agnewismus**, germ.

Идеи и взгляды бывшего вице-президента США Спиро Агню от Республиканской партии в администрации Ричарда Никсона с 1969 по 1973 гг.

Фамильный антропонимический эпоним.

Эпонимы антропонимического содержания составляют большую часть вокабул «Словаря» (60,8 %), из которых 82,5 % приходятся на фамильные (*агнеизм, спинозизм, ферроньер, манихейство...*), 14 % — на именные (*бенедиктин, аристианство, кириллица...*), а остальные восходят к псевдонимам (*ленинизм...*), прозвищам (*ерог...*), кличкам (*янки...*), проприативным титулам (*август...*) или являются табуированными эпонимами (*онанизм...*).

2. **Dubnium**, engl. — **Дубний**, russ. — **Dubnium**, germ.

Искусственно полученный радиоактивный химический элемент 105 в двух лабораториях: наукограде Дубне в 1967 году и рабочей группой в Беркли (США). Согласно решению Международного союза теоретической и прикладной химии (ИЮПАК) в 1997 году этот элемент получил название **дубний** — в честь Дубны.

Топонимический эпоним, мотивированный названием наукограда.

На топонимические эпонимы приходится 30 % всех вокабул «Словаря», из которых большая часть мотивирована названиями городов, а затем названиями рек, стран, де-

ревень и селений; названиями штатов, провинций, континентов.

3. **Echo**, engl. — **эхо**, russ. — **Echo**, germ.

Название дано по имени горной нимфы Эхо в древнегреческой мифологии. По одной из версий, Эхо безответно влюбилась в Нарцисса. От тоски по возлюбленному она высохла и окаменела, так что от нее остался только голос, способный повторять концы произнесенных в ее присутствии слов. По другой версии, Эхо за болтливость была проклята женой верховного бога греческого пантеона Зевса Герой. По воле Геры Эхо была лишена собственного голоса и не могла начинать разговор первой. Она могла повторять только последние слова заговорившего с ней.

Мифологический эпоним, отражающий мифологию древних греков. Таких эпонимов, мотивированных именами богов, героев и титанов, духов, космографических объектов и других, в словаре не так много (всего 9,8 % всех эпонимов), но это особый пласт языков, в котором напрямую отражается мифологическая культура народов мира как «диалектическая необходимость сознания и бытия» [Лосев 1990], поскольку мифом пропитана вся повседневная человеческая жизнь и даже «реально существующая наука всегда так или иначе мифологична» [Лосев 1990].

При этом следует отметить, что автор «Словаря» видит свою задачу в том, чтобы в интерпретации любого эпонима представить различные взгляды на этимологию данного слова [Какзанова 2015а: 3].

Все рассмотренные на этимологическом уровне термины-эпонимы в словарных статьях интерпретируются еще по трем уровням информации.

Следующие две ступеньки в культурологической информации занимает в «Словаре» **хронотоп** (термин М. М. Бахтина), поскольку **пространство и время** относятся к основным смыслообразующим философским категориям [Кант 1993; Лосев 1990...] — пространство как «априорное условие существования внешнего мира» и время как «априорная форма организации внутреннего мира человека» [Кант 1993: 58].

Над этимологическим ступенькой выше располагается уровень **временной информации**, позволяющий определить век или точную дату создания данного эпонима на основании жизни ученого (**эпикуризм**) или даты какого-либо события. При этом может приводиться 1) точная дата введения термина (**кюри**); 2) длительность события (**агнеизм**); 3) последовательность событий (**дубний**).

На третьей ступеньке располагается **пространственная (страноведческая)**

информация, позволяющая определить место появления данного эпонима в зависимости от его ономастического компонента. Хотя в «Словаре» всего 297 эпонимов, география их очень широка: 35 стран (Греция, Франция, Англия, Испания, Россия и др.) на четырех континентах (Европа, Америка, Азия, Африка). Эта информация может быть как очевидной, так и не всегда очевидной. Так, радиоактивный металл **менделевий** (**mendelevium**, англ. — **Mendelevium**, germ.) назван в честь великого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева, но родной эпонима является США, так как металл был получен в лаборатории Калифорнийского университета.

Характерно, что большую часть всех интернациональных эпонимов (69 %) составляют **европеизмы**, что необычайно показательно: подчеркивается место языковой оформленности «культуроспецифического научного знания» (Т. Г. Добросклонская, Н. В. Васильева, В. А. Маслова, А. В. Суперанская, Н. И. Толстой и др.).

Наконец, для раскрытия объектного компонента энциклопедического двучастного определения необходима интерпретация на высшем уровне культурологической информации — **ассоциативная информация** интеллектуального плана, так или иначе связанная с эпонимом. Это своеобразное «мысленное досье» (термин А. Д. Шмелёва), которое, с одной стороны, объясняет «культурный предвыбор» (термин Л. Талми) эпонима как языкового знака, а с другой — служит взаимопониманию специалистов (и в какой-то мере неспециалистов) того или иного типа знания.

Такова система уровневой лингвокультурологической информации, манифестируемой терминами-эпонимами. Это как бы своеобразная «вертикальная классификация» терминов-эпонимов. Однако характеристика «Словаря» была бы неполной без упоминания «горизонтальной классификации», которая охватывает специальные области знания с их различными **подъязыками**. Не рассматривая детально все подъязыки, укажем, что в отличие от других словарей эпонимической лексики в рецензируемый «Словарь» включены не только традиционные научные дисциплины (**математика, физика, химия, биология, геология, лингвистика, литературоведение, медицина, политика, экономика**) и прикладные дисциплины (**музыка, мода, электротехника, компьютерное дело, кулинария, средства массовой информации**), но и ряд тематических групп, не охваченных другими словарями (**транспорт, музыкальные инструмен-**

ты, спорт, ткани, одежда, оружие, животные, птицы, растения, продукты питания, технические приспособления).

Следует отметить еще одну особенность данного «Словаря»: для более полного и глубокого раскрытия всего богатства различной культурологической информации, которую несут термины-эпонимы, они в каждой словарной статье сопровождаются, как пишет автор, *картинкой* [Какзанова 2015а: 5], которая служит для «визуализации знания» [Комарова 2013а: 712]. Это различные средства графического метаязыка: 1) буквально картинка (*академия, американизмы, вюрм*); 2) рисунок (*адонис, винчестер, вулкан...*); 3) схема (*алгоритм, ямб, верньер, люизит...*); 4) портреты (для антропонимических эпонимов); 5) символы (*лютеций, хассий...*).

Таким образом, рецензируемый «Словарь» подтверждает верность прогноза Б. Малиновского, который полагал, что «лингвистика будущего превратится в изучение языка в его культурном контексте» [Малиновский 2000: 17]. Еще раз подчеркнем, что представление культурологического знания через термины-эпонимы — это прекрасная возможность постижения бесконечности научного знания как элемента культуры, что позволяет расширить пространственные и временные границы человеческого опыта [Какзанова 2015б: 23].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Докторская диссертация автора [Какзанова 2011] была посвящена математическим и медицинским эпонимам, представляющим собой исключительно словосочетания типа *теорема Бельтрами, болезнь Крона*. При обсуждении работы в диссертационном совете Института языкознания РАН автору посоветовали обратиться также к однословным эпонимам. Так что работа над «Словарем» продолжалась несколько лет.

[2]. *Лингвокультурология* как новая самостоятельная дисциплина языкознания XXI в., по мнению одних лингвистов, — ответвление *этнолингвистики* (В. Д. Бондалетов, С. Г. Воркачëв,

А. Е. Карлинский, В. Н. Телия, А. Т. Хроленко и др.); для других это часть *лингвострановедения* (В. Берчинска-Коженевска, Е. М. Верещагин, В. П. Ощепкова и др.); для третьих — часть теории межкультурной коммуникации (О. А. Леонтович, С. Г. Тер-Минасова и др.); для четвертых — *этнопсихоллингвистика* (В. П. Беляник, Ю. С. Сорокин и др.); по мнению пятых, она как отдельная научная область скорее декларирована, чем действительно оформилась (А. Ф. Алефиренко, А. А. Леонтьев, Н. И. Толстой, А. Т. Хроленко и др.) [Комарова 2013а : 535]. Всё это в значительной мере справедливо, поскольку новая научная область объединяется сложной и широкой парой терминов: **язык и культура**.

[3]. При широком понимании взаимодействия языка и культуры вся *ономастическая информация* (М. Я. Блох, В. И. Болотов, Н. В. Васильева, Э. Сепир, А. В. Суперанская и др.) по сути является *лингвокультурологической*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М. : Мысль, 1990. 175 с.
2. Верещагин Е. М. Трансплантация иной культуры и реализация воспринимающего языка // Культурная семантика в языке и речи. — М., 2013. С. 21—27.
3. Какзанова Е. М. Терминологический энциклопедический словарь: математика и всё, что с ней связано, на немецком, английском и русском языках. — М. : Астрель : АСТ, 2009. 479 с.
4. Какзанова Е. М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов) : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2011. 379 с.
5. Какзанова Е. М. Русско-англо-немецкий словарь эпонимических интернационализмов: название и происхождение. От Августа до Янки. — М. : Изд-во ИИЯ, 2013. 108 с.
6. Какзанова Е. М. Русско-англо-немецкий словарь эпонимических интернационализмов: название и происхождение. От А до Z. — М. : Галлея-Принт, 2015а. 307 с.
7. Какзанова Е. М. Имя собственное в термине : моногр. — М. : Галлея-Принт, 2015б. 292 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. — СПб. : Ика «Тайм-Аут», 1993. 477 с.
9. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2013а. 820 с.
10. Комарова З. И. Лингвокультурология в условиях глобализации науки: методологический аспект // Судьбы национальных культур в условиях глобализации. — Челябинск : Энциклопедия, 2013б. Т. 1. С. 100—106.
11. Лосев А. Ф. Философия имени. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. 269 с.
12. Малиновский Б. Научная теория культуры. — М. : ОГИ, 2000. 208 с.

Z. I. Komarova
Ekaterinburg, Russia

EPONYMIC TERMS IN LINGUO-CULTURAL INTERPRETATION

ABSTRACT. *The article presents a review of the dictionary by E.M. Kakzhanova "English-Russian-German Dictionary of International Eponyms: Names and their Origin. From A to Z."* — М.: Galleya-Print, 2015. — 307 p.

KEYWORDS: *eponymic term; international eponym; types of eponyms; linguo-culturology; terminography of eponyms.*

ABOUT THE AUTHOR: *Komarova Zoya Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. Smysl istorii. — М. : Mysl', 1990. 175 s.
2. Vereshchagin E. M. Transplantatsiya inoy kul'tury i realizatsiya vospriniamayushchego yazyka // Kul'turnaya semantika v yazyke i rechi. — М., 2013. S. 21—27.
3. Kakzhanova E. M. Terminologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar': matematika i vse, chto s ney svyazano, na nemetskom,

angliyskom i russkom yazykakh. — М. : Astrel' : AST, 2009. 479 s.

4. Kakzhanova E. M. Lingvokognitivnye i kul'turologicheskie osobennosti nauchnogo diskursa (na materiale matematicheskikh i meditsinskikh terminov-eponimov) : dis. ... d-ra filol. nauk. — М., 2011. 379 s.

5. Kakzhanova E. M. Russko-anglo-nemetskiy slovar' eponimicheskikh internatsionalizmov: nazvanie i prois-

khozhdenie. Ot Avgusta do Yanki. — M. : Izd-vo IYya, 2013. 108 s.

6. Kakzanova E. M. Russko-anglo-nemetskiy slovar' eponimicheskikh internatsionalizmov: nazvanie i proiskhozhdenie. Ot A do Z. — M. : Galleya-Print, 2015a. 307 s.

7. Kakzanova E. M. Imya sobstvennoe v termine : monogr. — M. : Galleya-Print, 2015b. 292 s.

8. Kant I. Kritika chistogo razuma. — SPb. : Ika «Taym-Aut», 1993. 477 s.

9. Komarova Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2013a. 820 s.

10. Komarova Z. I. Lingvokulturologiya v usloviyakh globalizatsii nauki: metodologicheskiy aspekt // Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2013b. T. 1. S. 100—106.

11. Losev A. F. Filosofiya imeni. — M. : Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1990. 269 s.

12. Malinovskiy B. Nauchnaya teoriya kul'tury. — M. : OGI, 2000. 208 s.

О. Б. Сиротинина
Саратов, Россия

А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

ВКЛАД В ТЕОРИЮ ДИАХРОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Л. В. Балашовой «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее» (М.: Языки славянской культуры, 2014. — 496 с. — (Studia Philologica)). Рецензируемая монография — это, с одной стороны, своего рода итог многолетней деятельности автора, а с другой — концепция дальнейшего развития отечественной метафорологии.

Диахроническое сопоставление политической метафоры направлено на рассмотрение взаимодействия тенденций к стабильности и динамике, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами, к чередованию периодов интенсивного развития и периодов относительной стабильности. Стабильность, традиционность метафорической картины мира проявляется в том, что арсенал политических метафор имеет устойчивое ядро, которое сохраняется с глубокой древности.

Метафору можно рассматривать в разных ракурсах, в том числе как способ познания и объяснения действительности. Л. В. Балашова обращается к истокам отечественной системы метафор, начиная от древней метафоризации движения и изменения, которую можно считать развитой уже в XI в., и, проходя сквозь эпохи, достигает нашего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафора; метафорология; русская метафора; историческая метафорология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11, к. 310; e-mail: skunak@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

Любовь Викторовна Балашова — один из наиболее авторитетных отечественных специалистов по метафорологии. Ее основные научные интересы сосредоточены в сфере исторического развития системы отечественных метафор с XI по XXI век. Рецензируемая монография — это, с одной стороны, своего рода итог многолетней деятельности, а с другой — концепция дальнейшего развития отечественной метафорологии.

Метафора — традиционный объект изучения лингвистов, литературоведов, философов и других гуманитариев. За тысячелетнюю историю была накоплена практически необозримая литература по самым разным вопросам, связанным с определением сущности данного явления, его структуры, функций, типологии. При этом современные теории восходят к классическому определению метафоры, данному еще Аристотелем, который видел в метафоре способ переосмысления значения слова на основании сходства.

Для авторов, как и, надеемся, для читателя, монография представляет еще и динамику, эволюцию идей и методик, используемых профессором Л. В. Балашовой. Главное же достоинство монографии, как представляется авторам настоящей рецензии, состоит в комплексном осмыслении

(можно даже сказать несколько старомодно, «освещении») одного из сложнейших и наиболее противоречивых лингвистических феноменов как в русском языке и его истории, так и в общем пространстве языков мира, составляющем, как известно, предмет дисциплины «Общее языкознание».

Особо хотелось бы отметить такие необходимые и в то же время по-настоящему редкие качества, как фундаментальность, огромный материал, глубину анализа.

Подчеркнем: мы не будем затрагивать очень многие направления мысли Л. В. Балашовой, представленные в монографии, в настоящей рецензии мы хотим проследить вклад Л. В. Балашовой в теорию диахронического развития политической метафоры.

Для начала несколько общих соображений.

Исследование диахронического развития политической метафоры — одно из интенсивно развивающихся направлений науки, находящееся на пересечении сравнительно-исторического языкознания, когнитивистики и политологии. В наиболее общем виде диахроническое сопоставление политической метафоры направлено на рассмотрение взаимодействия тенденций к стабильности и динамике, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами, к чередованию периодов интенсив-

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Сиротинина О. Б., Чудинов А. П., Нахимова Е. А., 2016

ного развития («метафорические бури») и периодов относительной стабильности («метафорические штилы»). Внимание исследователей привлекают особенности источников такой исторической стабильности и перемен, оригинальности и взаимодействия с другими культурами на разных стадиях эволюции национальных систем политических метафор (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, В. К. Харченко, Л. В. Балашова, А. П. Чудинов и др.).

Стабильность, традиционность метафорической картины мира проявляется в том, что арсенал политических метафор имеет устойчивое ядро, которое сохраняется с глубокой древности. Согласно этой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в современном мире политические метафоры во многом похожи, поскольку отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективно-бессознательного.

Так, например, начиная с самых ранних времен русская национальная политическая коммуникация характеризуется использованием метафор из таких сфер-доноров, как «Человек», «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы» «Война», «Пространственное движение» и «болезнь» (Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, О. Н. Кондратьева, А. П. Чудинов и др.).

Темпоральная стабильность дополняется значительным параллелизмом метафорической картины мира в различных регионах земного шара.

Тенденция к взаимодействию и даже глобализации национальных систем политических метафор отражается в том, что подобные метафоры могут быть выявлены в разных культурах. Выводы А. Харви [Harvey 1999], который изучал историю политической метафоры «ГОСУДАРСТВО — ОРГАНИЗМ», весьма показательны. Исследование показывает, что такая интерпретация государства является одной из старейших метафор в истории человечества. Использование антропоморфной метафорической модели можно проследить со старейших религиозных текстов. Например, в Ригведе описывается, как священники вышли изо рта прото-человека, солдаты — из его рук, пастухи — из бедер, фермеры — из ног. В Ветхом Завете пророком Даниилом — при интерпретации вещего сна Навуходоносора — используется метафора человеческого тела. Использование прагматической силы антропоморфной метафоры можно проследить как в Древнем мире и в средневековых текстах, так и в современную эпоху. Джон Солсбери предложил следующий метафорический об-

раз государства: князь является головой; руководящие органы — сердцем; судьи — глазами, ушами и языком; солдаты — руками; крестьяне — ногами; сборщики налогов — желудком. Это изображение широко эксплуатировалось П. Сидни, Б. Барнсом и Ф. Бэконом.

Метафоры болезни также неоднократно использовались в различных политических ситуациях, даже если мишень метафоризации менялась в зависимости от политической обстановки.

Среди причин сходства метафор в разных культурах исследователи указывали на стабильные детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективно-бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была сформулирована Майклом Осборном и исследователями, близкими к его концепции, в теории архетипических метафор [Osborn 1967; Osborn 1977]. М. Осборн прежде всего опирался на бихевиористские научные методы, хотя в целом методологическое обоснование таких выводов можно найти в ряде других теорий (структурализм В. Проппа, историческая поэтика А. Веселовского, аналитическая психология К. Юнга, экспериментальный реализм и тезис о «воплощении сознания» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Когнитивная теория стабильности и изменений в политической метафорике была оформлена в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающей средой [Lakoff, Johnson 1980]. Таким образом, анатомо-физиологические сходства представителей homo sapiens, определяющие — до известной степени — их модели мышления, обеспечивают основу метафорической универсальности. Между тем, критикуя теорию концептуальной метафоры, важно помнить, что, в соответствии с теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальные метафоры соотносятся с основными понятиями определенной культуры, которая в целом не может ни преодолеть недостатки культурной универсальности, ни объяснить причины диахронической вариативности политической метафорики.

Конечно, особый интерес представляют российские исследования динамики политических метафор, как и вопрос об исторической эволюции русских (советских) политических метафор. Уже в первых российских исследованиях по этому вопросу было заявлено, что в эпоху Сталина преобладали метафоры войны и механизмов; в эпоху Брежнева на первый план вышли метафоры род-

ства, в то время как метафоры домашнего хозяйства и строительства были характерны для периода перестройки [Баранов, Караулов 1991; 1994]. Соответственно, метафоры из таких сфер, как театр, секс, преступный мир, монархия, стали распространенными в президентство Бориса Ельцина [Чудинов 2001, 2012].

В последние годы проблемы исторической эволюции политических метафор широко исследовали представители уральской лингвистической школы [Alekseeva, Mishlanova, Nakhimova, Chudinov 2014].

Э. В. Будаев предлагает метод фрагментации дискурса с комбинированным шагом для анализа эволюции русской политической метафоры XXI в. [Будаев 2010, 2009]. Эта методика предусматривает погодовой анализ частотности метафор на первом этапе и поэтапный анализ — на втором.

Анализ метафор болезни в корпусе из 67 200 российских медиатекстов показал, что частота метафор смерти постепенно уменьшается в 2000—2006 гг., но увеличивается в 2007 г. — накануне глобального финансового кризиса. Эти результаты коррелируют с представлениями российских граждан о социально-экономических улучшениях, которые произошли за время президентства В. В. Путина. В то время как в конце XX в. метафорическая модель «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» была преобладающей [Чудинов 2001], в начале XXI в. произошло существенное снижение количества концептуальных векторов нежелательных событий [Балашова 2013; Баранов 2014]. Монография Л. В. Балашовой стала своего рода энциклопедией истории русской метафорики.

Метафору можно рассматривать в разных ракурсах, и в данном случае автора интересует это явление преимущественно как способ познания и объяснения действительности. Л. В. Балашова решает проблему, начиная от древней метафоризации движения и изменения, которую можно считать развитой уже в XI в., и, проходя сквозь эпохи, достигает нашего времени. Здесь, «поскольку политический язык всегда является инструментом манипулирования человеческим сознанием» и «важной составляющей этого направления становится выявление связей между языком, властью и идеологией», исследовательницу более всего интересует бытование метафоры в политическом дискурсе.

Для нас особенно важно авторское видение принципов диахронического исследования метафоры. В поисках истоков современной теории Л. В. Балашова обращается к

созданным еще в конце XIX в. трудам Н. В. Крушевского, который сформулировал закон «соответствия мира слов миру мыслей» и доказал, что изменения значений слов во многом зависят от динамики «наших представлений о реальной действительности». Важную роль для исторической метафорологии представляют идеи М. М. Покровского, который на рубеже XIX и XX вв. неоднократно подчеркивал системный характер развития словесной семантики. Вместе с тем Л. В. Балашова справедливо отмечает взаимодействие системных и асистемных тенденций как в синхронном состоянии языка, так и в его развитии. Исследователь подчеркивает необходимость учитывать особенности культуры народа, реалии, сопровождающие носителей языка, а также взаимодействие языческой и христианской культур, славянских и византийских традиций метафоротворчества.

Использование древнерусских текстов для анализа политической метафоры позволяет автору определить специфические характеристики данной эпохи. Например, при создании образа современного политика метафоры используются преимущественно для описания его внешности, манеры поведения, политических решений, которые он принял, результатов политических реформ и т. д., в то время как древнерусские тексты прежде всего давали характеристику внутреннего мира политического деятеля: души, сердца, ума, совести. В борьбе за власть политика это его этика, мораль, достоинства/недостатки внутреннего мира, соответствие этическим нормам времени, а не политические программы и идеология, которые являются основными аргументами политических оппонентов.

Автор подробно рассматривает историю метафорической номинации в объектной и неobjектной сферах, характеризует различные семантические типы именных и глагольных метафор, раскрывает особенности исторического развития ряда метафорических моделей (движения во времени и пространстве, антропоморфных и социоморфных метафор, сенсорных метафорических субполей и т. д.).

Для нашего журнала особенно важно описание современной системы политических метафор как последовательного этапа в развитии русской лексики в ее взаимодействии с другими языками. Автор показывает, что нынешние российские политические метафоры, как правило, обращаются к традиционным моделям. В частности, широко эксплуатируются антропоморфные, натуралистические и пространственные модели, ме-

тафоры болезни, спортивных соревнований и физического воздействия.

В параграфах, посвященных преимущественно социальным метафорам, эти идеи получают дальнейшее развитие, при этом, как уже было сказано, в плане четкости анализа, стройности моделирования процессов метафоризации можно говорить о настоящем качественном шаге вперед. Особенно интересна в этом плане глава, посвященная «родственным» метафорам в русском языке XI—XV вв. Как и следовало ожидать, огромное количество современных политических метафор (в текстах СМИ, политических блогах и т. д.) реализуют именно эту модель. Не можем не упомянуть в этой связи когнитивный анализ (обыгрывание «родственной» когнитивной матрицы), которому автор подвергает, например, шовинистическое стихотворение Анастасии Дмитрук «*Никогда мы не будем братьями*», а также тексты ее политических противников, например: «*Крым это такая семейная драма. Ребенок после развода родителей остался с бедной матерью-истеричкой. Она бездельничала, выла, покрикивала на дитё и ничего хорошего для него не делала. Тут внезапно появился сильный отец, показал взбалмошной мамаше кулак, сказал дитю, что в институт его определит и не даст пропасть. Юридически отцу очень сложно будет стать опекуном, но моральное преимущество на его стороне*» (Всеволод Непогодин).

Русская национальная система политических метафор может быть охарактеризована, с одной стороны, тенденцией к сохранению культурной самобытности, а с другой — тенденцией к взаимодействию с другими системами политических метафор, характерных для других культур. В зависимости от дискурсивных условий в определенные периоды та или другая тенденция может преобладать.

Динамика национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного роста («метафорические бури») уступают место периодам относительной стабильности («метафорические затишья»). «Метафорические бури», как правило, совпадают с периодами политических потрясений (а иногда даже сигнализируют о будущих политических преобразованиях), в то время как «метафорические затишья»,

как правило, встречаются в периоды политической стабильности.

Возвращаясь к монографии Л. В. Балашовой и, так сказать, особенностям ее восприятия авторами настоящей рецензии, с сожалением приходится отметить только одну вещь: вышедшая практически одновременно с данным трудом (и в том же издательстве «Языки славянской культуры») монография А. Н. Баранова «Дескрипторная теория метафоры» [Баранов 2014], естественно, не могла еще быть учтена в монографии Л. В. Балашовой. Но монография А. Н. Баранова и публикации Л. В. Балашовой друг друга не повторяют, а дополняют. Их взаимное влияние и обогащение — в качестве пожелания на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI—XX веков) : дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 1999.
2. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11—22.
3. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
4. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М.: Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
5. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с. (Studia philologica).
6. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991.
7. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994.
8. Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. 276 с.
9. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Наука : Флинта, 2012.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.
12. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A., Chudinov A. P. Research of metaphor in the Ural linguistic school // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 315—319.
13. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85—93.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.
15. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115—126.
16. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 347—363.

O. B. Sirotinina
Saratov, Russia

A. P. Chudinov, E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

CONTRIBUTION TO THE THEORY OF DIACHRONIC DEVELOPMENT OF POLITICAL METAPHOR

ABSTRACT. *The article presents a review of the monograph by L.V. Balashova "Russian Metaphor: the Past, the Present and the Future" (Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2014. – 496 p. (Studia Philologica)). The monograph under review is, on the one hand, a kind of result of the author's many years of scientific activity; on the other hand, it presents a conception of further development of domestic metaphorology.*

The diachronic comparison of political metaphor is aimed at the study of interaction between the tendencies for stability and dynamics, for preservation of the cultural originality and interaction with other cultures, for alternation of periods of intensive development and times of relative stability. Stability and traditionality of the metaphorical worldview is manifested in the fact that the arsenal of political metaphors has a stable nucleus which has been kept in the language since ancient times.

Metaphor can be studied from different angles, including its interpretation as a means of cognition and explanation of real facts. L.V. Balashova turns to the sources of the Russian system of metaphors, starting from the ancient metaphorization of movement and change which can be regarded as developed enough as early as in the 11th century and which, passing through epochs reaches our times.

KEYWORDS: *political metaphor; metaphorology; Russian metaphor; historical metaphorology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sirotinina Olga Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Speech Communication, National Research Saratov State University, Saratov, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nakhimova Elena Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Balashova L. V. Rol' metaforizatsii v stanovlenii i razvitiі leksiko-semanticheskoy sistemy (na materiale russkogo yazyka KhI—XX vekov) : dis. ... d-ra filol. nauk. — Saratov, 1999.
2. Balashova L. V. Politicheskii 2012 god v zerkale konseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 11—22.
3. Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 496 c. (Studia Philologica).
4. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitiі: XI—XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014. 632 c. (Studia Philologica).
5. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 s. (Studia philologica).
6. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovari. — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991.
7. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M. : Pomovskiy i partnery, 1994.
8. Budaev E. V. Metaforicheskiy obraz Rossii v sovremennom mire / Ural. gos. ped. ug-t. — Ekaterinburg, 2009. 276 s.
9. Budaev E. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2010.
10. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Nauka : Flinta, 2012.
11. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001.
12. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A., Chudinov A. P. Research of metaphor in the Ural linguistic school // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 315—319.
13. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review. 1999. Vol. 275 (1603). P. 85—93.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.
15. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115—126.
16. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 347—363.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научное направление:

10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer= 366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2016. ВЫПУСК 1 (55)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 24.02.2016. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 24,6. Усл. печ. л. — 24,8. Тираж 500 экз. Заказ 4649.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru